

Дин Кунц Шорохи

Аннотация

Одинокая женщина Хилари Томас становится жертвой преследований маньяка. В отличие от прочих его жертв Хилари сумела постоять за себя и убила монстра. Но, похоже, безжалостный убийца не собирается оставлять ее в покое даже после смерти...

Роман «Шорохи» стал настоящим прорывом в творчестве Дина Кунца. С момента его выхода каждая новая книга автора становилась бестселлером. Роман послужил литературной основой одноименного кинофильма.

Дин Кунц Шорохи

Часть I Живые и мертвые

Силы, воздействующие на нашу судьбу, формирующие наш характер, — как шорохи в ночи: так же тревожны, властны и неразличимы.

Чарльз Диккенс

Глава 1

На рассвете во вторник Лос-Анджелес пережил первый слабый толчок. В окнах задребезжали стекла; зазвенели подвешенные к карнизам колокольчики — но не от ветра. В некоторых квартирах с полок попадала посуда.

В утренние часы радио постоянно передавало информацию о землетрясении. К концу времени пик эта новость отошла на третий план: ее оттеснили репортажи о террористических актах в Риме и отчет о столкновении пяти автомашин на магистрали Лос-

Анджелес – Санта-Моника. Почему бы и нет? Ведь не рухнуло ни одно здание. К полудню лишь горстка лосанджелесцев (большей частью из переехавших сюда в последние годы) все еще считала это событие достойным небольшого обсуждения за обедом.

* * *

Человек в дымчато-сером фургоне марки «Додж» даже не почувствовал толчка. В это время он катил по автомагистрали, приближаясь к Лос-Анджелесу со стороны Сан-Диего. В движущейся автомашине можно ощутить только очень сильные толчки. Так что он ничего не знал о землетрясении до тех пор, пока не остановился позавтракать в какой-то закусочной и не услышал, как о нем говорят другие посетители.

Он сразу понял, что землетрясение – знамение, предназначенное лично для него. Оно должно было либо утвердить его в успехе предстоящей ему в Лос-Анджелесе миссии, либо предупредить о неудаче. Но все-таки что именно?

Он ломал над этим голову все время, пока ел. Это был крупный, сильный мужчина ростом в шесть футов четыре дюйма и весом в триста фунтов, сплошные мускулы. На еду он потратил целых полтора часа, заказав для начала яичницу из двух яиц с ветчиной, картофель фри, тосты и стакан молока. Он медленно, методично пережевывал пищу, целиком сосредоточившись на этом занятии. Разделавшись с первой порцией, потребовал горку оладий и еще молока. За оладьями последовал омлет с сыром и тремя кусочками канадского бекона, снова тосты и апельсиновый сок.

Такой необычный клиент вызвал живой интерес и послужил основной темой разговоров на кухне. Его обслуживала разбитная рыжая официантка по имени Хелен, но и другие девушки нашли предлог пройти мимо столика и бросить на верзилу оценивающий взгляд. Это не ускользнуло от его внимания, но оставило равнодушным.

Когда клиент попросил счет, Хелен попыталась завязать разговор:

– Вы, должно быть, лесоруб или что-нибудь в этом роде?

Посетитель поднял на нее глаза и изобразил деревянную улыбку. Хотя он впервые в жизни был в этой закусочной и видел Хелен, он знал, что она скажет дальше. Все это ему приходилось слышать сотни раз.

Девушка захихикала, не спуская с него голубых глаз.

– Я почему говорю: лопаете за троих.

– Наверное.

Хелен стояла, опершись бедром на столик, слегка наклонившись к мужчине и недвусмысленно давая понять, что он может рассчитывать...

– И в то же время, – продолжила она, – ни одной унции лишнего жира.

Все так же улыбаясь, он думал: интересно, какова она в постели? Мысленно он уже сгреб ее в охапку, повалил и грубо ворвался в нее – а затем почувствовал свои руки на ее горле. Давить, давить, давить – пока у нее не побагровеет лицо и глаза не выкатятся из орбит!..

Хелен задумчиво смотрела на него, словно прикидывая, удовлетворяет ли он ее требованиям – иначе говоря, соответствует ли его сексуальный аппетит тому, какой он только что продемонстрировал за столом?

– Вы, должно быть, занимаетесь спортом?

– Качаюсь, – ответил он.

– Как Арнольд Шварценеггер?

– Ага.

У девушки была хрупкая, изящная шея. Он мог бы переломить ее, как сухую веточку. Эта мысль сделала его счастливым.

– Наверное, ты силен как бык, – одобрительно заметила девушка. На посетителе была тенниска с короткими рукавами, и она пальчиком потрогала его руку ниже локтя. – Сколько бы ни съел, все уходит в мускулатуру.

- Вот именно. И еще дело в обмене веществ.
- Да?
- Масса калорий сгорает, переходя в нервную энергию.
- Да ну? – поразилась Хелен. – Ты разве нервный?
- Все время начеку, как сиамский кот.
- Не может быть. Бьюсь об заклад, тебя ничто не выведет из себя.

Хелен была эффектной женщиной под тридцать, то есть на десять лет моложе его. Стоит ему захотеть – и он может иметь ее. Сначала она похнычет из-за грубого обращения, а потом убедит себя, что он поступает с ней, как Ретт со Скарлетт, и позволит повалиться на диван. Разумеется, после акта ее придется убить: вонзить нож в соблазнительную грудь или перерезать горло, – но ему не хотелось отвлекаться. Не стоит она того, чтобы он зря рисковал. Эта девушка не в его вкусе: он не любит убивать рыжих.

Он отвалил ей щедрые чаевые, заплатил по счету в кассу и, бросив Хелен на прощание: «Увидимся!» – вышел из закуской.

После прохлады, создаваемой кондиционером, сентябрьская жара навалилась на него, как горячая подушка. Идя к своему фургону, мужчина чувствовал на себе взгляд Хелен, но не обернулся.

Доехав до торгового центра, он припарковал машину в дальнем углу стоянки, подальше от магазинов. Забрался на заднее сиденье, опустил бамбуковую штору, отгораживающую салон от грузового отделения, и растянулся на толстом, драном, коротковатом для него матрасе. Ему пришлось гнать всю ночь без остановки, от самой Санта-Елены. Теперь, после плотного завтрака, на него напала сонливость.

Через четыре часа он проснулся от кошмара, весь в поту. Его бросало то в жар, то в холод; одной рукой он вцепился в матрас, а другой хватался за воздух, пытаясь кричать, но у него не было голоса.

Сначала он не сообразил, где находится. В задней части машины было совсем темно, если не считать трех узеньких полосок света, пробивавшегося сквозь бамбуковую штору. Воздух был горячим и спертым. Человек сел, нащупал рукой металлическую крышу, напряг зрение и наконец сориентировался. Мысль о том, что он лежит в фургоне, принесла ему облегчение.

Он попытался вспомнить свой кошмар, но не смог. В этом не было ничего необычного: едва ли не каждую ночь он просыпался с пересохшим горлом и бешено колотящимся сердцем, но ни разу не сумел вспомнить, что именно повергло его в такой ужас.

Хотя он и знал теперь, где находится, темнота по-прежнему действовала ему на нервы. Кто-то, шурша, подкрадывался к нему, и у него, как всегда в таких случаях, начали подниматься волосы на затылке. Он поднял штору и некоторое время усиленно моргал, приспособливаясь к яркому свету. Потом наклонился и поднял с пола что-то, завернутое в кусок замши, а под ней еще в несколько тряпок. Наконец он добрался до содержимого – пары огромных, очень острых ножей. Дома он потратил немало времени на их заточку. Взяв в одну руку нож, человек испытал странное, очень приятное чувство, как будто это был заколдованный меч чародея, обладающий магической силой.

Сквозь крону пальмы пробивались солнечные лучи и, слепя, отражались на поверхности лезвия. Тонкие губы человека в «Додже» раздвинулись в злорадной усмешке. Несмотря на кошмарный сон, отдых придал ему сил. Он чувствовал себя освеженным и уверенным в себе. Утреннее землетрясение могло означать лишь то, что в Лос-Анджелесе его ожидает успех. Он разыщет ту женщину. Доберется до нее. Сегодня или, самое позднее, в среду. При мысли о ее теплой и безупречно гладкой коже его ухмылка перешла в зловещий оскал.

* * *

Во вторник, ближе к вечеру, Хилари Томас отправилась за покупками в район Беверли-

Хиллз. Вернувшись домой, она оставила свой светло-кофейный «Мерседес» на небольшой стоянке в виде подковы. Теперь, когда модельеры вновь разрешили женщинам быть женственными, Хилари радовалась, что смогла купить множество нарядных платьев, каких не было в магазинах в пору повального увлечения одеждой чуть ли не солдатского образца. Ей понадобилось трижды ходить в дом и возвращаться за новой партией покупок.

Доставая из машины последний сверток, Хилари почувствовала на себе чей-то взгляд. Она огляделась по сторонам. Заходящее солнце залило все вокруг золотистым светом. На газоне играли двое ребяташек. По тротуару семенил коккер-спаниель. Кроме ее «Мерседеса», неподалеку стояли еще две легковушки и крытый фургон, но во всех трех машинах как будто никого не было.

– Ведешь себя как идиотка! – обругала она сама себя. – Кому ты нужна?

И все-таки, отнеся домой последний пакет и вернувшись, чтобы завести машину в гараж, Хилари вновь почувствовала, что за ней следят.

* * *

Около полуночи, читая в постели, Хилари услышала слабый шум внизу. Она отложила книгу и прислушалась.

Шелест раздавался со стороны кухни, в районе черного хода. Прямо под ее спальней.

Хилари встала с постели и надела купленный сегодня халат из синего шелка.

В верхнем ящике ночной тумбочки она хранила автоматический пистолет тридцать второго калибра. Хилари извлекла его оттуда и немного помедлила, прислушиваясь.

Она ужасно глупо себя чувствовала. Наверное, дом дает усадку – такое случается. А с другой стороны, она прожила здесь шесть месяцев и ни разу не слышала никакого шороха.

Хилари вышла на лестничную клетку и всмотрелась в темноту первого этажа.

– Кто здесь?

Ей ответила тишина.

Держа перед собой пистолет, тяжело дыша и тщетно пытаясь унять дрожь, она спустилась по лестнице, пересекла гостиную и включила свет. Станные звуки не прекратились, но в кухне никого не оказалось. Все выглядело в точности как всегда. Крашеный пол из сосновых досок. Горка из такой же сосны, с керамической окантовкой. Выложенные белой плиткой полки. Сверкающие чистотой кастрюли и прочая утварь. Ни единого признака, что здесь побывал чужой.

Она задержалась на пороге и снова прислушалась. Ничего. Только нервное гудение холодильника.

Набравшись храбрости, Хилари приблизилась к задней двери. Та оказалась на запоре. Она включила свет во дворике позади дома и подняла штору. Снаружи, по правую руку от нее, мерцала водная гладь бассейна. По левую расположился розарий; яркие лепестки флуоресцировали среди темной зелени. Всюду царили тишина и покой.

«Определенно дело в усадке, – решила она. – Тьфу! Я становлюсь мнительной, точно старая дева».

Хилари приготовила сандвич и взяла на кухне бутылку холодного пива. Она не стала выключать свет: это должно отпугнуть налетчика, если такой объявится.

Хилари стало стыдно. Она хорошо понимала, что с ней творится. Страх проистекал из застарелого комплекса «Я-не-заслуживаю-такого-счастья». Она давно знала его за собой. Когда-то она явилась в Лос-Анджелес ниоткуда и ничего собой не представляя, зато теперь у нее было все. В глубине души Хилари боялась, что бог однажды спохватится и решит, что она недостойна свалившихся на нее благ. И тогда ее постигнет суровая кара. Вся жизнь разлетится вдребезги. Она лишится всего: дома, автомобиля, счета в банке... Эта новая жизнь слишком хороша, чтобы быть правдой. И уж во всяком случае – чтобы продолжаться вечно.

Так вот – нет! Нет, черт побери! Хватит заниматься самоудовольствием, убеждая себя, будто дело в одном лишь везении. Удача тут ни при чем. Рожденная в доме, где разбиваются

сердца, вскормленная не молоком и лаской, а постоянной тревогой, ненавидимая отцом и еле-еле терпимая матерью, выросшая в атмосфере безысходности и жалости к себе, она долго не знала своей настоящей цены.

Но это пройденный этап. Она полностью излечилась. И не допустит, чтобы старые сомнения взяли над нею верх, не позволит отобрать у себя этот дом, машину и деньги, заработанные упорным трудом, завоеванные талантом. Она всего достигла сама. Когда она явилась в Лос-Анджелес, она не знала здесь ни души. У нее не было ни друзей, ни родственников. Никто не осыпал ее деньгами – за красивые глаза. Лос-Анджелес ежедневно наводняли стада красоток, привлеченных блеском индустрии развлечений, – с ними обращались хуже, чем со скотиной. Хилари пробилась по одной-единственной причине: она оказалась даровитой писательницей, с богатым воображением и неумной творческой энергией. На фильмы по ее сценариям зрители валили толпами. И она сэкономила каждый цент, так что богам не за что гневаться на нее.

– Успокойся, – произнесла она вслух. – Никто и не думал ломиться к тебе в дом. Это твое воспаленное воображение.

Хилари доела сэндвич, выпила пиво и, выключив везде свет, погрузилась в крепкий сон без сновидений.

* * *

Следующий день стал самым счастливым днем в ее жизни и самым страшным.

Среда началась исключительно хорошо. На небе ни облачка. Воздух изумительно свеж и прозрачен. Стояла на удивление теплая, солнечная погода. Все вокруг поражало яркими, чистыми, как на полотнах кубистов, красками. У Хилари было такое чувство, будто вот-вот поднимется занавес и откроется новый, чудесный, запредельный мир.

Хилари Томас провела утро в саду. Эти отгороженные прочной высокой стеной пол-акра земли позади ее двухэтажного, в испанском стиле коттеджа были засажены всеми видами роз. Здесь были сорта «Фрау Карл Друсски», «Мадам Пьер Ожер», мускусная роза и множество гибридов. Сад полыхал белыми, красными, розовыми и пурпурными огнями. У некоторых роз лепестки были величиной с блюдце, у других – такие крохотные, что свободно могли пройти сквозь обручальное кольцо. Бархатная изумрудная лужайка пестрела лепестками всех оттенков.

Каждое утро Хилари по два-три часа возилась в саду. И в каком бы настроении она ни входила в сад, возвращалась она неизменно полной свежих сил и в мире с самой собой.

Разумеется, она могла нанять садовника. Первый фильм, «Проныра Пит из Аризоны», принес ей целое состояние. Он и сейчас еще время от времени шел в кинотеатрах, причем с большим успехом. Ее двенадцатикомнатный коттедж в Вествуде, на границе Бель-Эйр и Беверли-Хиллз, стоил бешеных денег, но полгода назад она смогла внести требуемую сумму. В кругах шоу-бизнеса ее считали одержимой собственницей. Да. Она и чувствовала себя одержимой. Полной планов и возможностей к их осуществлению. Это было ни с чем не сравнимое чувство. Хилари стала чертовски удачливой сценаристкой и владелицей недвижимости, так что при желании могла оплачивать труд целой армии садовников. Но она была нежно привязана к цветам и деревьям. Сад превратился в ее святая святых. Здесь она спасалась от действительности.

Детство Хилари прошло в ветхом многоквартирном доме на одной из беднейших окраин Чикаго. Даже теперь, здесь, в Лос-Анджелесе, отдыхая душой и телом в благоухающем розарии, Хилари время от времени закрывала глаза и отчетливо представляла себе каждую подробность. Подъезд с рядами почтовых ящиков – замки посбивали воры, искавшие денежные переводы. Узкие, плохо освещенные коридоры. Унылые каморки с потертой мебелью. Крохотная кухонька с древней газовой горелкой, обещавшей вот-вот взорваться. Хилари жила в постоянном страхе перед пожаром. Холодильник пожелтел от времени; его урчащий, перегретый мотор привлекал всякую живность, из-за чего отец

называл их квартиру заповедником. В эту минуту, в своем прекрасном саду, Хилари вспомнила «заповедник» и содрогнулась. Хотя они с матерью драили все четыре комнаты до блеска, выплескивая бешеные количества инсектицидов, им так и не удавалось избавиться от тараканов, проникавших сквозь щели соседних квартир, где обитали далеко не чистюли.

Ей навсегда врезался в память вид из единственного окна ее спальни, где она отсиживалась часами, пока отец с матерью ссорились. Спальня стала ее прибежищем от диких воплей и ругани, а также от тяжелой, убийственной тишины, когда родители переставали разговаривать друг с другом. Вид из окна был не особенно вдохновляющим: всего лишь прокопченная кирпичная стена дома через улицу. Окно никогда не открывалось, но если хорошо прижаться к стеклу, сплющив нос, можно было разглядеть сверху узкую полоску серебристо-голубого неба.

Не смея даже надеяться когда-нибудь сбежать из этого ада, Хилари привыкла как бы проникать взглядом сквозь кирпичную стену. Она давала волю воображению; взгляд летел дальше, она видела перед собой холмы, иногда даже Тихий океан или высоченные горные цепи. Но чаще всего перед ее мысленным взором вставал сад, созданный ее собственными руками, волшебный уголок, где было тихо и очень уютно, где росли бы аккуратно подстриженные кусты и высились ажурные решетки, увитые лианами. В мечтах она расставляла в саду легкую плетеную мебель. Тенты в яркую полоску надежно защищали от зноя. Под ними сидели нарядные женщины и мужчины в легких костюмах и, наслаждаясь напитками со льдом, вели непринужденную беседу.

«И вот я живу в этом доме, – подумала Хилари. – Сон обернулся явью. Я здесь полноправная хозяйка».

Ей было не в тягость ухаживать за розами и другими растениями: наоборот, Хилари считала это удовольствием, а не работой. Каждая минута, проведенная среди цветов, уносила ее все дальше от кошмарных воспоминаний детства.

В полдень Хилари отложила садовый инструмент и приняла горячий душ. У нее было такое чувство, словно вместе с паром улетучиваются не только грязь и усталость, но и тяжелые воспоминания. В их убогом чикагском жилище в ванной протекали все краны и регулярно засорялись раковины. И никогда не было вдоволь горячей воды.

Сидя в застекленном патио, Хилари съела легкий обед. Доедая бутерброд с сыром и закусывая яблоками, просмотрела пару утренних газет, пишущих о шоу-бизнесе: «Голливудский репортер» и «Дейли Вэрайти». В «Репортере», в колонке Хэнка Гранта, значилось ее имя – среди деятелей шоу-бизнеса, отмечающих сегодня свой день рождения.

Для женщины, которой только что исполнилось двадцать девять лет, она многого достигла.

Сегодня решалась судьба ее нового сценария. К концу дня руководство студии «Уорнер Бразерс» должно было либо согласиться купить его, либо отвергнуть. Хилари и ждала телефонного звонка, и боялась разочарования. Этот сценарий был ей дороже всех предыдущих.

Она взялась за него, не имея никаких гарантий, повинувшись творческому импульсу, и твердо решила продать его, только если ей разрешат стать одним из постановщиков и предоставят право решающего голоса при окончательном монтаже картины. «Уорнер Бразерс» уже делали намеки на баснословный гонорар, если она откажется от этих требований. Хилари отдавала себе отчет в том, что слишком многого хочет, но успех двух предыдущих фильмов по ее сценариям доказал, что, возможно, ее претензии не так уж и безосновательны. Что говорить, компании будет нелегко согласиться на ее участие и контроль за производственным процессом, но подлинным камнем преткновения, конечно же, станет ее желание самой решать судьбу каждого кадра и каждого нюанса. Это право испокон веку было прерогативой совета директоров, которые регулярно подтверждали свою компетентность, выпуская одну за другой сверхкассовые картины. Такая честь практически никогда не предоставлялась начинающему режиссеру, тем более женщине. Упорство, с которым Хилари добивалась контроля над творческим процессом, могло стать

непреодолимым препятствием к заключению контракта.

Чтобы отвлечься от дум о судьбе сценария, Хилари провела послеобеденное время в своей студии, выходящей окнами на бассейн. Здесь стоял массивный дубовый письменный стол с дюжиной ящиков. Кроме настольной лампы, комнату освещали два стоявших на пианино бронзовых подсвечника. Хилари изо всех сил старалась сосредоточиться на статье для «Филм Коммент», но ее мысли витали далеко отсюда.

В четыре часа зазвонил телефон, и Хилари вздрогнула, несмотря на то что целый день ждала этого звонка. На проводе был Уолли Топелис.

– Это твой агент, детка. Необходимо поговорить.

– Разве мы уже не разговариваем?

– Я имею в виду, глаза в глаза.

– Ясно, – мрачно вымолвила она. – Плохие новости.

– Я этого не говорил.

– В противном случае ты бы сообщил мне, как обстоят дела, прямо по телефону. «Глаза в глаза» означает, что ты хочешь подсластить пилюлю. Помочь мне перенести удар.

– Ну и паникерша же ты!

– «Глаза в глаза» означает, что ты будешь держать меня за руку и отговаривать от самоубийства.

– Какое счастье, что твоя склонность к мелодраме никак не отражается на сценариях.

– Если «Уорнерсы» ответили «нет», так прямо и скажи.

– Они еще не пришли к окончательному решению, мой ягненочек.

– Понятно.

– Ты будешь слушать, в конце концов? Ничего еще не решено. Я полон надежд и хочу обсудить с тобой наши следующие шаги. Вот и все. Мне абсолютно не в чем каяться. Можешь встретиться со мной через полчаса?

– Где?

– В отеле «Бeverли-Хиллз».

– Ресторан «Поло Лаундж»?

– Естественно.

* * *

Заворачивая за угол и таким образом оставляя позади бульвар Заходящего Солнца, Хилари подумала: как странно, почти нереально выглядит отель «Бeverли-Хиллз» – будто рожденный зноем мираж в пустыне, всей своей громадой нависший над величественными пальмами. Сказочное зрелище! Всякий раз, подъезжая к этому зданию, Хилари обнаруживала, что его розовая отделка выглядит далеко не так кричаще, как она представляла издали. Полупрозрачные стены излучали мягкий свет, шедший изнутри. Отель был по-своему элегантен, хотя в нем и было что-то от декаданса. Перед главным входом служители в униформе встречали гостей, чтобы заняться их машинами. Здесь уже стояли два «Роллс-Ройса», три «Мерседеса» и алый «Мазерати».

«Долгий путь от чикагской окраины», – подумала Хилари и счастливо улыбнулась.

Войдя в зал ресторана «Поло Лаундж», она увидела с полдюжины знаменитых голливудских актеров и актрис, а также двоих преуспевающих продюсеров, однако ни один из них не сидел за столиком номер три. Это место считалось самым удобным, так как отсюда хорошо просматривался вход. Сейчас за этим столиком восседал Уолли Топелис – один из всемогущих агентов по рекламе; ему удалось очаровать метрдотеля – точно так же, как всех, с кем он когда-либо имел дело.

Это был невысокий худощавый человек лет пятидесяти, очень элегантный, с густой седой шевелюрой и пышными усами. Именно такой человек должен был сидеть за столиком номер три. В эту минуту он разговаривал по специально для него установленному телефону. Завидев Хилари, он поспешил закончить разговор и, положив трубку на рычаг, поднялся ей

навстречу.

– Ты, как всегда, очаровательна.

– А ты, как всегда, в центре внимания.

Уолли ухмыльнулся и тихим, заговорщицким тоном произнес:

– На нас все смотрят.

– Еще бы.

– Украдкой, – продолжил он.

– Да уж, конечно.

– Делают вид, будто им нет до нас никакого дела. – Уолли Топелис упивался своим триумфом.

– Мы тоже не покажем виду, будто что-то заметили, – подхватила Хилари, садясь за стол.

– Ни в коем случае.

– Это было бы пошло.

– Вне всяких сомнений!

Хилари вздохнула.

– Я никогда не могла понять, почему один столик считается более привилегированным, чем другие.

– Мне самому смешно, но я это понимаю, – уже серьезно произнес Уолли. – Что бы там ни говорили Маркс и Энгельс, а классовые различия у людей в крови, особенно если общество ставит во главу угла не происхождение, а деньги и жизненный успех. Где бы мы ни очутились, мы тотчас воздвигаем классовые барьеры – даже в ресторане.

– Кажется, я угодила на одну из знаменитых лекций Топелиса.

В это время официант принес сверкающее ведерко со льдом и установил на треножнике рядом с их столиком. Очевидно, Уолли взял на себя ответственность за их сегодняшнее меню, не дожидаясь ее прихода.

– Это не лекция, – возразил он, когда официант снова исчез. – Так, житейское наблюдение. Люди не могут не делиться на классы.

– Почему?

– Прежде всего потому, что, кроме естественных, жизненно важных потребностей в еде и крыше над головой, существуют и другие, не менее сильные, которые побуждают их к действию. Если существует район, в котором живут сливки общества, человек вкалывает на двух работах, лишь бы заработать побольше денег и поселиться в том же районе. Если один автомобиль престижней другого, мужчина – или женщина, в данном случае пол не имеет значения, – будет трудиться не покладая рук, чтобы обзавестись точно таким же. И если в «Поло Лаундж» есть особый столик, каждый старается разбогатеть и прославиться – пусть даже это будет дурная слава, – чтобы получить на него право. Эта страсть, даже мания, достичь более высокого общественного статуса является сильнейшим стимулом к расширению производства, увеличению общественного богатства, созданию новых рабочих мест. Если бы Генри Форд не поставил перед собой задачу пробиться, он ни за что не создал бы компанию, которая ныне дает работу десяткам тысяч других людей. Классовые различия – двигатель прогресса; это они помогают нам поддерживать высокий жизненный уровень и придают смысл невыносимому подчас труду.

Хилари покачала головой.

– Если человек занимает лучшее место в зале ресторана, это еще не делает его более совершенным.

– Назови это символом совершенства.

– Не вижу смысла.

– Тогда смотри как на увлекательную игру.

– А на тебя – как на игрока экстра-класса.

Уолли самодовольно улыбнулся.

– Ты думаешь?

– А я вот, кажется, никогда не научусь в нее играть.

– Научишься, ягненочек. Конечно, в этой игре много глупого, но она идет на пользу бизнесу. Никто не хочет связываться с неудачником. Зато всякий стремится играть с тем, кто занимает престижный столик в «Поло Лаундж».

Хилари не знала другого такого человека, который мог бы назвать женщину ягненочком и при этом не задеть снисходительностью тона и не заслужить упрека в заискивании. Будучи ростом с жокея, Уолли чем-то напоминал ей Кэрри Гранта в фильме «Поймать вора» – или как он там назывался? Он перенял у Гранта хорошие манеры, походку, жестикуляцию, даже взгляд, исполненный лукавства, – как будто жизнь казалась ему тонкой игрой.

К ним снова подошел официант. Уолли назвал его Юджином и задал несколько вопросов о детях. Юджин явно симпатизировал ее кавалеру, и Хилари подумала, что, наверное, «занимать престижный столик в «Поло Лаундж» включает в себя и приятельское обращение со слугами.

Юджин передал Уолли бутылку шампанского. Хилари бросила взгляд на этикетку.

– «Дом Периньон»?

– Для тебя – только самое лучшее, моя прелесть.

Юджин сорвал фольгу и начал раскручивать проволоку, державшую пробку.

Хилари помрачнела.

– Вот теперь я на сто процентов уверена, что у тебя плохие новости.

– Что заставляет тебя так думать?

– Стодолларовое шампанское... Должно быть, оно призвано смягчить мою душевную боль, пролиться бальзамом на раны сердца.

Хлопнула пробка. Юджин прекрасно справился со своей задачей: пролил всего несколько капель.

– Какая же ты пессимистка, – упрекнул Уолли.

– Реалистка, – поправила она.

– Любая другая на твоём месте запищала бы: «Ах, шампанское! Что мы празднуем?»

Но только не Хилари Томас.

Юджин плеснул ему на пробу шампанского. Уолли пригубил и одобрительно кивнул.

– Празднуем? – переспросила Хилари. Такая возможность не приходила ей в голову. Она вдруг почувствовала слабость.

– Вот именно, празднуем, – подтвердил Уолли.

Юджин торжественно, не спеша наполнил их бокалы и поместил бутылку в ведро со льдом. Ему явно хотелось послушать, что скажет Уолли.

По-видимому, и Уолли не возражал против того, чтобы приятная новость как можно скорее стала достоянием гласности. Ухмыльнувшись, как Кэрри Грант, он слегка наклонился к Хилари и произнес:

– Договор с «Уорнер Бразерс» у нас в кармане.

Хилари моргнула, открыла рот и не нашла что сказать.

– Не может быть.

– Может.

– Это так просто не делается.

– Говорю тебе, договор у нас в кармане.

– Они не дадут мне ставить.

– Дадут.

– Тогда не позволят участвовать при окончательном монтаже картины.

– Позволят.

– О господи!

Хилари потеряла дар речи. Юджин поспешил поздравить их и смыться. Уолли рассмеялся и чуточку укоризненно покачал головой.

– Могла бы сыграть и получше. Сейчас все станут спрашивать Юджина, что мы отмечаем, а он будет удовлетворять всеобщее любопытство. Я предпочел бы, чтобы люди

думали, что ты была абсолютно уверена в успехе. Плавая среди акул, нельзя показывать сомнения, а тем более страха.

– Ты не шутишь? Мы действительно добились, чего хотели?

– У меня есть тост. За мою самую очаровательную клиентку, с надеждой на то, что она когда-нибудь поймет, что далеко не все яблоки – червивые.

Они чокнулись. Хилари все еще мучили сомнения.

– Наверное, студия выдвинет какие-нибудь условия. Урежут финансирование. Откажут в процентах с прибыли. Что-нибудь в этом роде.

– Прекрати искать ржавые гвозди в супе!

– Мы же не едим суп.

– Очень остроумно! Я пью шампанское.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Хилари устремила задумчивый взгляд на пузырьки в бокале. У нее было такое чувство, словно из глубины ее души тоже поднимаются искристые пузырьки радости. Но какая-то часть ее существа продолжала играть роль пробки, сдерживая радость: так безопаснее. Нельзя искушать судьбу.

– Я не могу понять, – признался Уолли. – У тебя такой вид, будто сделка не состоялась. Ты хорошо расслышала, что я сказал?

Хилари улыбнулась.

– Извини. Просто... я с детских лет привыкла жить ожиданием худшего. По крайней мере, убережешься от разочарований. Если живешь с безнадежными алкоголиками, ничего другого не остается.

В глазах ее агента светилась доброта.

– Твои родители умерли. Оба. Давным-давно. Они тебе больше не угрожают. Никто не может ничего тебе сделать.

– Последние двенадцать лет я только и делаю, что убеждаю себя в этом.

– Когда-нибудь обращалась к психоаналитику?

– Два года подряд.

– Не помогло?

– Практически нет.

– Может, попробовать другого врача?

– Не в этом дело, – возразила Хилари. – Теория Фрейда имеет один недостаток. Психоаналитики убеждены, что стоит только нащупать в детских годах пациента нанесенную ему душевную травму, как он тотчас исцелится. Главное – подобрать ключ, а открыть дверь уже не составит труда. На самом деле все не так просто.

– Нужно хотеть исцелиться, – подсказал Уолли.

– И этого недостаточно.

Уолли вертел в холеной руке бокал шампанского.

– Если тебе нужно выговориться, я всегда к твоим услугам.

– Я уже столько лет плачусь тебе в жилетку.

– Ерунда. Ты почти ничего не рассказывала. Так, голые факты.

– Это не так уж интересно, – вздохнула Хилари.

– Уверяю тебя, ничего подобного! Семейная драма, рубцы на сердце, сумасшествие, убийство и самоубийство, бедная невинная крошка меж двух огней – ты, как сценаристка, знаешь: такое никогда не приедается.

Хилари жалко улыбнулась.

– Я должна сама во всем разобраться.

– Свежий взгляд со стороны никогда не помешает. Опять же – возможность излить душу...

– Я изливала ее и перед психиатром, и перед тобой...

– Неужели совсем не помогло?

– Помогло, насколько это было возможно. Дальше я должна сама встать лицом к лицу с

прошлым, без посторонней помощи. – Прядь черных волос упала ей на лицо, закрыв один глаз; Хилари нетерпеливо откинула ее за ухо. – Рано или поздно я смогу жить с высоко поднятой головой. Это вопрос времени.

Про себя она подумала: «А сама-то я в это верю?»

Уолли с минуту смотрел на нее. Потом он заговорил:

– Ну что ж. Наверное, тебе виднее. В любом случае стоит выпить. – Он поднял свой бокал. – Ну-ка, напусти на себя веселый, самоуверенный вид – пусть все эти важные господа завидуют и рвутся работать с тобой!

Хилари безумно хотелось откинуться на спинку кресла, пить шампанское «Дом Периньон», и пусть ее захлестнут волны радости! Но ей никак не удавалось полностью расслабиться. У нее было такое чувство, как будто где-то там, в темноте, притаилось что-то страшное. В свое время родители запихнули ее, совсем крошку, в тесную коробочку страха, захлопнули крышку и заперли снаружи. С тех пор она взирала на мир из этого гроба. Эрл с Эммой довели ее до тихого, но устойчивого помешательства, параноидальной шизофрении, сводящей на нет все светлое в ее жизни.

Она едва не задохнулась от ненависти к отцу с матерью. Многие годы и многие мили отделяли ее от чикагского ада, но она все еще ощущала себя его пленницей.

– Что с тобой? – мягко спросил Уолли.

– Ничего. Я в полном порядке.

– Ты очень бледна.

Хилари сделала над собой усилие, чтобы загнать страх в тайники памяти. Потом потрепала Уолли по щеке и нежно поцеловала.

– Прости. Иногда я действительно становлюсь невыносимой. Вон, даже не удосужилась поблагодарить тебя. Уолли, я счастлива, что мы заключили этот договор! Правда! Ты самый лучший агент на свете!

– Вот тут ты не ошибаешься. Но мне не пришлось чрезмерно потеть. Они пришли в такой восторг от твоего сценария, что готовы были сдать на все твои условия. Удача тут ни при чем, так же как и мои способности. Ты должна знать, детка: это все твой талант. Тебе сейчас нет равных. Ты можешь сколько влезет мучиться воспоминаниями о родителях-садистах, можешь продолжать смотреть на мир сквозь черные очки... Но мне все же хочется, чтобы ты попробовала жить иначе. Послушайся моего совета.

Ах, как ей хотелось поверить Уолли, заразиться его оптимизмом – но черные семена чикагской окраины пустили в душе Хилари зловещие побеги. Сколько бы Уолли ни расписывал прелести ее нынешнего положения, в этом раю ей мерещились все те же подстерегающие ее чудовища. Она всей душой верила в закон Мерфи: «Все, что может испортиться, – портится!»

Но Уолли был так настойчив, говорил таким убедительным тоном, что Хилари добросовестно пошарила в хаосе своих чувств и извлекла солнечную улыбку.

– Ну вот, – с облегчением вымолвил он. – Так-то лучше. Тебе идет улыбаться.

– Постараюсь делать это почаще.

– А я постараюсь заключать для тебя как можно больше выгодных контрактов.

Они пили шампанское и строили радужные планы. Никогда еще Хилари столько не смеялась. Понемногу у нее полегчало на душе. Проходя мимо их столика, популярнейший киноактер, «настоящий мужчина» сегодняшнего экрана – холодные глаза, тонкие, поджатые губы, гора мускулов, валкая походка, – а в жизни добрый, смешливый, даже застенчивый человек, чья последняя работа принесла создателям фильма барыш в пятьдесят миллионов долларов, первым задержался, чтобы поздороваться и спросить, по какому случаю пир горой. Вслед за ним подошел неприступный продюсер с глазами ящерицы: этот сначала косвенно, а затем напрямую попытался выведать сюжет «Волка», в надежде перехватить сценарий и состряпать телесериал-скороспелку. Скоро у их столика перебивалась добрая половина зала, прикидывая, нельзя ли войти в долю и чем-либо поживиться. Ведь «Волку» понадобятся продюсер, звезды, музыкальный аранжировщик... Таким образом, за престижным столиком

вершился апофеоз Хилари Томас с пожиманием рук, похлопыванием по спине и чмоканьем в щечку.

Хилари отдавала себе отчет в том, что большинство блестящих завсегдатаев «Поло Лаундж» вовсе не такие хищники и стяжатели, какими они иногда казались. Многие начинали жизнь на дне общества – голодные, нищие, как она сама. И хотя каждый сколотил кругленькое состояние и выгодно поместил капитал, они были не в состоянии перестать суетиться, потому что разучились жить иначе.

Подлинная жизнь Голливуда не имела ничего общего с имиджем, который сложился у восхищенной публики. Секретарши, продавцы, мелкие служащие, водители такси, механики, домохозяйки, официантки, представители всех профессий и слоев населения по всей стране, возвращаясь вечером домой, падали с ног от усталости. Их хватало только на то, чтобы плюхнуться в кресло перед «ящиком» и погрузиться в волшебный мир звезд. Для миллионов людей от Гавайев до штата Мэн и от Флориды до Аляски Голливуд стал символом разнузданных оргий, доступных женщин, бешеных денег, огромного количества выпитого виски, еще большего количества кокаина, блаженной праздности под знойным южным небом, попок на краю бассейна, каникул в Акапулько и Палм-Спрингс, секса на покрытом меховой накидкой заднем сиденье «Роллс-Ройса». Фантастика! Сказка! Сладкая иллюзия! По мнению Хилари, общество, безнадежно погрязшее в коррупции, возглавляемое бездарными политиками, стоящее на шатком фундаменте, подтачиваемом инфляцией и чрезмерными налогами, живущее в постоянном страхе перед ядерной угрозой, – такое общество нуждается в иллюзиях, если хочет выжить. В действительности люди, занятые в кино- и телеиндустрии, пашут гораздо больше, чем другие, даже если плоды их трудов и не стоят затраченных усилий. Звезда, занятая в популярном телесериале, вкалывает от зари до зари, часто по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки. Отдача, естественно, тоже бывает колоссальной. И даже несмотря на это, их вечеринки не особенно напоминают оргии; женщины не доступнее, чем в Филадельфии, Хакенсаке или Тампе; солнечной погоде отнюдь не сопутствует праздность, а секс ничем не отличается от того, каким занимаются секретарши Бостона или продавцы Питтсбурга.

В четверть седьмого Уолли должен был уходить на небольшую вечеринку, и пара завсегдатаев «Поло Лаундж» предложила Хилари поужинать с ними. Она отказалась, сославшись на якобы уже существующую договоренность.

Когда они вышли из отеля, было еще светло. На ослепительном лазоревом небе белела пара облаков. Все вокруг приобрело платиновый оттенок. Мимо, смеясь и оживленно беседуя, прошелестели две молодые парочки, направлявшиеся к своим «Кадиллакам», а чуть поодаль, на бульваре Заходящего Солнца, шуршали шины, ревели двигатели и взвизгивали клаксоны.

Они подождали, пока расторопные служители подгонят их машины.

– Хилари, у тебя действительно назначена встреча?

– Д-да. С самой собой.

– Хочешь поехать со мной?

– Незванный гость...

– Считаю, что я тебя пригласил.

– Не хочу нарушать твои планы.

– Ерунда. Ты будешь весьма приятным дополнением.

– Я не одета для званого ужина.

– Ты и так хороша.

– Уолли, мне хочется побыть одной.

– Ты становишься отшельницей хуже Гарбо. Поехали со мной. Ну, пожалуйста! Это неофициальная встреча с молодым, подающим надежды телесценаристом и его женой. Милейшие люди.

– Уолли, я в полном порядке. Честно.

– Такая красивая женщина, в день своего триумфа – и одна! Нет, ты определенно

нуждаешься в чем-то таком: свечи, тихая, ласковая музыка, хорошее вино, а рядом тот, с кем ты пожелаешь разделить все это.

Хилари усмехнулась.

– Уолли, да ты скрытый романтик!

– Я вполне серьезно.

Она положила руку ему на плечо.

– Это очень мило с твоей стороны, что ты обо мне заботаешься, но со мной действительно все в порядке. Я люблю уединение. Впереди еще достаточно времени для интимных встреч, катания на горных лыжах и дружеских попок после выхода «Часа волка».

Уолли Топелис помрачнел.

– Если ты не научишься отдыхать, тебе долго не продержаться. Через каких-нибудь пару лет ты будешь похожа на тряпичную куклу. А вместе с физическими силами иссякнет и творческая энергия.

– Этот фильм станет водоразделом между моей прошлой и будущей жизнью.

– Согласен. Однако...

– Я всю себя вложила в эту работу, пахала, как негр, все поставила на одну карту. Только когда у меня будет прочная репутация хорошего сценариста и режиссера, я смогу наконец поставить крест на жалких, истрепавшихся призраках: моих родителях, чикагских трущобах, всех ужасных воспоминаниях. Научусь расслабляться и вести нормальный образ жизни. Но не сейчас. Если я расслаблюсь сейчас, меня постигнет неудача. Или я внушу себе, что потерпела неудачу, – что, в сущности, одно и то же.

Уолли вздохнул.

– О'кей. И все-таки ты зря отказываешься.

В это время лакей подогнал ее машину. Хилари обняла Уолли.

– Может быть, я позвоню тебе завтра – просто убедиться, что мне не приснилась вся эта история с «Часом волка».

– На окончательное оформление договора уйдет несколько недель. Но я не думаю, что могут возникнуть осложнения. На следующей неделе подпишем протокол, и можешь приступать к работе.

Хилари послала ему воздушный поцелуй, дала лакею чаевые и укатила.

Она поехала вверх по склону, минуя шикарные особняки стоимостью в несколько миллионов долларов, лужайки, зеленевшие почище банкнот; повернула налево, потом направо – словом, ехала наугад, без какой-то определенной цели, просто чтобы успокоиться. Это был один из немногих видов отдыха, какие она себе позволяла. Дорога была испещрена густыми багровыми тенями; на улице быстро темнело, хотя сквозь кроны пальм, дубов, кленов, кедров, кипарисов и сосен еще мелькали проблески света. Хилари включила передние фары и покатила дальше по извилистой дороге каньона, пока не почувствовала, что напряжение начинает отпускать ее.

С наступлением сумерек она остановилась возле небольшого мексиканского ресторанчика на бульваре Ла-Синега. Грубо оштукатуренные стены. Фотопортреты мексиканских головорезов. Густой аромат горячего соуса, острой приправы и кукурузных лепешек. Официантки в крестьянских блузах с глубоким вырезом и красных юбках в складку. Знойная, чувственная музыка. Хилари заказала сыр, немного риса и жаренные бобы. Еда оказалась такой вкусной, словно подавалась при свечах, под мелодичную музыку и рядом был близкий человек, готовый разделить с нею ее торжество.

Не забыть сказать Уолли, подумала Хилари, допивая темное мексиканское пиво. Но тут же услышала его язвительный голос: «Ягненок, это не что иное, как самообман. Конечно, одиночество не отражается на качестве еды, музыки и свечей, но это еще не значит, что оно полезно для душевного и физического здоровья». Он ни за что не удержится от очередной нотации, и пусть это будет сделано с наилучшими намерениями, ей от этого не легче.

Хилари села в свой автомобиль, пристегнула ремень, включила зажигание и радио и несколько минут неподвижно сидела, наблюдая за потоком огней на Ла-Синега. Сегодня у

нее день рождения. Двадцать девятый по счету. И, несмотря на упоминание в колонке Гранта в «Голливудском репортере», кроме нее самой, никому нет до этого дела. Но разве не она сама уверяла Уолли, что ее это устраивает?

Мимо проносились автомобили. Люди куда-то спешили – большей частью парами, – строили планы на вечер.

Хилари не хотелось домой, но больше ехать было некуда.

* * *

В доме было темно.

Хилари завела машину в гараж и приблизилась к парадной двери. Ее высокие каблочки громко стучали по каменным плитам.

Стоял ласковый, теплый вечер. Земля щедро отдавала солнечное тепло; прохладный ветер с моря, в любое время года продувавший город насквозь, еще не принес с собой похолодание. Хотя ближе к ночи впору будет надевать пальто. В саду громко стрекотали цикады. Хилари вошла в дом, включила свет в прихожей и заперла дверь. Зажгла свет в гостиной и стала подниматься по лестнице – как вдруг услышала за спиной какой-то шум и обернулась.

Из кладовки неподалеку от входной двери, где висела ненужная одежда, выступил человек примерно сорока лет от роду, рослый, в облегающем желтом свитере, черных брюках и кожаных перчатках. Под свитером ходуном ходили бугры мускулов: должно быть, он много лет занимался поднятием тяжестей. Даже запястья, различимые между перчатками и рукавами свитера, были внушительных размеров и свидетельствовали о недюжинной силе. Человек остановился в десяти футах от Хилари, широко ухмыльнулся и облизнул тонкие губы.

Она не знала, как отреагировать на непрошеное вторжение. То был не заурядный взломщик и не какой-нибудь мальчишка-дегенерат с наркотическим блеском в глазах. Она знала этого человека и меньше всего ожидала увидеть его в подобной ситуации. Пожалуй, только появление из кладовки Уолли Топелиса могло бы так же удивить ее. Хилари была не столько испугана, сколько растеряна. Она познакомилась с этим человеком три недели назад в графстве Напа, Северная Калифорния, куда ездила собирать материал для следующего сценария, из жизни виноделов. Там он выглядел солидным, преуспевающим дельцом из Напа-Валли. Но какого черта он делал в ее кладовке?

– Мистер Фрай? – неуверенно вымолвила она.

– Привет, Хилари. – У него был густой, низкий, гортанный, скрипучий голос, но там, в Напа-Валли, он звучал отечески бодро, сейчас в нем слышались угрожающие нотки.

Хилари прочистила горло.

– Что вы здесь делаете?

– Приехал повидаться с вами.

– Зачем?

– Просто повидаться.

Его тяжелый, хищный взгляд прожигал ее насквозь. С лица не сходила зловещая ухмылка – волчий оскал перед тем, как страшный зверь сомкнет челюсти на горле бедного кролика.

– Как вы сюда попали? – требовательно спросила Хилари.

– Красивая...

– Что?

– Ты очень красивая.

– Немедленно прекратите это.

– Я давно искал такую, как ты.

– Вы меня пугаете.

– Ах, какая красавица! – И он сделал шаг навстречу.

Она вдруг угадала его намерения. Но это же чистое безумие! С какой стати богатому человеку, занимающему высокое положение в обществе, ехать за сотни миль, рискуя своим состоянием, репутацией и свободой, ради скоротечного акта насилия?

Фрай сделал еще один шаг навстречу.

Насилие. Но это же ни в какие ворота!.. Разве что... Разве что он собирается потом убить ее. Тогда он не так уж и рискует – значит, не будет ни отпечатков пальцев, ни каких-либо иных улик. И никому не придет в голову, что известный промышленник, уважаемый винодел из Санта-Елены проделал долгий путь до Лос-Анджелеса, чтобы совершить акт насилия и убить жертву. Никто не подумает на Бруно Фрая. Следствие ни за что не двинется в этом направлении.

Может, она сошла с ума? Это не тот Бруно Фрай, с которым она свела знакомство в Санта-Елене. Тогда она не заметила ни малейших признаков безумия, которое теперь исказило его черты. В холодных как лед глазах сквозила злоба. Как же Фраю удалось скрыть ее при первой встрече?

Вдруг Хилари заметила нож, и все ее сомнения испарились. Он явился, чтобы убить ее. Нож торчал у него за поясом над правым бедром. Всего одна секунда – и он очутится в руках у бандита, чтобы затем вонзиться ей в живот.

Дальше все пошло как при замедленной съемке. Секунда растянулась до минуты. Хилари следила за тем, как он приближается, – будто смотрела страшный сон. Ей стало не хватать воздуха: атмосфера в доме невероятно сгустилась. Вид ножа парализовал ее. Она больше не пыталась – словно приросла к месту. Нож почти всегда оказывает такое действие. Человек теряет дар речи, ледяная рука страха сжимает сердце. Вас до самых кишок пробирает озноб. Не у всякого хватает духу пустить в ход холодное оружие. Ничто, как нож, не дает столь отчетливого представления о хрупкости человеческой плоти и самой жизни. Яд, пистолет, разрывная бомба действуют на расстоянии. Но преступник с ножом должен вплотную приблизиться к жертве. Чтобы вспороть живот другого человека и не почувствовать тошноты от приторного запаха крови, нужно особое бесстрашие – или безумие.

Фрай подошел совсем близко. Положил громадную ручищу на обе ее груди и грубо стиснул их, прикрытые тонкой шелковой материей.

Непосредственный контакт с врагом вывел Хилари из состояния транса. Она с силой ударила Фрая по руке, вырвалась и отскочила за диван.

Фрай расхохотался, но его глаза полыхнули кровожадным огнем. То был дьявольский смех. Видно, он только и ждал, чтобы она начала сопротивляться: это разжигало в нем охотничий азарт.

– Убирайся! – крикнула Хилари. – Немедленно выйди вон!

– А мне не хочется выходить, – усмехнулся Фрац. – Как раз наоборот. Я намерен войти. О да. Именно так. Войти в тебя, маленькая леди. Содрать одежду, оголить твою плоть и ворваться в нее – глубоко-глубоко. Туда, где тепло, темно и влажно.

На какую-то долю секунды ноги Хилари сделались ватными и сердце ушло в пятки, но затем страх сменился более полезным чувством – ненавистью. И яростью. То не был осознанный гнев интеллигентной женщины против покушения на ее достоинство: в основе этой ярости лежало нечто более фундаментальное, первозданное. Он вторгся в ее святая святых, осквернил ее жилище, растоптал хрупкий мир ее души, ее единственное прибежище! Хилари неожиданно оскалила зубы и не закричала, а зарычала, низведенная этим мерзавцем до уровня животного.

На диванной полке стояла пара тяжелых, восемнадцать дюймов высотой, фарфоровых статуэток. Хилари схватила одну и швырнула во Фрая.

Он мгновенно увернулся, и статуэтка разбилась о кирпичную кладку камина; все пространство перед камином покрылось осколками.

– Даю тебе вторую попытку.

Хилари взяла вторую статуэтку и заколебалась. Наблюдая за налетчиком сквозь

прищуренные от злости веки, она взвесила статуэтку на ладони и изобразила бросок.

Фрай поддался на ее финт и быстро уклонился. Тогда она бросила по-настоящему.

От удивления Фрай не успел увернуться, и статуэтка задела ему висок. Удар оказался не таким сильным, как ей хотелось бы: Фрай не только удержался на ногах, но и не был серьезно ранен. Даже кровь не выступила. И все-таки Хилари причинила ему боль, и это на него подействовало. Игривое настроение сменилось яростью. Кривая ухмылка исчезла с побагровевшего лица. Фрай заскрежетал зубами. На массивной шее проступили бугры мышц. Он изготавился к прыжку.

Хилари рассчитала, что он в несколько прыжков обогнет диван, а она тем временем отбежит на другую сторону и, может быть, найдет еще чем в него бросить. Но Фрай попер прямо на нее, как разъяренный бык, а наткнувшись на диван, запросто схватил его огромными ручищами и, перевернув, отшвырнул в сторону, как будто в нем было всего несколько фунтов. Хилари отскочила в сторону. Фрай рванулся к ней и неминуемо схватил бы, если бы не споткнулся и не упал на одно колено.

Гнев у Хилари снова сменился страхом, и она пустилась наутек: в прихожую, к входной двери. Однако быстро сообразила, что, пока она будет отпирать замки, Фрай успеет атаковать ее. Он был совсем близко, в двух или трех шагах от нее. Хилари метнулась вправо и устремила вверх по винтовой лестнице, перепрыгивая через две ступеньки сразу. Она тяжело дышала, но все равно слышала его сопение и грязные ругательства.

Пистолет! В ночной тумбочке. Если она раньше его добежит до спальни, захлопнет и запрет дверь, это даст ей пару секунд, чтобы выхватить из ящика пистолет.

На лестничной площадке, когда Хилари уже думала, что на целых несколько футов опередила своего преследователя, он схватил ее за правое плечо и рванул к себе. Хилари вскрикнула, но не стала вырываться, как он ожидал, а резко обернулась и что было сил ударила его коленом между ног. Он взвыл, весь побелел от пронзительной боли и выпустил ее.

Наверное, ему еще не попадались женщины, способные постоять за себя. Ей дважды удалось обвести его вокруг пальца. Он-то считал, будто имеет дело с хорошенькой дурочкой, безобидным зайчиком, безответной жертвой, которую он без труда подчинит своей воле, использует и одним лишь ударом могучего кулака выбьет из нее дух. Однако она ощерилась, показала клыки и выпустила когти. И возликовала, увидев на его лице выражение шока.

У нее мелькнула надежда, что враг не устоит на ногах, покатится вниз по лестнице и сломает себе шею. Или что удар в самое чувствительное место ненадолго, хотя бы на минуту, выведет его из строя. Однако не успела она развернуться на 180 градусов и убежать, как Фрай выпустил балюстраду, за которую схватился, чтобы не упасть, и ринулся вслед за ней.

– Сука! – хрипло выругался он.

– Нет! – крикнула Хилари. – Стой! Ни шагу дальше!

Она показала себе персонажем одного из фильмов студии «Хаммер Филмз», которого преследовал то ли вампир, то ли зомби.

– Сука!

Хилари все-таки успела вбежать в спальню и захлопнуть дверь. И зашарила рукой по двери в поисках щеколды. Внезапно она услышала нечеловеческий, леденящий душу вопль и, обезумевшим взглядом окинув комнату, не сразу поняла, что это ее собственный крик. Она была на грани паники, но знала, что должна была во что бы то ни стало сохранить самообладание. Если, конечно, хочет выжить.

Убедившись, что дверь спальни заперта, Фрай всей своей огромной тушей навалился на нее. Дверь устояла. Но это ненадолго. Недостаточно, чтобы вызвать полицию и дожидаться ее приезда.

У Хилари бешено колотилось сердце; она вся дрожала, словно очутилась в ледяной пустыне, но твердо решила не поддаваться страху. Метнувшись к ночной тумбочке, она случайно увидела свое отражение в зеркале. Это была совсем незнакомая женщина с глазами, как у филина, и мертвенно-бледным лицом, больше похожим на белую маску мима.

Фрай бил в дверь. Дерево трещало, но не поддавалось.

Пистолет лежал среди пижам в верхнем ящике. Заряженный магазин находился рядом. Хилари схватила пистолет и дрожащими пальцами несколько раз пыталась затолкнуть магазин. Наконец ей это удалось. Удары в дверь не стихали. Замок был ненадежен. Таким замком закрывать комнату от непослушных детей, но не от Бруно Фрая. Полетели щепки, и дверь широко распахнулась.

Тяжело дыша, он появился в дверном проеме. Приподнятые плечи, сжатые кулаки. Этот человек жаждал крушить и рвать все, что ни попадется на пути. В глазах светилась похоть, его зловещая фигура отражалась в зеркале. Хилари медленно подняла пистолет.

– Буду стрелять! Клянусь богом, буду!

Фрай остановился, тупо заморгал и наконец разглядел оружие.

– Убирайся!

Он не шелохнулся.

– Немедленно выметайся отсюда!

Фрай недоверчиво ухмыльнулся и сделал шаг навстречу. Это был уже не тот самодовольный, расчетливый, циничный насильник, каким он предстал перед Хилари внизу. В нем произошла перемена: как будто где-то в глубине его души сломалось некое реле; в мозгу все перепуталось, перемешалось; в нем не осталось ничего разумного, человеческого; он действовал, как лунатик. В глазах растаял лед – теперь они горели лихорадочным, кровавым блеском. По лицу струился пот. Губы беспрестанно шевелились: он то кривил их, то кусал, то надувал, как ребенок. Им двигала уже не похоть, а нечто более темное, звериное. Хилари догадалась: это придает ему свежие силы и уверенность в собственной недостижимости для пуль.

Он выхватил из-за пояса нож и выставил перед собой.

– Сука!

– Я не шучу!

Фрай сделал по направлению к ней еще один шаг.

– Ради бога, – взмолилась Хилари, – будьте благоразумны. Нож – ничто против пистолета.

До него оставалось каких-нибудь двенадцать или пятнадцать футов.

– Я разmozжу тебе голову! – в отчаянии крикнула Хилари.

Фрай начал размахивать ножом, чертя в воздухе круги и как будто придавая им магическое значение. По-видимому, ему казалось, что он заклинает злых духов. Он сделал еще шаг вперед. Хилари прицелилась в центр живота, чтобы в случае небольшого отклонения влево или вправо наверняка попасть. И нажала на спуск.

Ничего не случилось.

– О господи!

Фрай приблизился еще на пару шагов. На Хилари нашел столбняк. Она изумленно уставилась на этого подонка. Между ними оставалось не более шести, от силы восьми футов. Она выстрелила во второй раз.

Ничего.

Господи Иисусе! Неужели где-то заело?

Потом она сообразила, что забыла снять пистолет с предохранителя. Хилари сделала это и выстрелила в третий раз – в то самое мгновение, когда Фрай ринулся на нее, не обходя, а вспрыгивая на разделявшую их кровать. Раздался оглушительный хлопок. Фрай зашатался и, выронив нож, повалился на кровать, но тотчас вскочил и схватился левой рукой за свою правую руку.

Хилари не видела крови и потому не поверила, что он ранен. Возможно, пуля ударилась о нож. Шок сбил Фрая с ног, но он мгновенно оправился.

Он вдруг взвыл от боли. Это был мерзкий, злобный вой отнюдь не поверженного. Фрай снова изготовился к прыжку. Хилари еще раз выстрелила. Ее противник рухнул на пол и больше не встал.

Хилари испустила вздох облегчения и в изнеможении прислонилась к стене, не спуская глаз с того места за кроватью, куда свалился Фрай. Оттуда не доносилось ни звука, но ее беспокоило, что она не видит самого Фрая. Хилари, насколько могла, вытянула шею, но не увидела его. Тогда она осторожно обошла кровать.

Фрай лежал ничком на шоколадно-коричневом ковре. Правая рука подвернулась под живот, а левая вытянута на полу. Хилари не видела его лица. На темном ковре нельзя было различить кровь. Впрочем, она и не ожидала увидеть его в луже крови. Если он ранен в грудь, то, вполне возможно, под ним на ковре расплылось алое пятно. Если же пуля попала в лоб и он умер мгновенно, ее могло быть всего несколько капель.

Она подождала минуту, другую. Враг не шевелился и не дышал. Неужели мертв? Хилари подошла чуточку ближе.

– Мистер Фрай?

Она не собиралась подходить слишком близко и подвергать себя опасности, но все же хотела получше его рассмотреть. По-прежнему держа перед собой наведенный на него пистолет, сделала шаг к нему.

– Мистер Фрай?

Ответа не было.

Забавно, что даже теперь он был для нее «мистер Фрай». После всего случившегося она еще не могла обойтись без вежливой формулы. Может быть, потому, что он мертв. Так уж повелось, что после смерти даже законченный мерзавец может рассчитывать на некоторую долю уважения. Потому что, унижая покойника, мы унижаем самих себя. Оскорблять мертвеца – все равно что издеваться над великой и самой последней из тайн – тайной смерти. Боги не прощают подобного вызова.

Хилари подождала еще немного.

– Знаете что, мистер Фрай? – произнесла она вслух. – Я все же не хочу рисковать. Пожалуй, всажу-ка я в вас еще одну пулю – на всякий случай. Вот так. Прямо в твою башку, чертов ублюдок!

Разумеется, она бы не выполнила эту угрозу. Она не была жестокой от природы и никогда еще не стреляла в живое существо. И если только что ей пришлось выстрелить в Бруно Фрая, то лишь потому, что от него исходила непосредственная угроза ее жизни. Инстинкт самосохранения плюс истерика сделали свое дело. Но теперь, когда он лежал перед ней бездыханный, не более опасный, чем куча тряпья, ей было трудно решиться хладнокровно нажать на спуск. Размозжить голову трупа. Ее тошнило от одной только мысли. Угроза скорее должна была стать проверкой. Если он притворяется, перспектива нового выстрела должна заставить его выдать себя. Хилари вздохнула и опустила пистолет.

Он мертв. Она убила человека.

Испытывая ужас перед предстоящим расследованием и нашествием репортеров, она обошла покойника и направилась к двери.

И вдруг он перестал быть покойником.

Фрай в точности разгадал ее хитрость и выжидал, пока она не утратит бдительность. У него были стальные нервы.

В мгновение ока он выпростал из-под себя правую руку и схватил Хилари за щиколотку. Она вскрикнула и упала. И они покатались по коврику клубком из четырех рук и четырех ног, его зубы – возле ее горла. Фрай рычал, словно бешеная собака. Хилари боялась, что он вот-вот перегрызет ей артерию и высосет из нее кровь. Она ухватила его за подбородок и постаралась отвести его голову в сторону. В ответ он запустил руку ей под платье и попытался сорвать с нее колготки и вцепиться в ее половые органы – жестом не любовника, а насильника. Да он ее просто разорвет! Хилари сделала попытку выцарапать ему глаза, но он вовремя увернулся. Их взгляды встретились, и оба оцепенели, одновременно осознав, что она все еще сжимает в руке пистолет – теперь его дуло оказалось направленным ему в промежность.

Он облизнул сухие губы и мигнул. Сволочь паршивая!

– Только дернись, – простионала Хилари, – и я отстрелю тебе яйца. Понял, что я сказала? – потребовала ответа Хилари.

– Ага.

– Будешь хорошо себя вести?

– Ага.

– Больше ты меня не проведешь.

– Как скажешь.

– Хорошо, – сказала Хилари. – Я хочу, чтобы ты не делал резких движений. Когда я подам сигнал, мы медленно, очень медленно перекатимся так, чтобы ты оказался внизу, а я сверху.

Она не заметила забавного совпадения: примерно так любовники уговаривают друг друга в разгар любовного акта.

– Когда я скажу, перекашись на правый бок, – продолжала Хилари.

– О'кей.

– Пистолет останется там же, где и сейчас.

Из холодных, жестких глаз Фрая ушли безумие и ярость. Перспектива остаться без половых органов вернула его к действительности – на какое-то время.

Хилари для верности потыкала дулом пистолета в его гениталии, и он скривился от боли.

– Давай, только осторожно, – скомандовала она.

Фрай с величайшей осторожностью перевернулся сначала на правый бок, а затем на спину. Он вытащил руку из-под ее платья и не предпринял попытки завладеть пистолетом.

Левой рукой уцепившись за него, а в правой сжимая оружие, Хилари легла на бандита сверху. Пальцы правой руки начали неметь, и она крепче сжала пистолет, до смерти боясь, что Фрай это заметит.

– Ну, так, – произнесла она. – Теперь я попробую слезть. Пистолет остается на месте. Не шевелись и даже не моргай.

Фрай напряженно смотрел на нее.

– Ясно?

– Ага.

Продолжая держать пистолет приставленным к его ширинке, Хилари высвободилась с такой осторожностью, как будто все это время была прикована к мине. У нее пересохло во рту. Оба тяжело дышали, но Хилари было слышно, как тикают ее часики от Картье. Она скатилась на бок, встала на колени, немного помедлила, поднялась на ноги и поспешила отскочить, прежде чем он успеет снова схватить ее.

Фрай сел.

– Нет! – крикнула Хилари. – Сейчас же ложись!

– Я тебя не трону.

– Ляг!

– Да успокойся ты.

– Ложись, черт тебя подери!

Он и не думал слушаться.

– Ну, и что дальше?

Хилари помахала пистолетом.

– Я сказала – ложись! На спину! Живо!

Он безобразно усмехнулся.

– А я спросил: что дальше?

Фрай явно пытался овладеть ситуацией, и это Хилари не понравилось. А с другой стороны, не все ли равно, лежит он или сидит? Лишь бы не поднялся на ноги и не настиг ее прежде, чем она выпустит в него еще пару пуль.

– Ладно, – неохотно вымолвила она. – Сиди, раз уж так хочется. Но если ты сделаешь хотя бы одно движение, я разряжу в тебя всю обойму. Разметаю кишки по комнате. Клянусь,

я так и сделаю.

Он ухмыльнулся и кивнул.

– А сейчас, – сказала Хилари, – я подойду к тумбочке и позвоню в полицию.

Она медленно, шаг за шагом, точно краб, попятилась назад и наконец достигла ночной тумбочки, где стоял телефонный аппарат. Как только она села и сняла трубку, Фрай поднялся на ноги.

– Эй! – Хилари выронила трубку и обеими руками стиснула пистолет, стараясь унять дрожь.

Фрай протянул к ней руки.

– погоди секунточку. Я не собираюсь тебя трогать.

– Сядь!

– Я к тебе не подойду.

– Сказано, садись!

– Я хочу уйти, – заявил Фрай.

– Черта с два ты уйдешь!

– Я выйду из этой комнаты и из этого дома.

– Нет!

– Ты же не станешь стрелять, если я тихо-мирно уйду отсюда.

– Только попробуй!

– Не посмеешь, – доверительным тоном произнес Фрай. – Ты не из тех, кто способен хладнокровно нажать на спуск, если есть выбор. Тебе не выстрелить человеку в спину – ни за что на свете. Кишка тонка. Слабачка! – Он гнусно ухмыльнулся и сделал шаг к двери. – После моего ухода можешь вызвать полицию. – Еще один шаг. – Другое дело, если бы мы не были знакомы. А так – можешь объяснить им, кто здесь был. – Еще шаг. – Меня нетрудно найти. – Шаг. – Ты выиграла, а я проиграл. Все, что мне нужно, это немного времени, чтобы прийти в себя. Совсем немного времени.

Да, он был прав. Она могла стрелять, когда он напал на нее, но не сейчас, когда он просто уходил. Угадывая ее колебания, Фрай повернулся к ней спиной. Хилари бесила его наглая самоуверенность, но она не могла заставить себя спустить курок. Он медленно дошел до двери и даже не оглянулся. Начал спускаться по лестнице.

Хилари прошиб пот. Что, если он не уйдет? Спрячется в одном из помещений нижнего этажа – в той же кладовке. Выждет, пока приедет и уедет полиция, а потом снова нападет на нее. Она выскочила на лестничную площадку – как раз вовремя, чтобы увидеть, как он скрылся в прихожей. Повозился с замком. Громко хлопнула входная дверь.

На три четверти спустившись по лестнице, Хилари вдруг сообразила: он мог понарошке хлопнуть дверью и не уйти. Затаиться в прихожей.

Крепко сжимая в руке пистолет, она сошла вниз и немного подождала. Рванула дверь в прихожую. Никого. Дверь кладовки распахнута настежь. Фрай и вправду ушел.

Хилари закрыла кладовку. На два замка заперла входную дверь. Пошатываясь, пересекла гостиную. Вошла в кабинет. Здесь пахло лаком для мебели: только вчера приходили две женщины из бюро услуг. Хилари включила свет и подошла к письменному столу. Положила пистолет.

На окне стояла ваза с алыми и белыми розами. Их аромат мешался с запахом лака.

Хилари села за стол и придвинула к себе телефон. Посмотрела в справочнике номер полиции.

И вдруг к глазам подступили горячие, злые слезы. Она тщетно пыталась их удержать. Ведь она – Хилари Томас, а Хилари Томас не плачет. Никогда. Хилари Томас – сильная женщина. Она не сломается, даже если весь мир обрушится ей на голову. Хилари Томас превосходно владеет собой, благодарю вас.

Но как она ни закрывала глаза, поток слез не иссякал. Крупные, точно градины, соленые слезы катились у нее по щекам и скапливались в уголках губ, откуда затем стекали по подбородку. Сначала она плакала втихомолку, из какого-то суеверного страха. Потом дала

себе волю и, трясаясь всем телом, заплакала навзрыд. В горле стоял комок. Хилари пришла в отчаяние: она все-таки сломалась. Она обхватила себя руками за плечи. Потом достала из ящика пачку клинкетов, высморкалась – и снова зарыдала.

Она плакала не потому, что Фрай причинил ей боль – во всяком случае, физическую. Ей самой было трудно это объяснить, но она плакала потому, что он учинил над ней насилие. Нет, он не смог надругаться над ее телом, ему не удалось даже полностью сорвать с нее одежду. Но он нагло нарушил неприкосновенность ее жилища, сломал барьер, который она возводила столько лет и с таким трудом. Ворвался в ее чистый, уютный мир и захватал своими грязными лапами.

Совсем недавно, сидя за престижным столиком в «Поло Лаундж», Уолли Топелис пытался убедить ее не быть все время настороже, и она впервые за двадцать лет задумалась насчет возможности жить, не уходя в глухую оборону. После хороших новостей и под влиянием Уолли ей захотелось стать беспечнее. Иметь больше друзей. Чаще отдыхать. Больше веселиться. Это была сверкающая греза, надежда на новую жизнь, которая не дается легко, но стоит усилий. И вот явился Бруно Фрай и растоптал ее хрупкую мечту. Задушил в зародыше. Напомнил, что мир полон опасностей – как подпол, кишачий страшными, невидимыми в кромешной тьме тварями. Она столько лет карабкалась вверх из смрадной ямы – но Бруно Фрай ударил ее грязным сапогом по лицу и столкнул обратно, на дно жизни, где царят страх, неуверенность и подозрительность. И одиночество.

Этот человек раздавил и уничтожил ее. Сгреб грязными ручищами ее надежду и безжалостно сокрушил, как злой хулиган – любимую игрушку слабого ребенка.

Глава 2

Геометрические образы.

Они сводили Энтони с ума.

На закате, когда Хилари Томас, стараясь снять напряжение, колесила вверх и вниз по каньону, Энтони Клеменца и его напарник, лейтенант Фрэнк Говард, допрашивали одного из совладельцев бара в Санта-Монике. За огромными окнами заходящее солнце рисовало постоянно меняющиеся картины – пурпурными, оранжевыми и серебряными мазками на фоне темнеющего моря.

Бар «Парадиз» служил местом встреч одиноких сердец – сексуально озабоченных одиночек обоего пола. В наше время такие заведения тем более нужны, что традиционные места знакомств – церковные обряды, посиделки у соседей, пикники, клубы по интересам – давно снесены настоящими и фигуральными бульдозерами и на их месте выросли небоскребы административных зданий, башни из стекла и бетона, пиццерии и пятиэтажные гаражи. В «Парадизе» парень неопределенного возраста легко мог подцепить неопределенного возраста девушку, и ее жажда соединялась с его собственной. Здесь робкая секретарша из Чатсуэрта могла свести знакомство с некоммуникабельным программистом из Бербанка; и здесь насильник без труда находил свою жертву.

На взгляд Энтони Клеменца, посетители «Парадиза» делились на три живописные группы. В первую входили красивые, уверенные в себе мужчины и женщины, очень прямо сидевшие на высоких табуретах за стойкой и цедившие коктейли, не забывая принимать эффектные позы. Менее красивые, но наделенные точно такими же желаниями, держались с большей непринужденностью и как будто всем своим видом говорили: «Нам здесь хорошо, весело и нет никакого дела до этих воображал с прямыми спинами». Эта группа являла взору более плавные, более закругленные линии тел, находящихся в покое, искупая естественностью мелкие физические несовершенства.

И, наконец, третья группа состояла из безликих, ни красивых, ни безобразных особей, суесящихся по углам, шныряющих от столика к столику, обмениваясь скучающими взглядами и улыбками и пробавляясь низкопробными сплетнями, уверенных в том, что их никто и никогда не полюбит.

По мнению Тони Клеменца, общий колорит был довольно-таки мрачным. Темные полосы неудовлетворенного желания. Клетчатое поле одиночества. Тихое отчаяние в разноцветную елочку.

Но их с Фрэнком Говардом привело сюда не желание полюбоваться пейзажем и жанровыми сценами, а ниточка, ведущая к Бобби Вальдесу по прозвищу Ангелочек.

В апреле Бобби Вальдес вышел из тюрьмы, отсидев семь с хвостиком лет вместо положенных пятнадцати за изнасилование и непредумышленное убийство. И, похоже, его досрочное освобождение было грубейшей ошибкой.

Восемь лет назад Бобби изнасиловал от трех до шестнадцати жительниц Лос-Анджелеса. Полиция располагала доказательствами по трем случаям и подозревала в остальных. Однажды вечером Бобби напал на женщину на автомобильной стоянке; угрожая пистолетом, вынудил сесть в свою машину, отвез в безлюдное место среди Голливудских холмов, сорвал с нее одежду и несколько раз овладел ею, затем вышвырнул из машины и уехал. Голая женщина не удержалась на ногах, покатила в кювет и там напоролась на старый поваленный забор с острыми деревянными кольями и колючей проволокой. Проволока изранила все ее тело, а заостренный кол пропорол ее насквозь, вонзившись в живот и выйдя из спины. Как ни невероятно, но, вынужденно отдаваясь Бобби, женщина нащупала у него в кармане одну из визитных карточек и, сообразив, что это такое, крепко зажала в кулаке. Далее полиции стало известно, что она всегда носила трусики из комплекта, подаренного ей кавалером: в районе промежности было вышито: «Собственность Гарри».

Такие трусики, грязные и разодранные в клочья, были обнаружены в коллекции Бобби во время обыска в его квартире. Обе эти улики и позволили арестовать его. К несчастью для населения Калифорнии, обстоятельства сложились так, что Бобби легко отделался. При задержании были допущены отклонения от формальной процедуры, это дало возможность развернуть жаркую дискуссию о конституционных гарантиях. Как раз в это время окружной прокурор по фамилии Кауперхаузен сам был заподозрен в коррупции. Сообразив, что нарушения, допущенные при аресте Бобби Вальдеса, могут спасти его собственный зад от любителей покопаться в дерьме, окружной прокурор поддержал предложение защитника признать Бобби виновным в совершении только трех изнасилований и одного непредумышленного убийства. Большинство детективов из отдела по расследованию убийств, такие как Тони, недоумевали, почему прокурор не предпринимает мер для сбора улик еще по нескольким изнасилованиям, а также убийству второй степени, похищению, разбою и содомии. Это казалось совсем не трудным делом. Однако судьба в лице судей благоволила к Бобби.

И вот он снова на свободе. «Ненадолго», – подумал Тони.

В мае, всего через месяц после освобождения, Ангелочек Бобби Вальдес в положенное время не явился отмечаться в полицейский участок. Он съехал с квартиры и не сообщил свой новый адрес. Попросту сбежал.

В июне Бобби принялся за старое – точно с такой же легкостью, как человек после нескольких лет воздержания снова начинает курить. Запретный плод в таких случаях становится еще слаще. В этом месяце Бобби изнасиловал двух женщин и еще двух – в июле. В августе число потерпевших возросло до трех, а первые десять дней сентября дали еще две жертвы. За семь лет в тюрьме Бобби соскучился по женщине.

Полицейские не сомневались, что все девять преступлений – а может быть, и еще несколько, оставшихся неизвестными, – дело рук одного и того же человека – Бобби Вальдеса. Прежде всего, во всех девяти случаях преступник одинаково приступал к делу. После того как одинокая женщина выходила из своей машины на безлюдной стоянке, он выныривал из темноты и, приставив к ее боку, спине или животу пистолет, говорил: «Я крутой парень. Едем со мной. Тебе ничего не будет. Откажешься – выпущу кишки. Если не будешь сопротивляться, тебе не о чем беспокоиться. Я и в самом деле крутой парень!» Каждый раз он произносил одно и то же. Жертвы запомнили эти слова, потому что уж очень они не вязались с юношеским, почти детским, обликом «крутого парня». Точно так же Бобби

действовал восемь лет назад, в самом начале своей карьеры насильника.

Все жертвы одинаково описывали напавшего на них человека. Стройный. Ростом пять футов десять дюймов. Вес примерно сто сорок фунтов. Смуглый. Ямочка на подбородке. Каштановые волосы и карие глаза. Нежный девичий голосок. За этот голос и юное миловидное лицо приятели прозвали его Ангелочком. Бобби исполнилось тридцать лет, но он все еще выглядел на шестнадцать. Пострадавшие утверждали, что он показался им чуть ли не подростком, однако вел себя как жестокий, опасный, больной мужчина.

Бармен «Парадиза» поручил свою работу помощнику и внимательно ознакомился с тремя фотографиями Бобби Вальдеса, предложенными ему Фрэнком Говардом. Бармена звали Отто. Это был видный бородатый мужчина с красивым темным загаром. На нем были темные брюки и голубая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами; отсюда выглядывали жесткие курчавые волосы и золотая цепочка, на которой болтался зуб акулы. Отто перевел взгляд с фотографий на Фрэнка и нахмурился.

– Вот не знал, что Санта-Моника попадает под юрисдикцию лос-анджелесской полиции.

– Нас пригласил шеф полиции Санта-Моники, – объяснил Тони.

– Гм.

– Мы сотрудничаем в расследовании особо тяжких преступлений, – нетерпеливо произнес Фрэнк. – Ну что, вы когда-нибудь видели этого парня?

– Ага, заходил пару раз.

– Когда?

– Э... с месяц назад. Может, и раньше.

– Не в последнее время?

В это время на эстраду после двадцатиминутного перерыва вышел джаз и заиграл одну из песенок Билли Джоэла. Отто повысил голос, чтобы перекрыть музыку.

– Говорю вам, я не видел его больше месяца. Я почему запомнил – он показался мне совсем сопляком, из тех, кому не положено отпускать спиртное. Пришлось спросить удостоверение личности. Он аж взбеленился. Начал тут выступать.

– Чего он хотел?

– Требовал управляющего.

– И все? – спросил Тони.

– Обзывался нехорошими словами, – угрюмо произнес Отто. – Меня никогда так не обзывали.

Тони приложил руку к уху наподобие раковины, чтобы лучше слышать бармена. Он ничего не имел против мелодий Билли Джоэла, но не в исполнении музыкантов, явно считавших, что энтузиазм и громкость способны компенсировать плохую игру.

– Значит, он вас оскорбил, – констатировал Фрэнк. – Дальше?

– Дальше ему пришлось извиниться.

– Так просто? Сначала он требует управляющего, обзывает вас, а потом этак запросто приносит свои извинения?

– Ага.

– Это с какой же стати?

– А с такой, что я попросил его об этом.

Фрэнк придвинулся к бармену поближе: музыка сделалась прямо-таки оглушительной.

– Извинился только потому, что вы его об этом попросили?

– Ну... сначала он полез на рожон.

– Вы подрались?

– Не-а, – лениво ответил Отто. – Если какой-нибудь сукин сын начинает выступать в моем баре, мне необязательно марать о него руки, чтобы заставить заткнуться.

– Должно быть, вы их гипнотизируете, – буркнул Фрэнк.

Джаз влупил на полную катушку. Казалось, от такого количества децибел глаза вылезут из орбит. Солист предпринимал жалкие попытки подражать Билли Джоэлу.

Рядом с Тони сидела, прислушиваясь к разговору, ослепительная зеленоглазая блондинка. Она вдруг открыла рот.

– Валяй, Отто. Покажи свой фокус.

– Вы что, умеете творить чудеса? – спросил Тони. – Например, делать так, чтобы нарушитель испарился в воздухе?

– Он их пугает, – объяснила блондинка. – Это высший класс. Покажи им, Отто.

Тот пожал плечами и, пошарив под прилавком, достал высокую стеклянную пивную кружку. Несколько секунд он выжидал, давая полицейским возможность рассмотреть ее – словно они никогда не видели ничего подобного. Потом поднес кружку к губам и, откусив кусок стекла, выплюнул в урну. Оркестр как раз сделал небольшую паузу, и было слышно, как хрустит стекло.

– Ничего себе! – воскликнул Фрэнк.

Блондинка захихикала. Отто повторил свой трюк. Наконец он отгрыз весь верх и швырнул кружку в урну.

– Я всегда так делаю, если кому-нибудь хочется побузить. И говорю, что, если он не успокоится, я откушу ему нос.

Фрэнк был потрясен.

– Неужели вам приходилось это делать?

– Что – откусывать нос? Не-а. Обычно хватает одного обещания.

– И часто здесь бывают драки? – осведомился Фрэнк.

– Не-а. Это приличное место. Не больше одной в неделю.

Джаз снова врубил на полную мощность.

– Как вы это делаете? – крикнул Тони.

– Кусаю стекло? Ну, есть тут один секрет. Но вообще-то нетрудно научиться.

– И вам никогда не случалось порезаться?

– Бывает, хотя и редко. Только не язык. Чтобы узнать, умеет ли человек это делать, попросите показать язык. Мой – в полном порядке.

– Но вы сказали, что у вас были несчастные случаи...

– Ясное дело. Губы. Хотя и не так уж часто.

– От этого трюк еще эффектнее, – вмешалась блондинка. – Видели бы вы Отто в тот момент, когда у него по бороде течет кровь, а на губах кровавая пена! – Ее зеленые глаза зажглись таким восторгом, что Тони стало не по себе. – Вы и представить себе не можете, как быстро они делаются паиньками!..

– М-да, – только и смог вымолвить Тони.

Фрэнк опомнился первым.

– Ну ладно. Вернемся к Бобби Вальдесу. – Он постучал костяшками пальцев по фотографиям на прилавке.

– Я же сказал, он уже месяц носу не кажет.

– В тот вечер, после стычки, он спросил чего-нибудь выпить?

– Да. Парочку стаканов.

– Вы сказали, что видели его удостоверение личности...

– Ага.

– Что это было – водительские права?

– Ага. Ему оказалось тридцать лет. Ни за что бы не подумал.

– Вы не заметили, на чье имя были выданы права?

Отто потерел акульий зуб на цепочке.

– На чье имя? Ну, вы же знаете.

– Я просто подумал, – объяснил Фрэнк, – может, он показал вам фальшивые документы?

– Там было его фото.

– Это еще не значит, что они настоящие.

– Калифорнийские права не так-то легко подделать, – авторитетно заявил Отто. –

Только попробуйте – они мигом начинают расползаться. Особая обработка. – Совладелец бара вдруг оживился. – Он что, шпион?

– Задавать вопросы – наше дело, – отрезал Фрэнк. – А ваше – отвечать.

Бармен моментально замкнулся в себе; глаза сделались пустыми.

Почувствовав, что они вот-вот потеряют свидетеля, Тони предостерегающим жестом положил руку Фрэнку на плечо:

– Хочешь, чтобы он начал хрупать стекло?

– Хотела бы я на это посмотреть! – снова захихикала блондинка.

– Может, попробуешь сам? – предложил Фрэнк.

– С удовольствием.

– Что ж, валяй.

Тони улыбнулся бармену.

– Послушайте, вы любопытны, мы – тоже. Никому не будет хуже, если мы удовлетворим вашу любознательность, а вы – нашу. Идет?

Отто начал оттаивать.

– Так что натворил этот Бобби Вальдес?

– Нарушил режим.

– Учинил разбойное нападение, – добавил Фрэнк.

– Изнасиловал девятих женщин, – продолжил Тони.

– Эй, – удивился бармен. – Вы, парни, кажется, сказали, что вы из отдела по расследованию убийств?

Музыканты только что отыграли «Все по-прежнему» и устроили себе небольшую передышку, делая вид, что настраивают инструменты.

– Когда Бобби Вальдесу попадается не слишком покладистая бабенка, – объяснил Тони, – он угрожает ей пистолетом. Пять дней назад он напал на десятую жертву. Она сопротивлялась, и он так сильно ударил ее по голове, что она скончалась в больнице.

– Чего я не понимаю, – вставила блондинка, – так это зачем брать силой то, что многие и сами охотно дадут? – И она подмигнула Тони, но тот не прореагировал.

– Перед смертью, – подхватил Фрэнк, – потерпевшая дала точное описание преступника, Бобби Вальдеса. А теперь мы готовы послушать вас.

Как оказалось, Отто смотрел не только шпионские фильмы, но и детективы.

– Ага, – протянул он. – Выходит, он обвиняется в убийстве с отягчающими обстоятельствами?

– Точно, – подтвердил Тони.

– А как вы вышли на меня?

– В семи случаях из десяти он нападал на одиноких женщин на автостоянках возле таких заведений, как ваше.

– И вовсе не таких, – запротестовал Отто. – Наша стоянка отлично освещается.

– Оно так. Но мы объехали все бары для одиноких в городе, и один посетитель сказал, будто бы встречал его здесь. Хотя он и не уверен на все сто процентов.

– Я же сказал, что он заглядывал, – проворчал Отто. – Месяц тому назад.

Теперь, когда он смягчился, Фрэнк снова перехватил инициативу.

– Значит, он начал скандалить, вы проделали трюк со стеклом, и он предъявил удостоверение личности?

– Ага.

– На чье имя?

Отто насупил брови от напряжения.

– Точно не припомню.

– Роберт Вальдес?

– Не думаю.

– Постарайтесь вспомнить.

– Вроде бы он чикано.

– Вальдес тоже мексиканская фамилия.
– Та была еще более чикано. Кажется, она оканчивалась на «кес». Что-то вроде Веласкес, но не Веласкес.

– А имя?

– Это я запомнил. Хуан.

– Хуан?!

– Ага. Настоящий чикано.

– Вы не обратили внимания на домашний адрес?

– Не интересовался.

– Он что-нибудь рассказывал о себе?

– Нет. Выпил и ушел.

– И больше не возвращался?

– Вот именно. Во всяком случае, в мою смену.

– У вас хорошая память.

– Только на бузотеров и красоток.

– Нам бы хотелось показать эти снимки вашим посетителям, – сказал Фрэнк.

– Валяйте.

Сидевшая рядом с Тони блондинка оживилась.

– Можно мне посмотреть? Вдруг я его видела. И даже разговаривала.

Наклонясь над снимком, она задела Тони коленом.

– Меня зовут Джуди. А тебя?

– Тони Клеменца.

– Я так и думала, что ты итальянец. Глаза темные и грустные.

– Они меня выдают.

– И выющиеся волосы.

– И на рубашке пятна от соуса к спагетти, – продолжил Тони.

Девушка с интересом посмотрела на него.

– Да нет там никаких пятен, – усмехнулся Тони. – Я пошутил.

– А...

– Вы знаете Бобби Вальдеса?

Она взглянула на фотографию.

– Нет. Наверное, он приходил, когда меня не было. А ничего парнишечка. Смазливенький. Все равно что лечь с младшим братом.

Тони забрал у нее фотографию.

– Какой у тебя костюм! – похвалила блондинка.

– Спасибо.

Тони угадывал в ней не просто эмансипированную женщину, какие ему скорее нравились: в Джуди было что-то темное, звериное. Это тип женщин, обожающих хлыст и наручники. Или еще почище. Рядом с ней он чувствовал себя лакомым кусочком. Что-то вроде бутерброда с икрой на серебряном блюде.

– В таких местах, как это, – продолжала Джуди, – редко встретишь прилично сшитый костюм. Одни спортивные майки, да джинсы, да кожаные пиджаки.

Тони откашлялся.

– Ну ладно. Спасибо за попытку помочь.

Женщина гнула свое:

– Обожаю элегантных мужчин.

Их взгляды встретились, и он прочел в ее глазах нескрываемую похоть. У Тони возникло чувство, что, пойдя он с ней, дверь ее квартиры захлопнется за ним, словно челюсти акулы. Она так и набросится на него и сожрет с потрохами. Все соки высосет.

– Пора идти работать, – сказал он, вставая с высокого табурета перед стойкой. – Увидимся.

– Надеюсь.

Они с Фрэнком еще примерно пятнадцать минут показывали посетителям бара фотографии Бобби Вальдеса. Тем временем джаз переключился на репертуар «Роллинг Стоунз» и Элтона Джона. У Тони закрипели зубы от раздражения. Они только зря потратили время. Никто не вспомнил убийцу с лицом невинного ребенка.

Напоследок Тони задержался возле стойки, где Отто смешивал земляничный коктейль «Маргарита».

– Можете сказать мне одну вещь? – прокричал он.

– Все, что угодно!

– Разве люди приходят сюда не для того, чтобы познакомиться?

– Естественно, для этого.

– Тогда какого черта в барах обычно стоит такой грохот?

– Вам не нравится джаз?

– Нравится. Но не такой громкий.

– А...

– Разве под такую музыку можно разговаривать?

– Разговаривать? – удивился Отто. – Но, приятель, они приходят сюда не затем, чтобы разговаривать. Познакомиться, присмотреться друг к другу, выбрать, с кем лечь в постель...

– А поговорить?

– Да вы посмотрите на них! О чем они стали бы разговаривать? Да если бы не оглушительная музыка, они бы только и делали, что психовали.

– Выходит, они признают только язык тела?

Отто пожал плечами.

– Наверное, мне следовало бы жить в другую эпоху, – пробормотал Тони и вышел из бара.

Становилось прохладно. Над морем поднимался негустой туман – так, легкая дымка, начавшая понемногу наступать на берег.

Фрэнк уже сидел за рулем их полицейского, но без опознавательного знака седана. Тони хлопнулся на пассажирское сиденье и пристегнул ремень. Сегодня им предстояло наведаться еще по одному адресу. Кто-то в баре «Сенчури» сказал, что встречал Бобби Вальдеса на перекрестке бульвара Заходящего Солнца с Голливудским шоссе. Через несколько минут Фрэнк произнес:

– Ты мог бы поймать ее.

– Кого?

– Блондинку. Джуди.

– Фрэнк, я же на работе.

– Договорились бы на другое время. Она явно положила на тебя глаз.

– Не мой тип.

– Аппетитная бабенка.

– Из породы убийц.

– Как это?

– Она бы слопала меня целиком.

Фрэнк немного подумал и сказал:

– Дерьмо собачье. Если бы она делала авансы мне, я бы не отказался.

– Ты знаешь, где ее искать.

– Возможно, я и загляну туда, когда все сделаем.

– Валяй. А я потом навещу тебя в больнице.

– Да что с тобой? Я так не заметил в ней ничего особенного. С такими никаких проблем.

– Может, поэтому я на нее и не клюнул.

– Не понял.

Тони провел рукой по лицу, словно стирая усталость.

– Хищная шлюха.

– С каких это пор ты заделался пуританином?

– Я не пуританин. Хотя... Может быть, и да. В какой-то мере. Видит бог, у меня было навалом «интимных встреч». Но я не могу представить себя в таком месте, как «Парадиз». Охочим до свежего женского мяса. Флиртующим с Джуди. Я бы не смог притворяться. Представь себе, как я лепечу в промежутках между песенками: «Привет, я – Тони. А тебя как зовут? Какой твой знак Зодиака? Ты увлекаешься астрологией? Веришь в воздействие космических лучей? Как по-твоему, это судьба, что мы встретились? Может, попробуем вместе исправить карму? Хочешь трахнуться?»

– Из всей твоей речи, – сказал Фрэнк, – я понял только насчет «трахнуться».

– Я тоже. В том-то все и дело. В таком месте, как «Парадиз», разговоры – сплошной камуфляж. Главное – поскорее добраться до постели. Тебе нет дела до ее чувств, переживаний, способностей, страхов, надежд, потребностей и заветных желаний. Ты ложишься в постель с совершенно незнакомым человеком. Хуже того, занимаешься любовью с подделкой под женщину, картинкой из журнала для мужчин, символом женщины. О любви нет и речи. Это ничем не отличается от щекотки или промывания желудка. Если секс таков, не лучше ли остаться дома и заняться мастурбацией?

Фрэнк притормозил на красный свет и пробурчал:

– Все-таки рука так не прочистит, как женщина.

– Фрэнк, не будь вульгарным.

– Я просто практичен.

– Я вот что хочу сказать. Если не знать партнера, игра не стоит свеч. Я должен чувствовать партнершу, знать, чего она хочет и о чем думает. Секс имеет смысл, только если партнерша для меня что-то значит, если она – личность, а не просто гладкое, стройное тело со всеми положенными выпуклостями. Личность – со своим характером, сложностями, даже недостатками, со всеми оставленными жизнью отметинами...

– Я не верю своим ушам, – отозвался Фрэнк, снова по сигналу светофора трогаясь с места. – Опять этот детский лепет, будто бы секс без любви ни к черту не годится?

– Я не говорю о так называемой вечной любви, – объяснил Тони, – или нерушимой верности до гробовой доски. Можно любить какое-то время, даже не очень сильно. Можно питать друг к другу добрые чувства, даже когда между вами уже нет физической любви. Все мои прежние любовницы оставались моими друзьями, потому что мы не смотрели друг на друга как на зарубки на боевом оружии – по количеству убитых врагов. У нас было и остается много общего. Понимаешь, прежде чем оголить одно место и начать кувыряться с женщиной в постели, я должен убедиться, что могу доверять ей. В ней должно быть что-то особенное, близкое мне: чтобы мне захотелось открыть ей душу, сделать ее частью моей жизни.

– Чушь собачья! – презрительно отозвался Фрэнк.

– Но я так чувствую.

– Хочешь совет?

– Валяй.

– Лучший из тех, какие ты когда-либо получал.

– Я весь внимание.

– Если ты думаешь, что на свете действительно существует то, что называют любовью, что она так же реальна, как страх или ненависть, значит, ты обрекаешь себя на великие страдания и огромную ложь. Любовь выдумали писатели, чтобы люди покупали их книги.

– Ты шутишь?

– Какие, к черту, шутки?! – Фрэнк на мгновение оторвался от дороги, чтобы с жалостью посмотреть на Тони. – Сколько тебе – тридцать три?

– Почти тридцать пять.

Фрэнк обогнал медленно идущий грузовик, груженный металлическим ломом.

– Значит, я на десять лет старше. Так вот, прислушайся к мнению старшего по возрасту. Рано или поздно тебе покажется, что ты по-настоящему влюблен, но едва ты нагнешься

поцеловать землю, по которой она ступает, она всадит в тебя нож и выпустит кишки. Если ты дашь понять, что у тебя есть сердце, она сделает все, чтобы разбить его. Привязанность? Разумеется. И – похоть. Похоть – вот что это такое. Но не любовь. Забудь это слово и наслаждайся жизнью. Возьми от нее все, что она может дать. Пользуйся, пока молодой. Трахай баб. Трахай и сразу давай деру, только так они не смогут причинить тебе зло. Если ты станешь требовать любви, только выставишь себя на посмешище. В конце концов они смешают тебя с грязью.

– Это слишком циничная точка зрения.

Фрэнк пожал плечами. Полгода назад он прошел через мучительную процедуру развода и до сих пор не оправился.

– Фрэнк, – сказал Тони, – ведь ты же не циник. Ты сам не веришь тому, что наговорил.

Фрэнк молчал.

– Ты очень ранимый, – не унимался Тони.

Его напарник пожал плечами.

Минуто-другую Тони пытался оживить угасший разговор, но Фрэнк уже высказал все, что имел сказать по этому поводу, и погрузился в привычное, немного загадочное молчание. Странно было уже и то, что он закатил такую длинную речь. Самую длинную, какую Тони когда-либо слышал из его уст.

Они работали вместе чуть более трех месяцев. И Тони все еще не был уверен, что это сотрудничество даст хорошие плоды. Они были слишком разные. Тони любил пофилософствовать. Фрэнк, как правило, только бурчал в ответ. У Тони была уйма других интересов, помимо работы: кино, книги, вкусная еда, театр, музыка, живопись, бег, лыжи... А Фрэнку, судя по всему, ни до чего не было дела. Тони верил, что существует уйма способов заставить свидетеля говорить – при помощи доброты, мягкого обращения, юмора, сочувствия, внимания, обаяния, настойчивости, хитрости – ну и, конечно, угроз и косвенного давления. Фрэнк предпочитал обходиться настойчивостью, хитростью, угрозами и не брезговал даже применением грубой силы. В их отделе это считалось допустимым. Других подходов он не признавал. В результате не менее двух раз в неделю Тони приходилось его одергивать, особенно если выдавался неудачный день. Сам Тони всегда сохранял самообладание.

Внешне они тоже разительно отличались друг от друга. Фрэнк – плотный, ростом пять футов и девять дюймов, голубоглазый блондин, а Тони – высокий, стройный, темноволосый и темноглазый. Фрэнк – пессимист и брюзга; Тони – оптимист. Подчас казалось, этим двоим ни за что не сработаться.

Однако кое в чем они были и похожи. Прежде всего, ни один не относился к своей службе в полиции как к работе «от звонка до звонка». Они чуть ли не постоянно перерабатывали и никогда не жаловались. Когда расследование подходило к концу и события следовали одно за другим с калейдоскопической быстротой, они прихватывали и выходные. Никто не просил их об этом и тем более не приказывал. Это был их собственный выбор.

Тони отдавал всего себя работе из честолюбия. Он не собирался до конца своих дней оставаться простым лейтенантом-сыщиком. Дослужиться хотя бы до капитана или чего-нибудь получше, может быть, дойти до самого верха, занять место шефа, получать солидную зарплату, а потом – солидную пенсию. Он вырос в большой итальянской семье, где бережливость была возведена в ранг религии, не менее важной, чем католичество. Карло, его отец, был портным-иммигрантом. Старик всю жизнь упорно трудился, чтобы дать детям пищу, кров и одежду, но не раз оказывался на грани банкротства и нищеты. В семье Клеменца часто болели, и счета от врачей и фармацевтов съедали большую часть семейного бюджета. Еще когда Тони был ребенком, он выслушал от отца немало коротких, но энергичных лекций о том, как важно добиться материальной независимости, для чего необходимо хорошо и много работать, разбираться в финансовых вопросах, твердо стоять на ногах, обладать честолюбием и иметь постоянную работу. Отцу Тони в пору было работать в ЦРУ, в отделе промывания мозгов. Уроки и принципы Карло Клеменца так прочно вошли в

сознание сына, что даже сейчас, будучи тридцати пяти лет от роду, имея постоянную работу и кругленькую сумму на счете в банке, Тони чувствовал себя не в своей тарелке, если не был на работе два-три дня кряду. Когда он брал положенный отпуск, это становилось настоящей пыткой. Он перерабатывал, потому что был сыном Карло Клеменца, а сын Карло Клеменца не мог думать и чувствовать иначе.

У Фрэнка Говарда были свои резоны. Он был не честолюбивее других, и его не особенно волновали деньги. Фрэнк буквально жил работой. Служба в отделе расследования убийств была единственной ролью, которую он знал и умел играть; только это давало ему ощущение своей значимости.

Тони оторвал взгляд от задних фар идущей впереди машины и перевел его на лицо напарника. Фрэнк ничего не почувствовал. Все его внимание было сосредоточено на вождении; он пристально вглядывался в вереницу огней, катившихся вдоль Уилширского бульвара. Его черты трудно было назвать классическими, но он был по-своему красив. Густые, широкие брови. Глубоко посаженные голубые глаза. Нос немного великоват и чуточку более заострен, чем нужно. Красиво очерченный рот – жаль только, что его чуть ли не постоянно кривила саркастическая усмешка. Ему нельзя было отказать в привлекательности и властности, а также внутренней независимости. Легко было представить, как Фрэнк возвращается домой, садится в кресло и погружается в транс – до восьми часов следующего утра.

Помимо того, что Тони с Фрэнком отдавали работе личное время, у них было и еще кое-что общее. Большинство детективов давно выбросили на свалку вышедшую из моды одежду и, одеваясь в штатское, натягивали на себя джинсы и свободные куртки. Тони с Фрэнком придерживались традиционного стиля: строгие костюмы и галстуки. Они считали себя профессионалами экстра-класса, выполняли работу, требующую не меньших интеллектуальных затрат, чем профессия адвоката, преподавателя или служащего социальной сферы; джинсы никак не соответствовали этому имиджу. Ни тот, ни другой не пил на дежурстве и не пытался спихнуть свою работу на другого.

«Может, мы и сработаемся, – подумал Тони. – Возможно, со временем мне удастся убедить Фрэнка в необходимости более мягкого подхода к свидетелям. Возможно, он научится получать удовольствие от хороших фильмов и вкусной пищи, если уж не от книг, театра и живописи. Наверное, я слишком многого от него хочу. Но бог ты мой, если бы он хоть чуточку поддерживал разговор, а не сидел как пень».

Тони знал, что до самого конца своей полицейской карьеры будет многого ждать от всякого, с кем ему доведется работать, потому что на протяжении пяти лет, вплоть до мая, он имел дело с образцовым напарником, Майклом Саватино. Оба они были итальянцами, у них были общие воспоминания, развлечения и тревоги. Более того, они пользовались одними и теми же методами в работе. Майкл читал запоем, был большим любителем кино и отлично готовил. Они проводили дни в увлекательных беседах.

В феврале Майкл с женой Паулой поехали на уик-энд в Лас-Вегас. Побывали на двух спектаклях. Дважды поужинали в лучшем ресторане города. Заглянули в казино и просадили шестьдесят баксов. А за час до отъезда Паула шутки ради опустила серебряный доллар в прорезь игрового автомата, повернула ручку и выиграла двести двадцать тысяч долларов.

Майкл никогда не смотрел на полицейскую службу как на дело своей жизни. Но он, так же как Тони, искал стабильности. Он окончил полицейскую академию и довольно быстро поднимался по служебной лестнице – от патрульного в форме до инспектора-детектива. Тем не менее в марте он подал заявление об уходе. Всю свою сознательную жизнь он мечтал о собственном ресторане. И вот пять недель назад он открыл в Санта-Монике типичный итальянский ресторан. Его мечта осуществилась.

«Какие шансы у моей мечты? – спрашивал себя Тони, рассматривая через стекло машины ночной город. – Суждено ли мне поехать в Лас-Вегас, выиграть двести тысяч баксов, уволиться из полиции и начать карьеру художника?»

Естественно, он не произнес этого вслух. Его не интересовало мнение Фрэнка по этому

вопросу. Ответ и так был ясен. Какие у него шансы? Никаких. С таким же успехом можно было представлять себе, что ты вдруг окажешься потерявшимся в детстве сыном богатого арабского принца.

Как Майкл Саватино всю жизнь мечтал открыть ресторан, так Тони Клеменца спал и видел себя художником. У него был талант. Он рисовал карандашом и тушью, акварелью и маслом. У него была не только отличная техника, но и уникальная творческая фантазия. Случись ему родиться в семье хотя бы со средним достатком, он поступил бы в академию художеств, учился бы у лучших профессоров, развивал данные богом способности и мог бы стать знаменитым художником. Ну а поскольку всего этого не было, он штудировал сотни книг по живописи и проводил многие часы за этюдами и экспериментами с разным материалом. Его убивал свойственный самоучкам недостаток уверенности в себе. Хотя Тони принял участие в четырех выставках и дважды получал первые призы, он никогда всерьез не думал о том, чтобы оставить работу и посвятить себя творчеству. Это была всего лишь дивная греза, сладкая мечта. Сын Карло Клеменца никогда в жизни не пожертвует твердым заработком ради эфемерного счастья, полного неуверенности и тревог существования свободного художника. Разве что на него прольется золотой дождь в Лас-Вегасе.

Тони завидовал удаче Майкла Саватино. Конечно, они близкие друзья и он честно радовался за Майкла, но также и завидовал. Он был всего лишь человеком и в глубине души не мог не задавать себе подленький вопрос: «Почему это не случилось со мной?» Фрэнк неожиданно резко нажал на тормоза и заорал:

– Задница!

– Тихо, Фрэнк.

– Иногда я жалею, что больше не одет в полицейскую форму и не раздаю направо и налево повестки.

– Вот уж не о чем жалеть!

– Я все-таки прищемлю ему хвост!

– Не стоит, Фрэнк. Ведь может случиться, что когда заставишь этого типа остановиться и подойдешь к нему, то схлопочешь пулю или еще что-нибудь почище. Нет, я так рад, что патрульная служба позади. В отделе расследования убийств, по крайней мере, знаешь, с кем имеешь дело и чего можно ожидать.

Фрэнк не позволил втянуть себя в дальнейшую дискуссию. Он по-прежнему не сводил глаз с дороги и беззвучно сыпал проклятиями.

Тони вздохнул и снова принялся смотреть в окно, но уже не как полицейский, а как художник.

Каждый морской или сухопутный пейзаж, каждая улица, архитектурный ансамбль, каждый предмет и даже человек имел свой неповторимый геометрический образ. Вычленишь, распознать его – вот что главное. Потом уже вы начинаете воспринимать то, что нанизано на него, как на каркас. Если у вас есть дар увидеть за внешней гармонией внутреннюю, вы поймете глубинный смысл предмета или явления и создадите настоящую картину. Если же вы берете кисти и краски и приближаетесь к холсту без такого анализа, у вас может получиться миленький набросок, но не произведение искусства.

Пока Фрэнк вел машину на восток, туда, где располагался еще один бар для одиночек, «Большой толчок», Тони пытался определить для себя геометрию ночного города. Вначале, при въезде в Лос-Анджелес со стороны Санта-Моники, преобладали четкие горизонтальные линии небольших коттеджей с видом на море и раскидистых, мохнатых пальм – воплощение покоя и относительного отдыха. В районе Вествуд пошли вертикали небоскребов, обозначенных в темноте светлыми пятнами окон. Перпендикуляр показался Тони символом времени – неудержимого стремления ввысь, к карьере, деньгам, власти. Из Вествуда они взяли курс на район Беверли-Хиллз; «город в городе», фабрика грез, где полицейские могли при необходимости разъезжать, но где они не имели ни малейшей власти. Мягкие, плавные, переходящие друг в друга линии. Величавые особняки, парки, сочная, буйная зелень, шикарные магазины и сверхдорогие автомобили. Чем дальше, тем отчетливее становилось

ощущение роскоши.

Они свернули к северу, одолели довольно-таки крутой подъем и въехали на бульвар Заходящего Солнца, ведущий в центр района Беверли-Хиллз. Позади остался один из самых элегантных в городе ресторанов – «Скандия».

Сверкающие огни дискотек. Ночной клуб, специализирующийся на оккультизме. Еще один – вотчина знаменитого эстрадного гипнотизера. Театры комедии. Клубы рок-н-ролла. Гигантские афиши. И огни – море огней.

Фрэнк повернул на восток. Теперь огней становилось все меньше; появились первые признаки упадка. То там, то здесь возникали островки, похожие на злокачественные опухоли, разъедающие здоровое тело города: дешевые бары, клубы стриптиза, массажные кабинеты, книжные магазины, торгующие порнографией, жилые дома, срочно нуждающиеся в капитальном ремонте. Метастазы разрастались, захватывая все новые участки живой плоти. Внезапно в сиянии красных и голубых огней перед ними вырос бар «Большой толчок».

Интерьер бара ничем не отличался от того, какой они только что видели в «Парадизе», разве что здесь было больше разноцветных огней да посетители выглядели малость поагрессивнее. Но их роднило общее ощущение сексуального голода и одиночества.

Бармен ничем не смог быть им полезен, а единственная посетительница, высокая блондинка с фиалковыми глазами, заверила детективов, что они смогут найти Бобби в «Янусе», дискотеке в районе Вествуд. Она как раз видела его там два последних вечера.

Снова оказавшись в машине, Фрэнк проворчал:

– Нас только и делают, что отфутболивают из одного места в другое.

– Так чаще всего и бывает.

– Время позднее.

– Да.

– Наведаемся в «Янус» или отложим до завтра?

– Давай лучше сейчас, – ответил Тони.

– О'кей.

Они развернулись и снова поехали по направлению к бульвару Заходящего Солнца, от разъедаемых раком районов к блеску и роскоши Беверли-Хиллз.

Как обычно, когда он подозревал Тони в готовности начать разговор, Фрэнк включил радио и стал слушать вызовы. Кажется, за последние несколько часов в этой части города не случилось ничего из ряда вон выходящего. Семейная ссора. Подозрительный тип на автомобильной стоянке на улице Хилгард – необходимо проверить, что это за птица.

И вдруг эфир ожил. Поступил вызов от женщины, которая подверглась разбойному нападению. Покушение на изнасилование с применением оружия. Осталось невыясненным, скрылся ли налетчик или прячется где-то поблизости. Имела место стрельба, но опять-таки неясно, кто стрелял: преступник или жертва.

– Придется работать вслепую, – прокомментировал Тони.

– Это в трех кварталах отсюда, – подхватил Фрэнк.

– Через минуту можем быть на месте.

– Да уж раньше, чем патрульная машина.

– Хочешь принять в этом участие?

– Само собой.

– Тогда я доложу.

Тони взял микрофон, а его напарник резко нажал на газ. У Тони бешено, в такт двигателю, заколотилось сердце. Он ощутил охотничий азарт и одновременно холодок под ложечкой. Он вспомнил еще одного своего бывшего напарника, Паркера Хатчисона, у которого напрочь отсутствовало чувство юмора. Всякий раз, когда они отвечали на вызов, он произносил одну и ту же сакраментальную фразу: «Ну вот, сейчас нас убьют». И так каждую смену, из дежурства в дежурство, пока Тони не шуганул его. Но с тех пор в такие минуты, как эта, у него в ушах начинал звучать похоронный голос Хатчисона: «Сейчас нас убьют».

Тони взгляделся в смутные очертания домов, слабо освещенные уличными фонарями.

– Это должно быть здесь.

Они остановились перед двухэтажным коттеджем в староиспанском стиле, стоявшем чуть поодаль от других особняков. Фрэнк поставил машину на небольшую полукруглую стоянку. Они вышли из седана. Тони сунул руку под пиджак и вытащил револьвер из кобуры.

* * *

Хилари перестала плакать, сидя за письменным столом. Теперь, когда ей стало немного легче, она решила подняться наверх и привести себя в порядок, чтобы не походить на огородное пугало: всклокоченные волосы, разорванное платье, разодранные колготки. Она не знала, как скоро придут репортеры, но нисколько не сомневалась в неизбежности встречи с ними. Она – известная писательница, автор двух сценариев, чьи фильмы удостоились призов Академии искусств. Больше всего на свете дорожа уединением, Хилари в то же время отдавала себе отчет, что сейчас у нее нет выбора. Придется сделать заявление и ответить на несколько вопросов.

Ей была ненавистна всякая мысль об огласке, а уж в подобной ситуации – и подавно. Люди станут выражать ей сочувствие, в то же время считая в душе, что она опростоволосилась – если не нарочно напросилась на приключение. Ей удалось отбить атаку Фрая, но в глазах любителей жареного это ровным счетом ничего не значит. Безжалостная американская публика станет задаваться вопросом: как случилось, что она впустила бандита в дом? Распространятся домыслы о том, что она все же позволила надругаться над собой, а потом стала наводить тень на плетень. Может быть, даже сама его пригласила. На нее со всех сторон будут устремлены любопытные взгляды.

Единственное, что от нее зависит, это хотя бы достойно выглядеть. Нельзя допустить, чтобы она появилась на фотографиях в том виде, в каком ее оставил Бруно Фрай.

Хилари умылась, причесалась, переделалась в синий шелковый халат и туго подпоясалась. Ей было невдомек, что тем самым она подрывает будущее доверие к своим словам и навлекает на себя подозрения.

Хилари казалось, что она достаточно овладела собой, но, когда она передевалась, у нее снова дрожали руки.

Ноги стали ватными, и на миг ей пришлось прислониться к дверце шкафа.

В голове мелькали ужасные картины недавнего происшествия. Она увидела перед собой Бруно Фрая, надвигающегося на нее с ножом в руке и с омерзительной ухмылкой. Вдруг его черты стали расплываться и перед ее мысленным взором возникло лицо отца, Эрла Томаса. Это Эрл наступал на нее, вдрызг пьяный, злой, изрыгающий проклятия. Хилари потрясла головой, несколько раз судорожно втянула в себя воздух и прогнала ненавистные образы. Но она никак не могла унять дрожь.

Ей показалось, что она слышит шум в соседней комнате. Умом Хилари понимала, что этого не может быть, но ее не отпускал страх: вдруг Бруно Фрай снова пришел за ней?

Позвонив в полицию, Хилари почувствовала себя лучше. Помощь уже в пути! «Успокойся! – сказала она себе. – Сохраняй самообладание. Ты – Хилари Томас. Ты сильная. Ты никого и ничего не боишься. Все будет хорошо». Это заклинание она придумала в детстве и с тех пор часто прибегала к нему.

Она спустилась в прихожую и услышала шум автомобиля. Из машины вышли двое. Мигалки не было, но Хилари не сомневалась: это полицейские. Она отперла дверь.

Первым вошел плотно сбитый блондин с голубыми глазами. В правой руке он держал револьвер. У него оказался жесткий голос человека, не привыкшего шутить.

– Полиция. Ваше имя?

– Томас. Хилари Томас. Это я звонила.

– Это ваш дом?

– Да. Здесь был мужчина...

Второй детектив, выше и смуглее своего товарища, быстро перебил ее:

- Он еще здесь?
- Кто?
- Человек, напавший на вас, находится в доме?
- О нет. Он ушел. Ушел.
- Куда? – уточнил блондин.
- Не знаю. Просто вышел. Через эту дверь.
- Его ждала машина?
- Не знаю.
- Он вооружен?
- Нет. То есть да.
- Каким оружием?
- У него был нож. После того как нож сломался, он бросил его где-то здесь.
- В какую сторону он направился?
- Не знаю. Я была наверху. Я...
- Давно он ушел? – спросил высокий.
- Пятнадцать-двадцать минут назад.

Полицейские обменялись взглядами, значения которых Хилари не поняла. Однако почувствовала: что-то не так.

- Что заставило вас медлить с вызовом полиции? – потребовал белокурый.
- Он показался ей настроенным враждебно. Хилари растерялась.
- Сначала я... потеряла контроль над собой. Мне потребовалось время, чтобы прийти в себя.

- Двадцать минут?
 - Возможно, пятнадцать.
- Оба детектива спрятали оружие.
- Опишите его, пожалуйста, – спросил высокий.
 - Я могу сделать больше, – ответила Хилари. – Я знаю его имя.
 - Имя?
 - Да. Я знаю этого человека.
- Мужчины переглянулись.
- «Что я делаю не так?» – в отчаянии подумала Хилари.

* * *

Хилари Томас показалась Тони самой красивой из когда-либо встреченных женщин. Должно быть, в ней было несколько капель индейской крови. У нее были длинные густые черные волосы, блестящие, как вороново крыло. Чистые белки. Безупречный цвет лица. Пожалуй, лицо чуточку вытянуто, но это компенсировалось огромными глазищами, классической формой носа и полными губами. Это было лицо чувственной, но серьезной, интеллигентной женщины. В ее глазах он уловил застарелую боль – видимо, не связанную с этим происшествием. Должно быть, корни нравственной муки уходили в прошлое.

Хилари села на краешек дивана у себя в кабинете. Тони примостился в другом углу. Они остались вдвоем: Фрэнк на кухне названивал в управление. Наверху двое сержантов в форме – Уитлок и Фармер – выковыривали пули из штукатурки. Отпечатков пальцев не обнаружили – это соответствовало заявлению потерпевшей, что налетчик орудовал в перчатках.

- Что он там делает? – спросила Хилари.
- Кто?
- Лейтенант Говард.
- Звонит начальству. Просит кого-нибудь связаться с шерифом графства Напа, где живет Бруно Фрай.
- Зачем?

– Ну, прежде всего, может, шериф знает, на какой машине он отправился в Лос-Анджелес. Зная марку и номер автомобиля, легче задержать преступника.

Хилари немного подумала и задала следующий вопрос:

– А почему лейтенант Говард не воспользовался этим телефоном?

Тони смутился.

– Наверное, не хотел причинять вам лишнее беспокойство.

– Нет, он не хотел, чтобы я слышала, о чем он будет говорить. Знаете, у меня такое чувство, будто я не жертва преступления, а сама нахожусь под подозрением.

– Вы просто нервничаете. Это объяснимо.

– Не в том дело, – нетерпеливо возразила Хилари. – Вы как-то странно себя ведете. Особенно он. Как будто считает, что я лгу.

Тони поразились ее проницательности и беспокойно заерзал на диване.

– Я убежден, что он ничего такого не думает.

– Думает, – настаивала она. – Только не знаю почему. – Хилари посмотрела ему в глаза. – Будьте, пожалуйста, откровенны. Что я сказала или сделала не так?

Тони вздохнул.

– Вы очень наблюдательны.

– Это профессиональное качество. Я ведь писательница. А еще я очень настырна. Удовлетворите мое любопытство, и я сразу отстану.

– Ну, прежде всего тот факт, что вы знакомы с преступником.

– Вот как?

– Это делает ситуацию несколько двусмысленной, – проклиная себя, продолжал Тони.

– Объясните, пожалуйста.

– Ну... – Он прочистил горло. – Существует мнение, что, если пострадавшая как-то знакома с насильником, это может означать, что она как-то спровоцировала нападение.

– Дерьмо собачье!

Хилари встала, подошла к письменному столу и немного постояла к Тони спиной, отчаянно пытаясь взять себя в руки. Сказанное им привело ее в бешенство.

Наконец она повернулась к Тони – с пылающим лицом.

– Это просто бред. Дикость какая-то! Неужели всякий раз, когда женщину насилует знакомый, вы считаете, что она просила его об этом?

– Не всегда, – промямлил Тони.

Хилари уставилась на него.

– Перестаньте играть со мной в кошки-мышки. Значит, вы думаете, я во всем сама виновата? Соблазнила этого мерзавца?

– Нет, – возразил Тони. – Я просто довел до вашего сведения обычную реакцию полиции. Я не сказал, что разделяю это предубеждение. Но лейтенант Говард его разделяет, а вы ведь спрашивали о нем.

Хилари нахмурилась.

– Значит... вы мне верите?

– У меня есть основания для недоверия?

– Все было именно так, как я сказала!

– Вот и отлично.

Хилари не сводила с него глаз.

– Почему?

– Что «почему»? – удивился Тони.

– Почему вы мне верите, а ваш товарищ – нет?

– Я могу представить себе только две причины, по которым женщина выдвинет против мужчины ложное обвинение в изнасиловании. В данном случае они обе отсутствуют.

– Какие это причины?

– Ситуация номер один: он богат, а она нет. Она требует солидное содержание, обещая отказаться от обвинения.

– Но я богата. А вторая причина?
– Мужчина и женщина находятся в любовной связи. Он бросает ее ради другой женщины. Она чувствует себя оскорбленной, покинутой и жаждет мести.

– Откуда вы знаете, что в моем случае дело обстоит иначе?
– Я видел оба ваши фильма и, кажется, представляю ваш образ мыслей. Вы очень умная, интеллигентная женщина, мисс Томас. Не думаю, что вы могли опуститься до того, чтобы отправить человека за решетку за то, что он перестал отвечать на ваши чувства.

Хилари не спускала с него изучающего взгляда. Потом, очевидно убедившись, что он ей не враг, вернулась на диван. Халат льнул к ногам, и Тони изо всех сил старался не думать о ее потрясающей фигуре.

– Простите, что я набросилась на вас, – сказала Хилари.
– Вы не набрасывались. Я и сам не в восторге от полицейских предрассудков.
– Если дело дойдет до суда, адвокат Фрая постарается убедить присяжных, что я соблазнила этого сукиного сына!

– С такой возможностью нельзя не считаться.
– Ему поверят?
– Такое случается.
– Но он хотел не просто изнасиловать меня, но и убить!
– Это необходимо доказать.
– Сломанный нож в спальне...
– Нужно еще доказать, что он принадлежал злоумышленнику. На ноже нет отпечатков пальцев. И потом, это обычный кухонный нож. Его трудно привязать к Бруно Фраю.

– Он же псих, совсем потерял человеческий облик. Присяжные не смогут этого не заметить. Наверное, его даже не станут судить – сразу упекут в психушку.

– Если он и сумасшедший, то ловко умеет контролировать свое состояние, – заметил Тони. – Ведь до сегодняшнего дня все считали его в высшей степени достойным членом общества. Когда он показывал вам винодельню близ Санта-Елены, вы не заметили ничего подозрительного?

– Нет.
– То же будет с присяжными.
Хилари наморщила лоб.
– Значит, он выйдет сухим из воды?
– Мне очень жаль, но боюсь, что так.
– И снова явится сюда.
– Возможно.
– О господи!
– Вы сами добивались неприкрашенной правды.

Хилари прикрыла глаза и даже попыталась улыбнуться.
– Да, конечно. Спасибо за откровенность.

Тони улыбнулся в ответ. Ему до смерти хотелось заключить ее в объятия, утешать, целовать, заниматься с ней любовью. Но все, что он мог сделать, это продолжать сидеть на диване с невозмутимостью отлично вымуштрованного блюстителя закона.

– Иногда система работает против нас, – пробормотал он.
– А еще? – потребовала Хилари. – Что еще, кроме того, что я знаю преступника, мешает лейтенанту Говарду верить мне?

Тони открыл было рот, но тут как раз вошел Фрэнк Говард.
– Ну вот, – отрывисто произнес он. – Мы связались с шерифом Напы и попросили выяснить, когда и как Фрай отбыл из города. Всем постам разосланы приметы преступника. Мисс Томас, я просил бы вас еще раз все рассказать и показать, чтобы я в точности записал, что и как происходило. И мы сразу оставим вас в покое.

Едва Хилари закончила свой рассказ, как прибыли репортеры. Пришлось выйти им навстречу.

В то же самое время Фрэнку позвонили из управления. Он решил воспользоваться телефоном, стоявшим в спальне.

Тони пошел посмотреть, как Хилари разговаривает с репортерами.

Она проделала это с блеском. Сославшись на усталость и чрезвычайные обстоятельства, непустила их в дом, а сама вышла на крыльцо. Прикатили телевизионщики – со всем своим оборудованием и энергичным ведущим.

Хилари с большой непринужденностью отвечала на вопросы, искусно избегая тех, которые бы поставили ее в неловкое положение, и в то же время ухитряясь никого не обидеть. Иначе они вылили бы на нее ушаты грязи.

Тони понял, что она не только умна и талантлива, но и дальновидна, даже хитра. Ни одна женщина не интриговала его так, как Хилари Томас.

Она уже собиралась потихоньку отступить, как на крыльцо вышел лейтенант Говард и свирепо шепнул Тони:

– Мне нужно с ней поговорить!

– Чего хочет управление?

– Вот об этом-то я и собираюсь потолковать с ней. – Фрэнк был мрачен и решил держать язык за зубами. Не стоит раньше времени открывать козыри.

– Она уже заканчивает, – сказал Тони.

– Красуется перед репортерами, – буркнул Фрэнк. – Ловит свой кайф. Эта публика жить не может без того, чтобы не быть у всех на виду. Хлебом не корми.

Тони положил руку ему на плечо.

– Сейчас я приведу ее. – Он подошел к группе репортеров. – Прошу прощения, леди и джентльмены, но мисс Томас и так уже сказала вам больше, чем нам. У нас с лейтенантом Говардом уже несколько часов назад закончился рабочий день, и мы валимся с ног от усталости. Так что мы будем очень признательны, если вы позволите нам напоследок кое-что уточнить.

Они добродушно засмеялись и забросали самого Тони вопросами. Он сказал ровно столько, сколько хотел, и повел Хилари обратно в дом.

Фрэнк ждал в прихожей. Он весь кипел, казалось – еще немного, и у него пар повалит из ушей.

– Мисс Томас, у меня к вам несколько вопросов. Это не займет много времени.

– Что ж... Может быть, пройдем в кабинет?

И они с Тони двинулись за лейтенантом Говардом.

* * *

Хилари села на обтянутую плюсом кушетку и поправила халат. Лейтенант Говард буравил ее холодными, колючими глазами. Наконец он произнес:

– Мисс Томас, в вашем рассказе есть несколько вещей, которые меня здорово смущают.

– Я знаю, – ответила Хилари. – Вас смущает то, что я знаю этого бандита. Вы решили, будто я сама его соблазнила. Это один из полицейских предрассудков.

Фрэнк удивленно заморгал, но быстро справился с собой.

– Да. Это одно. Другое – то, что мы обыскали весь дом и не нашли, как он проник внутрь. Нет никаких следов насильственного вторжения: ни разбитых стекол, ни взломанных замков.

– По-вашему, я сама егопустила?

– Не могу исключить такую версию.

– Послушайте. Когда несколько недель назад я была в графстве Напа, собирая материал для нового сценария, у меня пропали ключи. Вся связка. Ключи от дома, от машины...

– Вы проделали весь путь на автомобиле?

– Нет. Просто я держала все ключи в одной связке. Даже ключ от машины, которую взяла напрокат в Санта-Елене. Пришлось просить у них запасной. Когда я вернулась домой,

то вызвала мастера, чтобы он сделал дубликаты.

– Вы не заменили замки?

– Это казалось излишним. На потерянных ключах не было никакой метки. Нашедший не мог знать, как ими воспользоваться. Хотя... я спрашивала многих.

– Вам не приходило в голову, что ключи могли быть украдены?

– Тогда – нет.

– А теперь вы начали подозревать, что Бруно Фрай украл у вас ключи и специально прибыл в Лос-Анджелес, чтобы изнасиловать вас и убить?

– Да.

– Что он мог иметь против вас? Был какой-либо повод для ненависти? Чтобы проделать такой длинный путь...

– Но послушайте, он же псих. А психи на все способны.

Лейтенант Говард немного походил взад-вперед по комнате и остановился перед Хилари, взирая на нее сверху вниз.

– Вам не кажется странным, что невменяемый человек дома блестяще скрывал свое состояние и дал себе волю только в Лос-Анджелесе?

– Конечно, это не лезет ни в какие ворота, – ответила Хилари. – Но это правда.

– У Бруно Фрая была возможность украсть ключи?

– Да. Когда один из мастеров повел меня на экскурсию по цеху. Там нужно было карабкаться на леса, протискиваться между бочками и все такое прочее. Сумочка могла помешать, и я оставила ее в головной конторе.

– То есть у него дома?

– Да.

– Если я правильно понял, вы предприняли поиски?

– Я уже сказала, что спрашивала всех подряд.

– Из сумочки что-нибудь пропало?

– Нет. Даже деньги остались – примерно двести долларов. Поэтому мне и не пришлось в голову, что ключи украл.

– Вот еще одна закавыка, – медленно произнес Фрэнк. – После того как Фрай ушел, почему вы не сразу позвонили в полицию?

Хилари посмотрела на него, потом на Тони Клеменца и выпрямилась на диване.

– Я... расплакалась.

– И плакали целых двадцать минут?

– Нет. Конечно же, нет. Я вообще-то не из плаксивых. Меня не так легко выбить из колеи.

– Что же вы делали после того, как перестали плакать?

– Поднялась наверх, чтобы умыться и переодеться.

– Чтобы порисоваться перед прессой?

Хилари начала терять терпение.

– Ничего подобного. Просто я подумала, что...

– Вот четвертое, что не дает мне покоя, – перебил Фрэнк. – После того как вас чуть не изнасиловали и не убили, вы не спешите звонить в полицию, а тянете время, вертаетесь перед зеркалом.

– Прошу прощения, – вмешался лейтенант Клеменца. – Фрэнк, я догадываюсь, что у тебя еще что-то есть в заглазнике, и не хочу тебя сбивать. Но мало ли как ведут себя люди, только что перенесшие шок...

Хилари открыла было рот, чтобы поблагодарить его, но почувствовала некий антагонизм между полицейскими и не захотела подливать масла в огонь.

– Ты согласен, что в ее рассказе есть нестыковки? – потребовал ответа лейтенант Говард.

– Скажем так: в нем есть белые пятна.

Фрэнк с минуту молча хмурил брови, а затем кивнул:

– О'кей. Я только констатировал, что в ее рассказе по меньшей мере четыре пункта вызывают серьезные сомнения. Если ты с этим согласен, я продолжу. – Он повернулся к Хилари: – Мисс Томас, я хотел бы еще раз услышать ваше описание налетчика. Сделайте мне одолжение.

Хилари чувствовала, что лейтенант Говард расставляет для нее капканы, но понятия не имела о том, что это за капканы и как избежать их.

– Бруно Фрай – высокого роста, шесть футов...

– Без имен, пожалуйста.

– Но я же его знаю, – терпеливо, как ребенку, попробовала разъяснить Хилари.

– Ради меня, – издевательским тоном попросил Говард.

Хилари изо всех сил боролась с раздражением и скукой.

– Ну, хорошо. Налетчик высокого роста, примерно шесть футов четыре дюйма, вес около двухсот сорока фунтов. У него хорошо развитая мускулатура.

– Раса? – спросил Говард.

– Он белый.

– Цвет лица?

– Бледный.

– Какие-нибудь изъяны или родинки?

– Не заметила.

– Татуировка?

– Вы что, смеетесь?

– Татуировка?

– Нет!

– Особые приметы? Какие-либо физические недостатки?

– Нет. Это здоровенный сукин сын, – вспыхнула она.

– Цвет волос?

– Светлый. Грязного оттенка.

– Волосы длинные или короткие?

– Средние.

– Глаза?

– Да.

– Что «да»?

– Да, у него есть глаза.

– Мисс Томас!

– Ну ладно. Серо-голубые.

– Возраст?

– В районе сорока.

– Кажется, вы что-то говорили насчет голоса?

– Да. У него особенный голос. Густой, глубокий, дребезжащий.

– Отлично! – Фрэнк крутанулся на каблуках; он был явно доволен собой. – А теперь опишите Бруно Фрая.

– Я только что это сделала.

– Нет-нет. Сделаем вид, что вы не знаете напавшего на вас человека. Доставьте мне такое удовольствие. Опишите Бруно Фрая.

Хилари повернулась к лейтенанту Клеменца:

– Это действительно необходимо?

Тони обратился к напарнику:

– Фрэнк, ты не собираешься закругляться?

– Слушай, Тони, у меня действительно есть козырь в рукаве. Я работаю, как умею. Это она тянет время.

Он снова повернулся к Хилари, и ей показалось, что она стоит перед судом испанской инквизиции.

– Шесть-четыре, двести сорок, развитая мускулатура, блондин, серо-голубые, примерно сорок, никаких шрамов или родинок, никакой татуировки, гортанный, скрипучий голос, – на одном дыхании выпалила она.

– Значит, между налетчиком и Бруно Фраем нет никаких различий?

– Ни малейших.

– Вы не хотите изменить показания? Может быть, все-таки не Бруно Фрай побывал здесь этой ночью?

– Это был он!

– Вы подтвердите это под присягой?

– Да, да, да!

– Ну что ж, отлично. Боюсь, мисс Томас, что если вы будете продолжать в том же духе, то угодите за решетку.

– Что вы хотите сказать?

Говард зловеще усмехнулся:

– То, что вы лжете, мисс Томас! Нагло и преднамеренно.

Лейтенант Клеменца встал.

– Фрэнк, ты уверен, что действуешь правильно?

– О да! Пока она выламывалась перед писаками и фотографами, я получил ответ из управления. Шериф графства Напа по фамилии Лоренски лично произвел проверку, как мы и просили, и знаешь, что оказалось? Что Бруно Фрай не поехал в Лос-Анджелес. Он вообще никуда не выезжал. Он сидит у себя дома, безобиднее мухи.

– Не может быть! – Хилари вскочила с дивана.

Говард яростно потряс головой.

– Сдавайтесь, мисс Томас! Фрай сказал шерифу Лоренски, что действительно собирался наведаться на недельку в Лос-Анджелес, но не успел разделаться с делами и отложил поездку.

– Шериф не прав! – воскликнула Хилари. – Он не мог разговаривать с Бруно Фраем!

– Вы обвиняете шерифа во лжи?

– Он... мог разговаривать с кем-то, кто выдал себя за Фрая, – пробормотала Хилари, чувствуя, что это звучит неубедительно.

– Ничего подобного. Шериф Лоренски беседовал с самим Бруно Фраем.

– Он его видел? Они разговаривали лицом к лицу? Или он просто поговорил по телефону с кем-то, кто покрывает Фрая?

– Вспомните, мисс Томас, – вкрадчиво произнес Говард, – не вы ли утверждали, что у Фрая особенный, уникальный голос? Глубокий, гортанный, скрипучий голос. Вы полагаете, его легко подделать, разговаривая по телефону?

– Если шериф не очень хорошо знает Фрая, интонация могла ввести его в заблуждение.

– Напа – маленькое графство. Такой солидный, респектабельный бизнесмен, как Бруно Фрай, известен всем и каждому. Шериф знает его вот уже два десятка лет. – В голосе Говарда звучали триумфальные нотки.

Лейтенант Клеменца выглядел так, словно ему было больно. Хилари не было дела до мнения лейтенанта Говарда, но ей почему-то отчаянно хотелось, чтобы Клеменца по-прежнему верил ее рассказу. Она отошла к окну и повернулась к ним обоим спиной, стараясь вернуть себе хладнокровие. Но у нее ничего не вышло. Тогда она снова повернулась и заговорила – гневно, горячо, подчеркивая каждое слово ударом кулака по столу:

– Бруно – Фрай – был – здесь!

От удара с подоконника упала и разбилась ваза с розами. Хилари не обратила внимания.

– Как насчет перевернутого дивана? Разбитой фарфоровой статуэтки, которую я в него швырнула? Пуль, которыми я в него стреляла? Разорванного платья? Порванных колготок?

– Талантливая инсценировка, – ответил Говард. – Вы могли все это проделать сами, чтобы подкрепить вашу версию.

В разговор вмешался Клеменца:

– Подумайте, мисс Томас, может, вы действительно видели кого-то другого? Похожего на Фрая?

Даже если бы Хилари хотела пойти на попятный, она не смогла бы этого сделать. Заставив ее повторить описание бандита, лейтенант Говард сделал такое отступление невозможным. Но она и не собиралась отступать, хвататься за предложенную лейтенантом Клеменца соломинку. Ей не о чем думать – она и так знает, что права.

– Это был Фрай, – с вызовом повторила Хилари. – Фрай, и никто другой. Я ничего не придумала. Не стреляла нарочно по стенам собственного дома. Не переворачивала диван и не рвала на себе одежду. Ради всего святого, зачем бы я стала сходить с ума и проделывать такие странные вещи?

– Могу объяснить, – парировал Говард. – По моим представлениям, вы давно знакомы с Бруно Фраем...

– Я же сказала, что три недели назад встретила его впервые в жизни!

– Вы наговорили много такого, что не выдерживает критики. Итак, вы состояли с ним в любовной связи...

– Нет!

– Но он вас почему-то бросил. Может, вы ему надоели. Или он встретил другую женщину. Что-нибудь в этом роде. Вы поехали в край виноделия не ради какого-то сценария, а чтобы вернуть Фрая.

– Нет!

– Но он не поддался на уговоры. Однако вы успели узнать о его предполагаемой поездке в Лос-Анджелес. Вы рассчитали, что вряд ли в первый день он куда-либо отправится, а скорее всего останется вечером в гостинице и, значит, у него не окажется свидетелей, чтобы подтвердить свое алиби. И решили инсценировать нападение, чтобы шантажировать Фрая.

– Какая мерзость!

– Но у вас сорвалось. Фрай изменил свои планы насчет поездки. И теперь вы уличены во лжи.

– Он был здесь! – Хилари хотелось схватить детектива Говарда за горло и сжимать, пока до него не дойдет. – Послушайте. У меня есть друзья, которые точно знали бы, если бы у меня был роман. Они подтвердят, что у меня не было ничего общего с Бруно Фраем. И вообще с кем бы то ни было. Я слишком занята, у меня нет времени для личной жизни. И уж во всяком случае, мне некогда заводить шашни с кем-то живущим в другом конце штата. Спросите моих друзей – они скажут!..

– Друзья не считаются, – авторитетно заявил Говард. – И потом, вы могли скрывать от них свое увлечение. Нет, мисс Томас. Игра окончена. Капут. – Он устремил на Хилари обвиняющий перст. – Вам чертовски повезло, мисс Томас. Если бы Бруно Фрай действительно приехал в Лос-Анджелес и подал на вас в суд, вам пришлось бы отвечать за клевету и дачу ложных показаний. Пошли, Тони! – И он направился к выходу.

Лейтенант Клеменца не шелохнулся, как будто хотел еще что-то сказать. Но и Хилари не собиралась отпускать Говарда, не получив ответа на некоторые вопросы.

– Подождите! – крикнула она.

Говард обернулся:

– Да?

– Что же будет дальше? Вы что-нибудь предпримете в связи с моей жалобой?

– Вы серьезно?

– Да. Вы не можете оставить меня одну! Вдруг он вернется?

– Господи Иисусе! – воскликнул Говард. – Охота вам продолжать эту комедию!

Хилари сделала несколько шагов к нему.

– Мне безразлично, что вы думаете, но... может, вы хотя бы оставите ваших людей, пока я не вызову слесаря и он не поменяет замки?

Говард покачал головой.

– Будь я проклят, если потрачу лишнее время и деньги налогоплательщиков на обеспечение вашей безопасности, в чем вы совершенно не нуждаетесь! Имейте мужество признать: вы проиграли. Прощайте, мисс Томас. – И он скрылся за дверью.

Хилари рухнула в кресло – растерянная и ошеломленная. Но сильнее всего было чувство страха.

Клеменца заговорил первым:

– Я попрошу сержантов Уитлока и Фармера побыть здесь, пока вам не поставят новые замки. К сожалению, это все, что я могу.

– Спасибо.

– Я верю, что здесь кто-то был...

– Не кто-то, а Бруно Фрай! – кикнула она.

– Если бы вы пересмотрели этот пункт, мы могли бы начать расследование.

– Это был Фрай, – устало повторила она. – И никто другой.

Какое-то время Клеменца с интересом смотрел на нее. Тони был красив, но не внешность, а доброта и искренность, светящиеся во взгляде темных глаз, привлекали к нему внимание.

– Вы прошли через тяжелое испытание, – произнес он. – Пережили шок. Это понятно. Шок способен влиять на наше восприятие действительности. Возможно, успокоившись, вы иначе посмотрите на вещи. Завтра я загляну: может, вы сообщите мне дополнительные сведения.

– Нет, – без колебаний отрезала Хилари. – Но все равно, спасибо за доброе отношение.

Ей показалось, будто ему не хочется уходить. Но он все-таки ушел, и она осталась одна в кабинете.

Хилари долго сидела в кресле, не в силах подняться. Как люди сходят с ума? Что это – медленный, постепенный процесс или безумие овладевает человеком сразу, без предупреждения? Хилари вспомнила, что в их роду были случаи сумасшествия. Ее много лет преследовал страх умереть так же, как ее отец: с безумным взглядом, пеной на губах, размахивая пистолетом, тщетно пытаясь отвязаться от несуществующих чудовищ.

– Я его видела, – произнесла она вслух. – Видела Бруно Фрая. В моем доме. Здесь. Сегодня вечером. Это не галлюцинация. Я его видела, черт побери!

Она открыла телефонный справочник и искала на «желтых страницах» номер круглосуточного бюро услуг.

* * *

Выбежав из дома Хилари Томас, Бруно Фрай погнал свой дымчатый «Додж» подальше от Вествуда: сначала на запад, а потом на юг, к небольшой пристани в районе Марина Дель-Рей. Здесь расположились роскошные виллы, шикарные магазины и дорогие, все в огне, рестораны с видом на море. И тысячи стоявших на приколе катеров и лодок.

По берегу расползлся туман, и чудилось, будто океан горит холодным огнем. Местами туман был гуще, местами – реже; скоро он укутает берег сплошной пеленой.

Как только он почувствует себя в безопасности, он вернется в ее дом в Вествуде и сделает еще одну попытку убить ее. А потом прибегнет к особому ритуалу, который должен лишить ее сверхъестественной способности возрождаться из праха. Он прочел множество книг о живых и мертвецах – вампирах и прочих исчадиях ада. Конечно, она – не совсем одна из них, она особенная, но должна же, наконец, и на нее найтись управа. Ее можно изгнать, как нечистую силу. Есть средства, перед которыми вампиры бессильны – и она, несомненно, тоже. Нужно вырвать у нее из груди еще бьющееся сердце и всадить в него деревянный кол. Отрубить голову. Набить рот чесноком. Это обязательно подействует. Господи, сделай так, чтобы это подействовало!

Фрай вышел из машины и направился к телефону-автомату. В сыром воздухе носились слабые ароматы морской соли, водорослей и бензиновых паров. Вода плескалась о борта

маленьких суденышек – странный, забытый звук. В то самое время, когда Хилари вызывала полицию, Фрай позвонил к себе домой, в графство Напа, и рассказал о неудавшемся покушении.

Человек на другом конце провода слушал не перебивая. Потом сказал:

– Я улажу дело с полицией.

Они поговорили еще несколько минут, и Фрай дал отбой. Выйдя из плексигласовой кабины, он подозрительно оглянулся по сторонам. Кэтрин никак не могла преследовать его, но все-таки ему казалось, что она где-то поблизости, скрывается во мгле, не спускает с него глаз и ждет своего часа. Он большой, сильный человек, ему ли бояться женщины? Но он боялся. Боялся той, что никак не хотела умирать, той, что сейчас носит имя Хилари Томас.

Фрай вдруг почувствовал, что умирает от голода. Он с самого обеда ничего не ел, и теперь у него урчало в желудке. Здесь, в районе Марина Дель-Рей, не было ни одной подходящей закусочной. Он сел в машину и медленно двинулся по направлению к Виста Дель-Мар. Видимость была не более тридцати футов.

Наконец Фрай притормозил перед маленьким мексиканским рестораном с желто-красной неоновой вывеской «Гарридо». У входа стоял автомобиль с наклеенным на бампер плакатом: «Власть чиканос!». И еще – «Поддерживайте профсоюз сельскохозяйственных рабочих!».

Внутри ресторан больше походил на бар. Теплый, немного спертый воздух был напоен ароматами доброй мексиканской кухни. Вдоль всей левой стены шел заляпанный, весь в отметинах, прилавок, за которым восседала примерно дюжина парней и две хорошенькие сеньориты. Все шпарили по-испански. Справа расположились отдельные застекленные кабины с кожаными креслами. Фрай занял одну из них.

Маленькая кругленькая официантка принесла заказ: черепашки под соусом и пиво. Первую бутылку Фрай опорожнил за каких-то несколько секунд. Вторую он пил медленнее, но и она скоро опустела, и он заказал еще две.

Сладко урча, Фрай быстро расправился с черепашками и попросил пару говяжьих котлет, немного сыра с рисом, тарелку жареных бобов и еще две бутылки пива. Официантка широко раскрыла глаза от удивления, но она была слишком хорошо вымуштрована, чтобы комментировать выбор клиента.

Фрай выдул примерно половину последней бутылки и огляделся. Его внимание привлекли двое смуглых парней лет по двадцать с небольшим. Они громко хохотали и выламывались перед дамами, наскакивая друг на друга и всячески петушась перед своими курочками.

Фраю захотелось поразвлечься, и он довольно усмехнулся, предвкушая потеху. Он расплатился с официанткой и натянул кожаные перчатки.

Сунув в карман ополовиненную бутылку пива, Фрай, пошатываясь, направился к выходу. Проходя мимо петушившихся парней, он сделал вид, будто споткнулся о стул одного из них. Так как в его расчеты не входила конфронтация со всем залом, он понизил голос:

– Убери свой стул из прохода, грязная свинья!

Парень растерялся: он уже почти улыбнулся, ожидая извинений, но быстро пришел в себя. Его лицо приняло отрешенный вид, а глаза превратились в щелки.

Не дожидаясь, пока оскорбленный мексиканец вскочит на ноги, Фрай обратился к его приятелю:

– Почему бы тебе не подцепить вон ту аппетитную блондиночку? Что ты возишься с этими грязными потаскушками?

После чего он быстро двинулся к выходу, перенося боевые действия на улицу. Страшно довольный собой, он вывалился в туманную ночь и поспешил на стоянку.

За спиной послышалась английская речь с сильным испанским акцентом:

– Эй, парень, погоди-ка!

Фрай обернулся. Парни стояли бок о бок, в тумане похожие на призраки.

– Ты что это выделяешь, а, приятель?

– А вы, свиньи, нарываетесь на неприятности?

Последовало несколько мексиканских ругательств.

– Ради бога, – издевательским тоном попросил Фрай, – хотите что-то сказать – говорите по-английски.

– Мигель назвал тебя свиньей, – перевел тот, что был повыше ростом, – а я – паршивой свиньей.

Фрай ухмыльнулся.

Мигель шагнул навстречу, но Фрай сделал вид, будто не замечает этого. Мексиканец попер на него как танк – с опущенной головой, прижав локти к телу и стиснув кулаки. Фрай абсолютно спокойно выстоял перед градом ударов в живот. В руке у него все еще была бутылка с пивом, и вдруг он обрушил ее на голову мексиканца. Бутылка разлетелась вдребезги. Мигель с душераздирающим стоном рухнул на колени.

– Пабло! – умоляющим голосом крикнул он приятелю.

Фрай обхватил обеими руками его голову и надавил коленом на горло. Противно хрустнули зубы. Когда Фрай наконец отпустил его, Мигель без сознания повалился на бок; из окровавленных ноздрей с шумом вырывался воздух.

Тогда в атаку ринулся Пабло. У того был нож – с длинным, тонким лезвием, заточенный с обеих сторон, опасный, как бритва. Пабло фехтовал, выискивая у противника слабое место. Фрай попятился назад, в то же время изучая повадку своего неприятеля. Отступив почти до самого «Доджа», он уже понял, как нужно действовать. Вместо того чтобы наносить ножом короткие, точные удары, Пабло размахивал им, как шпагой. Дождавшись, пока длинный клинок совершит еще одно бесполезное движение и уйдет в сторону, Фрай схватил Пабло за запястье так, что тот взвыл от боли. Бруно скрутил парню руки за спиной и несколько раз протаранил им свою машину. Лицо Пабло превратилось в кровавое месиво. Когда Фрай отпустил его, он таким же бездыханным кулем, как и его приятель, рухнул на асфальт. Фрай несколько раз пнул тяжелым ботинком ему в бок. Хрустнули ребра.

Фрай сел за руль своего «Доджа» и медленно, проволочив по асфальту, передвинул тело Пабло к Мигелю. Он старался не раздавить их. Сейчас убийство исключалось. Слишком многие посетители бара видели его и могли опознать. Власти не будут выворачиваться наизнанку из-за покалеченных в обычной уличной драке. Вот если бы он совершил убийство, маховик следствия заработал бы на полную катушку.

Насвистывая веселую мелодию, Фрай вернулся на пристань Марина Дель-Рей, чтобы заправиться. Пока заправщик наполнял бак бензином и мыл ветровое стекло, Фрай зашел в мужской туалет и привел себя в порядок. Нашел телефон-автомат и снова набрал свой номер в Напе.

– Алло?

– Это я, – сказал Фрай.

– Все улажено.

– Из полиции звонили?

– Ага.

Они еще пару минут побеседовали, и Фрай вернулся в свой фургон. Растянулся на заднем сиденье и включил маленький фонарик. Он не выносил полной темноты: в кромешной темноте ему начинало казаться, будто на него, шурша, наползают страшные твари.

Если бы только он мог понять природу этих шорохов! Возможно, тогда ему удалось бы припомнить и весь сон – и, может быть, навсегда освободиться от тисков.

Беда заключалась в том, что, просыпаясь в поту, с бешено колотящимся сердцем, Фрай испытывал одно-единственное желание: чтобы шорохи прекратились и оставили его в покое.

На этот раз ему не давало уснуть незавершенное дело с той женщиной. Он настроился на убийство, но ему не дали его совершить. Он был на грани безумия.

Тщетно пытался он обмануть свой голод по женщине, набивая брюхо. После того как это не сработало, попробовал разрядиться на двух чиканос. Обычно плотной жратвы и

жаркой физической работы хватало, чтобы заглушить сексуальный голод и жажду крови. Фрай нуждался в сексе – в самой изощренной, садистской форме, на что не согласилась бы ни одна женщина. Поэтому он обжирался. Ему хотелось убивать, и он по четыре-пять часов в день изнурял себя поднятием тяжестей. Психиатры называют это сублимацией. Однако в последнее время это все меньше действовало. Он не мог выбросить из головы эту стерву.

Соблазнительные округлости груди и бедер.

Хилари Томас.

Нет. Это всего лишь маска.

Кэтрин. Вот кто она такая. Вот кем она была в прошлой жизни.

Кэтрин. В другом теле.

Закрыв глаза, он представил ее голой на постели, раздавленной его тяжестью, с раздвинутыми ногами, извивающейся, со смертной тоской в глазах, точно у зайца под прицелом. Видел свою руку, терзающую ее лоно... а другая тем временем заносит нож, вонзает серебристое лезвие в мягкую плоть; выступает кровь. Он вспарывает ей грудь и достает еще живое, пульсирующее сердце.

По мере того как разыгрывалось воображение, у Фрая напряглись тестикулы и отвердел пенис – еще один клинок, который он всадит глубоко-глубоко в ее восхитительное тело. Сначала пенис, а затем нож – изливая в нее весь свой страх при помощи одного и отнимая жизнь другим.

Фрай открыл глаза. По лицу струился пот. Кэтрин. Чертова ведьма.

Тридцать пять лет, с самого рождения, он прожил в ее тени, ежеминутно терзаемый страхом. Пять лет назад она умерла от сердечного приступа, но до сих пор являлась ему во все новых обликах, под другими именами – лишь бы вернуть свою власть над ним.

Он использует ее и убьет, тем самым доказав, что больше не испытывает страха. Ее власть кончилась. Теперь он сильнее.

Фрай потрогал сверток под матрасом. Потом достал, развернул и залюбовался запасным ножом.

Он не сможет уснуть, пока не разделается с ней. Этой ночью. Она не ожидает его так скоро.

Фрай взглянул на часы. Полночь. На улицах все еще полно народу: люди возвращались из театров, с поздних ужинов и вечеринок. Скоро улицы опустеют, в домах погаснет свет, и он не будет бояться, что кто-то засечет его и выдаст полиции. В два часа ночи он отправится в Вествуд.

Глава 3

Слесарь поставил новые замки на парадную дверь и дверь черного хода и укатил по очередному вызову.

Отбыли сержанты Уитлок и Фармер.

Хилари осталась одна.

Она не надеялась уснуть и, уж во всяком случае, не собиралась ложиться на свою собственную кровать. Все в спальне говорило о недавней борьбе. Хилари мучили воспоминания. Вот Бруно Фрай выламывает дверь и неотвратно надвигается на нее с высоко поднятым ножом. В подступающей полудреме его черты начали расплываться и напоминать ее отца, словно это он, Эрл Томас, восстав из мертвых, пытался убить ее. Но дело было не только в том, что эта комната пропиталась испарениями зла. Хилари не хотела оставаться здесь на ночь, пока не поставят новую, особо прочную дверь с латунными засовами. А это произойдет только завтра днем. Теперь же, если Бруно Фрай вернется...

А он рано или поздно вернется, она уверена в этом.

Можно было переехать в отель, но Хилари претила мысль о том, чтобы прятаться от него. Спасаться бегством. Она гордилась своим мужеством и никогда ни от кого не бегала, а давала отпор. Она не сбежала от своих жестоких родителей. Не убежала, когда в их

маленькой чикагской квартире разыгралась кровавая драма; не сошла с ума, не искала, как делают многие, спасения в беспамятстве. Не уходила от борьбы в начале своей голливудской карьеры – сначала в качестве актрисы, а затем – автора сценариев. Жизнь не раз сбивала ее с ног, но она поднималась и продолжала борьбу. И побеждала. Она выиграет смертельный бой с Бруно Фраем, даже если придется вести его в одиночку.

Черт бы побрал полицию!

Наконец она решила провести ночь в комнате для гостей – там была относительно прочная дверь, которую к тому же можно было забаррикадировать. Хилари перенесла туда свою постель, развесила полотенца в маленькой ванной.

На кухне она устроила смотр всем своим ножам, выбирая поострее. Огромный мясницкий казался надежнее остальных, но больно уж неуместно выглядел в ее маленьких руках. Вряд ли он подойдет для рукопашной схватки: такой нож требует простора для маневров. Поэтому Хилари выбрала обычный нож с четырехдюймовым клинком, достаточно маленький, чтобы спрятать его в кармане халата, и достаточно большой, чтобы нанести смертельную рану.

Мысль о том, чтобы вонзить нож в человеческую плоть, наполнила ее отвращением, но Хилари знала, что сделает это, если придется защищать свою жизнь. В детстве она постоянно держала при себе нож, пряча его под матрасом. Так она меньше боялась выходок своего непредсказуемого отца. Она только однажды пустила его в ход – когда у Эрла начались галлюцинации. Ему мерещились огромные черви, выползающие из стен, и гигантские крабы, которые якобы лезли в окна. В приступе белой горячки он превратил их дом в склеп, и если она спаслась, то лишь благодаря тому, что имела при себе оружие.

Конечно, пистолет эффективнее ножа. Но полицейские забрали ее тридцатидвухдюймового друга. Чертовы идиоты!

После отъезда детективов Говарда и Клеменца у Хилари состоялся безумный разговор с сержантом Фармером. Она и теперь не могла спокойно вспоминать его.

– Мисс Томас, насчет того пистолета...

– Что насчет пистолета?

– На него нужно разрешение.

– Оно у меня есть. Возьмите в тумбочке. Там же, где пистолет.

Через пару минут:

– Мисс Томас, вы раньше жили в Сан-Франциско?

– Да, восемь месяцев. Работала в театре.

– На этой лицензии стоит штамп Сан-Франциско. Вы знаете, что должны пройти перерегистрацию?

– Нет. Послушайте, я пишу сценарии и не разбираюсь в оружии. Но если нужно, я перерегистрирую его так скоро, как только смогу.

– Да, иначе вы не получите его обратно.

– Как – обратно?

– Я вынужден изъять его у вас.

– Вы что, издеваетесь?

– Таков порядок, мисс Томас.

– Вы собираетесь оставить меня одну, да еще и безоружной?

– Думаю, вам ничего не грозит.

– Кто вам сказал?

– Я только выполняю свой долг.

– Это лейтенант Говард вбил вам в голову такую чушь?

– Детектив Говард не приказывал, но...

– О господи!

– Вам нужно будет внести положенную плату, заполнить бланк – и мы вернем вам оружие.

– А если Фрай вернется сегодня ночью?

– Не похоже на то, мисс Томас.
– Но все-таки?
– Вызовите нас. Поблизости всегда есть какая-нибудь патрульная машина. Мы сразу приедем.

– Тогда нужно будет вызывать священника или фургон из морга.

– Я только выполняю свой долг, мисс Томас.

– А... Что толку!..

Фармер забрал пистолет, а Хилари получила весьма полезный урок. Полиция – правая рука правительства, а на правительство ни в чем нельзя положиться. Если оно не в состоянии сбалансировать бюджет и обуздать инфляцию, справиться с коррупцией в своих собственных рядах; если теряет боеспособность армия – как можно надеяться, что оно защитит ее от взбесившегося маньяка?

Хилари давно поняла, что ей не на кого рассчитывать. Уж конечно, не на родителей. Не на прочих родственников, которые всякий раз умывали руки. Не на органы соцобеспечения, куда она ребенком обращалась за помощью. Не на полицию. В сущности, она могла положиться только на себя.

«Отлично, – раздраженно подумала она. – Я сама буду иметь дело с Бруно Фраем».

Как?

Да уж как-нибудь.

Хилари вышла из кухни с ножом в руке. В гостиной она подошла к бару и, налив себе большой хрустальный бокал коньяка «Реми Мартин», взяла его с собой в комнату для гостей. По пути она демонстративно гасила повсюду свет.

Она заперла за собой дверь спальни и оглянулась, ища, чем бы укрепить ее. Слева у стены высился огромный сосновый шифоньер. Он был слишком тяжел, но Хилари догадалась вытащить ящики. Она подтянула шифоньер к двери и поставила ящики обратно. У шифоньера не было ножек – попробуйте сдвинуть такой с места!

Хилари приняла ванну и выпила бренди. В голове приятно зашумело. Она легла на кровать лицом к двери и с удовлетворением увидела перед собой внушительную баррикаду.

В два часа ночи она уже спала.

* * *

В два часа двадцать пять минут Бруно Фрай проехал мимо коттеджа, где жила Хилари Томас. Туман укутал все вокруг, но все же можно было разглядеть, что все огни в доме погашены.

Он проехал еще два квартала, поставил там фургон и пешком вернулся обратно – медленно, внимательно проверяя попадавшиеся автомобили. Вряд ли копы поставили ей охрану, но он не мог рисковать.

Все машины оказались пусты. Засады нет.

Разумеется, она находилась в доме. Он был уверен в этом. Чувствовал ее запах.

Сука.

Ждет, чтобы он взял ее, а потом убил.

Или сама хочет убить его.

До сих пор она умирала без особых сложностей. И возвращалась в новой телесной оболочке, притворившись совсем другой женщиной. Но умирала – в любом своем воплощении – без борьбы. Однако на этот раз Кэтрин проявила себя настоящей тигрицей, паразитически сильной, храброй и коварной. Это что-то новое. И это ему не нравится.

Он не стал открывать дверь кухни одним из ключей, которые вытащил у нее из сумочки, когда она приезжала на винодельню. Возможно, она поменяла замок. А если даже и нет – он все равно не сможет войти через дверь. Во вторник, когда он в первый раз обследовал дом, она была дома, и он обнаружил, что замки не отпираются, если ключ вставлен изнутри. Поэтому не смог проникнуть внутрь и был вынужден повторить свою

попытку в среду, восемь часов назад, когда она уезжала на званый ужин. Но сейчас она находилась внутри и скорее всего не только поменяла замки, но и заперлась на все засовы, охраняя свою цитадель от его вторжения.

Фрай дошел до окна, выходящего в розарий. У него был с собой моток клейкой ленты; он обклеил часть стекла, поближе к задвижке. Потом выдавил стекло и, просунув в образовавшееся отверстие руку, повернул задвижку. Окно открылось. Фрай очутился в доме.

Тишина.

Она умела воскресать из мертвых, но на этом и кончались ее сверхъестественные способности. Она не обладала даром ясновидения. Он находился у нее в доме, а она не знала об этом.

Фрай ухмыльнулся. Достал из-за пояса нож и положил в правую руку.

С маленьким фонариком в левой руке двинулся обследовать помещения. Всюду было темно и тихо.

Он поднялся на второй этаж, обошел несколько спален, но так и не нашел ничего интересного. Подойдя к последней спальне, подергал ручку. Она была заперта.

Он нашел ее.

Нашел Кэтрин.

Фрай посветил фонариком в щель под дверь, за которой оказалось что-то громоздкое и, должно быть, очень тяжелое. От мысли, что она возвела баррикаду и, стало быть, боится, у него полегчало на душе. Пусть даже она нашла способ воскресать из мертвых – умирать все-таки не хочется! Или она чувствует, что однажды может и не воскреснуть? Уж он знает, как поступить с трупом, чтобы этого не случилось. Вырезать сердце. Проткнуть деревянным колом. Отрубить голову. Набить рот чесноком. Должно быть, Кэтрин догадывается, что на этот раз он основательно подготовился, поэтому и сопротивляется с такой бешеной энергией, как никогда прежде.

Тишина. Неужели она уснула?

Нет, подумал Фрай. Не может быть. Она слишком напугана. Наверное, сидит на кровати с пистолетом в руке.

Он молча стоял в темноте, взвешивая свои шансы. Можно попытаться выломать дверь и сокрушить преграду, но это равноценно самоубийству. Она успеет прийти в себя и всадит в него добрую дюжину пуль. Остается ждать, когда она выйдет из комнаты. Если он целую ночь бесшумно просидит в прихожей, Кэтрин не догадается о его присутствии. Вот тут-то он ее и схватит – она и пикнуть не успеет!

* * *

В четверг, в девять часов утра, Хилари проснулась от телефонного звонка. В комнате для гостей тоже стоял аппарат. Хилари сняла трубку и узнала голос своего агента по рекламе. Он только что прочел в утренних газетах о ночном происшествии и был возмущен и встревожен.

Прежде чем рассказать подробности, Хилари заставила Уолли Топелиса прочитать ей газетную заметку и с облегчением убедилась, что там была лишь фотография и несколько абзацев текста. Содержание сводилось к тому немногому, что сообщил газетчикам лейтенант Клеменца.

Имя Бруно Фрая не упоминалось, так же, как и мнение лейтенанта Говарда о ней как о бессовестной лгунье.

Она обо всем рассказала Уолли, и он пришел в бешенство.

– Чертов идиот! Если бы этот тупоголовый коп потрудился узнать у знакомых, что ты собой представляешь, он бы понял, что ты не способна на такую беспардонную ложь. Слушай, детка, я сам обо всем позабочусь. Заставлю их начать расследование.

– Каким образом?

– Позвоню кое-кому.

– Например?

– Начальник городской полиции тебя устроит?

– Конечно.

– Он мне кое-чем обязан. Кто пять лет подряд устраивает ежегодные благотворительные концерты для полицейских? Кто обеспечивает бесплатное участие звезд Голливуда, популярнейших певцов и комиков?

– Ты?

– Черт меня побери, если нет!

– Но что он может сделать? Если один полицейский утверждает, что я все это придумала?

– У него мозги не в порядке.

– Я слышала, что лейтенант Говард на хорошем счету.

– Такая кадровая политика не делает им чести.

– Тебе будет нелегко переубедить начальника. Особенно если шериф графства Напа расскажет ему ту же историю. Фрай находился у себя дома и пек пирожные.

– Этот шериф либо осел и говорил со слов кого-то из домашних Фрая, либо лгал. Может, он заодно с Фраем.

– Скажи это шефу полиции, и он пошлет тебя на медэкспертизу на предмет параноидальной шизофрении.

– Если с полицией ничего не выйдет, – сказал Уолли, – я обращусь в частное агентство. Уж они-то разнюхают всю подноготную Бруно Фрая и вытащат на свет божий все его темные делишки.

– Наверное, это очень дорого?

– Разделим расходы пополам.

– Ну нет!

– Да!

– Это очень великодушно с твоей стороны, но...

– Великодушием тут и не пахнет. Ты – исключительно ценное приобретение, мой ягненок. Ты приносишь мне солидные проценты. Так что считай, что я защищаю собственные интересы.

– Чушь собачья, и ты это знаешь. Послушай, Уолли, подожди кого-либо нанять. Второй детектив, лейтенант Клеменца, обещал сегодня заехать: может, я еще что-то вспомню. Он, кажется, был склонен мне поверить, но его смутило свидетельство шерифа Лоренски. Подожди, пока я не увижусь с ним. А если ничего не изменится, найдем частного детектива.

– Ну, хорошо, – неохотно согласился Уолли. – Но тем временем я пришлю кого-нибудь.

– Уолли, я не нуждаюсь в телохранителях.

– Еще как нуждаешься!

– Я вполне спокойно провела ночь и...

– Слушай, детка. Я все-таки кого-нибудь пришлю. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Не спорь с дядюшкой Уолли. Если не захочешь впускать его в дом, пусть подежурит на улице.

– Уверю тебя...

– Рано или поздно, – мягко произнес Уолли, – ты поймешь, что нельзя прожить одной. Всем нам приходится принимать помощь от друзей. Тебе следовало позвонить мне ночью.

– Я не хотела тебя беспокоить.

– Ах вот как? Хилари, я – твой друг. Не позвонив, ты причинила мне куда большее беспокойство. Это все очень хорошо – независимость, гордость и все такое прочее. Но не заходи слишком далеко, чтобы не надавать пощечин тем, кто тебя любит. Ну так что – ты не прогонишь телохранителя?

Хилари вздохнула.

– О'кей.

– Вот и отлично. Он явится где-нибудь в пределах часа. И не забудь позвонить мне

сразу после разговора с Клеменца.

– Хорошо.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– До свидания, дорогая.

– До свидания, Уолли. Большое спасибо.

Хилари положила трубку и взглянула на шифоньер. После спокойной ночи баррикада показалась ей страшной нелепостью. Уолли прав: лучше всего нанять телохранителей и компетентного частного детектива. Ей не справиться с Фраем в одиночку.

Хилари встала, надела халат и стала разгружать шифоньер. Потом оттащила его от двери и вернула ящики на место. Взяла с тумбочки нож и грустно усмехнулась. Какая же она наивная! Вступить в рукопашный бой с «качком», к тому же маньяком! Да это просто чудо, что ей удалось ускользнуть от него ночью. К счастью, у нее был пистолет. Теперь же, если ей вздумается затеять фехтование, он зарежет ее как цыпленка.

Чтобы отнести нож на кухню и одеться к приходу телохранителя, она отперла дверь, вышла в коридор и страшно закричала, когда он схватил ее за горло и прижал к стене.левой рукой он разорвал халат и схватил ее за грудь.

Фрай, должно быть, слышал ее разговор с Уолли, знал, что у нее нет пистолета, и поэтому совершенно не боялся Хилари. Но он ничего не знал о ноже. Хилари вонзила лезвие в упругий мускулистый живот. Несколько секунд он словно не чувствовал боли. Потом Хилари почувствовала, как пальцы, сжимавшие горло, ослабли. Прямо на Хилари смотрели расширившиеся от страдания глаза, Фрай издал стон. Хилари ударила еще раз, прямо под ребра. Его лицо побледнело, потом стало серым, как пепел. Фрай взвыл, выпустил Хилари и, отшатнувшись к противоположной стене, рухнул на пол.

Хилари всю передернуло от отвращения и боли, когда она поняла, что произошло, но она стояла, готовая к новому нападению Фрая, сжимая нож.

А тот с ужасом смотрел на живот. Из ран сочилась струйки крови, заливая брюки и свитер.

Хилари не стала дожидаться агонии. Она вбежала в комнату для гостей и, заперев за собой дверь, с минуту прислушивалась к стонам и проклятиям Фрая, а также его неуклюжим попыткам подняться на ноги. Неужели у него хватит сил выломать дверь? Потом Хилари показалось, будто он удаляется, но у нее не было уверенности. Она опрометью бросилась к телефону и, не вытирая рук, набрала номер полиции.

* * *

Сука! Поганая сука!

Фрай сунул руку под желтый свитер и нащупал нижнюю рану – ту, что особенно кровоточила. Он попытался свести края вместе и удержать в этом положении. Сквозь рану уходила жизнь.

Он не испытывал какой-то особенной боли. Что-то похожее на электрические разряды в боку. Тупое жжение в животе. Вот и все. И тем не менее Фрай знал, что смертельно ранен и ситуация с каждой минутой ухудшается.

Зажав одной рукой живот, а другой держась за перила, он начал спускаться по предательским ступенькам – они качались, словно в карнавальном домике смеха. Когда он наконец достиг первого этажа, его заливал пот.

Фрай вышел из дома, и его ослепило солнце. Такого солнца он еще не видел: этот огромный монстр заполнил все небо и нещадно палил, точно пытаясь уничтожить Бруно Фрая. Еще немного, и у него начнут плавиться зрачки и мозги.

Согнувшись в три погибели, он проковылял два квартала и добрался до своего фургона. Вскрабкаясь на сиденье и хлопнул дверцей. Ему показалось, что она весит десять тысяч фунтов.

Одной рукой вертя руль, Фрай доехал до Уилширского бульвара, свернул направо, потом налево и притормозил возле телефона-автомата.

Кровотечение не унималось. Жжение в желудке становилось все сильнее. В боку кололо, как иголками. Но Фрай знал: худшее – впереди.

Он с огромным трудом добрался до плексигласовой будки и не смог вспомнить свой домашний номер. Пришлось звонить на коммутатор в Напа-Валли.

– Алло? – послышался голос телефонистки.

– Соедините меня с квартирой мистера Бруно Фрая.

– Секундочку.

В трубке раздался щелчок, а затем мужской голос ответил:

– Алло?

– Я смертельно ранен, – сказал Фрай. – Я умираю.

– Господи, нет! Нет!

– Придется вызвать «Скорую помощь». И тогда... они узнают правду.

Они еще немного поговорили. Обоими владели страх, растерянность и отчаяние. Время от времени Фрай издавал стон, и его собеседник в графстве Напа вторил ему, словно сам испытывал ту же боль.

– Я должен вызвать «Скорую», – выдавил из себя Фрай и повесил трубку.

Кровь ручьями стекала с него на асфальт.

Он снова снял трубку и попробовал набрать номер «Скорой помощи», но пальцы не слушались. Все его тело – плечи и руки с буграми мышц, спина, грудь, бедра – больше не подчинялось его приказам.

Он так и не смог позвонить и не сумел удержаться на ногах. Грузное тело Бруно Фрая обмякло и вывалилось из телефонной кабины.

Как страшно!

Он уговаривал себя, что так же, как Кэтрин, восстанет из гроба. «Я вернусь и доберусь до нее! Я обязательно вернусь!» Но и сам не верил в это.

Для него вдруг наступил миг прозрения. Что, если он ошибался насчет воскрешения Кэтрин из мертвых? Если только внушил себе это и убивал ни в чем не повинных женщин? Неужели он лишился рассудка?

Новый приступ боли отвлек его от этих мыслей. В глазах было темно. Он почувствовал, как по нему ползет какая-то тварь. Много-много тварей. Карабкаются по рукам и по ногам. Ползут по лицу. Заползают в глаза, ноздри, уши, рот... Он попытался крикнуть и не смог.

Шорохи. Нет!..

Шорохи слились с его последним воплем. И все поглотила темная река.

* * *

В четверг утром Тони Клеменца и Фрэнк Говард заехали к Джилли Дженкинсу, старинному приятелю Бобби Вальдеса. Джилли сообщил, что, когда он видел Бобби в последний раз, тот только что уволился из прачечной на Олимпийском бульваре. Больше Джилли ничего о нем не знал.

Прачечная оказалась большим одноэтажным строением, возведенным в начале пятидесятых годов, в то самое время, когда бездарные лос-анджелесские архитекторы впервые попытались скрестить псевдоиспанский стиль с современным производственным. Просто уму непостижимо, подумал Тони, как мог появиться на свет этакий уродец. Оранжево-красная черепичная крыша сплошь утыкана кирпичными трубами, из которых валит пар. На резных окнах металлические решетки. Прямые стены, острые углы – и закругленные, типично испанские арки. Здание походило на вышедшую в тираж проститутку, отчаянно пытающуюся с помощью пышного наряда сойти за леди.

Рабочий стол владельца прачечной, Винсента Гарамалкиса, стоял прямо в цеху, на трехфутовом возвышении, откуда ему было удобно наблюдать за рабочими. Это был

невысокий коренастый человек с небольшой лысиной, грубыми чертами и неожиданно добрыми глазами газели. Он стоял подбоченившись и враждебно поглядывал на непрошенных посетителей.

– Полиция. – Фрэнк махнул удостоверением.

– Не Иммиграционная служба, – поспешил уточнить Тони.

– С чего вы взяли, будто я ее боюсь? – огрызнулся хозяин прачечной. – Я чист как стеклышко. У всех моих рабочих документы в полном порядке.

– Нам нет до этого никакого дела, – заверил Тони. – Мы просто хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Это еще о чем?

– Вы знаете этого человека?

Гарамалкис покосился на фотографии.

– А что?

– Нам необходимо его разыскать.

– Зачем?

– Он скрывается от полиции.

– Ну и что с того?

– Слушай, ты, задница! – У Фрэнка лопнуло терпение. – Мы можем сделать так, что у тебя будут крупные неприятности. Нам наплевать, что у тебя тут вкалывают беспаспортные, но если не будешь помогать следствию, будешь иметь дело с Иммиграционной службой. Допер?

Тони перехватил инициативу:

– Мистер Гарамалкис, мой отец иммигрировал в Штаты из Италии. Все его документы были в абсолютном порядке, и вскоре после переезда он выправил американское гражданство. Но они все равно стали его доставать – из-за неточности в собственных записях. Это тянулось больше пяти недель. Они являлись к нему на работу и к нам домой – в самое неподходящее время. Угрожали. Чуть не депортировали. У отца не было денег на хорошего адвоката, и мать почти постоянно билась в истерике, пока все не кончилось. Так что, как видите, у меня нет особой любви к Иммиграционной службе. Я палец о палец не ударю, чтобы им помочь, мистер Гарамалкис.

Владелец прачечной вздохнул и сплюнул.

– Когда пару лет назад бузили иранские студенты, эти скоты, видите ли, не могли дать им под зад, чтобы убегали из страны. Они были очень заняты – придирались к моим рабочим. Те, кого я беру на работу, по крайней мере, не поджигают дома, не переворачивают машины и не забрасывают полицейских камнями. Это порядочные, трудолюбивые люди. Не психи и не религиозные фанатики. Просто они не умеют давать сдачи. Вся эта система – дерьмо собачье!

Гарамалкис снова вздохнул и бросил взгляд на фотоизображение Бобби Вальдеса.

– Да, он здесь работал. В начале лета. Конец мая – начало июня.

– Как он представился?

– Хуан.

– А фамилия?

– Не помню. Можно посмотреть в журнале.

Как выяснилось, Бобби устроился на работу в прачечную под именем Хуана Маккезы. В регистрационном журнале значился его адрес на Ла-Бри-авеню.

– Если мы не найдем Хуана Маккезу по этому адресу, – предупредил Тони, – придется вернуться и порасспросить ваших рабочих.

– Это будет нелегко, – ухмыльнулся Гарамалкис. – Они не говорят по-английски.

Тони усмехнулся и выдал несколько фраз по-испански. Это произвело на Гарамалкиса сильное впечатление.

Когда они катили по направлению к Ла-Бри-авеню, Фрэнк нехотя произнес:

– Нужно отдать тебе должное, у тебя с ним получилось гораздо лучше.

Это был первый раз за три месяца, когда он признал превосходство методов Тони над своими собственными.

– Хотел бы я перенять у тебя парочку приемов. Не все, разумеется. В большинстве случаев мой способ эффективнее. Но случается и так, что свидетель открывает тебе то, что я и за миллион лет из него бы не вытянул. Да, хотел бы я обладать твоей ловкостью.

– Этому легко научиться.

– Не-а. Нам и так хорошо. Мы – классический случай, когда два чертовых копа дополняют друг друга.

Фрэнк помолчал и заговорил, только когда они остановились на красный свет:

– Я бы еще кое-что сказал, да, боюсь, тебе не понравится.

– Попробуй, – улыбнулся Тони.

– Насчет той женщины.

– Хилари Томас?

– Ага. Ты вроде бы втрескался?

– Не пори чепухи. Она, конечно, очень красива, но...

– Не вешай мне лапшу на уши. Видел я, как ты на нее пялился.

Машина снова тронулась с места.

– Ты прав, – после долгой паузы подтвердил Тони. – Хотя, ты ведь знаешь, я не бросаюсь на первую встречную.

– Мне иногда начинает казаться, что ты евнух.

– Хилари не такая, как другие. Дело даже не в красоте, хотя, конечно, ей в этом не откажешь. Мне нравится, как она двигается, держится, разговаривает. Нравится не голос, а то, как она самовыражается. Ее образ мыслей...

– Я тоже нахожу, что у нее смазливенькая мордашка, но что касается ее образа мыслей...

– Она не лгала.

– А как же шериф Лоренски?

– Должно быть, она что-то перепутала, но уж никак не сочинила. На нее действительно напал кто-то, похожий на Бруно Фрая.

– Сейчас ты обидишься, – предупредил Фрэнк.

– Валяй.

– Не важно, что она задурила тебе голову, но ты вел себя некорректно по отношению ко мне.

Тони растерялся.

– А что я сделал?

– Так не поступают с напарником.

– Не понимаю.

Фрэнк весь залился краской и не отрывал глаз от дороги.

– Во время допроса ты несколько раз брал ее сторону. Если тебе что-то не нравилось, ты мог бы как-то незаметно дать мне знать. Но не высказываться в ее присутствии.

– Фрэнк, ей столько пришлось пережить...

– Дерьмо собачье! Ничего ей не пришлось пережить! Она все это высосала из пальца.

– Не могу с тобой согласиться.

– Потому что думаешь яйцами, а не головой! Тебе следовало отвести меня в сторону и...

– Но я же так и сделал, когда она отвечала на вопросы репортеров! Я спросил, что ты против нее имеешь, но ты не захотел раскрывать карты.

– Что толку? К тому времени ты уже по уши влип.

– Брось, Фрэнк. Ты знаешь, я никогда не позволяю личному влиять на работу. А вот ты – да! Причем только с женщинами. Тебе доставляет удовольствие играть с ними, как кошка с мышкой.

– И они всякий раз колются.

– Да, но этого можно было добиться иными, более гуманными методами. Послушай, Фрэнк, я не знаю, что тебе сделала твоя бывшая жена, но это еще не повод ненавидеть всех женщин.

– Опять эта фрейдистская чушь?

– Нет, Фрэнк, все гораздо хуже. Ты поступаешь непрофессионально.

Они некоторое время ехали молча. Потом Тони заговорил:

– И все-таки, каковы бы ни были твои недостатки, ты классный детектив.

Фрэнк вздрогнул от неожиданности.

– Честно, – продолжал Тони. – Нам не очень-то удастся притереться друг к другу. Большой частью мы гладим друг друга против шерсти. Возможно, мы так и не сработаемся. И все-таки ты хороший коп.

Его напарник откашлялся.

– Ты тоже – несмотря на то, что бываешь слишком мягким.

– А ты – черствым сукиным сыном.

– Попросишь другого напарника?

– Еще не решил.

– Я тоже.

– В нашей профессии опасно не находить общего языка с партнером. Постоянное напряжение делает человека более уязвимым.

– Это точно! – согласился Фрэнк. – Мир кишмя кишит вооруженными подонками. Напарник должен быть как бы частью тебя самого.

– Кажется, мы приехали, – сказал Тони.

Владелицу меблированных комнат «Пальмира» звали Лана Хэверби. Это была загорелая блондинка лет сорока, в шортах и майке, похожей на бюстгальтер. У нее было явно преувеличенное представление о своей сексапильности, потому что она не сидела и не стояла, а позировала. Ноги и правда были ничего, но все остальное явно оставляло желать лучшего: расплывшаяся талия, мощные бедра и такой же необъятный бюст. У Ланы был бессмысленный, блуждающий взгляд, и она не заканчивала предложений.

Все трое сели на диван, и Лана уставилась на фотографии Бобби Вальдеса.

– Да, это он, – проворковала она. – Такой милашка!

– Он живет в вашем доме?

– Съехал. Первого августа.

– Он жил один?

– Вы имеете в виду девушку?

– Девушку, парня – все равно, – нетерпеливо пробурчал Фрэнк.

– Один, один, – залепетала Лана. – Правда, хорошенький?

– Он не оставил нового адреса?

– К сожалению, нет.

– Он что, задолжал за квартиру?

Лана Хэверби моргнула.

– Ну что вы. Просто я хотела бы его навестить. Я на него запала.

Она не спросила, зачем им понадобился Бобби Вальдес, то бишь Хуан Маккеза. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что ее «милашка» – садист и насильник?

– Он вам не рассказывал, где работает?

– В какой-то прачечной. Но вообще-то у него водились деньжата.

– У Хуана Маккезы была машина?

– Недавно купил новенький «Ягуар». Можете мне поверить, это просто игрушка!

– Дорогая игрушка, – уточнил Фрэнк.

– Кажется, он перешел на выгодную работу.

– Куда?

– Не знаю, он не говорил. Но я, как только увидела этот «Ягуар», сразу поняла: он здесь не задержится.

Больше она ничего не знала. Детективы собрались уходить. Лана Хэверби проводила их до двери и загородила собой проход, прислонившись к косяку и согнув одну ногу в колене, как на картинке в цветном календаре. Под майкой колыхались желатиновые груди.

Тони улыбнулся.

– Спасибо за помощь, мисс Хэверби.

– Когда мне было двадцать три, – Лана мечтательно закатила глаза, – я работала официанткой, но скоро ушла. Тогда еще «Битлы» только-только начали греметь. Я была девочка что надо и водила дружбу со всеми модными группами. Это была фантастика! Я спала со всеми знаменитыми музыкантами.

Вернее, со всеми знаменитыми группами, подумал Тони. Раньше он никогда не задавался вопросом, что случается с молоденькими фанатками. Теперь он знал: после нескольких бурных месяцев или лет, после моря выпитого виски и моря кокаина – либо героина, – когда у девушки появлялись первые морщинки и начинали обвисать груди, ее вышвыривали из постели, и больше ни одна группа не желала с ней знаться. Замужество для большинства из них было исключено. Одной из таких девушек, Лане Хэверби, повезло: она стала хозяйкой меблированных комнат.

– Может, заглянешь как-нибудь? – предложила она Тони. – Когда не будешь на дежурстве.

– Возможно, – солгал он и тут же поспешил загладить свою неискренность: – У вас красивые ноги.

Это, по крайней мере, было правдой, но Лана не умела принимать комплименты. Она захихикала и положила обе руки себе на грудь.

– Обычно все млеют от моих титок.

– Увидимся, – промямлил Тони и прошмыгнул вслед за Фрэнком.

В их стареньком седане Фрэнк спросил:

– Ну, и что ты думаешь об этом «Ягуаре»?

– Думаю, что, если Бобби не грабит банки, для него есть только один способ зашибать большие бабки.

– Наркотики, – предположил Фрэнк.

– Кокаин, марихуана, может быть, ЛСД.

– Это дает новую отправную точку для наших поисков, – оживился Фрэнк. – Нужно прижать несколько крупных торговцев. Когда земля будет гореть у них под ногами, они принесут нам Бобби на серебряной тарелочке.

– Сейчас позвоню. – Тони набрал номер управления и попросил выяснить номер «Ягуара», принадлежащего Хуану Маккезе. Если это удастся, можно будет передать дело в руки дорожной полиции.

Ответившая на сигнал дежурная сообщила, что их с Фрэнком уже целых два часа разыскивают в связи с новым поворотом в деле Хилари Томас. Им предстояло срочно ехать в Вествуд.

Тони убрал радиотелефон в бардачок.

– Я знал, черт возьми, что она говорила правду!

– Погоди петушиться, – осадил его Фрэнк. – Она могла снова что-нибудь выдумать.

– Не любишь сдаваться, да?

– Нет – когда я убежден в своей правоте.

Через несколько минут они были возле дома Хилари Томас. Здесь уже стояли две машины прессы, полицейская лаборатория на колесах и еще несколько полицейских машин.

К ним подошел сержант Уорри Превитт, которого Тони знал в лицо.

– Это вы, парни, были здесь ночью?

– Точно, – подтвердил Фрэнк.

– Что с женщиной? – спросил Тони.

– Небольшой шок.

– Она не ранена?

– Несколько царапин на горле.
– Что-нибудь серьезное?
– Нет.
– Да что случилось-то? – вмешался Фрэнк.
Превитт передал услышанное от Хилари Томас.
Фрэнк не унимался:
– Есть доказательства, что она говорит правду?
– Я знаком с вашей точкой зрения, – ответил Превитт. – Но доказательства есть.
– Что конкретно?
– Преступник залез в дом, разбив стекло в одном из окон, выходящих в розарий. Исключительно ловкая работа. Обклеил стекло клейкой лентой, чтобы не было слышно звона осколков.
– Она сама могла это сделать, – буркнул Фрэнк.
– Разбить стекло в собственном доме?
– Почему бы и нет?
– Видите ли, – возразил Превитт, – там лужи крови. Не ее группы. На стенах, на полу; кровавые отпечатки на перилах и ручке двери.
– Человеческая кровь? – спросил Фрэнк. – Не подделка?
Превитт воззрился на него.
– Ребята из лаборатории еще не закончили анализы. Но я убежден, что это кровь человека. Кроме того, соседи видели, как он убегал, согнувшись в три погибели: это соответствует заявлению мисс Томас, что она дважды пырнула его ножом в живот.
– Куда он делся? – спросил Тони.
– Один свидетель видел, как он садился в серый «Додж» в двух кварталах отсюда. И укатил.
– Номер известен?
– Нет. Но мы дали ориентировку всем постам.
Фрэнк Говард поднял опущенную было голову.
– Может, так оно и есть, но эта история не имеет ничего общего со вчерашней. Сама накаркала, вот на нее и напали по-настоящему.
– Она клянется, что это тот же самый человек, – ответил Превитт.
Фрэнк встретился взглядом с Тони и проворчал:
– Но, уж во всяком случае, не Бруно Фрай. Ты помнишь, что сказал шериф?
– Я и не настаивал, что это был Бруно Фрай, – жестко ответил Тони. – Я допускал, что это был кто-то похожий на него.
– А она настаивала!
В это время из дома вышел сержант Гарни.
– Эй! – крикнул он. – Его нашли! Человека, которого она зарезала!
Тони, Фрэнк и Превитт поспешили к крыльцу.
– Только что позвонили, – объяснил Гарни. – Его обнаружили мальчишки на скейтбордах. Двадцать пять минут назад.
– Где?
– Далеко отсюда. В районе Сепулведа. Он лежал рядом со своим фургоном.
– Мертвый?
– Мертвее не бывает.
– У него было удостоверение личности? – спросил Тони.
– Ага, – ответил сержант Гарни. – Все так, как говорила леди. Его звали Бруно Фрай.

* * *

Холодно.

Мерное жужжание кондиционеров. Ледяные потоки воздуха от двух вентиляторов под

потолком.

Хилари обхватила руками плечи. Слева от нее стоял лейтенант Говард. Справа – лейтенант Клеменца.

Помещение мало напоминало морг – скорее кабину космического корабля. Хилари подумала, что уж точно предпочла бы совершить путешествие в другую галактику, а не стоять здесь и ждать, пока ей предъявят для опознания труп убитого ею человека.

Наконец служитель морга вкатил тележку и откинул с лица покойника простыню. У Хилари закружилась голова, во рту пересохло. Лицо Бруно Фрая было белым и безжизненным, но на какую-то долю секунды ей показалось, будто он открыл глаза.

– Это он? – спросил лейтенант Клеменца.

– Это Бруно Фрай, – слабым голосом ответила она.

– Но это тот самый человек, который напал на вас? – спросил лейтенант Говард.

– Ради бога, не начинайте все сначала, – проговорила она. – Умоляю вас.

– Нет-нет, – поспешил заверить Тони. – Лейтенант Говард больше не сомневается в ваших показаниях. Мы знаем, что этот человек – Бруно Фрай. У него нашли удостоверение личности. Единственное, в чем мы хотим убедиться, это что он и есть тот человек, который покушался на вас.

– Да, – подтвердила Хилари. – Я уверена. Я все время была уверена. Теперь он будет сниться мне каждую ночь.

– Мы проводим вас домой, – сказал Тони.

Она вышла из морга – несчастная оттого, что убила человека, и счастливая потому, что ее враг мертв.

* * *

Возле ее дома Фрэнк Говард произнес:

– Мисс Томас, я должен извиниться перед вами.

Тони ожидал этого, но его удивили искренние нотки в голосе Фрэнка и пристыженное, мягкое выражение его лица. Хилари тоже была удивлена.

– Ах... ну... полагаю, вы исполняли свои обязанности.

– Нет, – возразил Фрэнк. – В том-то и дело, что я очень плохо их исполнял.

– Все это уже позади, – проговорила она.

– Но вы принимаете мои извинения?

– Конечно, – после секундного замешательства ответила Хилари.

– Поверьте, мне очень стыдно.

– Главное, Фрай не будет больше меня беспокоить, – сказала Хилари. – Это единственное, что имеет значение.

Тони помог ей подняться на крыльцо.

– Вам придется давать показания у коронера, – предупредил Фрэнк.

– Зачем? Я заколола его, когда он находился в моей квартире, против моей воли. Он угрожал моей жизни.

– Нет никаких сомнений в том, что это случай самозащиты, – заверил Тони. – Просто нужно соблюсти кое-какие формальности.

Хилари отперла дверь и ослепительно улыбнулась ему.

– Спасибо, что поверили мне, даже несмотря на свидетельство шерифа Напы.

– Мы проверим, в чем там дело, – пообещал он. – И если вам будет интересно, доложу о результатах.

– Мне интересно.

– О'кей. Я дам вам знать.

– Благодарю вас.

Хилари переступила через порог. Тони не шелохнулся. Хилари оглянулась на него.

– Что-нибудь еще?

– Всего один вопрос. Вы не поужинаете со мной в субботу?

Хилари безмерно удивилась.

– Ах... нет, не думаю. Я буду очень занята.

– Что ж. Удачи вам в «Уорнер Бразерс».

– Спасибо.

Тони сделал несколько шагов к автомашине и остановился. На дорожку выскочил маленький шустрый лягушонок. Тони посмотрел на него и спросил себя:

– Не слишком ли легко я сдался?

Лягушонок пискнул.

– Что я теряю? – продолжал Тони.

Лягушонок снова пискнул.

Тони оставил новоявленного Купидона позади и позвонил в колокольчик. Хилари увидела его в дверной глазок и открыла дверь. Не успела она открыть рот, как Тони заговорил:

– Я похож на Квазимодо?

– Как? – растерялась она.

– Я не ковыряюсь в зубах на людях, – заверил он.

– Лейтенант Клеменца!

– Или все дело в том, что я – коп?

– Что-что?

– Некоторые не считают полицейских за людей.

– Я не из их числа.

– Вы не сноб?

– Нет. Просто...

– Может, все дело в том, что у меня мало денег и я не живу в Вествуде?

– Лейтенант, я провела большую часть своей жизни в бедности и далеко не всегда жила в Вествуде.

– Тогда в чем дело? Что со мной не так?

Хилари улыбнулась.

– Все так, но...

– Ну, слава богу!

– Просто у меня нет времени.

– Мисс Томас, даже президент Соединенных Штатов ухитряется иногда выкроить вечеров для себя. Даже глава «Дженерал моторс». Даже папа. Даже господь бог отдохнул в седьмой день от трудов праведных.

– Лейтенант...

– Меня зовут Тони.

– Тони, после всего, что мне пришлось пережить за последние два дня, я не очень-то настроена веселиться.

– Если бы я собирался веселиться, то пригласил бы клоунессу.

Хилари снова улыбнулась, и ему безумно захотелось поцеловать ее.

– Мне нужно побыть одной.

– Вот как раз этого-то вам и не нужно после всего, что произошло. Я не единственный, кто так считает. – Тони оглянулся. Его маленький друг по-прежнему сидел на дорожке. – Спросите мистера Лягушонка.

– Кто это?

– Мой добрый знакомый. Очень мудрая особа. – Тони слегка нагнулся и уставился на лягушонка. – Скажите, мистер Лягушонок, ей нужно развеяться?

Зверюшка пискнула.

– Вы совершенно правы, – резюмировал Тони. – А как по-вашему, я подхожу ей в спутники?

– Пи-пи, – ответил лягушонок.

– Что он сказал? – поинтересовалась Хилари.
– Что, если вы откажетесь поужинать со мной, он запрыгнет к вам в спальню и будет всю ночь квакать.

Хилари улыбнулась.

– Тогда сдаюсь.

– Значит, в субботу? Я заеду за вами в семь часов.

– Что мне надеть? – спросила Хилари.

– Что-нибудь обычное. Так до субботы? – Он обернулся к лягушонку: – Спасибо, друг мой.

Тот мигом ускакал в кусты.

– Смущается, когда его благодарят, – прокомментировал Тони.

Хилари, смеясь, закрыла за собой дверь. Когда они отъехали, Фрэнк спросил:

– Что ты там делал так долго?

– Условился о свидании.

– С ней?

– С кем же еще?

– Счастливцев!

Они проехали еще пару кварталов. Фрэнк сказал:

– Уже четыре. Пока доедем до управления и отчитаемся, будет пять часов. Хочешь один раз в жизни вовремя уйти с работы? До завтра с Бобби Вальдесом ничего не случится. Зайдем куда-нибудь выпить? В «Дыру», например?

Это был первый раз, когда Фрэнк предложил вместе провести свободное время.

* * *

В четыре тридцать главный патологоанатом подписал распоряжение о частичном вскрытии трупа Бруно Гантера Фрая: только в области ранения. Он не стал выполнять вскрытие сам, потому что спешил на шестичасовой самолет до Сан-Франциско, а поручил своему помощнику.

Покойник ждал в холодильной камере вместе с другими мертвецами, такой же неподвижный, как они.

Через двадцать минут после возвращения Хилари домой у нее зазвонил телефон. Она сняла трубку.

– Алло?

Кто-то подождал несколько секунд и дал отбой. Ошибся номером? Но почему он не сказал об этом?

«Опять ты ищешь кругом чудовищ, – упрекнула она себя. – Фрай мертв. Это была страшная история, но она уже позади. Ты отдохнешь пару дней и приступишь к работе над постановкой «Волка». Иначе можно кончить дни в сумасшедшем доме».

* * *

Тони пришел домой, умылся, надел джинсы, голубую клетчатую рубашку и легкую куртку и отправился в бар «Дыра», недалеко от управления, куда часто заглядывали полицейские.

Фрэнк уже ждал его, по-прежнему в костюме. Тони поддел к нему.

Подошла официантка по имени Пенни, с ямочкой на подбородке и песочными волосами. Взъерошила Тони волосы и спросила:

– Что закажешь, Ренуар?

– Миллион наличными, «Роллс-Ройс», вечную жизнь и признание масс.

– А с чего начнем?

– Пожалуй, с пива.

– А мне бутылку «скотча», – попросил Фрэнк.

– Будет сделано.

Когда официантка отошла, Фрэнк поинтересовался:

– Почему она назвала тебя Ренуаром?

– Это был известный французский художник.

– Ну и что?

– Я тоже художник. Правда, не французский и не известный. Пенни обожает меня дразнить.

– Ты пишешь картины? А почему я не знал?

– Да я пару раз закинул удочку, но ты не проявил интереса. С таким же успехом можно было говорить о грамматике суахили.

– Ты работаешь маслом?

– И маслом. И карандашом. И тушью. И акварелью. Но больше всего маслом.

– Давно ты этим занимаешься?

– С детства.

– Продал что-нибудь?

– Я рисую не для продажи, а ради удовольствия.

– Я бы не прочь взглянуть.

– Как-нибудь приглашу тебя в свой музей.

– Музей?

– В свою квартиру. Там мало мебели, но очень много картин.

Пенни принесла напитки. Некоторое время они молча пили. Потом потолковали о Бобби Вальдесе и снова замолчали. Фрэнк заговорил первым:

– Ты, наверное, думаешь, зачем это я пригласил тебя посидеть в баре?

– Должно быть, чтобы выпить.

– Не только. – Фрэнк поворошил в бокале соломинкой. Звякнули кусочки льда. – Я хочу кое-что сказать.

– Ты уже сказал.

– Я ошибся в случае с мисс Томас.

– Ты принес ей свои извинения.

– Я и перед тобой хочу извиниться.

– Не стоит.

– Нет, подожди. Знаешь, почему я перестал различать, где правда, а где ложь? Это все из-за Вильмы.

– Твоей бывшей жены?

– Ага. Ты правильно сказал утром, что я заделался женоненавистником.

– Должно быть, она тебе здорово насолила?

– Дело не в этом, а в том, как это на меня подействовало. Ты знаешь, Тони, сколько я не спал с женщиной? Десять месяцев. С тех пор, как она ушла, – за четыре месяца до развода.

Тони не знал, что сказать.

– Она нашла другого? – спросил он наконец и сразу догадался, что попал не в бровь, а в глаз.

Но Фрэнк еще не был готов к такому откровенному разговору и сделал вид, будто не расслышал вопроса.

– Меня, главное, мучает то, что это отражается на работе. Я всегда стремился к совершенству. Так было до развода. Потом я возненавидел женщин и охладел к работе. – Он отхлебнул «скотча». – Но что, черт бы его побрал, стряслось с шерифом Напы? Почему он солгал?

– Скоро узнаем.

– Хочешь еще выпить?

– О'кей.

Тони почувствовал, что предстоит долгий разговор. Фрэнку необходимо выговориться и

таким образом избавиться от яда, вот уже целый год копившегося у него в душе.

* * *

В четверг, в семь часов десять минут вечера, патологоанатом совершил частичное вскрытие тела Бруно Гантера Фрая, мужского пола, белого, сорока лет от роду. Полного вскрытия не потребовалось, потому что причина смерти была совершенно очевидна. Две колотые раны. Верхняя была не смертельной: клинок повредил мышечную ткань и немного задел легкое. Зато на месте нижней раны оказалось сплошное кровавое месиво: нож пропорол желудок и задел поджелудочную железу. Смерть наступила от внутреннего кровоизлияния.

Выпустив оставшуюся кровь и остальную жидкость, патологоанатом зашил брюшную полость и велел отвезти покойника обратно в холодильную камеру. Там Бруно Фрай гораздо спокойнее чувствовал себя среди мертвых, чем когда-либо в обществе живых людей.

* * *

Чем больше Фрэнк пьянел, тем легче ему было рассказывать о женщинах в своей жизни.

Его первая жена, Барбара Энн, работала продавщицей в универмаге. Однажды она помогла ему выбрать подарок для матери. Она была такая хорошенькая, миниатюрная, с темными глазами, что он не удержался и попросил о встрече, будучи уверен, что она откажет. Однако она согласилась. Через несколько недель они уже спали вместе, а еще через семь месяцев поженились. Барбара Энн обожала все на свете планировать. Согласно ее плану, первые четыре года она будет продолжать работать, но они не станут тратить ни пенни из ее заработка, откладывая на покупку дома. Они продадут «Понтиак», так как он потребляет слишком много горючего, и станут обходиться ее «Фольксвагеном»: этого вполне достаточно, чтобы Фрэнк доезжал до управления, а она будет ходить на работу пешком. Она распланировала меню на целых полгода вперед. Фрэнк любил в ней эту расчетливую жилку, потому что в целом Барбара Энн была удивительно жизнерадостной, легкой на подъем и смешливой женщиной, импульсивной во всем, что не касалось финансов, и изумительной любовницей. В вопросах секса для нее не существовало ни расчетов, ни ограничений. Барбара Энн хотела иметь много детей, но не раньше, чем они купят дом. Она предусмотрела все на свете – кроме собственной болезни. Через два года после свадьбы у нее обнаружили рак лимфатических узлов, а еще через три месяца ее не стало.

Эта утрата совершенно выбила Фрэнка из колеи. Он чувствовал себя слабым, беспомощным и несчастным, но старался скрывать горе от людей. Чтобы заглушить тоску, с головой окунулся в работу. Работа стала его женой и любовницей, с ней он пытался забыть Барбару Энн. Это длилось девятнадцать лет. Постепенно Фрэнк стал работоголиком. Будучи патрульным офицером, он не мог самовольно продлевать часы службы и поэтому поступил на вечерние курсы по криминологии. Это помогло ему подняться по служебной лестнице и пополнить собой ряды детективов в штатском. По десять, двенадцать, четырнадцать часов в сутки он не думал ни о чем, кроме расследуемых в тот момент случаев, читал одну только профессиональную литературу; за одиноким завтраком и таким же одиноким ужином прокручивал в голове схему предстоящего допроса. Целых девятнадцать лет он был копом из копов, детективом из детективов.

За все эти годы он ни разу не подумал о женитьбе. Это осквернило бы его память о Барбаре Энн. Он мог неделями воздерживаться, а потом получал временное облегчение в обществе продажной женщины. По какой-то странной логике секс с проституткой не означал измены: деньги придавали отношениям характер сделки.

А потом он познакомился с Вильмой Комптон.

Сидя в отдельном кабинете бара «Дыра», Фрэнк поперхнулся именем этой женщины.

Он провел рукой по лицу, взъерошил себе волосы и заказал еще один двойной «скотч».

– Надо бы закусить чем-нибудь, – предложил Тони.

– Я не голоден, – буркнул Фрэнк.

– У них тут делают изумительные бутерброды с сыром. И картофель фри.

– Мне только «скотч».

В конце концов Фрэнк согласился на бутерброд, но никакого картофеля. Пенни забеспокоилась: не слишком ли много он пьет? Тони заверил ее, что лично доставит Фрэнка домой. Она принесла еще «скотча» и пива и удалилась.

Вильма Комптон.

Она была на двенадцать лет моложе Фрэнка. Хорошенькая, миниатюрная, с темными глазами. Стройные ноги. Аппетитная маленькая фигурка. Волнующая походка. Маленький тугой задик, осиная талия и неожиданно полные груди. Она была почти так же очаровательна, как Барбара Энн. Правда, у нее не было живости Барбары Энн, а также ее остроумия и бьющей через край энергии. Но внешне она отвечала сокровенным желаниям Фрэнка.

Вильма работала официанткой в кофейне, куда часто заглядывали полицейские. После того как она обслужила Фрэнка в шестой раз, он предложил встретиться. Во время четвертого свидания они легли в постель. Вильма обнаружила те же страстность и вкус к экспериментам, что и Барбара Энн. А если временами казалась поглощенной собственным наслаждением и не думала о нем, Фрэнк относил это на счет долгого воздержания. Кроме того, ему льстило, как он возбуждал ее. Через два месяца он предложил Вильме стать его женой. Она категорически отказала, с подкупающей прямоотой объяснив, что ее избранник должен иметь дом, солидный счет в банке и высокооплачиваемую работу. Ее первый брак распался из-за постоянных дразг, связанных с финансовыми затруднениями. Она убедилась, что бедность убивает любовь.

У Фрэнка были сбережения – тридцать тысяч долларов. Вильма Комптон покачала головой. «Этого достаточно лишь на карманные расходы. Нет, Фрэнк, я не могу больше подвергать любовь такому испытанию».

Мечты Вильмы о доме, о достатке напомнили ему Барбару Энн. Девятнадцать лет одиночества также сделали свое дело.

– Каким же я был идиотом! – пробормотал Фрэнк.

– Просто человеком, – возразил Тони. – Как все мы.

Фрэнк заказал еще двойной «скотч» и проигнорировал сандвич.

– Хочешь знать, что заставило Вильму передумать?

– Конечно.

– У меня умер отец и оставил мне в общей сложности девяносто тысяч – после уплаты налогов. Мы поженились. Через восемь месяцев Вильма выпотрошила меня подчистую.

– По законам штата, при разводе она не могла претендовать больше чем на половину.

– При разводе она не взяла ни пенни.

– Как?

– Там уже не осталось ни единого пенни. Она украла все мои деньги. Воспользовавшись доверенностью, перевела их все на собственный тайный счет. А через девять дней после развода вышла замуж за владельца игровых автоматов из графства Ориндж, который давно уже был ее любовником. Вот так я лишился всего. Она унесла с собой не только деньги, но и мое самоуважение. Честолюбие. Интерес к работе. Интерес к людям... – Фрэнк положил голову на руки.

Последние слова он произнес почти совсем неразборчиво, потому что сильно опьянел. Остановившись около его столика, Пенни шепнула Тони:

– Не давай ему больше пить. Как же он доберется до дому?

– Я отвезу его на своей машине.

Фрэнк вдруг всхлипнул:

– Тони... Мне страшно.

- Чего ты боишься?
 - Боюсь умереть в одиночестве.
 - Ты не умираешь, и ты не одинок, – возразил Тони.
- Фрэнк снова поник головой.

Проснувшись утром в своей квартире, он нашел прикрепленную к дверце холодильника записку:

«Дорогой Фрэнк.

Когда проснешься и вспомнишь обо всем, что ты мне рассказал, возможно, тебе станет не по себе. Прошу тебя не беспокоиться. Все это останется строго между нами. Завтра я тоже открою тебе кое-какие свои секреты, так что мы будем квиты. Для того и существуют друзья, чтобы время от времени изливать душу.

Тони».

* * *

По дороге домой Тони думал о бедном одиноком Фрэнке, а также о том, что его собственное положение не намного лучше. Его отец был жив, но много болел и, возможно, протянет не более пяти, от силы десяти лет. Сестер и братьев разметало по стране, и нельзя сказать, чтобы они были близки друг другу по духу. Да, у него много друзей, но это не совсем те друзья, каких хотелось бы видеть у своего смертного одра. Он хорошо понимал Фрэнка. На смертном ложе человек нуждается в руках жены, родителей или детей, которые поддерживали бы и придавали мужества. Он отдавал себе отчет в том, что сам воздвиг для себя башню из слоновой кости, пристанище его одиночества. Ему только тридцать пять лет, это еще почти молодость, но до сих пор он ни разу всерьез не задумался о женитьбе. И вдруг ощутил, как время струится меж пальцев. Годы уносятся с неимоверной быстротой. Кажется, только вчера ему было двадцать пять, а уже десятилетие пролетело.

Возможно, Хилари Томас – та самая женщина. Она не такая, как другие. Совсем особенная. Может, и она увидит в нем особенную, неповторимую личность. Может, у них что-нибудь и получится.

Доехав до дома, Тони еще некоторое время неподвижно сидел в своем джипе, думая о Хилари Томас и об одинокой старости.

* * *

В десять тридцать вечера, когда Хилари доедала свой ужин – сыр с яблоками – и одновременно читала роман Джеймса Клавеля, раздался второй звонок.

– Алло?

На другом конце провода молчали.

– Кто звонит?

Снова молчание.

Она швырнула трубку на рычаг. Когда вам угрожают или молчат в трубку, рекомендуется сразу давать отбой. Нельзя их поощрять. Наверное, у этого шутника раздался гром в ушах. Но от этой мысли ей не стало легче.

Хилари была убеждена, что это не ошибка. Человек, несколько раз набравший один и тот же неправильный номер, хоть раз, да извинится.

Даже после получения премии Академии искусств Хилари не испытывала нужды в незарегистрированном телефонном номере. Писатели не пользуются таким же бешеным успехом, как актеры и даже режиссеры. Широкой публике нет дела до того, чей сценарий отмечен премией. И если многие литераторы все же обращаются за номерами, которых нет в справочнике, то главным образом из соображений престижа. Хилари не испытывала потребности в самоутверждении такого рода.

Конечно, что-то могло измениться. Возможно, два отчета в газетах о ее приключении с

Бруно Фраем привлекли к ней внимание. Женщина, которая, защищая свою жизнь, убила опасного бандита, могла вдохновить людей определенного пошиба на аналогичные подвиги. Какой-нибудь скот мог попытаться преуспеть там, где потерпел поражение Бруно Фрай.

Рано утром она позвонила в телефонную компанию и попросила другой, незарегистрированный номер.

* * *

В ночь на пятницу, через десять минут после полуночи, в городском морге затрещал телефон. Дежурный, Элберт Уолвич, снял трубку.

– Морг.

Молчание.

– Алло? – сказал Элберт.

Человек на другом конце провода застонал и вдруг начал всхлипывать.

– Кто это? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Звонивший повесил трубку.

Элберт с минуту тупо смотрел на телефонный аппарат, потом вернулся к отложенному роману Стивена Кинга. Но он долго не мог успокоиться. Ему мерещилось, будто кто-то крадется за дверью. Он много раз проверял, но в коридоре никого не было.

Глава 4

Утро пятницы.

Девять часов.

В городской морг прибыли за трупом Бруно Гантера Фрая двое из похоронного дома «Энджелс Хилл». Им позвонили из похоронного бюро «Вечный покой» в городке Санта-Елена, где проживал покойный. Служитель «Энджелс Хилл» выписал квитанцию. Труп достали из холодильной камеры и погрузили в багажник «Кадилака».

* * *

Проснувшись, Фрэнк Говард не испытал похмелья. Крепкий организм моментально пришел в норму. Голубые глаза сияли. Очевидно, исповедь и впрямь полезна для душевного и физического здоровья.

Поначалу в управлении, а затем и в машине Тони чувствовал некоторую натянутость и приложил усилия, чтобы свести ее на нет. Постепенно Фрэнк убедился, что ничего не изменилось к худшему. Сегодня им работалось дружнее. Не то чтобы они достигли полной гармонии, как было у Тони с Майклом Саватино, но исчезли препятствия для установления такой гармонии в будущем.

Поиски «Ягуара», принадлежащего Хуану Маккезе, не увенчались успехом.

Очевидно, у Бобби Вальдеса был большой выбор фальшивых документов.

Тони с Фрэнком снова наведались в прачечную мистера Гарамалкиса и опросили всех, кто работал вместе с Бобби, или Хуаном Маккезой. Возможно, кто-нибудь еще поддерживает с ним связь. Однако все в один голос заявляли, что Хуан, как кошка, гулял сам по себе; никто ничего не знал о нем.

Следствие зашло в тупик.

На обед оба детектива заглянули в знакомую яичную. Тони спросил:

– Что ты делаешь завтра вечером?

– Ничего, – удивленно ответил Фрэнк.

– Хочешь свидание вслепую?

– Ты серьезно?

– Вполне. Есть одна интересная женщина. Я с ней уже говорил.

– Забудь об этом.
 – Она тебе подойдет.
 – Ненавижу сводничество.
 – Шикарная женщина.
 – Меня это не интересует.
 Тони вздохнул.
 – Ну, как знаешь.
 – Послушай, – сказал Фрэнк. – Если я и разоткровенничался вчера вечером...
 – Да?
 – То не хотел, чтоб меня жалели.
 – Все мы в этом нуждаемся – время от времени.
 – Я могу сам устроить свою личную жизнь.
 – Естественно.
 Они сосредоточились на омлете с сыром. Через несколько минут Фрэнк спросил:
 – Как ее зовут?
 – Кого?
 – Не будь ослом.
 – Дженет Ямада.
 – Японка?
 – Ну не итальянка же.
 – Что она собой представляет?
 – Умная. Общительная. Привлекательная. Работает в мэрии.
 – Сколько ей лет?
 – Тридцать шесть – тридцать семь.
 – Откуда ты ее знаешь?
 – Мы когда-то встречались, – признался Тони.
 – И что случилось?
 – Ничего. Просто мы поняли, что больше подходим друг другу как друзья, а не как любовники.
 – Думаешь, она мне понравится?
 – Убежден.
 – А я ей?
 – Если не будешь ковырять при всех в носу или есть руками.
 – Ладно, – выдохнул Фрэнк. – Я с ней познакомлюсь.
 – Да нет, – сказал Тони. – Раз тебе уж так не хочется...
 – Дай мне ее телефон.
 – Потом скажешь, что я навязал тебе ее.
 – Ты не навязывал.
 – Нет, Фрэнк. Я уже жалею, что предложил тебе это.
 – Черт побери, выкладывай телефон! – рявкнул Фрэнк. Потом ему кое-что пришло в голову: – Ты, может, хочешь войти в долю?
 – Ни в коем случае.
 – Кроме того, – ухмыльнулся Фрэнк, – ты бы не стал делиться Хилари Томас.
 – Вот именно.
 – Ты не боишься, что будешь чувствовать себя с ней не в своей тарелке?
 – С какой стати? – удивился Тони.
 – У нее много денег.
 – Это самое шовинистское высказывание из всех, какие мне доводилось слышать, – ответил Тони.

* * *

В час дня в пятницу тело лежало на столе для бальзамирования, с табличкой «Бруно Гантер Фрай», прикрепленной к большому пальцу правой ноги. Отсюда его должны были забрать в родные края.

Служитель похоронного дома «Энджелс Хилл» удалил оставшуюся после вскрытия кровь и прочую жидкость, продезинфицировал труп и ввел бальзамирующий состав. Он не стал заниматься косметическими работами: пусть их выполнят в Санта-Елене. Служитель только сомкнул веки и несколькими стежками суровой нитки сшил вместе губы, отчего на устах покойного застыла жуткая улыбка.

Труп завернули в клеенку и поместили в дешевый алюминиевый гроб – согласно предписаниям штата относительно транспортировки трупов. В Санта-Елене родственники и друзья покойного найдут гроб поприличнее.

В четыре часа гроб доставили в международный аэропорт Лос-Анджелеса. В шесть тридцать самолет приземлился в маленьком аэропорту Санта-Розы. Среди встречающих не было никого из семьи Бруно Фрая. Он был последним в роду. Его дед произвел на свет одну только дочь, красавицу Кэтрин, а у той не было детей. Бруно был приемышем. Сам он никогда не женился.

Гроб с телом Фрая встречали трое. Один был Аврил Томас Таннертон, владелец похоронного бюро «Вечный покой», обслуживавшего Санта-Елену и примыкающие населенные пункты в этой части долины. Мистеру Таннертону исполнилось сорок три года; это был импозантный, представительный мужчина с рыжеватыми волосами, россыпью веснушек на лице, живыми глазами и доброжелательной улыбкой, которую он старался сдерживать. Он прибыл в аэропорт Санта-Розы в сопровождении двадцатичетырехлетнего ассистента, Гэри Олмстеда, щедедушного молодого человека, который был склонен к разговорам едва ли не больше, чем покойники, с которыми постоянно имел дело. Если у Таннертона под налетом благочестия скрывалось добродушное озорство, то Олмстед, с вытянутым, скорбным, аскетическим лицом, как нельзя более подходил для своей профессии.

Третьим был Джошуа Райнхарт, адвокат и душеприказчик Бруно Фрая, управляющий его имением.

Джошуа Райнхарту шел шестьдесят второй год, и его можно было принять за дипломата или преуспевающего политика – благодаря густой серебристой седине, широкому лбу, длинному патрицианскому носу и массивной челюсти. У него были ясные карие глаза.

Ни интересы дела, ни личные обязательства не требовали приезда Джошуа в Санта-Розу. Вот уже много лет он вел дела винодельческой компании, принадлежавшей трем поколениям Фраев. Тридцать пять лет назад он без особого успеха пытался открыть юридическую практику в графстве Напа. Тогда-то Кэтрин Фрай и предложила ему вести семейный бизнес. Узнав вчера о кончине Бруно, он не испытал особого горя. Ни Кэтрин, ни ее приемный сын не вызывали у него симпатии. Джошуа решил сопровождать в Санта-Розу мистера Таннертона с помощником, только чтобы предотвратить балаган, который могли устроить газетчики. Хотя Бруно Фрай был неуравновешенным, больным и, возможно, очень злым человеком, Джошуа твердо решил похоронить его со всем возможным достоинством. Всю свою жизнь Джошуа был стойким патриотом Напа-Валли, приверженцем ее образа жизни и большим поклонником производимых здесь вин и не желал, чтобы на весь край легло несмываемое пятно позора из-за преступления одного человека.

К счастью, репортеров не оказалось. Очевидно, вся округа разделяла отвращение Райнхарта к огласке.

Небольшой кортеж двинулся к востоку от Санта-Розы, пересек Сонома-Валли и наконец оказался в залитой пурпурно-золотистыми закатными лучами Напа-Валли. Здесь они повернули на север. Следуя за катафалком, Джошуа любовался окрестностями. Вот уже тридцать пять лет долина в любое время года приводила его в восхищение. Смутно маячившие в надвигающихся сумерках склоны гор с чуть более освещенными вершинами поросли сосной, березой и елью. В глазах Джошуа горы служили крепостным валом, ограждавшим эту местность от порочных веяний, могущих проникнуть сюда из более

испорченного внешнего мира. У подножия гор высились черные стволы дубов. По всей долине были разбросаны маленькие городки, а все остальное пространство занимали виноградники. Именно здесь в 1880 году Роберт Льюис Стивенсон писал: «Вино – это разлитая по бутылкам поэзия». А раз так, подумал Джошуа, значит, и сама эта благословенная земля – произведение искусства.

Моя земля, мой дом, мое счастье.

Похоронное бюро «Вечный покой» расположилось в сотне ярдов от шоссе, в южной части Санта-Елены. Это было громадное, выкрашенное в белый и зеленый цвета здание в колониальном стиле. С наступлением темноты автоматически включился фонарь, освещавший вывеску. Здесь также не оказалось представителей прессы.

Гроб водрузили на тележку и повезли в мертвецкую.

Таннертон и его помощники приложили максимум усилий, чтобы придать помещению не слишком угрюмый вид. Обилие потолка светлой тканью, покрасили стены в голубой цвет – цвет яйца малиновки или детского одеяльца. Таннертон повернул выключатель, и из стереодинамиков полилась жизнеутверждающая музыка.

Тем не менее, по крайней мере, для Джошуа Райнхарта, это место было пристанищем смерти, как бы Аврил Таннертон ни лез из кожи вон, чтобы заставить забыть об этом. В воздухе носились тошнотворно-сладкие пары формалина. Пол был выложен белым кафелем. Очевидно, его часто драили; он стал таким скользким, что пройти по нему можно было лишь в обуви на резиновой подошве, какую носили Таннертон и его подчиненные. А вот сам Джошуа несколько раз чуть не упал.

Даже эта бьющая в глаза чистота пола в первую очередь говорила о необходимости защиты от пятен крови.

Клиенты Таннертона, родственники покойного, не допускались в мертвецкую, ибо все здесь наводило на печальные мысли. Снаружи, когда украшенный алым бархатом гроб с покойником выставлялся на всеобщее обозрение, еще можно было удовлетвориться выражением типа «ушел от нас» либо «господь призвал его к себе», но в этой комнате смерть носила угнетающе конкретный характер.

Олмстед открыл крышку алюминиевого гроба.

Аврил Таннертон развернул клеенку, оголив тело до самых бедер.

Джошуа взглянул на желтовато-серый, словно восковой, труп и содрогнулся.

– Это ужасно!

– Тяжелое испытание для вас, – с дежурной постной миной произнес Таннертон.

– Отнюдь, – возразил адвокат. – Я не собираюсь лицемерить, изображая великую скорбь. Я плохо знал покойного и не был от него в восторге. Нас связывали чисто деловые отношения.

Таннертон заморгал от удивления.

– Вот как? Но в таком случае, может быть, похоронами займутся другие друзья покойного?

– У него не было друзей.

Оба уставились на труп.

– Чудовищно, – проговорил Джошуа.

– Да, – согласился владелец похоронного бюро. – Они не стали утруждать себя косметическими работами.

– Вы не могли бы в этом плане что-нибудь предпринять?

– Да, разумеется. Но это будет нелегко. Смерть наступила более полутора суток назад. Хорошо, хоть рот зашили.

– Ужасные раны, – хрипло произнес Джошуа. – Она его всего изрезала.

– Большая часть надрезов – дело рук патологоанатома, – уточнил Таннертон. – А вот колотая рана. И еще одна.

– Они неплохо зашили рот, – одобчительно промолвил Олмстед.

– Не правда ли? – Таннертон дотронулся до соединенных суровой ниткой губ

покойного. – Не часто встретишь служителя морга с эстетической жилкой.

– Крайне редко, – поддакнул Олмстед.

Джошуа покачал головой:

– Мне все еще трудно поверить.

– Пять лет назад, – сказал Таннертон, – я хоронил его мать. Тогда я впервые столкнулся с Бруно Фраем. Он показался мне немного... не в себе, но я отнес это на счет постигшего его горя. Он был такой важный господин – чуть ли не самый влиятельный в округе.

– Черствый и скрытный, – жестко произнес Джошуа. – Беспощадный в бизнесе. Ему было мало разорить конкурента – нужно было добить его, окончательно уничтожить. Я всегда считал его склонным к жестокости, вплоть до физического насилия. Но покушение на изнасилование?! Предумышленное убийство?!.

Таннертон замялся, потом сказал:

– Мистер Райнхарт, о вас говорят, что вы слов на ветер не бросаете. Вас считают очень справедливым человеком, чуть ли не совершенством. И все же... говоря о мертвых...

Джошуа усмехнулся.

– Сынок, я всего лишь сварливый старик и никакое не совершенство. Ради истины я никогда не щадил живых. От меня плакали неразумные подростки и их мамы. С какой же стати я должен подбирать слова для мертвого негодяя?

– Я просто не привык...

– Разумеется. Ваша профессия обязывает вас питать уважение к мертвым, какими бы они ни были и чего бы ни совершили. Я вас не виню. Это ваш служебный долг.

Таннертон не нашелся, что сказать, и захлопнул крышку гроба.

– Давайте обсудим условия, – предложил Джошуа. – Я что-то проголодался. Если, конечно, ужин полезет мне в глотку. – Он сел на высокий табурет возле стеклянного шкафа с инструментами.

Таннертон вышагивал взад и вперед по комнате – сгусток энергии.

– Вы не будете возражать, если мы не выставим тело на всеобщее обозрение?

– Я не думал об этом, – ответил адвокат.

– Честно говоря, не представляю, что можно сделать, – признался Таннертон. – Эти люди в «Энджел Хилл» меньше всего заботились о его внешнем виде. В целом я недоволен их работой. Он весь усох. Можно было бы подкачать, но... он вряд ли станет краше. А косметические работы... Прошло слишком много времени. Должно быть, прежде чем его нашли, он какое-то время пролежал на солнце. А потом восемнадцать часов в холодильной камере. Боюсь, что нам не удастся придать ему сходство с живым человеком.

Джошуа почувствовал себя неловко.

– Хорошо, пусть будет закрытый гроб.

– Вы уверены, что ничего не имеете против?

– Абсолютно уверен.

– Прекрасно. В чем его похоронить? В деловом костюме?

– А это имеет значение – при том, что гроб не станут открывать?

– Для меня легче всего обрядить его в один из наших саванов.

– Отлично.

– Белый или ярко-голубой?

– Серо-буро-малиновый в крапинку.

– В крапинку?

– Или в голубую и оранжевую полоску.

Таннертон чуть было не захихикал, но огромным усилием воли подавил в себе такое желание. Джошуа заподозрил, что Аврил – веселый, любящий шутку человек, душа компании. Но он считал своим долгом соответствовать профессиональному имиджу.

– Пусть будет белый саван, – согласился Джошуа.

– Как насчет гроба? В каком стиле...

– На ваше усмотрение.

- В пределах какой суммы?
- Пожалуйста, не стесняйтесь в средствах. Покойный был очень богатым человеком.
- Говорят, он стоил два или три миллиона.
- Вдвое больше, – ответил Джошуа.
- Судя по тому, как он жил, этого не скажешь.
- И судя по тому, как он умер, тоже.

Таннертон ненадолго задумался и задал следующий вопрос:

- Как насчет церковного отпевания?
- Он не посещал церковь.
- Значит, ограничимся гражданской панихидой в узком кругу?
- Пожалуй.
- Я прочту что-нибудь из Библии, – пообещал Таннертон.

Они условились о времени похорон: в воскресенье в два часа дня. Бруно найдет свой последний приют возле своей приемной матери, Кэтрин Фрай.

Когда Джошуа собрался уходить, Таннертон задержал его:

– Кажется, до сих пор вы были довольны моими услугами? Смею заверить, что и все остальное сойдет как нельзя лучше.

– Да, конечно, – ответил Джошуа. – Во всяком случае, я понял одну вещь: когда придет мой черед, я предпочел бы, чтобы меня кремировали.

Таннертон согласно кивнул.

- Это мы вам устроим.
- Только не торопи меня, сынок. Не торопи меня.

Владелец похоронного бюро вспыхнул.

- Я хотел сказать...
- Знаю, знаю. Успокойся.
- Проводить вас?
- Спасибо, я сам найду дорогу.

Снаружи уже стемнело. Фонарь у входа освещал пространство в несколько футов, а дальше стояла густая, бархатная тьма. Дул сильный холодный ветер. Джошуа подошел к своему автомобилю. Когда он открывал дверцу, ему почудилось, будто от гаражей метнулась чья-то тень.

– Кто здесь? – крикнул он.

Ответила тишина.

Наверное, это ветер, подумал адвокат, но все-таки сделал несколько шагов в том направлении. Тень шарахнулась прочь.

Должно быть, приبلудная собака, решил он. Или мальчишки озорничают.

Джошуа сел в свою машину и поехал домой, по пути размышляя обо всем, что увидел и услышал в похоронном бюро Аврила Таннертона.

* * *

В субботу, ровно в семь часов вечера, Энтони Клеменца прибыл к Хилари Томас на своем стареньком голубом джипе.

Она вышла встретить его – в облегающем изумрудно-зеленом платье с длинными узкими рукавами и низким вырезом, что выглядело соблазнительно, но не вульгарно. Прошло четырнадцать месяцев со времени ее последнего свидания, и она уже забыла, как одеваются в подобных случаях, поэтому добрых два часа перебирала наряды, волнуясь, как школьница. Она приняла приглашение Тони, потому что он был самым интересным мужчиной из всех, кого она встретила за последние пару лет, а еще потому, что твердо решила покончить со своей привычкой прятаться от людей. Мягкий упрек Уолли Топелиса не прошел даром.

Хилари страшилась заводить близких друзей и любовников, потому что предвидела душевные страдания, связанные с гипотетической изменой и предательством. Но тем самым

она лишала себя радости.

Она не боялась рисковать в делах, и вот пришло время впустить дух авантюризма в ее личную жизнь. И Хилари пружинистой походкой, слегка покачивая бедрами, пошла навстречу голубому джипу, отчаянно стесняясь и в то же время чувствуя себя молодой и очень женственной.

Тони поспешил открыть перед нею дверцу.

– Карета ее величества королевы подана, – объявил он.

– Это какое-то недоразумение. Я не королева.

– Для меня – да.

– Я простая служанка.

– Вы прекраснее всякой королевы.

– Только бы она не услышала. Не то вам отрубят голову.

– Поздно.

– О!..

– Я ее уже потерял из-за вас.

Хилари застонала.

– Что, слишком приторно? – осведомился Тони.

– Да. Сейчас мне не помешал бы ломтик лимона.

– Тем не менее вам понравилось.

– Должно быть, я сладкоежка.

Они тронулись с места. Тони спросил:

– Вы не обиделись?

– Из-за чего?

– Из-за этой колымаги.

– А что в ней такого?

– Ну, это все-таки не «Мерседес».

– А «Мерседес» – не «Роллс-Ройс», а «Роллс» – не «Тойота». Вы относите меня к снобам?

– Да нет, – ответил Тони. – Просто Фрэнк говорит, что нам будет неловко друг с другом из-за того, что у вас больше денег.

– Насколько я могу судить, на мнение Фрэнка о людях не всегда следует полагаться.

– У него свои проблемы, – согласился Тони, сворачивая на Уилширский бульвар, – но он с ними справится. В Лос-Анджелесе говорят: «Скажи мне, какая у тебя машина, и я скажу, кто ты».

– Да? Выходит, вы – джип, а я – «Мерседес», и нам следует ехать не в итальянский ресторан, а на бензоколонку.

– Вообще-то я выбрал джип из-за высокой проходимости. Каждую зиму я выбираюсь на уик-энд в горы – покататься на лыжах.

– Мне всегда хотелось научиться кататься на лыжах, – сказала Хилари.

– Я вас научу. Подождите несколько недель, пока в горах выпадет снег.

– Вы думаете, через несколько недель мы все еще будем друзьями?

– Почему нет?

– Может, мы сегодня же поругаемся – прямо в ресторане?

– Из-за чего?

– Из-за политики.

– По-моему, все политики – рвущиеся к власти ублюдки, бездари, не способные даже завязать шнурки на своих ботинках, – сказал Тони.

– Я того же мнения.

– Я придерживаюсь либеральных взглядов.

– Я тоже – до известного предела.

– Не вижу предмета спора.

– Может, религия?

– Меня воспитывали как католика. Не думаю, что от этого много осталось.

– Тот же случай.

– Кажется, нам не из-за чего ругаться.

– А может, – сказала Хилари, – мы из тех, кто ссорится по пустякам?

– Например?

– Ну, скажем, вы обожаете чеснок, а я его терпеть не могу. И вообще, вдруг там, в ресторане, мне что-нибудь не понравится?

– Там, куда мы едем, вам понравится все, – заверил Тони. – Вот увидите.

Он привез Хилари в ресторан Саватино на бульваре Санта-Моника. Это было тихое, уютное место; из шестидесяти столиков только тридцать были заняты. Мягкое освещение. Оперные арии в исполнении Карузо и Паваротти. Огромное, во всю стену, панно в итальянском стиле – виноградные лозы и грозди, красивые смуглые мужчины и женщины; кто-то играет на аккордеоне, некоторые танцуют; пикник под оливами. Но дело было не столько в сюжете, сколько в манере художника, одновременно реалистичной и условной, как у Сальвадора Дали, хотя это ни в коем случае не было подражанием.

Хозяин, Майкл Саватино, бывший полицейский, чуть не задушил Тони в объятиях, а затем переключился на Хилари. Его жена Паула, ослепительная блондинка, немедленно подключилась к объятиям и поцелуям. Наконец, подмигнув Тони и несколько раз ткнув его пальцем в живот в знак одобрения, Майкл увел жену на кухню.

– Кажется, он очень хороший человек, – сказала Хилари.

– Майкл – парень что надо! Он был отличным напарником, когда мы вместе работали в отделе по расследованию убийств.

От полицейских дел разговор перешел на кино. Хилари было так легко, как будто они с Тони уже много лет были знакомы.

Он обратил внимание, что она рассматривает панно.

– Вам нравится?

– Просто замечательно.

– Серьезно?

– А вы разве не находите?

– По-моему, неплохо.

– Нет, не неплохо. А кто художник? Вы его знаете?

– Один любитель, – ответил Тони. – Он запросил за картину пятьдесят бесплатных обедов.

– И продешевил, – засмеялась Хилари.

Они еще поговорили о кино, книгах, музыке и театре.

Пища была так же хороша, как и разговор. Бефстроганов, лук, перец, маринованный чеснок и цукини... Салаты хрустели на зубах. Соусы придавали пище неповторимый вкус.

Когда ужин был окончен и Хилари посмотрела на часы, она не поверила своим глазам: десять минут двенадцатого!

Майкл Саватино подошел за своей законной порцией комплиментов и вполголоса сказал, обращаясь к Тони:

– Двадцать один.

– Нет, двадцать три.

– По моим записям – двадцать один.

– Врут твои записи.

– Двадцать один, – настаивал Майкл.

– Двадцать три. Вернее, двадцать три и двадцать четыре. Сегодня две порции.

– Ерунда, – не соглашался владелец ресторана. – Считаются визиты, а не порции.

Наконец Хилари не выдержала:

– Я выжила из ума или этот разговор действительно не имеет смысла?

Майкл укоризненно покачал головой.

– Когда Тони разрисовывал эту стену, я хотел заплатить, но он не согласился, а вместо

этого запросил несколько бесплатных обедов. Я настаивал на сотне, он – на двадцати пяти. Наконец мы сошлись на пятидесяти. Он недооценивает свою работу.

– Это панно – работа Тони?

– А он вам не сказал?

– Нет.

Под пристальным взглядом Хилари Тони сник.

– Поэтому он и купил джип, – объяснил Майкл. – Чтобы ездить в горы на этюды.

– А мне сказал, что любит кататься на лыжах.

– Это тоже. Но главное – этюды. Он должен гордиться. Но легче вырвать зуб у аллигатора, чем заставить Тони говорить о живописи.

– Я всего лишь любитель, – возразил тот.

– Это панно – настоящее произведение искусства, – не унимался Майкл.

– Без сомнения, – поддержала его Хилари.

– Вы – мои друзья, – сказал Тони, – поэтому из великодушия хвалите мои картины. Ни один из вас не может судить как профессиональный критик.

– Он дважды получал первые призы на выставках, – сообщил Майкл. – Спит и видит, как бы стать профессиональным художником.

– Профессиональный художник не получает дважды в месяц гарантированную зарплату, – горько возразил Тони. – И медицинскую страховку. И пенсию.

– Зато если продавать пару картин в месяц за полцены, ты будешь иметь гораздо больше, чем любой коп.

– Можно не продать ни одной за целых полгода.

Сидя в джипе, Хилари вернулась к этому разговору:

– Почему бы вам, по крайней мере, не выставить свои работы в картинной галерее?

Вдруг их кто-нибудь купит?

– Не купит. Я не такой уж хороший художник.

– То панно – просто замечательное.

– Хилари, вы все-таки не специалист.

– Я сама время от времени покупаю картины – и потому, что они мне нравятся, и потому, что это хорошее помещение капитала.

– С помощью директора картинной галереи?

– Да. Почему бы вам не показать ему свои работы?

– Мне будет трудно перенести отказ.

– Вам не откажут.

– Давайте больше не будем говорить о моих картинах.

– Почему?

– Надоело.

– А о чем мы будем говорить?

– Ну, например, о том, пригласите ли вы меня выпить немного бренди.

– Бренди?

– Может быть, коньяку?

– Да, вот это у меня есть.

– Какая марка?

– «Реми Мартин».

– Самый лучший. Но... я не знаю... наверное, уже поздно?

– Если вы не примете мое приглашение, – сказала Хилари, наслаждаясь этой маленькой игрой, – мне придется пить в одиночку.

– Первый признак алкоголизма.

– Вы толкаете меня на путь разрушения личности.

– Никогда себе этого не прощу.

Через пятнадцать минут они сидели рядом на диване, следили за огненными языками в камине и потягивали «Реми Мартин». У Хилари кружилась голова – не от коньяка, а от

близости Тони и от мысли, лягут ли они сегодня в постель. Она никогда не делала этого при первом свидании. Обычно Хилари была осторожна и не позволяла себе заходить слишком далеко, пока хорошенько не узнает человека. Но в этот первый вечер с Тони Клеменца она чувствовала себя удивительно легко и в полной безопасности. Он чертовски красив. Высокий, смуглый, очень серьезный. Аскетический тип. Типичная для полицейского властность и уверенность в себе. И в то же время – чуткость. Доброта. Ей было нетрудно представить себя обнаженной – под ним... а потом сверху... Зазвонил телефон.

– Черт! – выругалась она. – Должно быть, это опять этот тип.

– Какой тип?

– В последние два дня кто-то постоянно звонит и дышит в трубку.

– Ничего не говорит?

– Только слушает. Наверное, какой-нибудь сексуально озабоченный подонок из тех, кого привела в возбуждение напечатанная в газетах история.

Хилари встала с дивана. Тони последовал ее примеру.

– Ваш номер числится в справочнике?

– На следующей неделе я получу новый и не стану регистрировать.

Телефон продолжал надрываться. Опередив Хилари, Тони схватил трубку.

– Алло?

Ему не ответили.

– Резиденция мисс Томас слушает. У телефона детектив Клеменца.

Щелк!

Тони положил трубку на рычаг.

– Отключился. Должно быть, я его здорово напугал. Надеюсь, он больше не станет вас беспокоить. Но все равно это хорошая идея – насчет нового номера. Утром я позвоню на телефонную станцию и попрошу это ускорить.

– Спасибо, Тони.

Хилари обхватила руками плечи. Ее знобило.

– Не думайте об этом. Опыт показывает, что маньяки, угрожающие по телефону, таким образом расходуют весь запас агрессивности. Обычно они не способны к насилию.

– Обычно?

– Практически никогда.

Хилари жалко улыбнулась. Этот чертов звонок разрушил очарование. Ей больше не хотелось соблазнять Тони, и он это почувствовал.

– Наверное, мне пора.

– Да, уже поздно.

– Спасибо за коньяк.

– Спасибо за чудесный вечер.

У двери Тони спросил:

– Вы свободны завтра вечером?

Хилари собралась было ответить «нет», но вспомнила о словах Уолли Топелиса и о том, как чудесно было сидеть рядом с Тони на диване, и улыбнулась.

– Свободна.

– Куда бы вам хотелось отправиться?

– На ваше усмотрение.

Тони задумался. Потом сказал:

– Что, если начать прямо с обеда? Я заеду в полдень?

– Буду ждать.

Он нежно поцеловал ее в губы.

– До завтра.

– До завтра.

Хилари проводила Тони взглядом и заперла дверь.

* * *

В воскресенье, в десять часов утра, когда Тони пил на кухне грейпфрутовый сок, позвонила Дженет Ямада, та самая женщина, которая накануне встречалась с Фрэнком.

– Ну и как оно? – поинтересовался Тони.

– Изумительно! Просто изумительно!

– Серьезно?

– Он такой душка!

– Фрэнк душка?!

– Ты предупреждал, что он замкнутый, трудный в общении. Но это совсем не так.

– Правда?

– Он настоящий романтик.

– Фрэнк?!

– Кто же еще? В наше время найдется не так уж много мужчин – настоящих рыцарей. А Фрэнк еще помогает даме надеть пальто и пропускает в дверь. Он преподнес мне букет роз – они восхитительны.

– Наверное, тебе нелегко было с ним разговаривать?

– Что ты! У нас столько общих интересов!

– Например?

– Прежде всего бейсбол.

– Ах да! Я и забыл, что ты увлекалась бейсболом.

– Я заядлая болельщица.

– И вы целый вечер проговорили о бейсболе?

– Конечно же, нет. Мы говорили о фильмах.

– Ты хочешь сказать, что Фрэнк разбирается в кино?

– Он восхищается теми же старыми лентами Богарта, что и я. Правда, в последние годы он не ходил в кино, но мы это наверстаем. Сегодня же и начнем.

– Вы и сегодня встречаетесь?

– Ага. Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты меня с ним познакомил. И еще я хотела сказать, что, чем бы это ни кончилось, я всегда буду к нему добра. Он рассказал мне о Вильме. Какая подлость! Тони, я никогда не причиню ему зла.

Тони был потрясен.

– Фрэнк в первый же вечер рассказал тебе о Вильме?

– Он признался, что не мог ни с кем говорить о ней, но ты помог ему избавиться от ненависти.

– Я?

– У него словно камень с души свалился. Он говорит, ты замечательный.

– Да уж, Фрэнк прекрасно разбирается в людях!

У Тони поднялось настроение. Радуюсь успеху Фрэнка у Дженет Ямада и предвкушая свой собственный, он отправился в Вествуд на свидание с Хилари. Она ждала его и так и выпрыгнула из дверей, умопомрачительно красивая в черных брюках, голубой блузке и светло-синем блейзере. Садясь в машину, она легко, чуть ли не робко поцеловала его в щеку, и Тони почувствовал слабый аромат лимона.

День обещал быть прекрасным.

* * *

Всю субботу тело Бруно Фрая пролежало в «Вечном покое», никем не охраняемое и никому не нужное.

В пятницу вечером, после ухода Джошуа Райнхарта, Аврил Таннертон и Гэри Олмстед переложили труп в обитый изнутри плюшем и шелком гроб, украшенный бронзовыми пластинками. Они обрядили покойника в белый саван, расправив руки, чтобы они лежали

вдоль тела, и до груди укрыли белой бархатной накидкой. Поскольку состояние трупа оставляло желать лучшего, Таннертон не стал тратить время и усилия на придание ему более презентабельного вида. Гэри Олмстед посчитал это неуважением к покойнику, но Таннертон убедил его в том, что никакой грим не оживит эту желтовато-серую кожу.

– И потом, – добавил Таннертон, – мы с вами – последние, кто его видит. После того как мы заколотим гроб, его уже никто и никогда не откроет.

Без четверти десять они закрыли гроб крышкой, и Олмстед пошел домой, к своей маленькой милой жене и сынишке, а сам Аврил поднялся на второй этаж: его квартира находилась здесь же, над мертвецкой.

Рано утром в субботу Таннертон укатил в своем серебристо-сером «Линкольне» в Санта-Розу, взяв с собой все необходимое для ночлега, так как не собирался возвращаться раньше следующего утра. В Санта-Розе жила его пассия – на сегодняшний день последняя в длинной цепочке его приятельниц. Аврил исповедовал разнообразие. Женщину звали Хелен Виртильон. Ей недавно перевалило за тридцать, и она была очень хороша собой – стройная, с высокой крепкой грудью, которую Таннертон находил исключительно соблазнительной.

Аврил Таннертон пользовался успехом у женщин не вопреки, а благодаря своей профессии. Конечно, попадались и такие, которые отворачивались от него, узнав, что он – гробовщик. Но большинство были заинтригованы.

Он знал, что делало его привлекательным в их глазах. Когда человек имеет дело с мертвецами, смерть как бы сообщает ему частичку тайны, накладывает на него свой отпечаток. Несмотря на веснушки, мальчишеский взгляд, обаятельную улыбку, непринужденные манеры и незаурядное чувство юмора, Таннертон казался женщинам загадочной личностью. Они подсознательно верили, что его объятия – надежное укрытие от смерти: как будто услуги, которые он оказывал мертвым, давали ему и его близким некие льготы. Те же атавистические иллюзии характерны для некоторых женщин, выходящих замуж за врачей: словно мужа оградят их от всех микробов мира.

Итак, весь день в субботу, пока Аврил Таннертон в Санта-Розе занимался любовью с Хелен Виртильон, тело Бруно Фрая одиноко лежало в пустом доме.

В воскресенье утром, за два часа до рассвета, в «Вечном покое» раздался шум. Кто-то включил свет в мертвецкой, но, поскольку Таннертона не было дома, этого никто не увидел.

Непрошенный гость приподнял крышку гроба, и покойница огласилась воплями ярости и отчаяния. Но, поскольку Таннертон находился в Санта-Розе, этого никто не услышал.

* * *

Выжатый как лимон после почти бессонной ночи с Хелен Виртильон, Аврил Таннертон вернулся домой в воскресенье около десяти часов утра.

Он не стал заглядывать в гроб.

Потом они с Гэри Олмстедом отправились на кладбище и занялись приготовлениями к погребальной церемонии, намеченной на два часа дня.

В половине первого Таннертон протер гроб тряпкой, чтобы на бронзовых пластинках не осталось пыли. При этом перед его мысленным взором вставали божественные формы Хелен Виртильон.

Он не стал заглядывать в гроб.

В час дня Таннертон с Олмстедом водрузили гроб на катафалк и тронулись в путь.

В половине второго на кладбище собралось несколько местных жителей: Джошуа Райнхарт и другие. Для такого богатого и влиятельного гражданина, как Бруно Фрай, народу было на удивление мало.

Стояла холодная, ветреная погода. Деревья отбрасывали на дорогу раскидистые тени; на катафалке сменялись светлые и темные полосы. На кладбище гроб поставили поверх ремней возле свежерытой могилы, и человек пятнадцать собравшихся приняли участие в

гражданской панихиде.

Аврил прочел несколько стихов из Библии. Гэри Олмстед занял место у небольшого пульта, чтобы в нужное время привести ремни в движение и опустить гроб в могилу. Рядом с Таннертоном стоял Джошуа Райнхарт. Остальные двенадцать человек были виноградари и их жены. Они всегда продавали виноград Бруно Фраю и почли своим долгом явиться на кладбище. Ни у кого не было слез.

И никто не изъявил желания заглянуть в гроб.

Таннертон закончил чтение и подал сигнал Олмстеду. Тот нажал на кнопку, и тотчас заработал мотор. Заколоченный гроб плавно опустился в могилу.

* * *

Хилари никогда еще не было так хорошо.

Они с Тони Клеменца отправились пообедать в ресторан «Ямаширо Скайрум» в Беверли-Хиллз. Там подавали довольно заурядные блюда, но экзотическая обстановка делала это место привлекательным для желающих перекусить. Когда-то этот ресторан, типичный японский дворец, был частной резиденцией, окруженной десятью акрами живописнейших японских садилов. Отсюда открывался потрясающий вид на Лос-Анджелесскую бухту.

День выдался такой ясный, что Лонг-Бич лежал как на ладони.

После обеда они поехали в Гриффит-парк и целый час бродили по территории зоопарка – Хилари кормила медведей, а Тони с необыкновенной точностью имитировал животных. Из зоопарка они отправились в обсерваторию, на выставку лазерной голографии. Затем прошвырнулись по Мелроуз-авеню, где посетили массу антикварных лавчонок, но так ничего и не купили, только поболтали с владельцами.

Когда подошло время коктейля, они поехали в Малибу и наведались в кафе «Тонга-Лей», где подавали фирменный коктейль «Май-Тай» и откуда можно было полюбоваться, как солнце садится в ритмично плещущиеся волны.

Хотя Хилари прожила в Лос-Анджелесе немало лет, ее мир ограничивался работой, домом, розарием, снова работой, киностудией, еще раз работой и несколькими ресторанами, где собиралась киношная публика. Она никогда не бывала в «Ямаширо», в зоопарке, на лазерной выставке, в антикварных лавчонках на Мелроуз-авеню либо в кафе «Тонга-Лей». Все это было ей в новинку, и она широко распахнутыми глазами смотрела по сторонам, чувствуя себя туристом – или узником, только что выпущенным на волю после многолетнего заключения в одиночной камере.

Но без Тони этот день вряд ли стал бы для нее таким праздником. Он был очень мил, изобретателен и весь лучился энергией, что делало и без того ясный, погожий день поистине волшебным.

Они выпили по паре коктейлей и почувствовали, что проголодались, поэтому поехали в район Сепулведа и заказали такой ужин, что его хватило бы на целую компанию.

Просто удивительно, как при таком обилии пищи им еще удавалось вести разговор. Однако они ни на минуту не умолкали. Обычно в начале знакомства Хилари предпочитала отмалчиваться, но с Тони разболталась вовсю: о пьесах Шекспира, политике, искусстве, людях, собаках, религии, архитектуре, спорте, Бахе, моде, различных блюдах, борьбе за освобождение женщин и субботних мультиках. Она также горела желанием поделиться с ним своим мнением обо всех этих жизненно важных вещах. Они вели себя так, словно им стало известно, что с понедельника господь бог собирается лишить людей дара речи. Хилари опьянела, но не от вина, а от живого общения, которого ей не хватало многие годы.

К тому времени, как Тони проводил ее домой и согласился зайти выпить на дорожку, она уже твердо решила, что они будут принадлежать друг другу. Ее страшно тянуло к нему, и она чувствовала, что с ним происходит то же самое. Хилари приготовила мятный коктейль.

Внезапно ожил телефон.

– О нет! – вырвалось у нее.

– Он больше не докучал вам вчера вечером?

– Нет.

– А утром?

– Нет.

– Так, может быть, это не он?

Оба одновременно подошли к телефонному аппарату. Хилари поколебалась и сняла трубку.

– Алло?

Молчание.

– Черт бы тебя побрал! – Она в сердцах швырнула трубку на рычаг.

– Не позволяйте выводить себя из равновесия.

– Не могу.

– Это просто мерзкий подонок, не способный иметь дело с женщинами.

– Мне все равно страшно.

– Он не опасен. Идите сюда. Постарайтесь забыть о нем.

Они вернулись на диван и молча допили мятный коктейль.

– Будь он проклят, – с тоской произнесла Хилари.

– Завтра у вас будет другой номер телефона. Он больше не сможет действовать вам на нервы.

– Этот тип испортил нам вечер. Я совсем было растаяла.

– Для меня ничего не изменилось.

– Дело в том, что я рассчитывала на нечто большее, чем...

– Правда?

– А вы?

Она еще не видела, чтобы кто-нибудь так улыбался: всем лицом, всем своим существом.

– Должен признаться, – сказал Тони, – я тоже надеялся на нечто большее, чем мятный коктейль.

– Черт бы побрал телефон!

Тони наклонился и поцеловал ее. Хилари приоткрыла рот; на какую-то долю секунды их языки соприкоснулись. Потом Тони немного отстранился и бережно, как фарфоровую статуэтку, погладил Хилари по щеке.

– А вдруг он снова позвонит? – несчастным тоном спросила она.

– Не позвонит.

Тони стал целовать ее губы, глаза; затем положил руку ей на грудь. Хилари откинулась на спинку дивана. Он нежно провел рукой по ее горлу, шее и начал расстегивать блузку.

Хилари скользнула рукой по его бедру и почувствовала, как напряглись мышцы. Какой он сильный! Ее рука наткнулась на желанную твердость. Хилари представила себе, как Тони входит в нее...

Раздался телефонный звонок.

– Не обращай внимания, – попросил Тони.

Хилари обхватила руками его шею, легла на спину и притянула Тони к себе. Они впились друг в друга жгучим поцелуем. Телефон все звонил и звонил.

– Черт!

Оба сели.

Телефон продолжал надрываться. Хилари резко поднялась с дивана.

– Не нужно, – сказал Тони. – Это его не остановит. Дай-ка я сам.

Он снял трубку, но не произнес ни звука. Только стоял и слушал. По выражению его лица Хилари поняла, что человек на другом конце провода тоже молчит. Очевидно, шла игра: кто кого перемолчит.

Прошло тридцать секунд. Минута. Еще одна.

Борьба нервов напоминала детскую игру, но в ней не было ничего забавного. У Хилари

мурашки поползли по коже. Наконец Тони положил трубку.

– Он отключился.

– Так ничего и не сказал?

– Ни слова. Но он первым дал отбой, и это хороший признак. Не понравилось собственное лекарство. Его цель – нагнать на тебя страху. В следующий раз просто сними трубку и молчи. В конце концов он решит, что ты что-то затеваешь. Например, звонишь по другому телефону в полицию, чтобы проверили, откуда звонят. А может быть, это вовсе и не ты сняла трубку. Постепенно ему станет страшно.

– Твоими бы устами...

– Вряд ли он осмелится сегодня повторить попытку. А завтра у тебя будет другой номер.

– До тех пор я не смогу успокоиться.

Тони заключил ее в объятия. Они поцеловались – нежно, но без прежней страсти.

В половине первого, когда Тони пора было уходить, они договорились провести вместе следующие выходные. Сходить в музей Нортон Саймона в Пасадене, побывать на вернисаже немецких художников и на выставке гобеленов эпохи Средневековья. В промежутках они будут есть разные вкусные вещи, беседовать и, может быть, наверстают то, что не удалось сделать сегодня.

У дверей Хилари вдруг показалось, что пять дней – чересчур долгий срок.

– Как насчет среды? – спросила она.

– Что насчет среды?

– Что у тебя на ужин?

– Пожарю себе яичницу. Может быть, тосты. Выпью фруктового сока. Как всякий старый холостяк.

– Я не допущу, чтобы ты плохо питался. Хочешь, приготовлю салат из овощей и рыбное филе?

– Замечательно.

– Значит, до среды?

– До среды.

Они поцеловались, и он ушел.

Полчаса спустя Хилари лежала в постели и от напряжения никак не могла уснуть. У нее набухли груди. Она закрыла глаза и представила, как Тони ласкает ее соски. Между ног стало горячо и влажно. Все ее тело призывало его. Хилари встала и приняла снотворное.

Засыпая, она разговаривала с собой:

– Что это – я влюбилась?

– Нет. Конечно же, нет.

– А может быть, и да.

– Это опасно.

– Может быть, с ним все будет по-другому.

– Вспомни Эрла и Эмму.

– Тони не такой. Он особенный.

– Просто тебе нужен мужчина.

– Не без этого.

Хилари уснула. Ей снилась близость с Тони на лужайке среди цветов, под горячим солнцем. Но скоро золотые сны сменились кошмарами. На нее надвигались стены их убогой чикагской квартиры. Она посмотрела вверх – потолок исчез. Комната превратилась в глубокий узкий колодец. Сверху, злорадно ухмыляясь, смотрели Эрл и Эмма: они ожидали, что стены вот-вот сомкнутся и раздавят ее. Хилари нащупала и открыла дверь, но оттуда вылез громадный, больше ее ростом, таракан. Вылез, чтобы сожрать ее живьем.

* * *

В три часа ночи Джошуа беспокойно заворочался в постели. За ужином он выпил слишком много вина, что вообще-то было ему не свойственно. Шум в голове прошел, теперь его беспокоил мочевой пузырь. Однако проснулся он не только из-за естественной нужды. Ему приснилась страшная мертвецкая Таннертона. И несколько трупов – все как один похожи на Бруно Фрая. Они повставали из гробов и со столов для бальзамирования и погнались за ним, хрипло выкрикивая его имя.

Какое-то время Джошуа лежал на спине. В комнате было тихо, слышалось только едва уловимое жужжание электронного будильника.

До кончины жены три года назад Джошуа редко видел сны и, уж во всяком случае, не знал, что такое кошмары. Ни разу за пятьдесят восемь лет с ним не случилось ничего подобного. Но после смерти Кору все изменилось. Теперь ему часто снилось, будто он потерял что-то очень важное, хотя и не мог разобрать, что именно. Ему не нужно было прибегать к помощи психоаналитиков – пятьдесят долларов за час консультации, – чтобы сообразить, что этот сон имеет отношение к смерти Кору. Он так и не смирился с ее утратой и не научился жить без нее. И никогда не научится.

Джошуа встал, зевнул и, не зажигая света, проследовал в ванную.

Пару минут спустя, на обратном пути, он на несколько секунд задержался у окна. В долине стояла крошечная тьма – хоть глаз выколи.

И вдруг к югу от одной из виноделен вспыхнул свет – как раз во владениях Бруно Фрая. Но там же никого нет: Бруно жил один! Джошуа заморгал, но без очков огонек стал расплываться в его подслеповатых глазах, и он уже не был уверен, светится ли окно в доме или в примыкающем к нему административном здании. А может, это отблеск луны?

Джошуа подошел к ночной тумбочке и достал очки. Когда он вернулся к окну, загадочный огонек исчез. Джошуа долго стоял и караулил его. Он был душеприказчиком Фрая и нес ответственность за сохранность его имущества. Если в дом проникли грабители, необходимо принять меры.

Прошло четверть часа, но таинственная вспышка не повторилась. Возможно, это был обман зрения. Джошуа снова лег в постель.

* * *

В понедельник утром, пока они кружили по городу в полицейском седане без опознавательных знаков, Фрэнк оживленно делился впечатлениями от встречи с Дженет Ямада. Дженет – красавица. Дженет – умница. Дженет все понимает. Дженет то, Дженет се. Он просто помешался на этой теме, но Тони не мешал ему изливать душу. Так приятно было видеть Фрэнка ведущим себя как любой нормальный мужчина.

Перед тем как тронуться в путь, они переговорили с детективами из отдела по борьбе с наркотиками, Эдди Квеведо и Карлом Хаммерстайном. Те высказали предположение, что скорее всего Бобби Вальдес зарабатывает на жизнь, приторговывая кокаином либо ЛСД. Именно этот товар приносил наибольшие барыши на черном рынке.

– Очевидно, он – один из уличных толкачей, – рассуждал Квеведо.

– Побеседуйте с другими толкачами, – вторил Хаммерстайн. – Вот список неоднократно судимых и недавно вышедших на свободу. По всей видимости, кое-кто продолжает толкать наркотики. Просто мы еще до них не добрались. Приприте их к стенке. Рано или поздно выйдете на такого, который встречался с Бобби Вальдесом и знает, где его логово.

Список состоял из двадцати четырех фамилий.

Троих не оказалось дома. Еще трое поклялись, что не знают ни Бобби Вальдеса, ни Хуана Маккезы и никогда не видели человека на фотографии.

Седьмым значился Юджин Таккер, и он оказался исключительно полезным, причем без нажима.

Кожа большинства черных имеет более или менее темный коричневый оттенок, но Таккер был по-настоящему черен. У него оказалось широкое добродушное лицо со

сверкающими белками глаз. В пышной черной бороде проглядывали седые прожилки. На нем были черные брюки и черная рубашка. Обитал Таккер в многоквартирном доме на Голливудских холмах, где драли приличную арендную плату. Обстановка его гостиной состояла из дивана, двух кресел и кофейного столика. Больше здесь ничего не было. Ни стереоустановки, ни телевизора. С потолка свисала единственная голая лампочка. Зато каждый из четырех предметов был отменного качества и идеально гармонировал с остальными. Таккер явно питал слабость к китайскому антиквариату. Здесь чувствовалась ручная работа. Искусно вырезанные из розового дерева диван и кресла покрыты нефритово-зелеными бархатными чехлами. Столик тоже сделан из розового дерева и украшен инкрустацией. Тони дотронулся до спинки дивана и похвалил:

– Превосходная вещь, мистер Таккер.

Тот приподнял брови:

– Вы в этом разбираетесь?

– Не берусь точно определить период, – ответил Тони, – но вообще я достаточно знаком с китайским искусством, чтобы понять, что это не какая-нибудь купленная на распродаже копия.

Таккер сиял.

– Знаю, знаю, что у вас на уме, – добродушно проговорил он. – Как, мол, бывший арестант, всего два года из тюрьмы, может позволить себе такую роскошь? Квартиру за тысячу двести долларов в месяц. Китайский антиквариат. Наверняка принялся за старое.

– Мне действительно интересно, но я убежден, что наркотики тут ни при чем.

– Откуда вы знаете?

– Если бы вы были торговцем наркотиками, вы бы завалили антиквариатом все углы, а не приобретали по одной вещице раз в несколько месяцев. Вы явно неплохо зарабатываете, но далеко не столько, сколько приносит наркобизнес.

Таккер захлопал в ладоши от удовольствия и обратился к Фрэнку:

– У вашего приятеля котелок варит будь здоров.

– На том стоим, – ухмыльнулся Фрэнк.

– Удовлетворите мое любопытство, – попросил Тони. – Чем вы занимаетесь?

– Моделирую дамскую одежду.

Тони открыл рот от удивления. Хозяин квартиры плюхнулся в кресло и расхохотался. Он выглядел вполне счастливым человеком.

– Я моделирую женскую одежду. Честное слово. Мое имя известно в профессиональных кругах Калифорнии, а скоро его будут знать в каждом американском доме. Поверьте старику.

Фрэнк был заинтригован.

– Согласно имеющейся у нас информации, вы отсидели восемь лет за распространение героина и кокаина. Как вам удалось переключиться на моделирование?

– Я был тем еще сукиным сыном, – начал Таккер. – В первые месяцы за решеткой валил на общество вину за то, что со мной случилось. Крыл на чем свет стоит власть белых. Проклинал кого угодно, только не самого себя. Я считал себя крутым пижонем, а оказался сосунком. Мужчиной можно стать только тогда, когда возьмешь на себя ответственность за свою судьбу. Многие так и не становятся взрослыми.

– Что же послужило толчком?

– Сущий пустяк. Господи, приятель, это просто уму непостижимо, как сущая малость способна перевернуть душу. По телевизору как-то показывали сериал о цветных, которые чего-то добились.

– Я его смотрел, – сказал Тони. – Это было больше пяти лет назад, но я до сих пор помню.

То был образец профессионализма – большая редкость на телевидении, где обычно передачи не глубже блюдца. Тележурналисты взяли интервью у дюжины темнокожих деловых людей, преуспевающих в жизни. Некоторые стали миллионерами. Один сделал

карьеру, продавая недвижимость. Другой открыл ресторан. Третий содержал салон красоты. Все соглашались с тем, что черному труднее пробиться, но все-таки это легче сделать в Лос-Анджелесе, чем в Алабаме, Миссисипи или даже Бостоне и Нью-Йорке. Здесь более высокий темп жизни. Благодаря атмосфере постоянных перемен и экспериментов в деловую орбиту втягиваются все новые слои населения. Здесь не до устаревших предрассудков, в том числе расовых. Конечно, в Калифорнии тоже можно столкнуться с проявлениями фанатизма, но уже следующее поколение проявляет большую терпимость, тогда как в других штатах для этого требуется шесть-восемь поколений. Как сказал один из интервьюируемых, «теперь здесь негры – не черные, а чиканос». Да и это быстро устаревает.

– Сначала мы в камере посмеялись, – продолжил Таккер. – Тоже, мол, выискались «дядюшки Томы». Но я задумался. Если другие сумели пробиться, почему бы и мне не попытаться счастья? Я не глупее любого из этой дюжины. Лос-Анджелес – моя родина. И если она дает мне шанс, я обязан им воспользоваться. Так я решил разбогатеть.

– Только и всего? – проговорил Фрэнк, явно находясь под сильным впечатлением.

– Только и всего.

– Что значит конструктивный подход, – улыбнулся Тони.

– Реалистичный, – уточнил Таккер.

– А почему именно дамская одежда?

– Я прошел тесты, и они показали, что мне следует попробовать себя в прикладном художественном творчестве. Вот я и выбрал моделирование. Вспомнил, с каким удовольствием выбирал платья в подарок своим подружкам. Любил шататься с ними по магазинам. В выбранных мною платьях они имели бурный успех. Так что я начал заочно штудировать учебную программу. А когда вышел на свободу, некоторое время работал в забегаловке и одновременно выполнял заказы для одной швейной мастерской. Сначала было чертовски трудно. Однако уже через год я открыл свое ателье. Со временем вы увидите в Беверли-Хиллз вывеску: «Юджин Таккер». Обещаю.

Тони покачал головой.

– Вы просто уникум.

– Просто я живу в хорошем месте и в хорошее время.

Фрэнк постучал конвертом с фотографиями Бобби Вальдеса по колену и сказал, обращаясь к Тони:

– Кажется, мы пришли не к тому человеку.

– Похоже на то.

– А что вас интересует?

Тони рассказал ему о Бобби Вальдесе.

– Ну, вот что, – откликнулся Таккер. – Я, конечно, уже не вращаюсь в тех кругах, но каждую неделю посвящаю пятнадцать-двадцать часов работе в добровольном обществе по борьбе с наркотиками «Достоинство». Беседую с пацанами. Пытаюсь вернуть начинающих толкачей на путь истинный. Мы не ждем, пока к нам придут, а сами идем на улицу, заходим в дома. Составляем досье на исправившихся и наблюдаем за их поведением.

– Я согласен с Тони, – заявил Фрэнк. – Вы действительно уникум.

– Ну, знаете, я не нуждаюсь в том, чтобы меня гладили по головке за мою деятельность в «Достоинстве». В свое время я толкнул на этот путь многих ребят, так что мне еще долго замаливать грехи.

Фрэнк достал фотографии. Таккер внимательно посмотрел на них.

– Я знаю этого ублюдка. Мы завели на него досье.

У Тони бешено заколотилось сердце.

– Но его зовут не Вальдес, – продолжил Таккер.

– Хуан Маккеза?

– Нет. Он представляется как Ортис.

– Где бы мы могли найти его?

– Сейчас позвоню в штаб-квартиру общества.

– Потрясающе! – воскликнул Фрэнк.

Прежде чем выйти в кухню, где у него стоял телефон, Таккер предложил:

– Это займет несколько минут. Можете пока посмотреть мои наброски – если, конечно, хотите. – Он махнул рукой в сторону кабинета.

– Разумеется, хотим, – ответил Тони.

В кабинете они увидели массивный стол с настольной лампой и небольшой шкафчик со всеми необходимыми принадлежностями. Здесь также ощущался дефицит мебели: очевидно, Таккер не хотел тратить на что попало в ожидании того времени, когда сможет заставить всю квартиру китайским антиквариатом.

Типично калифорнийский оптимизм, подумал Тони.

Одна стена была сплошь увешана эскизами. Здесь были платья, блузки, костюмы – очень женственные, но не фривольные. У Таккера оказалось превосходное чувство цвета. Во всех работах ощущалась рука зрелого мастера.

У Тони никак не укладывалось в голове, что этот тертый калач, Юджин Таккер, рискнул круто изменить свою жизнь, начав зарабатывать моделированием, – и преуспел. У него возникло ощущение духовного родства с Таккером.

Когда они с Фрэнком рассматривали последний эскиз, вернулся хозяин квартиры.

– Ну и как оно?

– Здорово, – отозвался Фрэнк.

– Просто замечательно, – подхватил Тони. – У вас редкое чувство цвета. И поразительная четкость линий.

– Сам знаю, – чуточку хвастливо заявил Таккер.

– А что с Вальдесом?

– Есть. Сейчас он называет себя Ортисом, как я и говорил. Джимми Ортисом. Судя по тому, что нам удалось узнать, он специализируется на ЛСД. Конечно, не мне показывать на кого-то пальцем, но, по моему глубокому убеждению, ЛСД – худшее, что только может быть. Это сущий яд. Он разрушает клетки головного мозга гораздо быстрее, чем любое другое зелье. У нас пока недостаточно улики, чтобы передать дело в полицию, но это вопрос времени.

– Где он живет?

Таккер протянул листочек с адресом.

– Блочный комплекс на бульваре Заходящего Солнца. Обычно он в это время дома. И вот что. Этот парень не из тех, кто способен исправиться. Упеките его подальше – до конца жизни.

– Так мы и сделаем, – заверил Фрэнк.

Таккер проводил их до двери, а потом вышел вместе с ними на улицу. Отсюда открывался вид на Лос-Анджелесскую бухту.

– Здорово, да?

– Изумительно! – согласился Тони.

– Необыкновенный город! – В голосе Таккера прозвучала такая гордость, словно он сам создал этот мегаполис. – Он дает человеку шанс, которым грех не воспользоваться. Здесь судьба человека зависит от него самого. Фантастика!

Тони был так тронут этим проявлением чувств, что ему неудержимо захотелось поделиться с Таккером своей заветной мечтой.

– Мне всегда хотелось стать художником и зарабатывать этим на жизнь. Видите ли, у меня талант.

– Тогда какого дьявола вы делаете в полиции?

– Это дает гарантированный заработок.

– К чертям гарантированный заработок!

– Я неплохо справляюсь с работой.

– Вы действительно хорошо рисуете?

– Да.

– Тогда прыгайте в омут с обрыва, – посоветовал Таккер. – Это непередаваемое

ощущение и ни капельки не похоже на падение – скорее на взлет!..

Через пятнадцать минут полицейский седан остановился перед домом, где обитал Бобби Вальдес. Тони с Фрэнком поднялись на второй этаж и переглянулись: дверь в квартиру Бобби была распахнута настежь. Что могло случиться? Неужели Бобби узнал об их приезде?

Фрэнк нажал на кнопку дверного звонка.

Динь-динь-динь.

Никто не ответил. Фрэнк снова позвонил. Тони достал револьвер из кобуры. В воздухе носилась угроза. У Тони засосало под ложечкой. Фрэнк также подготовился к бою. Они ворвались в прихожую.

– Полиция! – заорал Тони. – Руки вверх! Бобби, выходи!

Тишина.

– Бобби! – подхватил Фрэнк. – Слышал, что тебе говорят? Мы из полиции. Игра окончена. Выходи! Живо! Мы тебе ничего не сделаем.

Бобби молчал.

– Может, его все-таки нет? – прошептал Фрэнк. – Иначе не выдержал бы и послал нас куда подальше.

– Что будем делать?

– Двигаем вперед.

– Если мне не изменяет память, – сказал Тони, – в прошлый раз ты был первым. Теперь моя очередь.

– Милости прошу.

– Прикрой меня.

– Здесь, в прихожей, слишком тесно. Я из-за тебя ничего не увижу.

– Пригнись, насколько возможно.

– Давай.

Тони сделал глубокий вдох, но почему-то не успокоился. Он согнулся в три погибели и подобрался к открытой двери в гостиную. Там было полутемно из-за плотно задернутых штор. Тони смутно различал очертания мебели.

– Бобби?

Никто не ответил. Где-то пробили часы.

– Бобби, мы ничего тебе не сделаем.

Тони затаил дыхание. Сзади тяжело сопел Фрэнк. И все.

Тони ощупью двинулся вдоль стены, пока не наткнулся на выключатель. Комната осветилась. Пусто.

Они пересекли гостиную и вошли в маленькую кухню. Здесь словно смерч пролетел. Дверцы холодильника и нескольких шкафчиков – настежь. На полу валялись банки и коробки с едой, сброшенные с полок. Блестели осколки. Повсюду разбрызган вишневый сок и разбросаны корнфлекс, сухие спагетти и маслины. На стене кто-то вывел горчицей: «Кокодрилос».

– Что это? – шепнул Фрэнк.

– «Крокодилы» по-испански.

– При чем тут крокодилы?

– Понятия не имею.

– Странно.

С этим трудно было не согласиться. Даже не зная о том, что здесь произошло, Тони чувствовал опасность. Откуда она явится?

Они заглянули в чулан. Убедившись, что Бобби здесь нет, осторожно двинулись в первую из спален. Ни там, ни в ванной никого не оказалось. В другой спальне был такой же кавардак, как на кухне. Одежда вынута из шкафов и разбросана по всей комнате. Воротнички и манжеты валялись отдельно от рубашек. Многие пиджаки и брюки растерзаны в клочья. Здесь орудовал человек, охваченный слепой, нерассуждающей ненавистью.

Но кто?

Кто-то имевший зуб на Бобби Вальдеса?

Или сам Бобби? Но с какой стати ему устраивать погром в своей квартире и портить свою одежду?

И при чем тут крокодилы?

У Тони было неприятное чувство, словно они упускают что-то из виду. В дальнем уголке мозга билась смутная догадка, но она пока ускользала от него.

Дверь во вторую ванную была заперта. Это было единственное помещение, куда они еще не заглядывали.

Держа дверь ванной под прицелом, Фрэнк шепнул:

– Если Бобби не улизнул перед самым нашим приходом, он может быть только там.

– Ты считаешь, что он сам учинил погром у себя в квартире?

– А ты думаешь иначе?

– Мы чего-то недопонимаем.

– Чего именно?

– Не могу сообразить.

Фрэнк приблизился к двери ванной. Тони мешкал, вслушиваясь в тишину. Повсюду было тихо, как в могиле.

– Эй, Бобби! – крикнул Фрэнк. – Ты меня слышишь? Ты же не можешь вечно там оставаться. Выходи с поднятыми руками!

Никто не откликнулся.

– Даже если это не Бобби, – крикнул Тони, – все равно выходи!

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Фрэнк яростно подергал за ручку. Дверь неожиданно распахнулась, и он инстинктивно прижался к стене, ожидая выстрелов. Но они не прозвучали.

Ванная встретила их стойким запахом мочи и экскрементов.

– Господи! – ахнул Тони. Фрэнк зажал себе нос и рот.

В ванной никого не было. По полу растекалась моча. На стене кто-то написал фекалиями: «Кокодрилос».

Детективы быстро отступили в глубь спальни, но вонища погнала их дальше, в прихожую.

– Тот, кто это сделал, ненавидел Бобби, – предположил Фрэнк.

– Ты больше не считаешь, что он сделал это сам?

– С какой стати? Это лишено всякого смысла. Господи, у меня прямо волосы становятся дыбом.

– Да, странно.

Тони чувствовал холодок под ложечкой. Сердце грозило вот-вот выпрыгнуть из груди. Они затаили дыхание, словно прислушиваясь к шагам призрака. Наконец Фрэнк убрал револьвер и вытер лицо носовым платком. Тони спрятал револьвер в кобуру.

– Фрэнк, мы не можем просто так уйти. Должно же быть какое-то объяснение всему этому.

– Согласен. Давай позвоним, чтобы прислали кого-нибудь с ордером на обыск. Прочешем все основательно.

– Ящик за ящиком.

– И что, ты думаешь, мы можем найти?

– Бог его знает.

– Я видел на кухне телефон. – Фрэнк пересек гостиную и ступил на порог кухни. И вдруг ахнул: – О господи!

– Что случилось?

Что-то громко щелкнуло. Фрэнк вскрикнул и пошатнулся. Тони понял, что это выстрел.

Но ведь в кухне никого не было!

Тони ринулся туда, на ходу доставая пистолет. У него было такое чувство, будто все происходит в замедленной съемке.

Раздался второй выстрел. На этот раз пуля угодила Фрэнку в плечо и сбила его с ног. Он повалился в месиво из вишневого сока, спагетти, стекла и корнфлексов.

Теперь, когда он перестал загораживать проход, Тони увидел Бобби Вальдеса. Тот, совершенно голый, выглядывал из шкафчика под раковиной. Они с Фрэнком не стали проверять этот шкафчик, посчитав слишком маленьким, чтобы в нем мог поместиться человек. В руке Вальдес держал пистолет тридцать второго калибра. У Бобби был совершенно больной вид: бледное как смерть лицо, бескровные губы, темные круги под глазами.

Он выстрелил в третий раз. Пуля попала в притолоку, разбив при этом дверное стекло. Несколько осколков зацепили Тони щеку. Он отступил и спрятался за дверь.

Только сейчас он понял, что именно не давало ему покоя. Бобби Вальдес торговал ЛСД, и им бы следовало догадаться, что он, по примеру некоторых толкачей, сам пользуется своим товаром. Сильнейший транквилизатор, ЛСД обычно применяют, когда нужно усыпить больное животное: лошадь или быка. Если же его принимает человек, реакция варьируется от полного транса до жутких галлюцинаций и приступов неукротимой ярости. Как сказал Юджин Таккер, ЛСД – мощный яд, разъедающий клетки головного мозга. Накачавшись наркотиком, Бобби устроил погром в своей квартире – очевидно, страх перед воображаемыми крокодилами загнал его в шкафчик под раковиной. Кто бы мог подумать, что они найдут здесь взбесившегося зверя?

Фрэнк ранен. Возможно, даже смертельно. Тони лихорадочно размышлял, как перехватить инициативу.

Из кухни послышался истошный вой:

– Уй, сколько крокодилов! А-а-а!..

Неожиданно Бобби выскочил из кухни. При этом он неистово палил в пол, в воображаемых хищников.

Тони скрючился за стулом, понимая, что, если он высунется, Бобби убьет его раньше, чем он успеет прицелиться.

Бобби продолжал расстреливать крокодилов. Сколько же у него патронов? Восемь? Может, десяток? Уже прозвучало девять выстрелов. Остался один.

– Кокодрилос!

Грянул десятый выстрел. Тони поднялся из-за стула. До Бобби было меньше десяти футов. Тони обеими руками сжимал пистолет, целясь в безволосый торс бандита.

– О'кей, Бобби, – приговаривал он. – Успокойся. Все кончено.

Тот казался безмерно удивленным. Должно быть, в наркотическом опьянении он и не заметил Тони в проеме двери, когда стрелял в него минуту назад.

– Крокодилы, – на этот раз по-английски произнес он.

– Их здесь нет.

– Громадные.

– Нет никаких крокодилов.

Вальдес взвизгнул и схватился за пистолет, но обойма была пуста.

– Бобби, – твердо произнес Тони. – Я приказываю тебе лечь на пол.

– Они меня схватят. – Бобби весь дрожал. – Сожрут меня.

– Слушай, Бобби. Слушай внимательно. Здесь нет никаких зверей. Тебе только кажется.

– Они вылезли из унитаза. И из ванны. И из раковины. Такие громадные! Хотели откусить мне хрен. – Страх снова сменился яростью. – Не дам! Не позволю откусить мой хрен! Всех перебью!

– Они уползли, – словно малое дитя, уговаривал его Тони.

– Ты врешь!

– Я говорю правду.

– Поганный коп!

Бобби бросился к Тони. Тот отступил. Он знал, что наркотическое возбуждение придает нечеловеческую силу.

– Стой, черт тебя побери!

Бобби был уже совсем близко. Даже безоружный, он был сейчас смертельно опасен. Секунда – и он разорвет его на части!

Тони всадил в него пулю. Бобби рухнул на пол, истекая кровью.

Весь дрожа, Тони убрал пистолет обратно в кобуру и, с трудом добравшись до телефона в гостиной, попросил оператора:

– «Скорую помощь», потом полицию.

– Да, сэр.

Он продиктовал адрес и поплелся на кухню. Фрэнк по-прежнему лежал на полу. Тони опустился рядом на колени. Фрэнк открыл глаза.

– Ты ранен, Тони?

– Нет.

– Застрелил его?

– Да.

– Насмерть?

– Да.

– Хорошо.

У Фрэнка был жуткий вид. Молочно-белое лицо с грязными разводами от пота. Белки глаз пожелтели, а правый глаз весь налился кровью. Губы приобрели синюшный оттенок. Правое плечо и рукав пропитались кровью. Левой рукой он зажимал рану в области живота.

– Тебе очень больно?

– Сначала – да. Но потом полегчало.

– Я вызвал «Скорую».

Где-то далеко на улице завывала сирена. Рановато для «Скорой», подумал Тони. Наверное, кто-то из соседей, заслышав выстрелы, позвонил в полицию.

– Пойду встречу.

– Не уходи, Тони. Не бросай меня.

– Хорошо.

Оба тряслись, как в лихорадке.

– Боюсь оставаться один, – сказал Фрэнк.

– Я с тобой.

– Я пытался сесть – и не смог.

– Лежи спокойно.

– Может, меня парализовало?

– Это шок. Ты потерял много крови. Слабость в таких случаях – обычное дело.

Фрэнк застонал.

– Держись, друг, – шепнул Тони. – Все будет в порядке.

– Ты поедешь со мной в больницу?

– Не знаю, разрешат ли.

– Добейся.

– Конечно. Конечно же, я поеду – даже если придется пригрозить им пистолетом.

Фрэнк слабо улыбнулся, но новый приступ боли согнал с его лица улыбку.

– Тони...

– Что, Фрэнк?

– Дай мне руку.

Тони протянул руку, и Фрэнк с неожиданной силой вцепился в нее.

– Знаешь что, Тони?

– Да?

– Сделай, как он сказал.

– Кто что сказал?

– Юджин Таккер. Попробуй совершить прыжок. Делай то, чего больше всего хочется.

– Не беспокойся обо мне. Береги силы.

Фрэнк пришел в возбуждение.

– Нет-нет. Послушай, это очень важно. Чертовски важно.

– Успокойся, – попросил Тони.

Фрэнк закашлялся. На посиневших губах выступили кровавые пузырьки.

У Тони неистово билось сердце. Господи, где же «Скорая»? Почему эти ублюдки еле тащатся?

– Если ты хочешь стать художником, – гнул свою линию Фрэнк, – стань им. Ты еще достаточно молод, чтобы не бояться риска.

– Прошу тебя, Фрэнк! Береги силы.

– Слушай меня. Не теряй времени. Жизнь слишком коротка, чтобы просвистеть ее за здорово живешь.

– Перестань. У нас еще уйма времени.

– Годы уходят так быстро. – Фрэнк выругался. – Нет у нас никакого времени.

Он судорожно стиснул руку Тони. По лицу его струился пот.

– Фрэнк? Что случилось?

Тот вдруг заплакал. Тони рассвирепел.

– Дай-ка я схожу узнаю, что там со «Скорой».

– Не оставляй меня. Я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Что кто-нибудь увидит... Я обмочился.

Тони не знал, что сказать.

– Не хочу, чтобы надо мной смеялись.

– Никто и не собирается.

– Описался... как ребенок...

– Здесь такая грязь, никто и не заметит.

Новая сирена.

– Это «Скорая», – сказал Тони. – Сейчас они будут здесь.

– Тони, мне страшно.

– Не бойся, я с тобой. Все будет хорошо.

– Я хочу, чтобы обо мне кто-то помнил.

– Что ты имеешь в виду?

– После смерти... Чтобы кто-нибудь помнил, что я был...

– Ты проживешь еще много-много лет.

– Кто обо мне вспомнит?

– Я, – осипшим голосом ответил Тони. – Я вспомню.

Сирена быстро приближалась.

– А знаешь что? – прошептал Фрэнк. – Может, я еще и выкарабкаюсь. Вроде бы отпустило. Это к добру?

– Конечно.

– Держи меня, Тони. Пожалуйста.

Тони опустился на пол и помог Фрэнку сесть. Тот закашлялся. Рука, зажимавшая рану на животе, соскользнула, и показались внутренности. Тони понял, что надежды нет.

– Держи меня.

Тони крепко обнял друга и стал баюкать, как испуганное дитя. Он продолжал баюкать его даже после того, как убедился, что Фрэнк умер.

* * *

В понедельник в четыре часа приехал мастер из телефонной компании. Не успел он приступить к работе, как зазвонил телефон.

Хилари боялась, что это все тот же аноним, и не хотела брать трубку, но мастер выжидающе смотрел на нее, и после пятого сигнала она ответила.

– Алло?

– Хилари Томас?

– Да.

– Это Майкл Саватино. Помните ресторан Саватино?

– Не нужно напоминать. Я никогда не забуду ни вас, ни ваш чудесный ресторан. Это был незабываемый ужин.

– Спасибо. Мы стараемся... Послушайте, мисс Томас...

– Зовите меня Хилари.

– Хилари. Тони вам сегодня не звонил?

Только сейчас она уловила напряженность в голосе Майкла и поняла: случилось что-то ужасное. Хилари затаила дыхание.

– Хилари, вы слушаете?

– В последний раз мы разговаривали вчера вечером. А что?

– Мне не хочется вас пугать, но случилась беда.

– О боже!

– Тони не ранен.

– Вы уверены?

– Всего лишь несколько царапин.

– Он в больнице?

– Нет. С ним действительно все в порядке.

Ей чуточку полегчало.

– Тогда в чем дело?

Майкл в двух словах объяснил, что произошло. Убитым мог оказаться Тони! Хилари чуть не стало плохо.

– Тони принял это очень близко к сердцу, – продолжал Майкл. – Когда они с Фрэнком начинали работать вместе, они никак не могли приспособиться один к другому. Но в последнее время все наладилось. Они лучше узнали друг друга. Стали настоящими друзьями.

– Где сейчас Тони?

– У себя дома. Стрельба случилась в полдвенадцатого. С двух часов Тони сидит у себя в квартире. Я только что оттуда. Хотел остаться, однако Тони настоял, что мне пора возвращаться в ресторан. Я предложил ему поехать со мной, но он не захотел. Нужно, чтобы рядом с ним сейчас был кто-нибудь близкий.

– Я еду, – решительно сказала она.

– Я надеялся услышать это от вас.

Хилари забежала в ванную освежиться и быстро переоделась. Пришлось подождать с четверть часа, пока мастер заканчивал с телефонами. Никогда еще пятнадцать минут не тянулись для нее так долго.

В машине ей вспомнились ее ощущения, когда она заподозрила, что несчастье случилось с Тони. Ее всю заполнило чувство непоправимой утраты.

Вчера ночью, перед тем как заснуть, она спорила сама с собой, любит ли она Тони. Может ли вообще кого-нибудь любить – после физических и нравственных мук, перенесенных в детстве? И после того, как узнала о чудовищной двойственности человеческой натуры. И как можно любить человека, которого знаешь всего несколько дней? Спор остался неоконченным, но сейчас ей стало ясно: она боялась потерять Тони, как никогда и никого на свете.

Тони жил на втором этаже двухэтажного здания. На балконе печально позвякивали стеклянные колокольчики.

При виде Хилари он ничуть не удивился.

– Это Майкл позвонил вам?

– Да. Почему вы не сделали этого сами?

– Наверное, он сказал, что я – безнадежная развалина. Как видите, он сильно преувеличил.

- Он беспокоился о вас.
- Я справлюсь, – выдал из себя Тони.

Как он ни пытался скрывать свои чувства, Хилари заметила его затравленный взгляд. Ей безумно хотелось обнять и утешить его, но она и в обычных-то ситуациях не особенно ловко чувствовала себя с людьми, а теперь и подавно. Кроме того, Тони явно не хотел, чтобы его утешали.

- Я справлюсь, – повторил он.
- Я все-таки могу войти?
- Конечно. Извините.

Тони занимал небольшую холостяцкую квартиру с одной спальней. Зато здесь была просторная, хорошо проветренная гостиная окнами на север.

- Окна с северной стороны – очень удачно для художника, – заметила Хилари.
- Поэтому я и выбрал эту квартиру.

Гостиная больше походила на студию. На стенах висело около дюжины картин. Остальные стояли на полу – их было не меньше шестидесяти или семидесяти. На двух мольбертах ждали еще не законченные работы.

– Я собирался напиться до потери сознания, – признался Тони, – и как раз приступил, когда вы позвонили. Хотите составить мне компанию?

- Что вы пьете?
- «Бурбон».
- Мне то же самое.

Пока Тони на кухне готовил напитки, Хилари рассмотрела картины. Некоторые из них были написаны в ультрареалистической манере: все детали до того скрупулезно выписаны, что картины напоминали фотографии. Другие были исполнены в духе сюрреализма и приводили на память выдающихся мастеров – Дали, Эрнста, Миро, однако все-таки отличались от их полотен. Чувствовалась творческая индивидуальность Тони, его неповторимое художественное видение.

Он принес два стакана «бурбона». Хилари сказала:

- Твои работы будят воображение.
- Правда?
- Майкл совершенно прав: ты запросто сможешь продать их.
- Мечтать не вредно.
- Если бы ты дал себе шанс...
- Как я уже сказал, ты очень добра, но ты не специалист.

Тони все еще не пришел в себя. Его голос звучал монотонно и почему-то привел на память сухое дерево. Из него как будто ушла жизнь. Хилари решила подколоть его, чтобы немного встряхнуть.

– Ты считаешь, что ты такой умный, а на самом деле просто глупый упрямец. Ты прямо слепец, когда речь идет о твоём творчестве.

- Я всего лишь любитель.
- Иногда ты становишься невыносим.
- Мне не хочется говорить о живописи.

Тони включил стерео. Бетховен в исполнении Орманди.

Он сел на диван. Хилари тоже.

- А о чем хочется?
- О фильмах.
- Честно?
- Или о книгах.
- Ты уверен?
- Или о театре.
- На самом деле ты хочешь рассказать мне, что случилось.
- Нет. Это – меньше всего.

– Тони, тебе необходимо выговориться. Как ни тяжело.
– Мне необходимо забыть об этом, выбросить из головы.
– Не изображай из себя черепаху. Неужели ты думаешь, что сможешь втянуть голову под панцирь и спрятаться от всего света?
– Вот именно.
– На прошлой неделе у меня было точно такое же настроение, но ты сказал, что человек в горе не должен замыкаться в себе.
– Я ошибался.
– Нет, ты был прав!
Тони закрыл глаза.
– Может быть, мне уйти? – спросила Хилари. – Тогда скажи. Я не обижусь.
– Останься, пожалуйста.
– Хорошо. Так о чем мы будем говорить?
– О Бетховене. И о «бурбоне».
– Ладно.

Они молча сидели рядышком на диване, откинув головы назад, с закрытыми глазами, слушая музыку и потягивая напиток. Солнце окрасило комнату сначала в янтарный, а затем в тускло-оранжевый цвет. Потом стемнело.

* * *

В понедельник, ближе к вечеру, Аврил Таннертон обнаружил, что в «Вечном покое» кто-то побывал. Он сделал это открытие после того, как спустился в подвал, где оборудовал себе мастерскую. Стекло одного из окон было оклеено клейкой лентой, а затем выбито, чтобы налетчик мог добраться до задвижки. Очевидно, это произошло в то время, когда Таннертон был у Хелен Виртильон в Санта-Розе. И, похоже, грабитель знал, что дом не охраняется.

Грабитель?

Ни на первом, ни на втором этажах ничего не пропало. Даже коллекция старинных монет. Даже дорогостоящие ружья.

Здесь, в мастерской, справа от разбитого окна, хранились инструменты стоимостью в пару тысяч долларов. Таннертон взглянул в ту сторону и убедился, что они на месте.

Ничего не украдено. Не совершено ни одного акта вандализма.

Что же это за грабитель и что ему нужно было в этом доме?

Он посмотрел по сторонам и вдруг обнаружил, что кое-чего действительно не хватает. Исчезли три пятидесятифунтовых мешка с цементом, оставшиеся после ремонта крыльца.

Почему вор не тронул дорогое оружие, ценные монеты и все прочее, что представляло ценность, а позарился на три мешка цемента?

Таннертон почесал в затылке.

– Уму непостижимо.

* * *

Они долго сидели в наступившей темноте, слушая Бетховена и потягивая «бурбон», – и вдруг Тони обнаружил, что рассказывает Хилари о Фрэнке Говарде. Он не собирался делать этого до тех пор, пока с изумлением не услышал свой собственный голос. А потом уже ничего не могло удержать поток слов. Он говорил полчаса подряд, останавливаясь только затем, чтобы хлебнуть виски. Вспомнил трения первых месяцев, смешные и не очень приятные эпизоды их с Фрэнком совместной службы, вечер в «Дыре», знакомство Фрэнка «вслепую» с Дженет Ямада и, наконец, полное взаимопонимание последних дней и то теплое чувство, которое они стали испытывать друг к другу. Под конец он рассказал обо всем, что произошло в квартире Бобби Вальдеса. Закрыв глаза, Тони увидел перед собой загаженную

кухню. Рассказывая Хилари о том, что он чувствовал, обнимая умирающего друга, Тони всем телом задрожал. Его бил озноб, проникая до самого сердца. У него стучали зубы. На глазах выступили злые и горькие слезы.

Хилари взяла его за руку, привлекла к себе и начала баюкать, как он Фрэнка. Вытерла салфеткой его мокрое от пота и слез лицо.

Сначала ей только хотелось успокоить его; он и сам не нуждался ни в чем другом. Однако постепенно их объятия начали приобретать иной характер. Тони обнял девушку за плечи, и стало трудно разобрать, кто кого утешает. Рука Тони скользила по ее спине; он наслаждался изящными линиями ее тела. Хилари также гладила и восхищалась его сильным, мускулистым телом, целовала уголки его губ, и он возвращал ей жаркие поцелуи. Их языки встретились; поцелуи сделались более страстными, чем до сих пор.

Они одновременно осознали, что происходит, и на мгновение застыли, вспомнив об умершем друге. Может быть, они совершают кощунство?

Но взаимная тяга была так сильна, что сомнения улетучились. Они поцеловались – сначала как бы дразня, а затем страстно. Руки Хилари гладили все его тело, и Тони отзывался на ее ласки и сам ласкал ее. Он понял, что то, что они делают, хорошо и правильно. Любовь явилась не актом неуважения к мертвому, а естественной реакцией на несправедливость самой смерти. Оба испытывали почти звериную потребность доказать себе, что они живы.

Без слов, по одному только молчаливому соглашению, они встали и пошли в спальню.

Выходя из гостиной, Тони включил там свет и оставил дверь открытой. Свет падал на кровать – мягкий, рассеянный, льнул к Хилари, придавая ее гладкой коже теплый оттенок, добавляя блеска волосам цвета воронова крыла, вспыхивая искрами в огромных глазах.

Они остановились возле кровати, обнялись, поцеловались, и Тони начал раздевать ее. Расстегнул и снял блузку. Вслед за блузкой на пол упал лифчик. У Хилари были прекрасные, полные, изумительной формы груди с большими, устремившимися ему навстречу сосками. Тони нагнулся, чтобы поцеловать их. Хилари взяла обеими руками его голову, и они снова поцеловались. Потом Тони дрожащими руками расстегнул пояс и потянул книзу «молнию» на ее джинсах; брюки упали на пол, и Хилари переступила через них.

Тони опустился перед ней на колени, чтобы снять с нее трусики, и увидел бегущий от плоского живота к левому боку широкий рубец примерно в четыре дюйма. То не был тоненький, аккуратный след хирургической операции. Тони повидал немало подобных шрамов, оставшихся после огнестрельных и ножевых ранений, и готов был биться об заклад, что этот след оставил клинок либо пуля. Когда-то давно она была тяжело ранена. Эта мысль вызвала у Тони желание защитить, укрыть ее. У него было множество вопросов к Хилари по поводу этого шрама, но сейчас было явно неподходящее время. Он нежно поцеловал покоренный участок кожи, и Хилари напряглась – очевидно, она стыдилась своего единственного изъяна. Тони мог бы заверить ее, что рубец ничуть не портит ее красоты, но сейчас нужны были поступки, а не слова. Он провел руками по ее стройным, красивым ногам, погладил точеные бедра, прильнул губами к блестящему треугольнику черных курчавых волос, и они слегка пощекотали ему лицо. Он встал и взял в обе руки ее крепкие груди. Они снова поцеловались, а когда оторвались друг от друга, Хилари шепнула: «Скорей!»

Она отбросила покрывало и забралась в постель. Тони быстро разделся и лег рядом.

Они, лаская, изучали друг друга руками, ощупывали каждый выступ, каждую ложбинку. Хилари дотронулась до пениса, и он начал бурно пульсировать.

Через некоторое время, еще до того, как он вошел в нее, у него появилось странное ощущение, как будто они становятся одним существом – не столько физически, сколько духовно; посредством какой-то таинственной химической реакции впитывают, растворяются друг в друге. Покоренному теплом и лаской ее прекрасного тела, а еще больше – неповторимым шепотом и движениями, присущими одной лишь Хилари Томас, Тони казалось, будто он пробует неизведанный, чудесный хмельной напиток. Все его чувства обострились, словно к его органам чувств добавились ее глаза, уши, рот и пальцы. А также

ум. И два сердца забились в унисон.

От ее жгучих поцелуев у него возникло желание целовать ее везде, и он тотчас пустился в путешествие по ее телу, пока не добрался до места соединения бедер. Тони нежно развел ее стройные ноги и лизнул влажное средоточие страсти; раздвинул языком потаенные складочки плоти и, найдя крошечный бугорок, потеревил его губами, заставляя Хилари содрогнуться от наслаждения.

Она начала стонать и извиваться.

– Тони!..

Он продолжал ласкать ее губами, зубами и языком. Она выгнулась дугой, обеими руками впилась в простыни и забилась в экстазе. Тони просунул под нее руки и крепче прижал ее к себе.

– Ох, Тони! Да, да, да!

Хилари глубоко и часто дышала. Наслаждение стало таким острым, что она попробовала отстраниться, но потом снова прижалась к нему. Все ее тело неудержимо вибрировало. Она задыхалась; голова металась по подушке. Ее словно несли, одна за другой, волны неистового наслаждения. Наконец она в изнеможении откинулась на мятые простыни.

Тони поднял голову, поцеловал ее плоский живот и поводил языком по кончикам грудей. Хилари протянула руку и настигла его желанную твердость. От его эрекции в ней снова пробудилось желание.

Тони пальцами открыл вход и скользнул туда.

– Да, да, да! – вскрикивала она, пока он заполнял ее собой. – Милый Тони! Милый, милый Тони!

– Ты такая красивая!

Ему никогда не было так хорошо. Он приподнялся на вытянутых руках и сверху посмотрел на ее изумительно прекрасное лицо. Ему показалось, будто он смотрит не «на», а «в» нее – в самую сущность Хилари Томас, ее душу. Оба закрыли глаза, но связывавшая их ниточка не порвалась, не стала менее прочной.

У Тони было немало женщин, но ни одна не была ему так близка, как Хилари Томас. Их слияние было таким полным, что ему хотелось, чтобы оно длилось всю жизнь. И в то же время он не затягивал акт, как обычно, а во весь опор несли к заветному финишу. И дело было не только в том, что ее тело оказалось более тугим, более тесным и горячим, чем у других женщин; не только в тренированных вагинальных мышцах, совершенной груди или шелковистой коже, но, главное, в том, что она была для него единственной и неповторимой, совсем особенной женщиной.

* * *

Потом они лежали бок о бок на постели, держась за руки, и отдыхали. Хилари чувствовала себя физически и эмоционально выпотрошенной. Сила собственного оргазма потрясла ее. Так никогда еще не было. Каждый раз у нее в мозгу словно вспыхивала молния, заставляя трепетать все фибры души и тела. Но Тони дал ей не только физическое наслаждение, но и что-то новое, удивительное, необычайно сильное и не передаваемое словами.

Многим хватало для выражения этого чувства слова «любовь», но Хилари не очень-то ему доверяла. С детских лет слова «любовь» и «боль» были неразрывно связаны в ее сознании. Она боялась поверить, что полюбила Тони Клеменца, потому что это означало бы еще большую уязвимость и зависимость от другого человека.

С другой стороны, ей трудно было представить, будто Тони способен сознательно причинить ей зло. Он не такой, как Эрл, ее отец, и не такой, как все другие мужчины, которых она знала раньше. Он умел быть нежным, ласковым, добрым, сочувствующим; рядом с ним она чувствовала себя защищенной. Может быть, стоит рискнуть? И может быть, он – тот единственный, кто этого достоин?

Но она тотчас представила себе, каким ударом может стать для нее новое разочарование. Вряд ли ей удастся когда-либо от него оправиться.

Проблема.

И нет легкого решения.

Лучше сейчас не думать об этом. Так хорошо – просто лежать рядышком, купаясь в атмосфере нежности, созданной их общими усилиями.

Хилари вспомнила, как они только что принадлежали друг другу, и по ее телу пробежала теплая волна.

Тони повернулся на бок, лицом к ней.

– Пенни за твои мысли.

– Что так дешево?

– Доллар.

– Давай больше.

– Сто долларов?

– Может быть, все сто тысяч.

– Хорошие мысли!

– Не столько мысли, сколько воспоминания.

– О чем?

– О том, чем мы занимались несколько минут назад.

– А знаешь, – сказал Тони, – ты меня удивила. Такая строгая на вид, ну, просто пай-девочка, а на самом деле сушая развратница.

– Точно. Я тебе нравлюсь?

– Очень нравишься.

Они еще несколько минут молили любовный вздор. Потом Тони посерьезнел.

– Ты, конечно, понимаешь, что уж теперь-то я тебя не отпущу?

Хилари почувствовала, что, если она даст повод, за этим могут последовать новые, еще более обязывающие признания, к которым она не была готова, да и будет ли когда-нибудь? Конечно, он ей нравился – очень! Сейчас ей казалось несказанным счастьем – жить вместе, взаимно дополняя и обогащая внутреннюю жизнь друг друга, радуя партнера своими талантами, деля интересы. Но она страшилась разочарования и боли, неизбежных, если он когда-нибудь охладет к ней. Уроки детства глубоко пустили корни в ее душе. Она боялась связывать себя и другого.

Она попыталась свести разговор к шутке:

– Никогда-никогда не отпустишь?

– Никогда-никогда.

– Будешь брать с собой на дежурство?

Тони посмотрел ей прямо в глаза, словно пытаясь определить, поняла ли она то, что он сказал.

Хилари начала нервничать.

– Не торопи меня, Тони. Мне нужно время, чтобы разобраться. Хотя бы немного времени.

– Оно целиком твое.

– А сейчас я счастлива и хочу валять дурака.

– Валяй дурака.

– О чем будем разговаривать?

– Я хочу все знать о тебе.

– Это звучит слишком серьезно.

– Хорошо. Пусть будут серьезные и глупые вопросы по очереди.

– Идет. Давай первый вопрос.

– Что ты любишь на завтрак?

– Корнфлекс.

– А на обед?

– Корнфлексy.

– На ужин?

– Корнфлексy.

– Погоди-ка, – сказал Тони.

– В чем дело?

– Полагаю, насчет завтрака ты не шутила. Но потом два раза подряд морочила мне голову.

– Обожаю корнфлексy.

– С тебя два серьезных ответа.

– Выстреливай.

– Где ты родилась?

– В Чикаго.

– Кто твои родители?

– Не знаю. Я вылупилась из яйца. Утиного. Свершилось чудо. Да ты, наверное, читал эту историю? В Чикаго ее все знают. «Леди из утиного яйца».

– Очень остроумно!

– Спасибо.

– Кто твои родители? – продолжал Тони.

– Это нечестно, – запротестовала Хилари. – Нельзя дважды спрашивать об одном и том же.

– Это так ужасно?

– Что?

– То, что они сделали.

– Кто тебе сказал, что они сделали что-то ужасное?

– Я и раньше спрашивал о них, так же, как о твоём детстве. Ты все время уклонялась от ответов. Думала, я не замечая.

Хилари закрыла глаза, чтобы Тони ничего в них не прочел.

– Доверься мне, – попросил он.

– Они были алкоголики.

– Оба?

– Ага.

– Злостные?

– Совершенно отпетые.

– И?..

– Тони, мне не хочется об этом говорить.

– Может, тебе станет легче?

– Прошу тебя, Тони. Я так счастлива. Не надо портить такой чудесный вечер.

– Рано или поздно ты должна будешь рассказать.

– О'кей, – ответила она. – Только не сейчас.

Тони вздохнул.

– Ладно, посмотрим. Твой любимый телеперсонаж?

– Лягушонок Кермит.

– Что это за шрам?

– Разве у Кермита есть шрам?

– Я говорю о твоём.

– Он вызывает у тебя отвращение?

– Напротив, делает тебя еще красивее.

– Правда?

– Разумеется, правда.

– Ты не против, если я проверю тебя на своем детекторе лжи?

– У тебя есть детектор лжи?

– Естественно. – Хилари взяла в руку вялый знак его мужского достоинства. – Мой

детектор лжи исключительно прост в обращении и не дает погрешностей в работе. Берем штекер А, – она чуточку сдавила в руке пенис, – и помещаем в гнездо В...

Хилари соскользнула вниз и взяла его в рот. В считанные секунды мужской орган разбух и пришел в полную боевую готовность. Через несколько минут Тони уже еле сдерживался.

Хилари усмехнулась.

– Да, ты не солгал.

– Могу повторить: ты чертовски соблазнительная развратница. Ведьма.

– Хочешь меня?

– Хочу.

На этот раз Хилари сама оседлала Тони и понеслась – взад и вперед, то в один бок, то в другой, то вверх, то вниз. Он протянул руки к ее колышущимся грудям, и с этой минуты она уже не знала, где он, а где она, – все поглотила бешеная скачка.

В полночь они отправились на кухню и приготовили поздний ужин: нарезали холодного вареного мяса с сыром, разогрели вчерашнего цыпленка. Все это, вместе с охлажденным белым вином и фруктами, взяли в спальню и с удовольствием пробовали то одно, то другое.

В эти минуты они казались себе подростками, с головой окунувшимися в доселе не изведанные радости плоти. Но это была не просто вереница половых актов, а важный ритуал, торжественная церемония, освобождающая их от пестуемых годами страхов. Хилари так всецело отдавалась другому человеку, как невозможно было представить какую-нибудь неделю назад. Отбросив гордость, она щедро предлагала себя, не заботясь о последствиях в виде измены, горя и унижения. В ней зародилась робкая надежда, что Тони не злоупотребит ее искренностью. То, что с другим показалось бы грязным, стыдным, с Тони было чистым, светлым, вдохновенным. Она все еще боялась слова «любовь», но уже сказала его своими действиями. В половине пятого Хилари засобиралась домой.

– Останься, – попросил Тони.

– Ты еще не выдохся?!

– Выдохся. Но все равно мне хочется, чтобы ты была рядом. Поспи здесь.

– Если я останусь, нам не придется спать.

– Ты еще не выдохлась?!

– Увы, дорогой. Конечно же, выдохлась. Но нас обоих ждет работа. А так мы будем поминутно отвлекаться.

– Да, – протянул Тони. – Придется нам привыкать не реагировать на присутствие друг друга. Научиться спать вместе – в буквальном смысле. Потому что нам предстоит провести рядом столько ночей и дней!

– Много-много! – подхватила Хилари. – Мы привыкнем и заживем, как все. Я буду ложиться в постель в бигуди и намазавшись кольдкремом, а ты – с сигарой в зубах, под включенный телевизор.

– Стыд-позор!

– Разумеется, это будет потом, когда отношения потеряют прелесть новизны. Лет этак через пятьдесят.

– Нет, шестьдесят.

Так, болтая, они еще на четверть часа оттянули отъезд Хилари. Но все равно настал момент одеваться. Тони тоже натянул джинсы.

Проходя через гостиную, Хилари задержалась перед одной из картин.

– Я бы не прочь показать штук шесть лучших работ Уайнту Стивенсу с Беверли-Хиллз – вдруг он захочет иметь с тобой дело?

– Не захочет.

– Почему не попробовать?

– Это одна из лучших художественных галерей, – сказал Тони.

– Зачем же начинать с худших? – парировала она.

Тони посмотрел куда-то сквозь Хилари и произнес:

– Может, я и прыгну.

– Что-что?

Он в двух словах рассказал ей о Юджине Таккере, бывшем арестанте, а ныне модельере женской одежды.

– Таккер прав, – прокомментировала Хилари. – И потом, какой же это прыжок? Тебе пока нет нужды оставлять службу в полиции. Просто проверить себя.

Тони пожал плечами.

– И правда, я ничего не теряю. Даже если Уайнт Стивенс отвергнет мои работы.

– Не отвергнет. Выбери дюжину самых характерных. Постараюсь свести тебя с ним завтра или послезавтра.

– Забирай их с собой, – заявил Тони. – Прямо сейчас.

– Но он наверняка захочет с тобой встретиться.

– Да – если картины понравятся. В таком случае и я буду счастлив познакомиться с ним.

– Но, Тони...

– Не хочу услышать от него в твоём присутствии, что я всего лишь способный дилетант.

– Ты невыносим.

– Предусмотрителен.

– Паникер.

– Нет, реалист.

Хилари было некогда рассматривать все шестьдесят полотен, стоявших в углу; она с удивлением узнала, что еще полсотни картин хранятся в чулане и сотня на чердаке, не считая маленьких зарисовок. Она выбрала из тех, что висели на стене. Тони аккуратно завернул их и оделся, чтобы проводить девушку до машины. Сложив картины в багажник, они немного постояли под фонарем. Тони целомудренно чмокнул Хилари в щеку.

Стояла тихая, прохладная, звездная ночь.

– Еще немного – и начнет светать, – сказал Тони.

– Ты сегодня работаешь?

– Нет. Мне дали несколько дней отпуска... из-за Фрэнка. Только забегу на часок в управление, сдам рапорт. И все.

– Я вечером позвоню.

– Буду ждать.

Хилари ехала по безлюдным утренним улицам. Она вдруг почувствовала голод и вспомнила, что дома ничего нет. Поэтому она свернула налево – там был круглосуточно работающий рынок.

* * *

Тони рассчитал, что Хилари потребуется на дорогу не более десяти минут. На всякий случай он подождал пятнадцать и позвонил – убедиться, что она благополучно добралась до дому. Телефон не отвечал. Не было вообще никаких сигналов.

Он был уверен в правильности записанного номера, потому что для верности дважды переспросил Хилари; она продиктовала ему номер, указанный в счете телефонной компании; это исключало возможность ошибки.

Тони набрал телефонную станцию и объяснил девушке-диспетчеру, в чем дело. Та попыталась прозвонить квартиру Хилари Томас, но у нее тоже не вышло.

– Может, трубка снята с рычага? – предположил Тони.

– Вряд ли.

– Что можно предпринять?

– Я запишу в журнал, что телефон неисправен. Днем придет мастер.

– Когда именно?

– Номер принадлежит престарелому человеку или инвалиду?

– Нет.

– Значит, этот случай подпадает под общее правило. Мастер придет в любое время после восьми утра.

– Спасибо.

Тони дал отбой. Немного посидел на кровати, уставившись на смятые простыни.

Телефон неисправен?

Возможно, мастер что-либо перепутал. А возможно, и нет. Даже совсем не похоже на то.

Ему вспомнился анонимный хулиган. Как правило, такие люди – импотенты. Он знал только один случай, когда телефонный маньяк совершил насилие. Что, если это – второй такой случай?

Тони почувствовал холодок под ложечкой.

Если бы букмекерам Лас-Вегаса пришлось в голову заключить пари относительно возможности того, что Хилари Томас в течение одной недели подвергнется нападению со стороны двух маньяков, не имеющих между собой ничего общего, такой шанс исчислялся бы миллионными долями единицы. А с другой стороны, годы службы в полиции научили Тони ничему не удивляться.

Он вспомнил совершенно голого Бобби Вальдеса, выглядывающего из кухонного шкафчика, с пистолетом в руке.

За окном, в предраассветной мгле, зачирикала пичужка – пронзительно и тревожно, точно преследуемая хищником. Тони прошиб пот, и он вскочил с кровати.

Дома у Хилари творится что-то неладное.

* * *

Сделав крюк, чтобы купить молока и яиц, Хилари добралась домой только через полчаса после того, как простилась с Тони. Она страшно хотела есть и была во власти приятной усталости, даже расслабленности. Перед ее мысленным взором витал омлет с сыром и петрушкой. А потом – самое меньшее шесть часов непрерывного сна! Она даже не стала заводить свой «Мерседес» в гараж, а оставила на маленькой полукруглой стоянке перед домом.

Автоматические поливальные машины в виде фонтанчиков обрызгивали клумбы и кусты. В кронах пальм шелестел ветер.

Хилари вошла через парадный вход. В гостиной стояла кромешная тьма. Держа под мышкой пакеты с продуктами, Хилари заперла дверь на два замка и включила свет в гостиной.

Там творилось нечто невообразимое. Обе настольные лампы сброшены на пол. Абажуры разодраны в клочья. Оконный витраж тысячами цветных осколков лежал на полу. Драгоценные фарфоровые статуэтки – там же и в том же состоянии. Кто-то вспорол обивку дивана и кресел, и оттуда торчали клочья. Двумя деревянными стульями, очевидно, колотили о стену, видимо, затем, чтобы превратить их в щепки. Из шкафов повытаскивали ящики и разбросали по полу одежду. Картины искромсаны бритвой. Зола из камина развеяна по дороговому пушистому ковру. Побывавший здесь не пропустил ни одной вещи, ни одного предмета.

Сначала Хилари остолбенела, но уже в следующее мгновение шок уступил место гневу.

– Чертов сукин сын! – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Годами Хилари собирала одну красивую вещицу за другой, истратив на это маленькое состояние. Но дело было даже не в деньгах, потому что большая часть имущества была застрахована. Нравственный ущерб – кто возместит его? В уголках глаз Хилари выступили слезы.

Ошеломленная, она не сразу сообразила, что ей может грозить опасность. А сообразив, замерла и прислушалась.

По спине у Хилари побежали мурашки: ей показалось, будто кто-то дышит в затылок.

Оглянулась – никого.

Кладовая была заперта. Если бы в доме кто-то прятался, он бы давно уже вышел.

– Это просто бред, – сказала она себе. – Такого не может быть. Абсурд какой-то.

Позади нее послышался шум. Хилари резко обернулась и посмотрела в сторону столовой. Там что-то захлопало и зазвенело, словно непрошенный гость наступил на битое стекло или фарфор.

Шаги.

Дверь в столовую была сверху обрамлена аркой; Хилари находилась в двенадцати футах от нее. Там было темно, как в могиле.

Еще один шаг и звон битого стекла.

Хилари осторожно попятилась, держа курс на входную дверь, которая сейчас казалась безнадежно далекой! И зачем только она заперла ее!

В проеме показался высоченный, широкоплечий громила. Он несколько секунд постоял в темноте, а затем решительно шагнул в освещенную гостиную.

– Нет! – крикнула Хилари.

Она была так потрясена, что даже перестала отступать. Сердце грозило выпрыгнуть из груди; в горле пересохло; она отчаянно мотала головой: нет, нет, нет!

Он ухмыльнулся; в руке сверкнул огромный острый нож.

Это был Бруно Фрай.

* * *

Тони благословлял ночь за пустоту городских улиц, потому что сейчас ему казалось: промедление смерти подобно. Может быть, он уже опоздал.

Его джип несся со скоростью семьдесят миль в час. Он выскочил на Уилширский бульвар и рванул направо, к Беверли-Хиллз, с включенной мигалкой, игнорируя светофоры на перекрестках. У Тони было такое чувство, будто каждая минута может оказаться для Хилари последней.

* * *

Хилари закрыла глаза и пожелала, чтобы он испарился. Но когда она заставила себя открыть их, Бруно Фрай все еще был здесь.

Она не могла пошевелиться. Хотела бежать, но страх парализовал все тело. Еще немного – и она без сознания рухнет на пол.

Она не могла говорить, но внутри ее все кричало.

Фрай остановился меньше чем в пятнадцати футах от нее. Одутловатое лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок; он весь дрожал от ярости и, казалось, был на грани истерики.

Разве покойники закатывают истерики? Должно быть, она все-таки сошла с ума. Хорошо бы. Но в глубине души Хилари знала, что это не так.

Может быть, это призрак? Она не верила в призраков. И потом, считается, что привидения должны быть почти прозрачными, этот же поразительно материален.

– Сука! – выругался он. – Поганая сука!

В этом жестком, скрипучем голосе невозможно ошибиться!

Но, вспыхнуло у Хилари в мозгу, ведь его голосовые связки должны были уже истлеть, а глотка забита бальзамирующим составом.

Хилари почувствовала, что еще немного – и она разразится безумным хохотом. И тогда ее уже не остановить.

– Ты убила меня! – прорычал Бруно Фрай.

– Нет, – пролепетала она. – О нет!

– Убила! – Он потряс в воздухе ножом. – Зарезала! Не лги! Мне все известно. А ты думала – нет? О господи! Мне так страшно, так пусто, так одиноко! – В его голосе ярость

смешалась с настоящей душевной мукой. — Я весь — сплошная рана! Все из-за тебя!

Он медленно преодолел несколько ярдов и снова остановился.

Хилари убедилась, что глазницы покойника не были пусты или покрыты молочно-белой катарактой, как в фильмах ужасов. Глаза были нормального серо-голубого цвета и полны холодной ярости.

— На этот раз ты останешься мертвой! — пообещал Фрай.

Хилари сделала робкий шаг назад и пошатнулась, но не упала. Оказывается, у нее еще есть силы.

— На этот раз я все предусмотрел, принял все меры предосторожности. Я вырву твое смердящее сердце!

Она отступила еще на один шаг, но это ничего не меняло. Даже если она успеет добежать до двери, то прежде, чем она справится с двумя замками, Фрай успеет всадить ей клинок между лопатками.

— Воткну кол в твое смердящее сердце!..

На этот раз ей не удастся взбежать по лестнице и добраться до пистолета.

— Отрублю твою поганую голову! Отрежу язык. Набью рот чесноком, и ты уже не спросишь обратную дорогу из ада.

Хилари слышала набат собственного сердца. От страха ей было трудно дышать.

— Вырву твои вонючие глаза!..

Она оцепенела.

— Раздавлю их, чтобы ты не нашла дорогу!

Хилари закричала.

Фрай вознес нож высоко над головой.

— Отрублю кисти рук, чтобы ты даже ощупью не пробралась обратно!

— Нет!

Острый стальной клинок начал неотвратно опускаться.

Хилари все еще держала под мышкой пакет с продуктами. Она вдруг схватила его обеими руками и закрылась от ножа. Лезвие насквозь пропороло пакет с яйцами, пронзило пакет с молоком и увязло в нем. Фрай взревел от ярости. Пакет упал на пол вместе с ножом. Фрай нагнулся, чтобы поднять его. В это мгновение Хилари опрометью кинулась к лестнице. Она понимала, что лишь оттягивает неизбежное: тех двух-трех секунд, что она выиграла, недостаточно, чтобы спастись.

И вдруг зазвенел дверной колокольчик.

Хилари замерла у подножия лестницы и оглянулась. Фрай застыл с ножом в руке. Их взгляды встретились, и Хилари уловила в его глазах нерешительность. Он двинулся к ней, но без прежней уверенности. Колокольчик зазвонил снова. Хилари вцепилась в балюстраду и завопила во всю мощь своих легких.

Снаружи мужской голос прокричал: «Полиция!»

Тони!

— Полиция! Откройте дверь!

Хилари не поняла, как он очутился здесь. Но она никогда еще никому так не радовалась.

Фрай остановился, посмотрел на Хилари. Потом на дверь и снова на Хилари, словно взвешивая шансы. Она продолжала кричать.

С треском вылетело стекло. Это Тони прокладывал себе путь внутрь дома.

— Полиция!

Фрай бросил на нее полный ненависти взгляд.

— Я еще вернусь! — И он побежал наискосок через гостиную, очевидно, намеревался ускользнуть через кухню.

Хилари, рыдая, бросилась к парадной двери. Тони продолжал взывать к ней через выбитое стекло.

Сжимая в руке револьвер, Тони вернулся после обхода сада. Хилари ждала его на кухне, рядом на столе лежал нож.

– В розарии никого нет, – доложил Тони.

– Запри дверь.

Он подчинился.

– Ты посмотрел везде?

– В каждом углу.

– По обе стороны дома?

– Да.

– В кустарнике?

– Под каждым кустом.

– И что дальше?

– Позвоню в управление, чтобы прислали пару наших ребят. Нужно порасспросить соседей.

– Что толку? – тихо произнесла Хилари.

– Никогда нельзя знать заранее. Кто-то мог заметить его раньше. Или видел, как он убегал.

– Разве призраки убегают? Они просто испаряются, вот и все.

– Ты веришь в привидения?

– А может, он вовсе и не привидение. Ходячий труп. Обыкновенный ходячий труп.

– Ты веришь в зомби?

– Да, а что?

– Ты слишком умна для этого.

Хилари закрыла глаза.

– Я уже не знаю, во что я верю, а во что – нет.

Ее голос прозвучал как-то надтреснуто, и это его обеспокоило. Чувствовалось, что она на грани обморока.

– Хилари... Ты уверена в том, кого именно видела?

– Это был он.

– Но как это могло случиться?

– Это был Фрай, – упорствовала она.

– Ты же видела его в морге.

– Мертвого?

– Ну конечно.

– Кто сказал?

– Врачи. Патологоанатомы.

– Врачи могут ошибаться.

– Только не в подобных случаях.

– О чем только не приходится читать в газетах. Подписывают свидетельства о смерти, а человек вдруг садится на прозекторском столе. Такие вещи очень редко, но бывают. Один случай на миллион.

– Даже реже.

– И все-таки они имеют место.

– Это совсем другое.

– Я видела его. Здесь. Прямо здесь. Только что.

Тони поцеловал девушку в щеку, взял ее ледяную руку в свои.

– Послушай, Хилари, Фрай мертв. Ты его заколола. Он потерял почти всю кровь. Его нашли в луже крови, под палящим солнцем. Он просто не мог остаться живым.

– Выходит, смог.

Тони поцеловал ее бледные пальцы.

– Ничего подобного. Фрай скончался от потери крови.

Должно быть, Хилари перенесла шок средней тяжести, и это отразилось на ее органах чувств. В своем мозгу она объединила сегодняшнее нападение с тем, что произошло на прошлой неделе. Пройдет немного времени, и ее помутившееся сознание снова придет в норму; она поймет, что налетчик не мог быть Бруно Фраем. Нужно успокоить, приласкать ее, и она признает свою ошибку.

– Вдруг Фрай еще не умер, когда его нашли? Скажем, был в коме?

– Коронер обнаружил бы это при вскрытии.

– А если он не делал вскрытие?

– Значит, это сделал кто-нибудь другой.

– А если они все были очень заняты – урожайный день на трупы – и решили отчитаться, не производя вскрытие?

– Это невозможно, – заверил Тони. – Там работают специалисты экстра-класса.

– По крайней мере, это можно проверить?

Тони кивнул:

– Само собой. Но ты забыла, что Фрай прошел через руки бальзамировщика. Ему спустили всю оставшуюся жидкость: и кровь, и все прочее.

– Ты уверен?

– Прежде чем отправить труп в Санта-Елену, его обязаны были забальзамировать либо сжечь. Таков закон.

Хилари немного подумала, а потом сказала:

– А что, если это тот самый загадочный случай, один из десяти миллионов? Что, если его по ошибке посчитали мертвым? Коронер манкировал своими обязанностями и по какой-то причине не произвел вскрытие. Фрай сел на столе у бальзамировщика.

– Хилари, ты цепляешься за соломинку. Если бы что-то подобное произошло, мы бы сразу узнали об этом. Случись так, что в похоронном бюро обнаружили бы, что человек жив, просто из-за большой потери крови находится в беспомощном состоянии, его немедленно доставили бы в больницу и поставили нас в известность.

Хилари обдумала его слова. Уставившись в пол, пожевала нижнюю губу. Потом сказала:

– А что с шерифом Лоренски из графства Напа?

– Мы до сих пор не смогли с ним связаться. Он не реагирует на наши запросы.

– Как это?

– Не отвечает на телефонограммы.

– Разве не ясно, что за этим что-то кроется? Какой-то заговор, в котором шериф принимает активное участие...

– И в чем же он заключается, этот заговор?

– Не знаю.

По-прежнему соблюдая такт и терпение, уверенный в том, что в конце концов Хилари не сможет не признать основательности его доводов, Тони продолжал рассуждать:

– Заговор между Фраем и шерифом Лоренски? Или, может быть, у него в сообщниках сам Сатана? И они заключили пакт на крови с целью обмануть Смерть? Обеспечить Фраю вечную жизнь? Для меня это лишено всякого смысла. А для тебя?

– И для меня тоже, – раздраженно ответила Хилари. – Абсолютно.

– Рад это слышать. Иначе бы я испытывал сильную тревогу.

– Но, черт возьми, здесь творится неладное. Совершенно необычное. И я все же склоняюсь к мысли, что тут не обошлось без шерифа Лоренски. Не кто иной, как он, на прошлой неделе обеспечил Фраю ложное алиби. А теперь он избегает контактов с вами, потому что никак не может сочинить удобоваримую версию. Тебе это не кажется подозрительным? Он ведет себя по меньшей мере странно.

– Нет, – возразил Тони. – Он ведет себя как перепуганный полицейский, допустивший серьезнейшую служебную ошибку, даже халатность, когда принялся выгораживать местную «шишку» только потому, что был уверен: такой человек не способен на изнасилование и

предумышленное убийство. Ночью в среду он не смог связаться с Бруно Фраем, но сообщил, что сделал это, будучи уверен: Фрай – не тот, кого мы ищем. И теперь ему мучительно стыдно.

– Вот, значит, как ты думаешь!

– Так думает все управление.

– А я – нет.

– Хилари...

– Я видела Бруно Фрая!

Вместо того чтобы образумиться, Хилари чем дальше, тем глубже увязала в темных, горячечных фантазиях о ходячих трупах и чудовищных заговорах. Тони решил быть с ней постороже.

– Хилари, ты не могла видеть Бруно Фрая. Его здесь не было – во всяком случае, сегодня. Он умер. Умер и похоронен. На тебя напал другой человек. Ты испытала шок. У тебя помрачение рассудка. Это по-человечески понятно. Но все-таки...

Она резко вырвала у него руку и немного отступила.

– Фрай был здесь. И обещал вернуться.

– Минуту назад ты согласилась со мной, что в этой истории нет ни капли здравого смысла.

Хилари неохотно подтвердила:

– Да, ни капли здравого смысла. И тем не менее она произошла.

– Поверь, мне неоднократно приходилось наблюдать воздействие шока на человеческую психику. Люди перестают видеть вещи в истинном свете.

– Ты хочешь мне помочь или нет? – потребовала она.

– Разумеется, хочу.

– Каким образом? Что мы можем предпринять?

– Для начала сообщим в полицию о разбойном нападении.

– Тебе не кажется, что это не выход? – кисло спросила Хилари. – Едва они услышат о том, что на меня покушался мертвец, как тотчас решат упечь меня в психушку. Ты знаешь меня, как никто, но даже ты считаешь, что я съехала с катушек.

– Я так не считаю, – обиженно возразил Тони. – Просто ты во власти мании.

– Черт!

– Это объяснимо.

– К черту!

– Послушай, Хилари. Когда приедут полицейские, не говори им о Фрае. Ты скоро успокоишься, возьмешь себя в руки...

– Я абсолютно спокойна.

– ...и сможешь дать точное описание злоумышленника. Дай себе шанс – и ты соберешься с мыслями, взглянешь на вещи с разумной точки зрения и убедишься, что это был не Фрай, а некто, похожий на него.

– Ты говоришь в точности как Фрэнк Говард на прошлой неделе, – со злостью сказала Хилари.

Тони изо всех сил старался не потерять терпения.

– Тогда ты описала реально существующего человека.

– Ты такой же, как все, – надломленным голосом произнесла она.

– Я хочу тебе помочь.

– Дерьмо собачье.

– Хилари, не отворачивайся от меня.

– Это ты от меня отворачиваешься.

– Я люблю тебя.

– Тогда докажи это!

– Но я здесь! Какие еще доказательства тебе нужны?

– Поверь мне. Это – лучшее доказательство.

Тони видел, что она растеряна, но объяснял это тем, что ее часто подводили те, к кому она привязывалась. И не просто подводили, но жестоко предавали, причиняли зло. Потому что обычное разочарование не могло бы сделать ее такой чувствительной. Страдая от прошлых душевных травм, теперь она с фанатичным упрямством требовала слепого, нерассуждающего доверия. Едва он высказал сомнения, она начала отдаляться, хотя он ни разу не злоупотребил ее искренностью. Но, черт возьми, ведь это небезопасно – оставаться во власти галлюцинаций. Лучшее, что он может сделать, это как можно более мягко и тактично вернуть ее к реальности.

– Здесь был Фрай, – устало выговорила она. – Но я не собираюсь рассказывать об этом полиции.

– Вот и хорошо. – У Тони отлегло от сердца.

– Потому что я вообще не собираюсь иметь с ними дела.

– Как?

Вместо ответа Хилари повернулась к нему спиной и вышла из кухни. Тони последовал за ней в разгромленную столовую, а затем в гостиную.

– Хилари, ты должна заявить в полицию.

– Я никому ничего не должна.

– Тебе не выплатят страховку.

– Сейчас это меня не волнует. Потом подумаю.

Тони пробирался вслед за Хилари к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Ты кое-чего не учла.

– Чего?

– Я все-таки детектив.

– Ну и что?

– Раз уж я в курсе дела, обязан доложить.

– Докладывай.

– Твое заявление должно стать частью моего рапорта.

– Ты не заставишь меня помогать тебе!

У самой лестницы Тони схватил Хилари за руку.

– Подожди, пожалуйста.

Она повернула к нему красное от гнева лицо.

– Пусти!

– Куда ты идешь?

– Наверх.

– Зачем?

– Соберу чемодан и перееду в гостиницу.

– Можешь пожить у меня.

– Тебе вряд ли доставит удовольствие жить бок о бок с душевнобольной, – саркастически заметила она.

– Хилари, не надо так!

– Вдруг на меня найдет и я прикончу тебя во сне?

– Я не считаю тебя сумасшедшей.

– О да. У меня просто мания. Шарик заехал за ролик. Тихое помешательство, не представляющее опасности для окружающих.

– Я только пытаюсь тебе помочь.

– Это не самый удачный способ.

– Ты не сможешь вечно жить в отеле.

– Когда его поймут, я вернусь домой.

– Но если ты не сделаешь официального заявления, его даже не станут ловить.

– Займусь этим сама.

– Ты?

– Я.

Теперь уже и Тони охватил гнев.

– В какую игру ты собираешься играть – «Хилари Томас – женщина-детектив»?

– Можно нанять частного сыщика.

– В самом деле? – язвительно спросил Тони. Он отдавал себе отчет, что этот тон может еще больше оттолкнуть ее, но не мог больше сдерживаться.

– В самом деле. Найму частного детектива. Мой агент по рекламе знает одно очень хорошее частное агентство.

– Это не их работа.

– Они будут делать то, за что им станут платить.

– Такое расследование по плечу только полиции.

– Полиция только и способна, что гоняться за уже известными ворами и насильниками.

– Существуют определенные методы – целая система... – втолковывал Тони.

– В данном случае она не работает.

– Почему? Потому что налетчик официально признан мертвым?

– Вот именно.

– Значит, по-твоему, полиция должна гоняться за призраками?

Хилари бросила на него усталый взгляд.

– Единственный способ раскрыть тайну – это выяснить, каким образом Бруно Фрая удалось сойти за покойника на прошлой неделе и ожить этой ночью.

– Ты сама понимаешь, что говоришь?

Состояние Хилари внушало Тони ужас. С какой стати она упрямо цепляется за свои иллюзии?

– Я знаю, что говорю. И знаю, что я видела Бруно Фрая. И не только видела. Он разговаривал со мной – своим низким, гортанным голосом. Угрожал отрубить мне голову и набить рот чесноком, потому что я – вампир или что-то в этом роде.

Вампир?!

Тони словно поразила молния. Слова Хилари странным образом перекликались с кое-какими вещами, найденными при обыске в «Додже» Бруно Фрая. То были предметы неизвестного назначения, о существовании которых она не могла знать, потому что они не успели сообщить об этом газетчикам и первые репортажи вышли без этих подробностей, а потом интерес публики к этому происшествию угас и они решили не возвращаться к нему. Тони прошиб холодный пот.

– Чесноком? – переспросил он. – Вампир? Хилари, о чем ты говоришь?

Она вырвалась и побежала вверх по ступенькам. Тони бросился вслед за ней.

– Повтори насчет вампиров!

Не оборачиваясь, Хилари процедила:

– Веселенькая история, не правда ли? Меня преследует дохлый маньяк, принимающий меня за вампира, вернувшегося с того света. Увы! Теперь тебе доподлинно известно, что я чокнутая. Вызывай карету «Скорой помощи». Наденьте на бедную сумасшедшую смирительную рубашку, пока она чего-нибудь с собой не сделала. Поместите ее в комнату без окон, обитую войлоком. Заприте и выбросите ключ.

На втором этаже, когда Хилари взялась за ручку своей спальни, Тони снова схватил ее за руку.

– Пусти, черт бы тебя побрал!

– Повтори, что он сказал!

– Я перееду в отель и сама займусь этим делом.

– Я должен знать каждое его слово!

– Ты не сможешь мне помешать! Отпусти сейчас же!

Тони пришлось повысить голос, чтобы она услышала:

– Черт побери, мне необходимо знать каждое слово этого мерзавца о вампирах!

Их взгляды встретились. Должно быть, Хилари уловила в глазах Тони растерянность и страх, потому что прекратила вырываться.

- Зачем тебе?
- Фрай был одержим идеей сверхъестественного.
- Откуда ты знаешь?
- Мы кое-что нашли у него в фургоне.
- Что именно?
- Всего не припомню. Колоду карт для гадания. Дюжину распятий...
- В газетах об этом ничего не было.

– Мы обнаружили все это уже после того, как все газеты поместили отчет о происшествии. А потом эта новость уже утратила свежесть. Но я хочу рассказать тебе о других находках. Холщовые мешки с чесноком, развешанные над каждой дверцей. Два остроконечных деревянных кола. С полдюжины книг о вампирах, зомби и прочих вернувшихся с того света.

Хилари вздрогнула.

– Он обещал вырвать у меня сердце и всадить в него кол.

– Господи!

– А также выколоть глаза, чтобы я не нашла обратную дорогу из ада. Это его собственные слова. Он боялся, что после смерти я снова воскресну. А получилось так, что не я, а он сам вернулся с того света. – Хилари рассмеялась, но в этом смехе преобладали истерические нотки. – Еще он посулил отрубить мне кисти рук, чтобы я ощупью не нашла дорогу.

Тони подумал о том, как близок был этот человек к выполнению своей угрозы, и к его горлу подступила тошнота.

– Это был он, – сказала Хилари. – Понимаешь? Это был Фрай.

– Может быть, искусная имитация?

– Что-что?

– Кто-то мог загримироваться под Бруно Фрая.

– С какой стати?

– Понятия не имею.

– Ты обвинил меня в том, что я цепляюсь за соломинку. А ты сейчас – даже не за соломинку. Мираж. Ничто.

– И все-таки это мог быть кто-то, придавший себе сходство с Фраем.

– Такое – нет. Любой грим различим вблизи. И потом, у него было тело Бруно Фрая. Тот же рост, та же фигура. Те же литые мускулы. И тот же голос.

– Может быть, подделка?

– Я понимаю, – холодно проговорила Хилари, – тебе легче поверить в ловкую мистификацию, чем в разгуливающий труп. Нет, Тони, этот голос невозможно подделать. Опытный имитатор может воспроизвести низкий тембр и интонацию, даже акцент, но только не это дребезжание – видимо, следствие ларингита или травмы, перенесенной в детстве. Это Бруно Фрай разговаривал со мной сегодня.

Тони видел, что Хилари еще сердится, но уже не подозревал ее в помрачении рассудка. У нее был ясный взгляд, и она облекала мысли в четкие, лаконичные фразы. Хилари полностью владела собой.

– Но Фрай умер, – вяло возразил Тони.

– Он на меня напал.

– Как же это возможно?

– Я уже сказала, что собираюсь это выяснить.

У Тони было такое чувство, будто он попал в странную комнату без единого выхода. Его окружало непостижимое. Он вспомнил один из рассказов Конан-Дойля – там Шерлок Холмс объяснял Ватсону, что если детектив отмел все возможные версии и у него осталась всего одна – невозможная, то скорее всего она и окажется истинной.

Возможно ли невозможное?

Тони еще раз сопоставил угрозы преступника с предметами, найденными в фургоне

Фрая, и вздохнул.

– Ну ладно.

– Что «ладно»?

– Может быть, это был Бруно Фрай.

– У меня нет ни капли сомнения.

– Хорошо... Как-нибудь... Бог его знает... Может, он и перенес две колотые раны. Это невероятно, но попробуем допустить такую возможность.

– Как великодушно! – съязвила Хилари. Очевидно, она все еще чувствовала себя обиженной и не спешила убирать коготки. Ей трудно было сразу простить его.

Она отвернулась и вошла в спальню. Тони последовал за ней. Он потерял дар речи. К сожалению, Шерлок Холмс не объяснил, как жить, считая невозможное возможным.

Хилари достала из встроенного шкафа чемодан, поставила на кровать и начала укладывать одежду.

Тони подошел к телефонному аппарату и поднял трубку.

– Телефон не работает. Должно быть, он перерезал провода. Придется позвонить от соседей.

– Я не собираюсь никуда звонить.

– Не злись, – попросил Тони. – Все изменилось. Теперь я поддерживаю твою версию.

– Поздно.

– Что ты хочешь сказать?

Хилари не ответила, но так резко рванула с вешалки блузку, что вешалка свалилась на дно шкафа. Тони спросил:

– Ты все еще намерена укрыться в отеле и нанять частного детектива?

– О да. Именно это я и собираюсь сделать.

– Но я же сказал, что верю тебе.

– А я сказала, что слишком поздно. Теперь это не имеет значения.

– Ну чего ты упрямисься?

Хилари промолчала.

Она сложила блузку, убрала в чемодан и вернулась к шкафу за другой блузкой.

– Послушай, – промолвил Тони. – Я всего лишь усомнился. Любой на моем месте чувствовал бы то же самое. Ты бы тоже не поверила, если бы я рассказал тебе о ходячем трупе. Но я бы не стал злиться. Почему ты такая чувствительная?

Хилари начала складывать вторую блузку.

– Я тебе поверила... во всем...

– Я не обманул твое доверие.

– Ты такой же, как все.

– Разве то, что произошло в моей квартире, не было чем-то особенным?

Хилари наклонила голову и не ответила.

– Неужели ты скажешь, что чувствовала со мной то же, что с другими мужчинами?

У нее задрожали руки.

– Для меня это было чем-то необыкновенным, – продолжал Тони. – Я даже не мог себе такого представить. Не просто секс. Мы были единым целым. Ты затронула мое сердце, как ни одна женщина в мире. Когда мы расстались, ты словно увезла частицу меня. Мне до конца моих дней не будет хватать этой жизненно важной частицы. Я буду чувствовать себя самым собой только в твоём присутствии. Так что, если ты думаешь, что я позволю тебе взять и уйти, ты очень ошибаешься. Я буду бороться за вас, леди!

Хилари стояла, потупив глаза, с опущенными руками.

В целом мире не было ничего важнее, как узнать, о чем она сейчас думает.

– Я люблю тебя, – сказал Тони.

Она ответила дрожащим голосом:

– Можно ли верить таким словам? Если человек говорит: «Я люблю тебя» – значит ли это, что он действительно это чувствует? Если мои родители говорили, что любят меня, а уже

через минуту избивали до посинения, кому мне верить? Тебе? С какой стати? Разве нас не ждут разочарования и обиды? Разве конец не всегда один и тот же? Уж лучше быть одной. Я сама о себе позабочусь. Все будет хорошо. Просто я не хочу, чтобы меня предавали. Я устала от предательств. До смерти устала. Не буду брать на себя никаких обязательств. Не буду рисковать.

Тони схватил ее за плечи и повернул к себе. У нее дрожала нижняя губа. В уголках глаз блеснули слезы, но Хилари не позволяла им пролиться.

– Хилари, ты чувствуешь ко мне то же, что я к тебе, – твердо сказал он. – Я знаю. Я уверен в этом. Ты отворачиваешься от меня не потому, что я усомнился в твоём рассказе. Дело в другом. Просто ты полюбила и испугалась. Тебя запугали родители – угрозами, побоями... когда-нибудь ты расскажешь мне, чем еще. И ты готова бежать от любви, потому что несчастное детство превратило тебя в эмоциональную калеку.

От волнения Хилари не могла говорить и только яростно мотала головой: нет, нет и нет!

– Не спорь, – продолжал Тони. – Хилари, мы нужны друг другу. Видишь ли, я всю жизнь боялся рисковать в материальной сфере, там, где речь шла о деньгах, карьере, моих картинах... Я всегда легко сходился с людьми, в случае чего менял партнеров – но не обстоятельства. А с тобой мне впервые захотелось изменить свою жизнь. Мне уже не так важно состоять в штате. Я начал всерьез подумывать о том, чтобы зарабатывать живописью. Я освобождаюсь от чувства вины и лени. У меня уже не каждую минуту звучат в ушах проповеди отца о том, как важно твердо стоять на ногах. Мечтая о карьере художника, я все реже вспоминаю тяжелые периоды в жизни нашей семьи, когда у нас не доставало еды и мы могли лишиться крыши над головой. Наконец-то я избавился от этого гнетущего опыта. Мне еще не хватает мужества бросить работу в полиции и нырнуть в омут головой. Но благодаря тебе я уже без страха думаю о себе как о художнике.

По лицу Хилари бежали слезы.

– Ты очень хороший человек, – пробормотала она. – И замечательный, тонкий художник.

– И я нужен тебе точно так же, как ты мне. Без меня ты снова заползешь в свою раковину, замкнешься в себе и ожесточишься. Ты не боишься риска в материальной сфере, легко ставишь на карту карьеру, деньги – но боишься людей. Понимаешь? В каком-то смысле мы – полная противоположность. Нам есть чему поучить друг друга. Вместе мы сможем стать сильнее. Каждый из нас – половинка, только вдвоем мы – целое. Я – твой. Ты – моя. До сих пор мы блуждали в потемках, ощупью ища друг друга.

Хилари уронила желтую блузку и обвила руками его шею. Тони обнял и поцеловал ее соленые от слез глаза.

С минуту они стояли молча. Потом Тони попросил:

– Посмотри мне в глаза.

Хилари подняла голову и прошептала:

– У тебя очень красивые глаза.

– Скажи мне!

– Что?

– То, что я хочу услышать.

Она поцеловала уголки его губ.

– Скажи! – настаивал Тони.

– Я... люблю тебя.

– Еще.

– Я люблю тебя, Тони. Правда люблю. Очень!

– Это было очень трудно?

– Для меня – да.

– Дальше будет легче.

Хилари засмеялась и заплакала одновременно.

Тони почувствовал, как разрастается, разбухает его сердце, заполняя собой грудную

клетку, и понял, что значат слова «умереть от счастья». Ему показалось, что он вот-вот взорвется. Несмотря на бессонную ночь, он был полон энергии и держал в объятиях самую лучшую женщину в мире. Ему принадлежало ее тепло, ее нежные округлости, ее плоть и душа, выдыхающийся аромат ее духов, приятный запах ее волос и здоровой, молодой кожи.

– Теперь, когда мы нашли друг друга, все будет хорошо, – пообещал Тони.

– Нет, – возразила Хилари. – Не будет – пока мы не разгадаем загадку Бруно Фрая. Пока мы не убедимся, что он мертв и похоронен, раз и навсегда!

– Если мы будем вместе, – подхватил Тони, – мы пройдем через все испытания. Пусть попробует тронуть тебя, когда я рядом! Клянусь тебе!..

– Я верю, но... мне все-таки страшно.

– Не бойся.

– Не могу, – призналась Хилари. – И потом... я думаю, это не так уж глупо – бояться его.

Тони вспомнил разгром на первом этаже, два деревянных кола в фургоне Фрая и понял, что Хилари права. До поры до времени они будут поступать мудро, опасаясь Бруно Фрая.

Ходячего трупа?!

Хилари вздрогнула, и ее дрожь передалась Тони.

Часть II

Живые и ожившие мертвецы

Добро шепчет.

Зло кричит.

Тибетская пословица

Зло шепчет.

Добро кричит.

Индонезийская пословица

Глава 5

Утром во вторник, во второй раз за восемь дней, Лос-Анджелес потряс средней силы толчок – до 4,6 балла по шкале Рихтера. Его продолжительность составила двадцать три секунды.

Значительных разрушений не произошло; для большинства жителей Лос-Анджелеса землетрясение стало поводом для анекдотов: например, о том, что это происки арабов, оккупировавших эту часть страны в качестве компенсации за нефтяную задолженность. Выступая по телевидению, ведущий Джонни Карсон сказал, что землетрясение вызвала Долли Партон, слишком резко соскочив с постели. Зато новоприбывшие отнюдь не были склонны считать эти шутки забавными. Им казалось, что они уже никогда не смогут поверить, что под ногами у них – твердая почва. Разумеется, через год они сами будут сочинять анекдоты о землетрясении.

Пока не тряхнет как следует.

Безмолвный, загнанный в тайники подсознания страх перед настоящим землетрясением, которое положит конец всем мелким толчкам, – вот что вдохновляло калифорнийцев на остроты. Если жить в постоянном ожидании грядущего катаклизма, отдавая себе отчет в предательской непрочности этой щедрой земли, можно умереть от страха. Жизнь должна продолжаться вне зависимости от нависшей угрозы. В конце концов, катастрофа может произойти не ранее чем через сто лет. А возможно, никогда.

В заснеженных восточных областях, где зимой температура опускается ниже нуля, гибнет больше людей, чем от землетрясений. Ураганы, время от времени налетающие на

территорию Флориды, и торнадо, свирепствующие на Среднем Западе, чреватые ничуть не меньшими разрушениями и смертями. Теперь, когда чуть ли не каждая нация на планете считает своим долгом обзавестись ядерным оружием, гнев земли стал казаться не страшнее человеческого безумия. Жители Калифорнии нашли в потенциальной катастрофе смешные стороны и делали вид, будто жизнь на ненадежной земле несколько не отражается на их самочувствии.

Но в этот вторник, так же как во все другие дни, когда ощущались толчки, люди чаще нарушали скорость на дорогах, хотя ни один не отдавал себе отчета в том, что существует в ускоренном режиме. Мужья убежденнее просили жен о разводе, а жены с большей готовностью бросали мужей. Принимались скоропалительные решения о вступлении в брак. Игроки неудержимо рвались в Лас-Вегас. Проститутки начинали получать удовольствие от своего ремесла. Возрастала сексуальная активность мужей и жен, а также невенчаных любовников. Тинейджеры спешили открыть для себя мир запретных удовольствий. Строго говоря, прямая зависимость сексуальной активности человека от сейсмической обстановки оставалась проблематичной, однако в некоторых зоопарках социологи и психологи-бихевиористы в течение многих лет вели наблюдение за приматами – гориллами, шимпанзе и орангутангами – и отметили резко возрастающие частоту и силу совокуплений после только что происшедшего толчка. Вряд ли будет ошибкой предположить, что человек далеко ушел в этом от своих ближайших родственников.

Большинство жителей Калифорнии утверждали, будто они идеально приспособились к жизни в краю землетрясений, и все же частые стрессы наложили на них свой отпечаток. Страх перед потенциальной угрозой грандиозного сотрясения земли постоянно присутствовал в мозгу в виде невнятного шороха или шепота, влияющего на поведение людей гораздо больше, чем они об этом догадывались.

Легкого, почти неуловимого шороха – одного из многих, сопутствующих человеческой жизни.

* * *

Хилари нисколько не удивилась реакции полицейских на ее рассказ и постаралась не слишком огорчаться.

Меньше чем через пять минут после того, как Тони позвонил в управление от соседей, и за тридцать минут до утреннего толчка прибыли двое сержантов – с включенными мигалками, но без сирен. Они в своей обычной вежливой, профессиональной манере записали версию Хилари о случившемся, выяснили, каким образом преступник проник в помещение (все через то же окно в кабинете), составили опись поврежденных вещей и задали все положенные вопросы. Хилари сообщила, что бандит орудовал в перчатках, так что они не стали вызывать лаборантов и искать отпечатки пальцев.

Их заинтересовало утверждение Хилари, будто на нее напал тот самый человек, которого она зарезала в прошлый четверг, но этот интерес не имел ничего общего с намерением проверить этот факт, относительно достоверности которого у них сразу сложилось определенное мнение. Они ни на минуту не допускали, что это мог быть Бруно Фрай. А если и заставляли Хилари снова и снова повторять свой рассказ, время от времени перебивая ее вопросами, так лишь затем, чтобы определить, является ли это добросовестным заблуждением или она лжет. В конце концов они решили, что она повредила в рассудке.

– Мы разошлем всем постами ваше описание преступника, – пообещал один.

– Но нельзя же дать ориентировку на мертвеца, – возразил его напарник.

– Это был Бруно Фрай, – упорствовала Хилари.

– Так мы далеко не уедем, мисс Томас.

Хотя Тони поддержал ее версию (насколько это было возможно: ведь он лично не видел нападавшего), его доводы и положение, которое он занимал в полиции Лос-Анджелеса, не произвели ни малейшего впечатления. Сержанты его внимательно выслушали, покивали

головами, но это ни в коей мере не поколебало их убеждения.

Через двадцать минут после утреннего толчка Тони и Хилари, стоя на крыльце, провожали взглядами отъезжающую полицейскую машину.

Вконец опустошенная, Хилари спросила:

– И что теперь?

– Ты закончишь укладывать вещи, и мы поедem ко мне. Оттуда я позвоню в штаб-квартиру и потолкую с Гарри Лаббоком.

– Кто это?

– Мой босс, капитан Лаббок. Он чертовски хорошо меня знает; мы высокого мнения друг о друге. Гарри знает: я не делаю выводов, пока досконально все не проверю. Попрошу его надавить на шерифа Лоренски – посильнее, чем до сих пор. Не беспокойся. Так или иначе, колесо завертится.

Но спустя сорок пять минут, сидя у себя на кухне, Тони так и не добился от капитана ничего путного. Тот выслушал все, что Тони имел сказать; у него не возникло и тени сомнения, что Хилари верит, будто видела Фрая, но он не видел оснований для уголовного преследования – по причине смерти последнего. Капитан Лаббок не проявил готовности рассматривать один шанс из десяти миллионов. Что коронер ошибся и Фрай каким-то чудом ухитрился уцелеть после почти полной потери крови и последующего охлаждения в морге, Гарри не поверил. Он был преисполнен сочувствия и даже терпения, но явно счел показания Хилари ненадежными, так как ее восприятие было искажено пережитым шоком.

Тони сел рядом с Хилари на одну из табуреток и передал свой разговор с начальником.

– Шок! – с горечью повторила Хилари. – Господи, меня уже тошнит от этого слова. Все считают, что я обезумела от страха. Да из всех женщин, которых я знаю, я меньше всего склонна терять голову.

– Знаю, – ответил Тони. – Я просто передал, что об этом думает Гарри Лаббок.

– Черт!

– Вот именно.

– И твое мнение ничего не значит?

Тони поморщился.

– Он решил, что я немного не в себе из-за Фрэнка.

– Выходит, и ты рехнулся?

– Да нет. Просто нахожусь во власти мании.

Хилари вспомнила, что, впервые услышав ее рассказ, Тони употребил то же слово, и усмехнулась.

– Так тебе и надо.

– Наверное.

– А что ответил Лаббок, когда ты рассказал ему об угрозах – кол в сердце, рот, набитый чесноком, и все прочее?

– Он счел это поразительным совпадением.

– Вот как? Всего лишь совпадением?

– В данный момент, – сказал Тони, – он смотрит на вещи именно так.

– Черт!

– Он прямо не сказал, но, кажется, считает, что я рассказал тебе о том, что мы обнаружили в «Додже» Фрая.

– Но ты же не рассказывал.

– Мы с тобой это знаем. Остальные будут думать иначе.

– Мне показалось, ты сказал, что Лаббок к тебе прислушивается.

– Так оно и есть, – ответил Тони. – Но, как я уже сказал, сейчас он уверен, что я немного не в себе из-за гибели Фрэнка. Через несколько дней или недель я приду в норму и переменю свое мнение. Я-то уверен, что нет, потому что мне доподлинно известно, что ты ничего не знала. И знаешь, Хилари, я все больше склоняюсь к мнению, что Фрай действительно вернулся, хотя и не представляю, каким образом. Но чтобы убедить Гарри,

нужно нечто большее, чем интуиция. Я не могу винить его за скепсис.

– А пока?..

– А пока этот случай не представляет интереса для отдела по расследованию убийств. Не подпадает под нашу юрисдикцию, а квалифицируется как разбойное нападение, совершенное неизвестным лицом.

Хилари нахмурила брови.

– Значит, они не станут ничего предпринимать?

– К сожалению. В таких случаях иногда приходится ждать, пока этого парня не застигнут с поличным, когда он вломится в другой дом или нападет на другую женщину, а потом вдруг покается в прежних грехах.

Хилари встала с табуретки и начала ходить взад-вперед по кухне.

– Здесь происходит что-то странное и страшное. Я не могу ждать, пока ты убедишь Лаббока. Фрай обещал вернуться и не успокоится до тех пор, пока один из нас не умрет – окончательно и бесповоротно. Он может объявиться в любое время и в любом месте.

– У меня ты будешь в безопасности, – заверил ее Тони. – Фрай – если это Фрай – не найдет тебя здесь.

– Как ты можешь быть уверен?

– Он же не ясновидящий.

– Да?

– Подожди, – раздраженно сказал Тони. – Ты же не станешь утверждать, что он обладает сверхъестественными способностями?

– Я ничего не утверждаю, но и не могу ничего исключить, – заявила Хилари. – Коль скоро ты допускаешь, что Фрай каким-то образом вернулся с того света, приходится допускать все, что угодно. Еще немного – и я начну верить в гномов, карликов и Санта-Клауса. Но я все же имела в виду другое – он мог просто выследить нас.

Тони приподнял брови.

– Следовал за нами от твоего дома?

– Почему бы и нет?

– Этого не может быть.

– Ты так уверен?

– Когда я ломился в твой дом, он сбежал.

Хилари перестала вышагивать по кухне и остановилась, обхватив руками плечи.

– Может, он ошивался поблизости, выжидая, что мы предпримем и куда отправимся.

– В высшей степени невероятно. Даже если мое появление оставило ему какую-то надежду, его бы как ветром сдуло после прибытия полиции.

– Ты не можешь быть абсолютно уверен. В лучшем случае мы имеем дело с умалишенным. В худшем – с чем-то неизвестным, находящимся за пределами нашего понимания, и тогда нам будет трудно правильно оценить опасность. В любом случае трудно ожидать, что Фрай будет вести себя как нормальный человек. Кто бы он ни был, это явно экстраординарная личность.

Тони с минуту смотрел на нее, потом устало провел ладонью по лицу.

– Ты права.

– Можешь ли ты с уверенностью утверждать, что он не последовал за нами?

– Ну... Я не проверял, нет ли «хвоста». Мне даже в голову не пришло.

– Мне тоже не приходило – до сих пор. Но приходится считаться с такой возможностью.

Вдруг он прячется где-то неподалеку – в эту самую минуту?

Тони сделалось не по себе, и он встал.

– Для этого нужно обладать железными нервами.

– Фраю не откажешь в бесстрашии.

Тони кивнул:

– Да, ты права. – Он немного постоял и вдруг направился к выходу.

Хилари побежала за ним.

– Ты куда?

Он пересек гостиную и приблизился к входной двери.

– Оставайся здесь, а я проверю окрестности.

– Дудки! – заявила она. – Я иду с тобой.

Тони остановился.

– Если Фрай следит за нами, тебе безопаснее оставаться здесь.

– Ага. Я буду ждать тебя, а явится он.

– Но ведь уже день, – убеждал Тони. – Он ничего тебе не сделает.

– Как будто убийства совершаются только по ночам, – возразила Хилари. – Уж тебе-то это должно быть известно.

– У меня с собой служебный револьвер. Я сумею постоять за себя.

Хилари была непреклонна.

– Я не собираюсь сидеть здесь и грызть ногти. Пошли.

Они немного постояли на балконе, взирая сверху вниз на машины возле дома. Их было не особенно много, потому что большинство жильцов час назад разъехались на работу. Кроме принадлежащего Тони голубого джипа, здесь ждало хозяев еще семь автомобилей. Яркие солнечные лучи отражались от блестящих хромированных деталей.

– Кажется, я их все знаю, – сказал Тони.

– Ты абсолютно уверен?

– Не на сто процентов.

– Там сидит кто-нибудь?

Тони взглянул пристальнее.

– Из-за солнца не видно.

– Идем посмотрим.

Они спустились во двор, огороженный высокой кирпичной стеной, и удостоверились, что все машины пусты. Никто не околачивался поблизости.

Решив не ограничиваться двором, они вышли на улицу. Здесь не хватало места для парковки, и вдоль тротуара выстроились вереницы машин.

– Ты собираешься проверить их все? – осведомилась Хилари.

– Это пустая трата времени. Если у Фрая есть бинокль, он может наблюдать за нами, находясь в четырех кварталах отсюда, а при нашем приближении немедленно сняться с места.

– Мы увидим, как он отъезжает, и хотя бы убедимся, что он нас выследил.

– Не обязательно. На большом расстоянии мы не сможем как следует рассмотреть его.

Воздух был тяжелым, как свинец: день предстоял исключительно жаркий. С асфальта к безоблачному небу уже тянулись испарения. Неподалеку, в бассейне возле чьего-то дома, плескались дети. В такой день трудно верить в призраки.

Хилари вздохнула.

– Как же нам убедиться, что нас не преследуют?

– Такого способа нет.

– Я боялась, что ты скажешь именно это.

Она скользнула взглядом по улице. Все вокруг таило угрозу: и палящее солнце, и тени от прекрасных пальм, и каменные стены, и черепичные – в испанском стиле – крыши.

– Паранойя-авеню, – пробормотала Хилари.

– Паранойя-сити, – подхватил ее спутник.

– Что же дальше?

– Думаю, нам не мешало бы поспать.

Никогда еще Хилари не ощущала такой усталости. В глазах кололи несуществующие соринки, веки распухли и болели от яркого солнца. Во рту был неприятный вкус; зубы покрылись противным налетом. Язык еле ворочался. У нее ныла каждая косточка и каждая мышца. Не спасало и то, что половина этих ощущений была воображаемой.

– Знаю, – проговорила она. – Но ты действительно думаешь, что мы сможем уснуть?

– Ты права. Я сам устал, как черт знает кто, но когда мозг так возбужден, очень трудно отключиться.

– Хотела бы я задать парочку вопросов коронеру, – произнесла Хилари. – Или тому, кто выполнял вскрытие. Возможно, получив ответ, я смогла бы позволить себе небольшой отдых.

– О'кей, – согласился Тони. – Давай запрем квартиру и отправимся в морг.

Через несколько минут они катили в голубом джипе. Тони проверил, нет ли «хвоста», и убедился, что за ними никто не едет. Конечно, если Фрай выследил его жилье, он мог остаться ждать их там.

– А если он вломится в квартиру в наше отсутствие? – не успокаивалась Хилари.

– У меня особо прочная дверь и надежнейшие замки с секретом. Правда, Фрай может выбить стекло в единственном доступном окне, выходящем на улицу, но тогда, подъезжая к дому, мы сразу обратим на это внимание.

– Может, он способен проходить сквозь дверь? – жалким голосом пролепетала она. – Или сквозь замочную скважину?

– Ты сама не веришь тому, что говоришь.

Хилари кивнула.

– Он не обладает сверхъестественными способностями, – уверенно заявил Тони. – Вспомни: чтобы забраться в дом, ему пришлось высадить окно.

Они еле тащились в нескончаемом потоке машин. Хилари вдруг почувствовала, что уже не так уверена в себе. Да вправду ли она видела Бруно Фрая выходящим из столовой? Может, ей только померещилось?

– Тони, я сошла с ума?

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– Нет. С тобой все в порядке. Ты действительно что-то видела. Ты не устраивала погрома в собственном доме. Не придумала, будто налетчик выглядел точь-в-точь как Бруно Фрай. Признаюсь, я тоже вначале так считал. Но теперь вижу, что ты в полном порядке.

– Но... разгуливающий по городу мертвец?.. Не слишком ли неправдоподобно?

– Разумеется, в это трудно поверить – но все же легче, чем предположить, будто в течение одной недели тебя атаковали два ничем не связанных между собой маньяка, одержимых одним и тем же бредом насчет вампиров. Нет уж, версию о том, что Фрай жив, проще переварить.

– Может, ты заразился от меня?

– Чем?

– Безумием.

Тони улыбнулся.

– Безумие – не простуда. Оно не распространяется по воздуху – и даже посредством поцелуев.

– Ты когда-нибудь слышал о групповом психозе?

Тони тормознул перед светофором.

– Ну да. К нему обычно прибегают психи, не способные выдумать что-нибудь оригинальное.

– Ты можешь шутить в такое время?

– В такое время – тем более.

– Как насчет массовой истерии?

– Никогда не увлекался подобными играми. И потом, нас только двое... Это еще не «массы».

Хилари улыбнулась.

– Господи, как мне повезло, что ты рядом! Было бы ужасно сражаться в одиночку.

– Ты никогда больше не будешь одна.

Хилари благодарно положила руку ему на плечо. В четверть двенадцатого они подъехали к моргу.

В приемной коронера секретарша сообщила, что главный медэксперт не стал лично производить вскрытие тела Бруно Фрая. Согласно предварительной договоренности, он провел прошлые четверг и пятницу в Сан-Франциско. Аутопсию выполнил его помощник.

Это позволило Хилари надеяться на простое решение загадки возвращения Фрая с того света. Возможно, ассистент оказался лодырем и в отсутствие босса отлынивал от работы.

Ее надежда разлетелась в прах при виде Айры Голдфилда, того самого помощника. Это оказался интересный мужчина немногим более тридцати лет от роду, с пронизательными голубыми глазами и светлой курчавой шевелюрой, доброжелательный, собранный и, очевидно, преданный своей работе.

Голдфилд провел их в небольшой кабинет, где стоял слабый запах формалина и сигаретного дыма. Они сели напротив него за письменный стол, заваленный справочниками, результатами лабораторных анализов и текстами, отпечатанными на компьютере.

– Разумеется, – сказал Голдфилд, – я помню этот случай. Бруно Грэхем... нет... Гантер. Бруно Гантер Фрай. Две колотые раны, одна не опасная, а другая – послужившая причиной смерти. Я еще не видел такого брюшного пресса. – Он посмотрел на Хилари и спохватился: – Вы та самая леди, которая его заколола?

– В порядке самозащиты, – уточнил Тони.

– Ни секунды не сомневался, – заверил Голдфилд. – С профессиональной точки зрения было бы в высшей степени абсурдно предположить, будто мисс Томас могла совершить нападение на такого верзилу. Он бы раздавил ее, как букашку. Сдул, как пушинку. – Врач снова посмотрел на Хилари. – В газетах сообщалось, что Фрай напал на вас, не зная о ноже.

– Он считал меня безоружной.

Голдфилд кивнул.

– Это соответствует моим наблюдениям. Принимая во внимание разницу в габаритах, вы только и могли одолеть его, застигнув врасплох. У этого человека были железные бицепсы, трицепсы и предплечья. Должно быть, он на протяжении десяти-пятнадцати лет занимался культуризмом. Вам чертовски повезло, мисс Томас. Не застигни вы его врасплох, он переломил бы вас пополам – в буквальном смысле. Как нечего делать. – Голдфилд покачал головой, все еще вспоминая необыкновенную физическую мощь Бруно Фрая. – Так о чем вы хотели спросить?

Тони посмотрел на Хилари. Та пожала плечами:

– Наверное, теперь это уже не имеет значения.

Голдфилд перевел взгляд с нее на детектива, и на его симпатичном лице появилось выражение любопытства. Тони прочистил горло.

– Я согласен с Хилари. Теперь, когда мы встретились с вами, это кажется бессмысленным.

– Вы говорите так загадочно, что возбудили мое любопытство. Неужели я так и не узнаю, в чем дело?

– Хорошо, – ответил Тони. – Мы собирались выяснить, точно ли было совершено вскрытие.

Голдфилд не понял.

– Но вы же и так это знали.

– Мы хотели услышать это от вас лично.

– Мы видели отчет об аутопсии, – объяснил Тони, – но хотели убедиться, что работа и впрямь была выполнена.

– Но теперь, когда мы увидели вас, – поспешила добавить Хилари, – у нас нет ни малейших сомнений.

Голдфилд вскинул голову – изумленно, а не обиженно.

– Вы хотите сказать, что я мог подписать отчет, не произведя вскрытия?

– Теоретически такая возможность существовала, – оправдывался Тони. – Вам могло

что-нибудь помешать...

– У нас такого не бывает, – возразил Голдфилд. – Шеф держит нас в ежовых рукавицах. Не дай бог, кто-нибудь проявит малейшую небрежность в работе, он его в порошок сотрет. – Чувствовалось, что он искренне гордится шефом.

На всякий случай Хилари спросила:

– У вас нет сомнения, что Бруно Фрай... умер?

Голдфилд воззрился на нее так, словно она попросила его встать на голову и продекламировать стихотворение.

– Ну разумеется, умер!

– Вы делали общее вскрытие? – поинтересовался Тони.

– Да. Я рассек... – Голдфилд внезапно остановился, секунду-другую поразмыслил и поправился: – Нет. Это не было общее вскрытие в полном смысле слова, то есть рассечение всех частей тела. Тогда как раз выдался очень жаркий денек, работы хоть отбавляй, а нас тут не так уж много. Но в данном случае общее вскрытие и не требовалось. Причиной летального исхода послужила рана в области живота. Нам не было нужды вскрывать грудную клетку и исследовать сердечную мышцу. Я провел тщательное обследование и вскрыл брюшную полость, чтобы установить степень повреждения и определить точную причину смерти. Если бы его закололи не в вашей квартире, защищаясь... то есть если бы обстоятельства его гибели не были столь очевидными, я бы сделал больше. Но в данном случае было абсолютно ясно, что нет причины возбуждать уголовное преследование. Кроме того, я не сомневался, что именно рана в области живота сыграла роковую роль.

– А не может быть, что он был только в глубокой коме? – с надеждой спросила Хилари.

– В коме?! Господи Иисусе, конечно, нет. – Голдфилд поднялся из-за стола и начал шагами мерить комнату. – Мы проверяли пульс, дыхание, состояние зрачков и даже излучения мозга. – Он вернулся к столу и посмотрел на посетителей сверху вниз. – Мертв, как камень. Да когда я его увидел, в нем почти не осталось крови, которая могла бы поддерживать минимальную жизнедеятельность. Он успел посинеть. Нет, здесь невозможно было ошибиться.

Тони встал.

– Прошу прощения за то, что мы отняли у вас время, доктор Голдфилд.

– А я прошу прощения за то, что усомнилась в качестве вашей работы, – присоединилась к нему Хилари.

– Погодите, – попросил врач. – Вы не можете уйти, не объяснив, в чем дело.

Хилари с Тони переглянулись. Обоим не хотелось обсуждать с Голдфилдом проблему ходячих трупов.

– Этой ночью, – сказал Тони, – Хилари в ее доме пытался убить человек, как две капли воды похожий на Бруно Фрая.

– Вы не шутите?

– Какие уж тут шутки.

– И вы подумали...

– Да.

– О господи! Должно быть, это было ужасное зрелище. Но мне нечего вам сказать, кроме того, что это могло быть только совпадением. Бруно Фрай мертв. Мне еще не приходилось видеть никого более мертвого.

Они поблагодарили Голдфилда. Тот проводил их в приемную.

Тони подошел к секретарше и спросил, в какое похоронное бюро был отправлен труп Бруно Фрая.

Девушка перелистала папку.

– Похоронный дом «Энджелс Хилл».

Хилари записала адрес.

– Неужели вы все еще думаете... – начал Голдфилд.

– Нет, – ответил Тони. – Но, с другой стороны, нужно пройти всю цепочку до конца. Так

меня учили в полицейской академии.

Голдфилд хмуро проводил их глазами.

* * *

Хилари осталась ждать в джипе у входа в похоронный дом «Энджелс Хилл». Они решили, что будет лучше, если Тони пойдет один и воспользуется служебным удостоверением.

«Энджелс Хилл» оказался огромным сооружением с целым парком катафалков, несколькими часовенками и солидным штатом гробовщиков и бальзамировщиков. В приемной лился рассеянный свет, а стены были окрашены в мрачноватые тона; на полу от стены до стены расстился тяжелый плюшевый ковер. Все здесь свидетельствовало о почтительном отношении к смерти, а также о том, что похороны – прибыльное дело.

Секретарша оказалась симпатичной блондинкой в серой блузке и юбке каштанового цвета. У нее был приятный, тихий голос без малейших признаков сексуальности, словно ее специально натренировали произносить слова соболезнования и утешения. Интересно, подумал Тони, такой ли у нее голос в постели, когда она подбадривает партнера?

Девушка нашла дело Бруно Фрая и фамилию бальзамировщика. Кажется, он сейчас в прозекторской.

– Недавно поступили новенькие. – Она говорила так, словно работала в больнице, а не в похоронном доме. – Сейчас спрошу, когда он освободится и сможет уделить вам внимание.

Секретарша попросила Тони подождать в конторе. Это было небольшое, но уютное помещение с удобными креслами вдоль стен. На журнальных столиках разложены журналы. Кофеварка. Сифон. Стенд с объявлениями о продаже гаражей и портативных ванн для автомобилей.

Тони добрался до четвертой страницы «Энджелс Хилл Ньюз», когда вошел Сэм Хардести, очень похожий на автомеханика. На нем был белый комбинезон; из нагрудного кармана выглядывали инструменты, назначение которых Тони было неизвестно. Это был молодой человек лет под тридцать, с длинной каштановой прической и резкими чертами лица – несмотря на это, весьма приятного.

– Детектив Клеменца?

– Да.

Хардести протянул руку, и Тони чуть-чуть неохотно пожал ее, думая о том, до чего она дотрагивалась всего лишь несколько минут назад.

– Сюзи сказала, вы хотите побеседовать об одном из наших случаев? – Очевидно, манерой говорить Хардести был обязан тому же тренеру, что и белокурая секретарша.

– Насколько мне известно, – сказал Тони, – именно вы готовили труп Бруно Фрая к отправке в Санта-Розу?

– Совершенно верно. У нас тесные деловые связи с местным похоронным бюро.

– Вы не могли бы в точности описать, что произошло после того, как оно было вывезено из морга?

Хардести с любопытством уставился на него.

– Ну, его доставили сюда и подвергли соответствующей обработке.

– Вы не останавливались по дороге?

– Нет.

– С того момента, когда тело оказалось в вашем распоряжении, и до того, как его доставили в аэропорт, оно не оставалось без присмотра?

– Без присмотра? Ну, разве что на одну-две минуты. Это была срочная работа, так как необходимо было успеть к послеобеденному рейсу в пятницу. Простите, вы не могли бы объяснить, в чем дело? Что именно вас интересует?

– Точно не знаю, – уклонился Тони, – но, может быть, получив ответы на некоторые вопросы, я уясню это для себя. Вы забальзамировали труп?

– Конечно. Это было совершенно необходимо: ведь его должны были доставить в Санта-Розу на самолете гражданской авиации.

– Вы его выпотрошили?

– Боюсь, это не самая приятная тема для разговора, – произнес Хардести. – Но кишки, желудок и некоторые другие органы действительно представляют собой серьезную проблему. Они содержат отходы и поэтому разлагаются гораздо быстрее остальных частей тела. Для устранения запахов и скопившихся газов и с целью лучшей сохранности тела даже после погребения необходимо удалить возможно большую часть этих органов. Мы пользуемся специальными зондами с телескопическим окончанием: вставляем в анальное отверстие и...

Тони почувствовал прилив крови к лицу и поспешно поднял руку, чтобы предотвратить дальнейшие подробности.

– Благодарю вас... Я представляю картину.

– Я предупреждал вас, что это не очень-то приятно.

– Не очень, – согласился Тони. У него как будто ком застрял в горле. Он кашлянул в кулак, но ощущение осталось прежним. Возможно, оно пройдет, когда он покинет это место. – Ну что ж, – обратился он к Хардести, – кажется, я узнал все, что хотел.

Хардести задумчиво наморщил лоб.

– Не знаю, что вас интересовало, но в случае с Фраем действительно имеется одно странное обстоятельство.

– Что именно?

– Это произошло спустя два дня после отправки тела покойного в Санта-Розу, – начал Хардести. – В воскресенье вечером кто-то позвонил и сказал, что хочет поговорить с техником, который обрабатывал труп Бруно Фрая. Я как раз был на дежурстве – у меня выходные в среду и четверг – и ответил на звонок. Тот человек был в страшном гневе. Он обвинил меня в халтурной работе: мол, я слишком небрежно обошелся с покойным. Это неправда. Я сделал все, что было в моих силах, – при сложившихся обстоятельствах. Но усопший несколько часов пролежал под палящим солнцем, а затем в холодильной камере. Плюс колотые раны и надрезы, сделанные коронером. Позвольте вас заверить, мистер Клеменца, ткани были в катастрофическом состоянии. Трудно было ожидать, чтобы из этого трупа можно было сделать некое подобие живого человека. И потом, я не отвечаю за косметические работы. Об этом должны были позаботиться в похоронном бюро Санта-Елены. Я попытался втолковать тому парню по телефону, что я тут ни при чем, но он не дал мне и слова сказать.

– Он представился? – спросил Тони.

– Нет. С каждой секундой он становился все агрессивнее. Орал на меня как сумасшедший. Или как будто не помнил себя от отчаяния. Я решил, что это родственник покойного, и старался не потерять терпения. Но он в своей истерике дошел до того, что заявил, будто он Бруно Фрай.

– Что-что?

– Ага. Сказал, будто он Бруно Фрай и однажды вернется сюда и разорвет меня на куски за то, что я с ним сделал.

– Что-нибудь еще?

– Дело в том, что, когда он начал нести этот вздор, я убедился, что он ненормальный, и повесил трубку.

На Тони словно вылили ведро ледяной воды; ему было страшно холодно – и снаружи, и внутри. Сэм Хардести заметил его состояние.

– Что с вами?

– Я думал о том, достаточно ли трех человек для массового психоза.

– Э?..

– У звонившего был какой-нибудь особенный голос?

– Откуда вы знаете?

– Очень глубокий...

- Дребезжащий, – добавил Хардести.
- Скрипучий, грубый?
- Точно. Вы его знаете?
- Боюсь, что да.
- Кто он?
- Вы бы не поверили, если бы я сказал.
- Попробуйте, – предложил Хардести.

Тони покачал головой:

- Извините, это служебная тайна.

Хардести был разочарован; улыбка сошла с его лица.

- Ну, мистер Хардести, вы нам очень помогли. Огромное спасибо.

Бальзамировщик пожал плечами:

- Не за что.

Есть за что, подумал Тони. Вот именно что есть. Но черт побери, что же это все означает?

Из приемной они направились было в разные стороны, но, пройдя несколько шагов, Тони обернулся и окликнул:

- Мистер Хардести!
- Да?
- Можно один личный вопрос?
- Какой?
- Что побудило вас взяться за эту работу?
- Мой любимый дядя был владельцем похоронного бюро.
- Понимаю.

– Он был замечательным человеком. Особенно с детьми. Он просто обожал детей. Я мечтал стать похожим на него, – признался Хардести. – У меня всегда было такое ощущение, будто дядя Алекс знает какой-то страшно важный секрет. Он часто показывал нам, детям, фокусы, но, конечно, не в этом дело. Я думал, что он занят чем-то очень таинственным, очень интересным и эта работа дает ему некое знание, которого нет у других.

- Вы разгадали секрет?
- Да, – ответил Хардести. – Думается, что да.
- Можете открыть его мне?

– Разумеется. Дядя Алекс понимал, как и я теперь понимаю, что с мертвыми нужно обращаться так же бережно, как и с живыми. Их нельзя похоронить и выбросить из головы. Их уроки навсегда остаются с нами. Сделанное ими при жизни продолжает поддерживать и влияет на нас после их смерти. Благодаря их любви мы любим и влияем на других людей – тех, что останутся жить, когда мы уйдем. Таким образом, человек никогда не умирает по-настоящему. Жизнь продолжается. Секрет дяди Алекса в двух словах можно выразить так: «мертвые тоже люди».

Тони с минуту смотрел на него, не зная, что сказать. И вдруг сам собой пришел вопрос:

- Вы верующий, мистер Хардести?

– В начале своей работы здесь я не верил в бога. А вот теперь верю. Да, я определенно верующий.

Когда Тони сел за руль своего джипа и захлопнул дверцу со стороны водителя, Хилари спросила:

- Ну, что? Он бальзамировал Фрая?
- Хуже.
- Что может быть хуже?
- Тебе лучше не знать.

Он посвятил ее в историю с телефонным звонком человека, назвавшегося Бруно Фраем.

– Ах, – вырвалось у Хилари. – Забудь то, что я говорила о массовой шизофрении. Вот доказательство!

– Доказательство чего? Что Фрай жив? Этого не может быть. В дополнение ко всем прочим вещам, о которых мне противно упоминать, его набальзамировали. Какая уж тут кома, если все вены и артерии забиты бальзамирующей жидкостью?

– Но, по крайней мере, этот звонок доказывает, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

– Не обязательно, – сказал Тони.

– Недостаточно, чтобы убедить твоего капитана?

– Гарри Лаббок сочтет этот звонок выходкой сумасшедшего.

– Но голос!..

– Гарри на это не клюнет.

Хилари вздохнула.

– Что же дальше?

– Нужно хорошенько подумать. Посмотреть на проблему с разных сторон и убедиться, что мы ничего не упустили из виду.

– Мы не могли бы подумать за обедом? – спросила она. – Я умираю от голода.

– Где бы ты хотела пообедать?

– Поскольку у нас обоих тот еще вид, предлагаю что-нибудь потемнее и поединеннее.

– Отдельный кабинет в баре «Кейси»?

– Замечательно.

Катя по направлению к Вествуду, Тони думал о Хардести и о том, что он прав и в каком-то смысле мертвые – не совсем мертвые.

* * *

Бруно Фрай растянулся на заднем сиденье своего «Доджа» и попытался уснуть.

Это был не тот фургон, в котором он прибыл в Лос-Анджелес на прошлой неделе. Та машина оказалась в руках полиции. Официально она числится за Джошуа Райнхартом – душеприказчиком и управляющим его поместьем; теперь ему приходится улаживать имущественные дела. Новый фургон был не серым, как тот, а темно-синим, с ярко-белыми полосами. Накануне Фрай приобрел его в автомобильном салоне в Сан-Франциско. Отличная машина!

Вчера он почти весь день провел за рулем и приехал в Лос-Анджелес поздно вечером. И сразу направился к коттеджу Кэтрин в Вествуде.

Она теперь звалась Хилари, но он-то знал, что это Кэтрин.

В очередной раз явившаяся с того света.

Поганая сука.

Он вломился в дом, но ее не оказалось. Наконец перед рассветом она заявилась домой, и он чуть не прикончил ее. Откуда могла взяться полиция?

В течение последних пяти часов он пять раз проезжал мимо ее коттеджа и не заметил ничего особенного. Он не знал, дома ли она.

Он пребывал в растерянности. Мысли путались, он не представлял, что делать дальше, где ее искать. Постепенно в мозгу воцарился хаос. Он чувствовал себя растерянным, сбитым с толку, потерявшим контроль над собой – хотя и не притрагивался к спиртному.

Устал. Господи, как он устал. Он не спал с самой воскресной ночи. Если бы можно было хоть чуточку поспать, к нему вернулась бы ясность мысли.

И он снова отправится ее искать. Отрубит ей голову. Вырвет сердце и пронзит деревянным колом. Умертвит ее раз и навсегда.

Но сначала нужно поспать.

Он лег на пол, радуясь тому, что солнце проникало в фургон сквозь ветровое стекло. Темнота пугала его.

Рядом лежало распятие. И пара острых кольев.

Он набил холщовые мешочки чесноком и развесил их над всеми дверцами.

Эти амулеты должны были оградить его от колдовских чар Кэтрин, но они были бессильны перед кошмарами. Сейчас он уснет и проснется от кошмарного сна, с застрявшим в горле криком. А потом, как обычно, не сможет вспомнить, что ему снилось. Но в момент пробуждения явственно услышит шорохи, и мерзкие твари поползут по всему телу, по лицу... Через пару минут это ощущение исчезнет, и он будет яростно жалеть о том, что не умер.

Фрай испытывал ужас перед сном, но и бешеную потребность в нем.

Он закрыл глаза.

* * *

Как обычно, в баре «Кейси» гремела музыка. Но в глубине зала было несколько закрытых кабинетов, где ее почти не было слышно.

Через какое-то время Хилари оторвалась от еды и заявила:

– Кажется, я знаю, в чем дело.

Тони положил свежий сэндвич на тарелку.

– То есть?

– У Фрая должен быть брат.

– Брат?

– Это все объясняет.

– Ты считаешь, что в четверг ты убила Бруно Фрая и теперь его брат явился отомстить тебе?

– Такое сходство встречается только у братьев.

– А голос?

– Почему бы им не унаследовать одинаковый голос?

– Возможно, низкий тембр может передаваться по наследству, – заметил Тони, – но как быть с тем особым дребезжанием? Ты сама сказала, что скорее всего это следствие перенесенной в детстве травмы.

– Значит, я ошиблась. Или оба брата родились с одним и тем же дефектом.

– Один шанс из миллиона.

– И все-таки он существует.

Тони выпил пива и продолжил:

– Предположим, братья унаследовали одно и то же телосложение, черты лица, цвет глаз, голос. Но один и тот же маниакальный психоз?

Хилари тоже хлебнула пива и ненадолго задумалась. Потом сказала:

– Некоторые виды умственного расстройства являются продуктом воздействия окружающей среды.

– Раньше господствовала такая теория. Теперь в этом не так уж уверены.

– Ради моей гипотезы попробуем временно принять, что психические отклонения могут быть результатом воздействия окружающей среды. Братья растут в одной семье, их воспитывают одни родители. Почему бы у них не развиться одинаковому психозу?

Тони поскреб подбородок.

– Может быть. Помню, когда нам преподавали психологию, то приводили один пример, как у матери и дочери были совершенно одинаковые проявления шизофрении.

– Ну вот! – взволнованно воскликнула Хилари.

– Это был единственный случай.

– Вот тебе еще один.

– Что ж, об этом стоит подумать.

Они продолжали есть.

Вдруг Тони осенило:

– Черт побери! Я только что вспомнил одну вещь, которая пробивает солидную брешь в твоей гипотезе.

– Да?

– Ты читала газеты за пятницу и субботу?

– Не все, – призналась Хилари, – понимаешь... как-то странно читать о себе как о жертве покушения. С меня хватило одной статьи.

– Помнишь, что в ней было написано?

Хилари наморщила лоб и вдруг вспомнила:

– Да. У Фрая не было братьев.

– Ни братьев, ни сестер. Вообще никого. После смерти матери он остался единственным наследником винодельни. Последним представителем рода Фраев.

Хилари было нелегко отказаться от своей догадки. Такое объяснение казалось ей единственно разумным. Но как быть с возникшим противоречием?

Под конец обеда Тони сказал:

– Мы не можем сидеть сложа руки и ждать, когда он тебя выследит.

– Мне тоже не улыбается вечно прятаться.

– В любом случае ответ нужно искать не в Лос-Анджелесе.

Хилари кивнула.

– Я подумала то же самое.

– Необходимо ехать в Санта-Елену.

– И поговорить с шерифом Лоренски.

– Лоренски и другими знавшими Фрая.

– На это понадобится несколько дней, – сказала Хилари.

– Как я уже сказал, мне предоставили отпуск и даже бюллетень. На целых несколько дней. И я впервые в жизни не рвусь на работу.

– О'кей, – повеселела Хилари. – Когда мы едем?

– Чем скорее, тем лучше.

– Только не сегодня: мы оба валимся с ног. Кроме того, я должна показать Уайнту Стивенсу твои картины. Потом уладить дела со страховым агентством, чтобы получить страховку за поврежденное имущество, и договориться с «Уорнер Бразерс» перенести начало работы над фильмом на следующую неделю. Или пусть приступают без меня – Уолли Топелис присмотрит за тем, чтобы были соблюдены мои интересы.

– А мне нужно закончить рапорт по делу Бобби Вальдеса. Позднее меня пригласят давать показания – так всегда делается, если убит полицейский. Но расследование вряд ли начнется раньше следующей недели. В крайнем случае попрошу отложить его.

– Так когда мы едем в Санта-Елену?

– Завтра, – ответил Тони. – Похороны Фрэнка состоятся в девять часов. Я хочу пойти. Нужно посмотреть, есть ли рейс около полудня.

– Это меня устраивает.

– У нас уйма дел. Давай поторапливаться.

– Еще одно, – сказала Хилари. – Мне бы не хотелось ночевать в твоей квартире.

– Фрай до тебя не доберется. Я буду рядом, и со мной оружие. Он может быть могуч, как мистер Вселенная, но пистолет уравнивает шансы.

Хилари покачала головой:

– Может, все и вправду будет в порядке. Но я все равно не смогу уснуть. Тони, я всю ночь стану прислушиваться к разным шорохам.

– Что ты предлагаешь?

– Давай сделаем все, что нужно, уложим вещи и, убедившись, что за нами нет слежки, переберемся в отель, поближе к аэропорту.

Тони сжал ее руки.

– О'кей – если тебе так спокойнее.

– Лучше перестраховаться, чем потом всю жизнь раскаиваться.

Во вторник, в 4 часа 10 минут, Джошуа Райнхарт сидел в своем кабинете, чрезвычайно довольный собой. За последние пару дней он проделал колоссальную работу и теперь мог позволить себе посидеть у окна и полюбоваться горами и виноградниками.

Почти весь понедельник он провел у телефона, ведя переговоры с банкирами, биржевыми маклерами и финансовыми советниками Бруно Фрая. Решалась судьба имения, активов и прочего имущества. Долгая, выматывающая работа.

Все утро и половину дня во вторник он потратил на телефонные переговоры с самыми известными в Калифорнии ценителями искусства. Речь шла о том, чтобы составить каталог и правильно оценить стоимость коллекций, собранных членами семьи Фрай за шесть или семь десятилетий. Патриарх семьи, Лео Фрай, отец Кэтрин, умерший сорок лет назад, начал с увлечения сделанными вручную декоративными кранами от винных и пивных бочек. Одни из них были выполнены в форме человеческой головы, другие изображали головы чертей, ангелов, шутов, волков, эльфов, ведьм, гномов и прочих сказочных существ. Ко времени своей смерти Лео располагал более чем двумя тысячами таких кранов.

Пока отец был жив, Кэтрин разделяла его увлечение. После его смерти коллекционирование сделалось основным интересом ее жизни, перейдя в настоящую страсть, почти манию. Джошуа хорошо помнил, как у нее всякий раз загорались глаза, когда она показывала ему очередное приобретение. Кроме кранов, она собирала эмали, музыкальные шкатулки, пейзажи, хрусталь, античные камеи и массу других вещей. После кончины матери Бруно продолжил семейную традицию, так что оба особняка – тот, что Лео выстроил в 1918 году, и возведенный самим Бруно пять лет назад – были битком набиты дорогостоящими шедеврами. Джошуа обзвонил художественные галереи и престижные аукционы Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, и все изъявили желание прислать своих оценщиков. Здесь пахло жирными комиссионными. В субботу утром должны были прибыть по два человека из обоих этих городов; зная, что потребуется несколько дней для ознакомления с имуществом Фрая, Джошуа позаботился о том, чтобы для них забронировали места в гостинице.

Наконец-то у него появилось ощущение, что он овладел ситуацией. Оставалось лишь определить, сколько времени ему понадобится для выполнения обязанностей душеприказчика. Вначале Джошуа боялся, что и за несколько лет не распутается, однако теперь, когда он перечитал завещание, составленное пять лет назад, и познакомился с финансовыми советниками Бруно, он уверился, что этот вопрос можно будет утрясти в течение нескольких недель. Дело облегчалось тремя обстоятельствами. Во-первых, у Бруно Фрая не осталось здравствующих родственников, которые стали бы оспаривать друг у друга наследство; во-вторых, все, что останется после уплаты налогов, будет завещано на благотворительные цели; в-третьих, Бруно Фрай чрезвычайно просто вел свои дела. Три недели – и достаточно. Самое большее – четыре.

После смерти жены Кору три года назад Джошуа вдруг осознал скоротечность жизни. Ему не хотелось терять ни одного дня, а каждая минута, потраченная на дела Бруно Фрая, явно была потеряна напрасно. Конечно, он получал приличное вознаграждение, но у него и так было достаточно денег – больше, чем он мог потратить. Джошуа владел собственной недвижимостью в долине, включая несколько сотен акров виноградников. Он даже начал подумывать, не передать ли все дела, связанные с наследством Бруно Фрая, в другие руки, но чувство ответственности не позволило ему это сделать. Ведь не кто иной, как Кэтрин Фрай, поддерживала его тридцать пять лет назад, когда он делал первые шаги в Напа-Валли.

Хватит и трех недель.

А потом он займется более интересными вещами: чтением хороших книг, полетами на собственном самолете и освоением новых блюд. Всем тем, что заполнило его жизнь после того, как не стало Кору.

В 4 часа 20 минут, довольный тем, как идут дела с наследством Фрая, и успокоенный прекрасным видом из окна, он встал и вышел в приемную. Там секретарша Карен Фарр изо

всех сил молотила пальцами по клавиатуре ЭВМ фирмы «Ай-би-эм», клавиши которой отзывались на легкие, как перышко, прикосновения. Это была миниатюрная девушка с бледным лицом, голубыми глазами и тихим, нежным голоском – но энергии у нее хватало на двоих.

– Я бы выпил виски, – сказал Джошуа. – Если кто-нибудь позвонит, скажите, что я вдрызг пьян и не могу подойти к телефону.

– А они завопят: «Как? Опять?!»

Джошуа рассмеялся.

– Ладно уж, – смиловилась мисс Фарр. – Идите пьянствуйте. Возьму на себя бесчинствующие орды.

Вернувшись в свой кабинет, Джошуа отпер бар, положил в бокал льда и плеснул виски «Джек Дэниэлс». Едва он сделал пару глотков, кто-то постучал в дверь.

– Войдите.

Это оказалась Карен.

– Там звонят...

– Я думал, мне дадут спокойно наклюкаться.

– Не будьте брюзгой.

– Это часть моего имиджа.

– Я сказала ему, что вас нет, но, когда узнала, чего он хочет, подумала, что, может быть, вы захотите поговорить с ним. Там что-то странное.

– Кто звонит?

– Какой-то мистер Престон из Первого Тихоокеанского объединенного банка Сан-Франциско, насчет Фрая.

– Что же тут странного?

– Вы лучше сами с ним поговорите.

Джошуа вздохнул.

– Хорошо.

– Он по второму телефону.

Джошуа снял трубку.

– Добрый вечер, мистер Престон.

– Мистер Райнхарт?

– У телефона. Чем могу вам помочь?

– Мне сказали, что вы душеприказчик Бруно Фрая.

– Правильно.

– Вам известно, что Бруно Фрай владел счетами в нашем банке?

– В Первом Тихоокеанском? Нет, я этого не знал.

– Сберегательным и расчетным счетами, а также персональным сейфом, – уточнил Престон.

– У него были счета в разных банках, но вашего я не видел в перечне. Правда, я еще не все просмотрел.

– Этого-то я и боялся, – сказал Престон.

Джошуа нахмурился.

– Не понимаю. Какие-нибудь проблемы с вашими счетами?

– Мистер Райнхарт, у мистера Фрая есть брат?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– Он не обзаводился двойниками?

– Просту прощения?..

– У него не возникало потребности в двойнике – человеке, который мог бы заменить его в определенных ситуациях?

– Вы шутите, мистер Престон?

– Я понимаю, это необычный вопрос. Но мистер Фрай был богатым человеком. В наше время, когда террористы всех мастей совершенно распоясались, многие богатые люди

нанимают телохранителей, а иногда, хотя и редко, даже двойников – в интересах безопасности.

– При всем уважении к вашему городу, – сказал Джошуа, – позвольте мне заметить, что мистер Фрай проживал в Напа-Валли, а не в Сан-Франциско. Здесь не совершаются подобные преступления. У нас другой стиль жизни, не такой, как у вас. У мистера Фрая не было абсолютно никакой нужды в двойнике, мистер Престон. Что все это значит?

– Мы только что узнали о том, что мистер Фрай убит в прошлый четверг, – тихо проговорил Престон.

– И что же?

– Все адвокаты утверждают, что банк не может нести ответственности.

– За что? – Джошуа начал терять терпение.

– Как душеприказчик, вы должны были информировать нас, что наш вкладчик умер. Вплоть до получения этого известия – из третьих рук – мы не имели никаких оснований замораживать счет.

– Конечно. – Джошуа решил заканчивать разговор. – Послушайте, мистер Престон, я не сомневаюсь, что вы знаете свое дело, и был бы вам очень признателен, если бы вы поскорее изложили суть вопроса.

– В прошлый четверг, перед самым закрытием и через несколько часов после кончины мистера Фрая в Лос-Анджелесе, наше главное управление посетил человек, как две капли воды похожий на него. Он предъявил чеки за подписью Бруно Фрая и снял со счета все деньги, за исключением ста долларов.

Джошуа выпрямился в кресле.

– Сколько он снял?

– Шесть тысяч с расчетного счета.

– Ух.

– Затем двенадцать тысяч со сберегательного.

– В общей сложности восемнадцать тысяч долларов?

– Да. Плюс то, что находилось в личном сейфе.

– Он и это забрал?

– Да. Но, конечно, мы понятия не имели, что там было. – Престон помолчал и с надеждой добавил: – Может быть, совсем ничего.

Джошуа был поражен.

– Как же вы выдаете такие суммы без удостоверения личности?

– Поймите, – сказал Престон, – этот человек был точной копией мистера Фрая. За последние пять лет мистер Фрай заглядывал два-три раза в месяц, всякий раз делая взносы наличными. Поэтому его хорошо запомнили. В прошлый четверг кассир узнал его; кроме того, он предъявил чековые книжки.

– Это не удостоверение личности.

– Кассир попросила удостоверение личности – даже несмотря на то, что она его узнала. Такое у нас правило. Этот человек предъявил водительские права с фотографией на имя Бруно Фрая. Уверяю вас, мистер Райнхард, Первый Тихоокеанский банк действовал абсолютно по закону.

– Вы проверили кассира?

– Как раз сейчас ведется расследование. Но я уверен, эта ниточка никуда не приведет. Мисс Уиллис проработала у нас больше шестнадцати лет.

– И она же сопровождала его в хранилище?

– Нет. То была другая сотрудница. Ее также проверяют.

– Тогда это чертовски серьезное дело.

– Кому вы говорите! – несчастным голосом воскликнул Престон. – За все годы моей работы в банке такого не случалось! Прежде чем позвонить вам, я поставил в известность местные и федеральные власти. И страховые органы.

– Пожалуй, лучше всего будет, если я завтра приеду и потолкую с вашими

сотрудниками.

– Замечательно.

– Скажем, в десять часов?

– Когда вам удобно. Я весь день буду в вашем распоряжении.

– Значит, в десять.

– Я бесконечно сожалею. Разумеется, убытки будут вам возмещены.

– За исключением того, что содержалось в боксе, – уточнил Джошуа. – До завтра, мистер Престон.

Джошуа дал отбой и устался на телефонный аппарат.

Двойник Бруно Фрая? Мертвец бродит по городу?

Он вспомнил, что в три часа ночи в понедельник видел свет в резиденции Бруно. Возможно, человек, снявший деньги со счетов Фрая в Первом Тихоокеанском объединенном банке, что-то искал в доме?

Но Джошуа был там вчера и не заметил пропажи.

Зачем Бруно понадобился секретный счет в Сан-Франциско?

Был ли у него двойник? Если да, то кто этот человек? И с какой стати?..

Черт побери!

Кажется, с наследством Фрая будет больше возни, чем он рассчитывал.

* * *

Вечером во вторник, когда голубой джип резво взял с места, покидая стоянку во дворе с каменными стенами, Хилари ожила. Она перестала зевать, в глазах перестало покалывать, и она испытала временный прилив энергии, перед тем как снова ощутить смертельную усталость.

Они с Тони успешно провернули все дела – со страховым агентством, службой по уборке помещений, полицией и всеми прочими. Единственным, что прошло не совсем гладко, было посещение художественной галереи Уайнта Стивенса в Беверли-Хиллз: они не застали ни самого Уайнта, ни его ассистентку Бетти, а полная молодая дежурная никак не желала принимать на хранение картины Тони Клеменца. В конце концов Хилари убедила ее, что в случае незначительной порчи какой-либо из картин она не будет нести ответственности. И они с Тони отправились в контору Уолли Топелиса.

Наконец-то они освободились и завтра, сразу же после похорон Фрэнка Говарда, рейсом 11–55 полетят в Сан-Франциско, где им предстоит пересадка до Напы.

Они увидят родину Бруно Фрая.

И что дальше?

Тони припарковал автомобиль во дворе и выключил двигатель.

– Я забыла спросить, заказал ли ты номер в гостинице, – сказала Хилари.

– Пока вы с Уолли беседовали, его секретарша сделала это по моей просьбе.

– Вблизи аэропорта?

– Да.

– Надеюсь, не две кровати?

– Одна, королевская.

– Отлично, – обрадовалась Хилари. – Я усну в твоих объятиях.

Тони нагнулся, чтобы поцеловать ее.

Они за двадцать минут уложили вещи и снесли в джип. Все это время Хилари была на пределе: ей казалось, что из-за угла вот-вот выскочит Фрай. Однако этого не случилось.

Они ехали в аэропорт кружным путем, со множеством поворотов. Хилари внимательно изучала следующие за ними машины. «Хвоста» не было.

В половине восьмого они были в отеле. Тони проявил неожиданное рыцарство, записав их как мужа и жену.

Их комната оказалась на восьмом этаже. Тихая, уютная, с преобладанием голубого и

зеленого тонов.

После ухода коридорного они немного постояли, обнявшись, ощущая безмерную усталость. Выходить не хотелось, и Тони заказал ужин по телефону. Служащая сказала, что заказ будет исполнен через полчаса.

Они вместе приняли душ. С удовольствием намыливали и терли друг друга губками, преисполненные огромной, всепоглощающей нежности. Потом они ели сэндвичи и картофель фри. Выпили полбутылки вина. Немного поболтали.

На ночь Хилари соорудила ночник, обернув настольную лампу банным полотенцем. Второй раз в жизни ей было страшно спать в темноте.

Наконец они уснули.

Через восемь часов, в половине шестого утра, Хилари пробудилась оттого, что ей приснился ужасный сон, в котором ожили Эрл с Эммой – совсем как Бруно Фрай. Все трое гнались за ней по темному сужающемуся коридору...

Больше ей не удалось уснуть. Она лежала при тусклом свете импровизированного ночника, стараясь не потревожить Тони.

Он проснулся через час, повернулся к Хилари, погладил ее лицо, грудь, и они занялись любовью. На короткое время она забыла Бруно Фрая, но немного погодя, одеваясь на похороны, она вдруг запаниковала:

– Тони, ты считаешь, нам нужно лететь в Санта-Елену?

– Необходимо.

– А вдруг с нами что-нибудь случится?

– Не случится.

– Я в этом не уверена.

– Надо же наконец понять, что происходит.

– В том-то и дело. – Хилари поежилась. – У меня такое чувство, что, может быть, лучше и не знать этого.

* * *

Кэтрин пропала. Исчезла. Спряталась от него!

Поганая сука.

В шесть тридцать вечера Бруно очнулся в своем голубом «Додже», весь в поту после приснившегося кошмара. Что ему снилось, он тотчас забыл, преследуемый все теми же шорохами. Мерзкие твари ползали по всему его телу, забирались в волосы, под нижнее белье, норовили проникнуть внутрь тела – через ноздри, уши и рот. Он чувствовал себя грязным и перепуганным насмерть. Постепенно к нему пришло сознание того, где он находится; шорохи начали стихать; воображаемые твари покинули его тело, и он заплакал от облегчения.

Часом позже, поужинав в «Макдоналдсе», он двинул в Вествуд. Раз шесть проехал мимо коттеджа, затем припарковал машину на соседней улице и всю ночь караулил ее дом.

Она испарилась.

Он запасся холщовыми мешочками с чесноком, острыми деревянными кольями, распятием и флаконом со святой водой. Заточил пару ножей и небольшой плотницкий топорик, чтобы отрубить ей голову. У него хватит мужества, решимости и воли.

Но она сбежала и, возможно, вернется через несколько дней, а то и недель. Бруно пришел в ярость. Он проклинал Кэтрин и плакал от бессильной злости.

Постепенно к нему вернулось самообладание. Еще не все потеряно. Он найдет поганую суку.

Он уже столько раз находил ее!

Глава 6

Утром в среду Джошуа Райнхарт совершил на своем самолете типа «Сессна-Турбо»

короткий вояж в Сан-Франциско.

Он начал учиться летать три года назад, вскоре после смерти Кору. Почти всю свою жизнь мечтал стать летчиком, но не находил свободного времени. Когда Кора неожиданно сделала его сиротой, он понял, что был глупцом, думая, что смерть – это нечто такое, что случается с другими. Он тратил жизнь так, словно впереди – неисчерпаемый запас лет, будто ему суждено жить вечно. Сколько раз он мог бы исполнить свою мечту и совершить перелет по воздуху в Европу или на Восток – отдыхая и получая массу удовольствия. Но он всегда откладывал каникулы и путешествия: сначала ждал, пока сможет открыть юридическую практику, потом – пока полностью рассчитается за недвижимость, потом стал выращивать виноград, а потом... Кора внезапно ушла из жизни. Ему смертельно не хватало ее, и он безмерно сожалел об упущенных возможностях. Они были счастливы и прожили хорошую жизнь – во всех отношениях. У них была крыша над головой, вдоволь еды и даже некоторые предметы роскоши. Им хватало денег, но катастрофически не хватало времени.

Но что толку сидеть и думать о том, чего уже не изменишь? Кору не вернуть. И Джошуа решил, по крайней мере, хватать то, что еще было для него доступно. Он никогда не отличался общительностью и знал, что из каждых десяти человек девять либо беспросветные дураки, либо негодяи. Поэтому он отдавал предпочтение таким удовольствиям, которым можно предаваться в одиночку. Конечно, лучше было бы делить их с Корой. Только не полеты. Сидя в своей «Сессне-Турбо», он чувствовал себя свободным не только от силы тяжести, но и от всех земных горестей.

В девять с минутами Джошуа, освеженный полетом, приземлился в Сан-Франциско. Меньше чем через час он был уже в Первом Тихоокеанском объединенном банке и пожимал руку вице-президента банка, мистера Рональда Престона, с которым накануне беседовал по телефону.

Кабинет Престона поразил его роскошью обстановки. Мебель была сплошь из полированного тика; кресла обиты натуральной кожей.

Сам Престон оказался высоким, сухопарым, даже хрупким джентльменом с аккуратно подстриженными усиками; он очень быстро говорил и энергично жестикулировал, что свидетельствовало о нервной, легко возбудимой натуре. Он произвел на Джошуа впечатление умного, знающего свое дело работника. На столе уже ждали папки с надписью «Бруно Фрай» и заложенными страницами. Здесь хранилась вся информация о банковских операциях и тех случаях, когда клиент навещался в хранилище и пользовался сейфом.

– На первый взгляд, – начал Престон, – может показаться, будто я предоставил в ваше распоряжение не все копии чеков. Уверяю вас, это не так. Вот уже пять лет мистер Фрай выписывал примерно три чека в месяц, а в последние полтора года – два. Всегда на одних и тех же лиц.

Джошуа не стал открывать папку.

– Посмотрю на досуге. Сначала мне хотелось бы побеседовать с кассиром.

Синтия Уиллис оказалась деловой, довольно привлекательной темнокожей женщиной тридцати с чем-то лет. У нее была аккуратная прическа и ухоженные руки с безукоризненным маникюром. Мисс Уиллис держалась с большим достоинством. Она опустила на предложенный стул и выпрямила спину.

Джошуа достал из конверта пятнадцать фотографий разных людей, когда-либо проживавших в Санта-Елене, и разложил на столе.

– Мисс Уиллис... – начал он.

Женщина поправила:

– Миссис Уиллис.

– Прошу прощения, миссис Уиллис. Будьте добры взглянуть на эти снимки и сказать, есть ли среди них фотография Бруно Фрая.

Женщина перебрала все пятнадцать фотографий и выбрала две.

– Вот он.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Это было нетрудно. Остальные нисколько на него не похожи.

Она прекрасно справилась с заданием. Джошуа намеренно выбрал фотографии качеством похуже. Кроме того, вопреки ее утверждению, некоторые лица смахивали на Бруно Фрая. Однако это не сбило миссис Уиллис с толку. Она постучала по двум снимкам указательным пальцем.

– Вот человек, который приходил в прошлый четверг вечером.

– Утром в четверг, – возразил Джошуа, – он был убит в Лос-Анджелесе.

– Не может быть, – заявила женщина. – Здесь какая-то ошибка.

– Я сам видел труп. В воскресенье мы погребли его в Санта-Елене.

Кассир покачала головой.

– Скорее всего вы похоронили кого-то другого.

– Я знал Бруно с пятнадцатилетнего возраста, – настаивал Джошуа. – Я не мог ошибиться.

– А я говорю, что видела именно его, – стояла на своем миссис Уиллис. Она бросила взгляд на Престона – отнюдь не тревожный, потому что знала себе цену. – Пусть мистер Престон думает, что хочет: он не видел клиента. А я видела. Это был мистер Фрай. Вот уже пять лет, как он регулярно является в банк. Обычно он клал на свой счет пару тысяч долларов, иногда три тысячи – как правило, наличными. Это не часто встречается, поэтому-то я его и запомнила. Да еще внешность. Стальные мускулы. Я могу поклясться, что именно он, а не кто-то другой подошел в тот вечер к моему окошку. Да хоть бы я его и не видела – мигом узнала бы по голосу.

– Голос можно подделать, – изрек Престон.

– Только не такой, – парировала его подчиненная.

– Все можно подделать, – высказал свое мнение Джошуа. – Просто иногда это требует больших усилий.

– А глаза? – не сдавалась миссис Уиллис.

– Что глаза?

– Они были холодны, как лед, – сказала женщина. – Не из-за серо-голубого цвета. Просто очень жесткие и колющие. Он почти никогда не смотрел вам в лицо, а всегда в сторону, словно боялся, что вы прочтаете его мысли. Зато уж если взглядывал на вас в упор, у вас появлялось такое ощущение, как будто вы имеете дело с... не совсем нормальным человеком.

Верный служебной этике, Престон поспешил возразить:

– Миссис Уиллис, я полагаю, мистер Райнхарт предпочитает, чтобы вы придерживались фактов, а не высказывали собственное мнение. Это только запутывает вопрос.

Кассир упрямо покачала головой.

– Я знаю только одно: у человека, который приходил сюда в прошлый четверг, были те самые глаза.

Джошуа оторопел. Дело в том, что он и сам, глядя на Бруно, не раз думал: вот человек, терпящий жестокую нравственную пытку. В глазах Фрая жило какое-то затравленное выражение – но также и та леденящая жестокость, о которой упомянула миссис Уиллис.

После ее ухода Рональд Престон вызвал Джейн Симмонс, ту самую служащую, которая препроводила двойника Бруно Фрая в хранилище. Это была женщина лет двадцати семи, рыжая и зеленоглазая, с курносом носом и сварливым характером. Ее унылый голос и раздражительность произвели на Джошуа самое неблагоприятное впечатление, и он невольно отдал дань худшим сторонам своей натуры. Однако от его вспышек нетерпения женщина становилась все брюзгливее. Да, темнокожая миссис Уиллис понравилась ему гораздо больше. Однако и Джейн Симмонс производила впечатление честной и правдивой сотрудницы.

– Ну, и что вы обо всем этом думаете? – поинтересовался Престон, когда они остались одни.

– Не похоже на сговор, – ответил Джошуа.

Его собеседник постарался скрыть облегчение.

– Должно быть, – продолжал адвокат, – человек, обратившийся к вам в прошлый четверг, обладал поразительным сходством с Фраем. Что же касается миссис Уиллис, то она показалась мне весьма знающим и добросовестным работником. На вашем месте я бы ее более эффективно использовал.

Престон откашлялся.

– Ну, и... что же теперь делать?

– Я бы хотел взглянуть на содержимое сейфа.

– Очевидно, у вас нет ключа?

– Нет, Фрай пока еще не встал из могилы, чтобы отдать мне его.

– Я думал, может, вы наткнулись на него среди прочих вещей.

– Нет. Раз он оказался у самозванца, значит, скорее всего это и был настоящий ключ Бруно Фрая.

– Но как он к нему попал? Если предположить, что мистер Фрай сам отдал ключ и попросил снять деньги со счетов, тогда все становится на свои места.

– Мистер Фрай не мог дать такого поручения: он был уже мертв. Так вы позволите мне взглянуть на содержимое сейфа?

– Нужно иметь оба ключа одновременно, – объяснил Престон. – Клиента и банка. В противном случае придется взломать дверцу.

– Прошу вас как можно скорее сделать это, – сухо ответил Джошуа.

Через тридцать пять минут они с Престоном стояли в хранилище банка и наблюдали за тем, как технический работник взламывал внешнюю дверцу сейфа.

– Готово, – торжественно произнес Престон. – А чтобы никто потом не мог обвинить банк в незаконном изъятии ценностей, прошу вас открыть внутреннюю дверцу в моем присутствии.

– Разумеется, – кисло пробормотал Джошуа. Внутри оказался лишь один запечатанный конверт, а в нем – листок бумаги с отпечатанным на машинке текстом.

За всю свою жизнь Джошуа не приходилось читать ничего более странного. Казалось, писал человек в состоянии белой горячки.

«Четверг, 25 сентября.

Тем, кого это касается.

Моя мать, Кэтрин Энн Фрай, скончалась пять лет назад, но продолжает приходить ко мне в новых обликах. Она знает секрет, как воскресать из мертвых, и хочет погубить меня. Сейчас она живет в Лос-Анджелесе под именем Хилари Томас.

Сегодня утром она дважды поразила меня ножом, и я умер. Теперь моя задача – вернуться и умертвить ее раньше, чем она убьет меня во второй раз. Потому что тогда я уже не воскресну, так как не обладаю ключом к тайне.

Мне так пусто, так одиноко. Я больше не являюсь единым целым. Оставляю эту записку на случай, если она победит. Пока я не умер во второй раз, это – моя сокровенная война, моя и ничья больше. Я не могу выступить с открытым забралом и обратиться в полицию, иначе все узнают, кто я, и что я, и как всю жизнь прятался, – и тогда они насмерть забьют меня камнями. Но если она вторично убьет меня, это уже не будет иметь значения. Возможно, прочитавший записку отыщет средство остановить ее.

Для этого нужно отрубить ей голову и набить чесноком рот. Вырвать из груди еще трепещущее сердце и воткнуть в него деревянный кол. Похоронить сердце и голову в разных местах. Она не вампир, но я думаю, это все-таки сработает и она навсегда останется мертвой».

Под текстом стояла подпись Бруно Фрая – великолепная подделка! Конечно, подделка – что же еще? Когда писались эти строки, Фрай был уже мертв.

Джошуа почему-то вспомнил ночь пятницы; как он вышел из похоронного бюро «Вечный покой» и почувствовал неладное, а от гаражей метнулась чья-то тень.

– Что там такое? – поинтересовался Престон.

Джошуа протянул ему листок. Престон прочитал и вытаращил глаза.

– Как это понимать?

– Должно быть, письмо подбросил самозванец, снявший деньги со счетов.

– Но зачем?

– Может, ему нравится валять дурака, играя в призраки. Он знал, что сейф рано или поздно откроют.

– Но это... несколько странно... – проговорил банкир. – Я хочу сказать, можно было бы ожидать злорадства: мол, он утер всем нам нос... Но такое?! Нет, это не очень-то похоже на шутку. Бессмыслица – да, но этот человек явно был настроен вполне серьезно.

– Вы полагаете, что Бруно Фрай сам написал это письмо после своей смерти и положил в бокс?

– Н-нет. Конечно же, нет.

– Тогда что же?

Вице-президент банка опустил глаза.

– Я бы сказал, что этот человек как две капли воды похож на мистера Фрая. Он говорит, как мистер Фрай, имеет при себе водительские права на имя мистера Фрая и знает, что мистер Фрай держит свои деньги в Первом Тихоокеанском объединенном банке. Этот человек не выдает себя за мистера Фрая – он искренне считает себя мистером Фраем. Он не обычный вор, пусть даже со склонностью к черному юмору, а по-настоящему больной человек.

Джошуа наклонил голову в знак согласия.

– Не спорю. Но, однако, откуда он взялся, этот двойник? Кто он? Знал ли Фрай о его существовании? Почему этот человек так же, как сам Фрай, ненавидел Кэтрин Фрай и был одержим той же манией? Как могли эти двое страдать одним и тем же маниакальным психозом, считая, будто она способна воскресать из мертвых? Тысяча и один вопрос. Прямо голова кругом.

– Да уж, – вздохнул Престон. – И ни одного ответа. Но я, по крайней мере, знаю, что нужно сделать в первую очередь. Предупредить Хилари Томас о грозящей ей опасности.

* * *

После похорон Фрэнка Говарда (со всеми полицейскими почестями) Тони и Хилари сели на самолет до Сан-Франциско. Хилари без умолку трещала, стараясь отвлечь Тони от мрачных мыслей. Сначала он был очень рассеян и отвечал невпопад, но потом оценил ее усилия и понемногу вышел из состояния депрессии. Они приземлились в международном аэропорту Сан-Франциско, а оттуда должны были трехчасовым рейсом лететь в Напу.

Чтобы убить время, они перекусили в ресторане аэропорта. Кофе оказался неплох, зато сэндвичи – прямо резиновые.

Когда они шли по летному полю к своему самолету, Хилари стало страшно.

– Что случилось? – забеспокоился Тони.

– Точно не знаю, но... чувствую, что что-то не так. Может, мы лезем прямо в пасть ко льву?

– Фрай находится в Лос-Анджелесе. Откуда ему знать, что ты на пути в Санта-Елену?

– Ты так думаешь?

– Неужели ты все-таки веришь в его сверхъестественные способности?

– Ничего нельзя исключить.

– В конце концов все объяснится.

– Так или иначе, я не могу избавиться от предчувствия.

– Предчувствия – чего?

– Чего-то еще худшего, – сказала она.

После быстрого, но сытного обеда в кафетерии Первого Тихоокеанского объединенного банка Джошуа Райнхарт и Рональд Престон встретились с группой федеральных банковских

чиновников, а также несколькими чиновниками штата. И те и другие оказались страшными бюрократами, но Джошуа терпел, потому что его служебный долг требовал, чтобы он добился возмещения убытков, нанесенных наследству Фрая.

Едва отбыли чиновники, явился Уоррен Сэккет из ФБР. Поскольку деньги были украдены из федерального банка, это преступление подпало под юрисдикцию Бюро. Долговязый, очень серьезный человек с тонкими умными чертами, Сэккет уединился с Джошуа и Престоном, и они обсудили все подробности. Сэккет согласился, что Хилари Томас грозит опасность, и взял на себя труд уведомить лос-анджелесскую полицию.

Каким бы профессионалом ни был Сэккет, Джошуа понял, что ФБР потребуется по меньшей мере несколько дней, чтобы раскрыть это дело, – если, конечно, человек, назвавшийся Бруно Фраем, не явится с повинной. Для них это не было делом первостепенной важности. Страну наводнили вооруженные шайки террористов; набирала силу мафия; так что Сэккету не дали ни одного помощника. Он будет действовать медленно, но верно, разберется, куда ведут следы, и допросит всех имеющих отношение к делу. Придется также сделать запрос в другие калифорнийские банки – нет ли у них неизвестных счетов Бруно Фрая? Возможно, Сэккет на пару дней подскочит в Санта-Елену.

Когда он кончил задавать вопросы, Джошуа обратился к Рональду Престону:

– Если я верно понял, сэр, пропавшие восемнадцать тысяч не будут возмещены в срочном порядке?

– Ну... – Престон нервно потерел усы. – Нам придется подождать заключения страховых органов.

Джошуа повернулся к Сэккету:

– Если не ошибаюсь, страховая компания будет ждать вашего заключения о том, что ни я, ни другие доверенные лица Фрая не совершали незаконного изъятия денег?

– Скорее всего да, – подтвердил фэбээровец. – Крайне запутанное дело.

– Так что пройдет немало времени, прежде чем вы дадите такое заключение?

– Мы не задержим вас ни одного дня сверх положенного срока. Это займет от силы три месяца.

Адвокат вздохнул.

– А я-то надеялся быстро управиться.

Сэккет пожал плечами:

– Возможно, и не понадобится трех месяцев. Никогда не знаешь заранее. Может, завтра-послезавтра я поймаю этого парня. Ситуация настолько неординарная, что трудно правильно рассчитать.

– Черт, – буркнул Джошуа.

Когда через несколько минут он направлялся к выходу, его окликнула из своего окошечка миссис Уиллис.

– Знаете, что бы я сделала на вашем месте?

– Что?

– Выкопала труп.

– Бруно Фрая?

– Нет там никакого Фрая, – безапелляционно заявила миссис Уиллис. – Если у мистера Фрая и был двойник, то именно он сейчас покоится под могильной плитой. Настоящий мистер Фрай приходил сюда в прошлый четверг. Я готова повторить это под присягой. Жизнью клянусь.

– Но если в Лос-Анджелесе убит другой, где может быть настоящий Фрай? Почему он скрывается?

– Понятия не имею. Я знаю только то, что видела своими глазами. Выкопайте его, мистер Райнхарт, и, я уверена, вы убедитесь, что похоронили не того человека.

* * *

В среду, в три часа двадцать минут, Джошуа посадил самолет в аэропорту на окраине города Напа. Население столицы графства составляло не больше сорока пяти тысяч человек, но в глазах Джошуа, привыкшего к деревенской тишине Санта-Елены, это был шумный и утомительный город – такой же, как Сан-Франциско.

Из аэропорта он на своей машине добрался до Санта-Елены, но не поехал к себе домой, а подкатил к особняку семейства Фрай, одиноко стоявшему на вершине утеса. Его построил Лео Фрай, патриарх, отец Кэтрин, в 1918 году. Лео относился к мрачному прусскому типу и больше всего дорожил своей независимостью. Он выбрал место, откуда хорошо просматривалась долина и где не было соседей. Незадолго перед тем Лео овдовел и остался с маленькой дочерью на руках, но, несмотря на это, выстроил особняк в викторианском стиле из двенадцати комнат. К дому можно было подобраться двумя способами: либо в четырехместной гондоле подвесной канатной дороги, либо по почти отвесной лестнице длиной в триста двадцать ступеней – ее строили на случай, если фуникулер временно выйдет из строя. Дом казался неприступной крепостью.

Свернув с шоссе на дорогу, ведущую к винодельням Фраев под красивым названием «Раскидистая крона», Джошуа попытался припомнить все, что знал о Лео Фрае. А знал он совсем немного. Кэтрин редко упоминала об отце, а друзей у него почти не было.

Джошуа переехал в долину в 1945 году, через несколько лет после смерти Лео. Но до него доходили слухи, по которым он составил представление о Лео как о холодном, суровом, замкнутом, упрямом, очень умном и властном эгоисте. Что-то вроде феодала далеких времен, средневекового аристократа, предпочитавшего жить в хорошо защищенном, неприступном замке.

После смерти отца Кэтрин продолжала жить в особняке. Там она вырастила Бруно, вдали от ровесников, среди зубчатых стен и деревянных панелей, подставок для ног, каминных часов и дорогих тяжелых скатертей. Здесь мать и сын прожили вместе тридцать пять лет, пока Кэтрин не скончалась от сердечного приступа.

Странно, что взрослый мужчина так долго прожил в обществе одной только матери. Естественно, не обошлось без сплетен. Большинство сходилось во мнении, что Бруно не интересовался девушками, потому что питал тайную страсть к мальчикам. Поговаривали, что он удовлетворяет свой сексуальный голод во время случайных поездок в Сан-Франциско, подальше от любопытных соседей. Предполагаемый гомосексуализм Бруно не особенно шокировал жителей долины, в сущности, им не было до этого дела. Возможно, спокойствие этих мест располагало к мудрости.

Но сейчас Джошуа пришло в голову: что, если общественное мнение ошибалось? После невероятных событий последних дней тайна Бруно Фрая стала казаться ему гораздо более темной и ужасной.

Сразу после похорон Кэтрин глубоко потрясенный ее кончиной Бруно покинул особняк на утесе. Он забрал с собой всю одежду, коллекции картин, скульптуры из металла и книги, принадлежавшие ему лично, но оставил все принадлежавшее Кэтрин. В шкафах до сих пор висели ее платья. Ее античная мебель, статуэтки, хрусталь, музыкальные шкатулки, эмали – все это могло быть продано на аукционе и принести солидные барыши, но Бруно распорядился, чтобы все оставалось, как было при жизни Кэтрин. Он поставил на окна двойные ставни и засовы, запер на несколько замков двери, опечатал дом – и таким образом превратил его в сокровищницу, которая хранила память о его приемной матери.

Бруно снял квартиру и приступил к строительству новой резиденции среди виноградников. Джошуа пытался убедить его, что неразумно оставлять сокровища в заколоченном и никем не охраняемом доме. Бруно сослался на то, что в здешних местах почти не бывает краж со взломом. Ключ от фуникулера хранился у самого Бруно. И потом, кроме него и Джошуа, никто не знал о ценности упрятанного от посторонних глаз имущества.

Насколько Джошуа было известно, за пять лет ни одна живая душа не побывала в крепости на утесе. Подвесная дорога поддерживалась в хорошем состоянии благодаря

ежемесячным профилактическим осмотрам техника, Джилберта Ульмана, приглашенного следить за подъездными путями к винодельням и прочим оборудованием. Завтра или, самое позднее, в пятницу, решил Джошуа, нужно будет подняться на вершину утеса и хорошенько проветрить помещения перед посещением экспертов из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса.

Сейчас его гораздо больше интересовала новая резиденция Бруно. Джошуа свернул налево и покатил к автомобильной стоянке. Асфальтовая дорога шла через залитые солнцем виноградники – вплоть до самого дома, внушительного одноэтажного здания в стиле ранчо, построенного из камня и красного дерева, притаившегося в тени одного из девяти гигантских мамонтовых дубов, откуда и пошло красивое название особняка и всей винодельческой фирмы Фраев – «Раскидистая крона».

Джошуа приблизился к парадной двери. На небе цвета электрик виднелись одно-два облачка. Легкий ветерок принес прохладу с поросших сосной склонов Маякамы.

Джошуа отомкнул дверь, вошел внутрь и на несколько секунд застыл в ожидании, сам не зная, что он рассчитывает услышать.

Возможно, шаги?

Или голос Бруно?

Но кругом было тихо.

Он прошел через весь дом и наконец добрался до кабинета Фрая. Интерьер особняка свидетельствовал о том, что Бруно унаследовал от Кэтрин любовь к собирательству. На стенах, соприкасаясь рамами, теснилось такое количество картин, что трудно было сосредоточиться хотя бы на одной из них – в этом царстве красок и сюжетов. Повсюду стояли застекленные стенды с художественными изделиями из стекла, бронзовыми статуэтками, хрусталем и доколумбовыми скульптурами. Предметы мебели также громоздились один на другом; каждый являл собой шедевр эпохи и стиля. В огромном кабинете хранилось собрание из пяти или шести сотен редких книг, многие из которых были изданы ограниченным тиражом. Здесь также высились стенды с изумительными точеными фигурками и безукоризненно чистыми хрустальными шарами, меньший из которых был размером с апельсин, а самый крупный – с баскетбольный мяч.

Джошуа отдернул шторы, включил бронзовую настольную лампу и опустился в современное кабинетное кресло со спинкой на пружинах, напротив английского письменного стола восемнадцатого века. Он достал из кармана загадочное письмо, извлеченное из сейфа Первого Тихоокеанского объединенного банка, придвинул кресло к стоявшей сбоку от стола пишущей машинке и отпечатал на чистом листе бумаги первое предложение:

«Моя мать, Кэтрин Энн Фрай, скончалась пять лет назад, но продолжает приходить ко мне в новых обликах...»

Он сравнил образцы и не обнаружил ни малейшего различия. В обоих была забита нижняя закорючка буквы «е» – очевидно, литеры давно не чистились. Нижняя часть буквы «д» немного подскочила кверху. Письмо было явно отпечатано в этом кабинете, на машинке Бруно Фрая.

Выходит, человек, выдавший себя в прошлый четверг за Фрая, располагал ключами от его дома? Как это могло произойти? Ответ лежал на поверхности: Бруно лично вручил ему ключи, а это значило, что он сам нанял двойника.

Джошуа откинулся на спинку кресла и уставился на письмо. В мозгу вспыхнул целый фейерверк вопросов. Что побудило Бруно обзавестись двойником? Где ему удалось отыскать свою точную копию? Давно ли двойник работал на него и чем занимался? И не могло ли случиться так, что он, Джошуа, когда-либо имел дело с копией, принимая ее за оригинал? Возможно, даже не один раз? Возможно, даже чаще, чем с настоящим Бруно? Он не представлял себе, как все это выяснить. Неужели в то утро, когда Бруно был убит в Лос-Анджелесе, двойник находился здесь, в доме? Скорее всего так оно и было. Иначе как бы он отпечатал письмо, а затем подбросил его в сейф банка? Но как ему удалось так быстро узнать о смерти Бруно? Тело Фрая было найдено неподалеку от телефона-автомата... Возможно ли, что последним поступком Бруно было позвонить домой и предупредить двойника? Да,

безусловно. Но что эти двое сказали друг другу в роковую минуту? Возможно ли, что они находились во власти одного и того же маниакального психоза, веря в воскресение Кэтрин из мертвых? Джошуа содрогнулся. Потом сложил письмо и убрал в карман куртки.

Он вдруг впервые за пять лет отдал себе отчет в том, как мрачны эти комнаты, перегруженные мебелью и дорогими вещами. Портьеры, ковры – все было угрюмых, темных расцветок. В каком-то смысле особняк был такой же крепостью, как и дом на вершине утеса.

Внезапно послышался шум. Джошуа похолодел. Подождал, прислушался. Снова прошел через весь дом и метнулся к входной двери. Никто его не преследовал. Однако, только очутившись на улице, он смог вздохнуть с облегчением.

По дороге в свой офис он продолжал ломать голову над множеством неразрешимых загадок. Кто был убит в Лос-Анджелесе: Бруно Фрай или его двойник? Который из них побывал в отделении Первого Тихоокеанского объединенного банка – оригинал или копия? Как, не докопавшись до истины, уладить вопрос с наследством?

У себя в кабинете он понял, что не стоит пренебрегать советом миссис Уиллис. Необходимо вскрыть могилу Бруно Фрая и точно определить, кто в ней находится.

* * *

Тони и Хилари вышли из самолета в Напе, взяли напрокат автомобиль и в четыре часа двадцать минут уже были в штаб-квартире шерифа. Атмосфера здесь оказалась совсем не такой дремотной, как Хилари представляла по фильмам. Несколько сотрудников в форме и в штатском сосредоточенно корпели над своими папками.

За большим металлическим столом с табличкой «Марша Пелетрино» сидела секретарша, женщина со строгими чертами лица и, как оказалось, неожиданно мягким, бархатным голосом. Она дружелюбно улыбнулась навстречу.

Когда Марша Пелетрино доложила Питеру Лоренски, что его хотят видеть Энтони Клеменца и Хилари Томас, он сразу понял, кто они такие, и не предпринял попытки уклониться от встречи, как они ожидали, а вышел из кабинета и несколько неловко пожал им руки. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке и, очевидно, не горел желанием объяснять, как случилось, что на прошлой неделе он обеспечил Бруно Фраю ложное алиби. Несмотря на это, он пригласил Тони и Хилари в свой кабинет.

Хилари была разочарована. Шериф Лоренски явно не принадлежал к тому типу заносчивого, упитанного и вечно жующего сигару «доброго малого» из провинции, которому ничего не стоит солгать, чтобы укрыть от правосудия местную знаменитость и денежный мешок, каким был Бруно Фрай. Шерифу Лоренски перевалило за тридцать; он был высок, белокур, чисто выбрит, доброжелателен и, по всей видимости, предан своей профессии. В его глазах светилась доброта, гармонируя с мягкими интонациями голоса. Он чем-то напоминал Тони. Обстановка его кабинета была почти спартанской. После одной-двух минут в обществе шерифа Хилари стало ясно, что и здесь они не могут рассчитывать на простое решение загадки Бруно Фрая.

Они с Тони сели на старомодный диван с подушечками, которые можно было подложить под спину. Сам Лоренски выдвинул из-за письменного стола деревянный стул и, сев на него верхом задом наперед, обезоружил Хилари и Тони тем, что сразу взял быка за рога:

– Боюсь, что я вел себя недостойно настоящего профессионала, уклоняясь от контактов с лос-анджелесской полицией.

– Поэтому мы здесь, – заявил Тони.

– Это официальный визит?

– Нет, – ответил Тони. – Я выступаю как частное лицо, а не как полицейский.

– За последние пару дней, – подхватила Хилари, – мы столкнулись со странными и необъяснимыми явлениями. Просто невероятными. Вот мы и понадеялись, что вы сможете пролить свет на эти события.

Лоренски поднял брови.

– Что-то еще, помимо нападения Фрая на вас?

– Мы все расскажем, – произнес Тони, – но прежде нам хотелось бы знать, почему вы прятались от лос-анджелесской полиции.

Лоренски кивнул. Он весь залился краской, но не собирался щадить себя.

– Просто не знал, что сказать. Я сваял дурака, поручившись за Фрая. А потом надеялся, что все утрясется и забудется.

– А почему вы за него поручились? – спросила Хилари.

– Ну, просто... понимаете... я в самом деле считал, что он дома.

– Вы с ним разговаривали?

Лоренски прочистил горло.

– Нет. Видите ли, когда в ту ночь позвонили из Лос-Анджелеса, на звонок ответил дежурный офицер, Тим Ларсон. Это один из надежнейших сотрудников. Мы уже семь лет работаем вместе, как говорится, пуд соли съели. Ну вот... Тим сразу же позвонил мне домой и спросил, хочу ли я сам заняться этим делом – все-таки речь шла об одном из влиятельнейших людей графства. Я еще не спал: мы допоздна отмечали день рождения дочери. Это не рядовое событие, и я решил в кои-то веки поставить на первое место личное. И так почти не уделяю детям внимания...

– Я вас понимаю, – посочувствовал Тони. – Убежден, что вы здесь проворачиваете уйму работы. Кому, как не мне, знать, что в полиции не поработаешь от звонка до звонка.

– Двенадцать часов в день, шесть или семь дней в неделю, – подтвердил шериф. – Так или иначе, Тим позвонил, и я поручил ему самому уладить этот вопрос. Понимаете, это звучало слишком неправдоподобно. Фрай – известная, даже выдающаяся личность, крупный бизнесмен, кажется, даже миллионер. С какой стати ему ставить все на карту в попытке изнасилования? Так что я попросил Тима разобраться и доложить мне, как обстоят дела. Как я уже сказал, он очень способный офицер и к тому же гораздо лучше, чем я, знал Фрая. Перед тем как перейти к нам, Тим пять лет проработал юрисконсультантом в «Раскидистой кроне». Они с Фраем виделись практически ежедневно.

– Так это Ларсон проверял Фрая?

– Да. Он снова позвонил мне и сказал, что Фрай находится у себя дома, а никак не в Лос-Анджелесе. Я набрал Лос-Анджелес и... выставил себя на посмешище.

Хилари насторожилась.

– Не понимаю. Тим что, солгал?

Лоренски смешался. Он встал со стула и начал мерить кабинет шагами, с угрюмо опущенной головой. Потом он произнес:

– Я доверяю Тиму Ларсону. Всегда доверял. Он замечательный парень, один из лучших, кого я знаю. Но у меня нет объяснения случившемуся.

– У него не было причин покрывать Фрая?

– Вы имеете в виду, не были ли они корешами? Нет. Ничего подобного. Между ними не было даже простого приятельства. Просто Тим работал на Фрая. Он терпеть не мог этого человека.

– Он сказал вам, что видел Бруно Фрая? – спросила Хилари.

– В то время у меня самого сложилось такое впечатление. Но потом Тим уточнил, что всего лишь связался с Фраем по телефону и решил, что этого достаточно. Вам, должно быть, известно – у Фрая был весьма специфический голос.

– Значит, Ларсон беседовал с кем-то, кто выдал себя за Фрая, имитируя его голос?

– Так считает сам Тим, – отозвался шериф. – Это его единственное оправдание. Но оно не выдерживает критики. Кто это мог быть? Почему выгораживал преступника? Где сейчас этот человек? Кроме того, хочу повторить, голос Бруно Фрая было не так-то легко подделать.

– И к какому же выводу вы пришли? – настаивала Хилари.

Лоренски покачал головой:

– Не знаю, что и думать. Вот уже неделю ломаю голову. Я склонен верить своему

подчиненному – но имею ли я право? Происходит что-то неладное – но что? Я был вынужден до поры до времени отстранить Тима от работы – без сохранения содержания.

Тони поглядел на Хилари, затем на шерифа.

– Когда мы вам все расскажем, думаю, что вы вернете Ларсону ваше доверие.

– И все-таки, – произнесла Хилари, – эта история по-прежнему кажется лишенной всякого смысла. Мы знаем гораздо больше вашего, мистер Лоренски, и то голова идет кругом.

И они рассказали шерифу Напы о том, что Бруно Фрай навестил Хилари во вторник перед рассветом – через пять дней после своей гибели.

* * *

Джошуа Райнхарт сидел у себя в офисе с бокалом «Джека Дэниэлса» в руке и перелистывал папку, переданную ему Рональдом Престоном. Помимо всего прочего, в ней имелись копии ежемесячных перечислений и чеков. У Джошуа было предчувствие, что изучение этих документов даст ему ключ к загадке. Недаром Бруно Фрай держал эти счета в глубокой тайне.

В течение первых трех с половиной лет после открытия счетов Бруно выписывал по два чека в месяц – ни больше и ни меньше, и всегда на одних и тех же лиц: Риту Янси и Лэтэма Готорна. Оба эти имени ничего не говорили Джошуа Райнхарту.

По неизвестной причине миссис Янси постоянно получала от Фрая пятьсот долларов в месяц. Все, что удалось узнать, это то, что миссис Янси живет в Холлистере, штат Калифорния.

В чеках на имя Лэтэма Готорна ни разу не повторялась одна и та же сумма: она варьировалась от двухсот до шести тысяч долларов. Готорн жил в Сан-Франциско, на его чеках стоял штамп: «Только для вкладов. Лэтэм Готорн, букинист и оккультист».

Последнее слово привлекло внимание адвоката, хотя он смутно представлял себе его значение. Толковый словарь дал определение оккультизма как веры в сверхъестественное, приверженности ритуалам и различным оккультным наукам, таким как астрология, хиромантия, черная и белая магия, демонология и сатанизм. Согласно словарю, оккультистом может называться и торгующий принадлежностями культа: колдовскими книгами, картами для гадания, предметами одежды, волшебными музыкальными инструментами, священными реликвиями, редкими травами, свечами и тому подобными вещами.

За пять лет, со дня смерти Кэтрин и до его собственной гибели, Бруно Фрай выплатил Лэтэму Готорну более ста тридцати тысяч долларов. Нигде не содержалось никаких указаний на характер оказанных им услуг.

Джошуа долил себе виски и стал читать дальше.

В последние полтора года к этим двоим присоединился еще один получатель – доктор Николас Радж из Сан-Франциско.

Джошуа позвонил в справочную службу, и ему дали все три телефона.

Дам положено пропускать вперед. Поэтому Джошуа начал с Риты Янси. Она ответила после второго сигнала:

– Алло?

– Миссис Янси?

– Да.

– Рита Янси?

– Верно. – У женщины был приятный, мелодичный голос. – Кто говорит?

– Мое имя Джошуа Райнхарт. Я звоню вам из Санта-Елены. Я душеприказчик покойного Бруно Фрая.

Молчание на другом конце провода.

– Миссис Янси?

– Вы хотите сказать, что он умер?

– А вы не знали?
– Откуда?
– Это было во всех газетах.
– Я не читаю газет. – Голос Риты Янси неузнаваемо изменился: теперь в нем преобладали жесткие, холодные ноты.
– Он погиб в прошлый четверг.
Женщина не прореагировала.
– С вами все в порядке? – забеспокоился Джошуа.
– Что вам от меня нужно?
– Будучи душеприказчиком, я обязан позаботиться об уплате долгов покойного, прежде чем его состояние перейдет в руки законных наследников.
– Ну и что?
– Я обнаружил, что мистер Фрай ежемесячно выплачивал вам по пятьсот долларов, и подумал: может быть, за ним числится долг?
Ему было слышно, как она дышит в трубку.
– Миссис Янси?
– Он мне ничего не должен.
– Значит, это не была задолженность?
– Нет, – отрезала она.
– Вы на него работали? В каком качестве?
Женщина заколебалась. И вдруг – щелк!
– Миссис Янси?
Ответа не было. Только далекое гудение. Джошуа снова набрал номер.
– Алло?
– Это я, миссис Янси. Похоже, нас разъединили.
Щелк!
Он хотел позвонить в третий раз, но понял, что она снова повесит трубку. Она явно нервничала. Очевидно, Рита Янси знала какой-то секрет Бруно и не собиралась открывать его Джошуа. Но она только раззадорила его любопытство.
Ему стало ясно, что каждый, с кем Бруно рассчитывался через банк в Сан-Франциско, мог пролить свет на тайну двойника. Только бы заставить их говорить! Возможно, тогда он быстро разделается с тяготившими его обязанностями.
Джошуа положил трубку и произнес вслух:
– Нет, Рита Янси, так просто вы от меня не отделаетесь.
Завтра же он слетает на «Сессне» в Холлистер и повидается с ней.
Джошуа набрал номер доктора Николаса Раджа. Того не оказалось дома, но автоответчик записал его сообщение и домашний и рабочий телефоны.
В третьем случае он уже не надеялся на удачу, однако Лэтэм Готорн мало того что сам снял трубку, но еще и оказался весьма словоохотливым джентльменом. Оккультист говорил слегка в нос, с еле заметным английским акцентом.
– Я продал ему уйму книг, – ответил он на вопрос Джошуа.
– И только?
– Он был постоянным покупателем.
– Но сто тридцать тысяч долларов?
– Разделите это на пять лет.
– И тем не менее...
– Видите ли, это большей частью редкие книги.
– А вы не хотели бы их выкупить? – спросил Джошуа, проверяя честность Готорна.
– Выкупить? Я был бы счастлив. Разумеется!
– За сколько?
– Трудно сказать не глядя.
– Но все-таки – сколько?

– Если книги подверглись порче: вырваны или заляпаны страницы и тому подобное, – тогда другое дело.

– Будем исходить из того, что они без единого пятнышка. Сколько бы вы дали?

– Если книги в том же состоянии, как тогда, когда я продал их мистеру Фраю, я готов предложить немного больше первоначальной цены. Такая литература пользуется большим спросом.

– Так сколько же? – настаивал Джошуа.

– Ну, если из коллекции не пропала ни одна книга и они все в хорошем состоянии... в районе двухсот тысяч.

– Вы бы выкупили их за цену, на семьдесят тысяч долларов превосходящую номинал?

– Примерно. Точно скажу, когда посмотрю книги.

– Неужели они настолько выросли в цене?

– Такие – да. Это сейчас самое модное течение.

– А что за течение? – поинтересовался Джошуа. – О чем эти книги?

– Вы их не видели?

– Кажется, они стоят на полках в его кабинете, – ответил Джошуа. – Просто я не представлял, что они какие-то особенные.

– Все эти книги, – начал объяснять Готорн, – имеют отношение к оккультизму. Среди них есть запрещенные церковью и правительством штата еще когда-то в старину, и с тех пор они не переиздавались. У меня более двухсот постоянных клиентов. Один джентльмен в Сан-Хосе собирает литературу только по индуистскому мистицизму, а одна дама из графства Марин стала обладательницей огромной библиотеки по сатанизму, включая дюжину малоизвестных изданий, существующих только на латыни...

– Неужели все ваши покупатели тратят на книги столько же, сколько мистер Фрай?

– Нет, разумеется. Таких наберется два или три человека. Но у меня есть несколько десятков клиентов, расходующих на эти цели около десяти тысяч в год.

– Невероятно! – воскликнул Джошуа.

– Почему? Этим людям кажется, будто они находятся на грани великого открытия – вот-вот откроют фундаментальные тайны бытия. Некоторые гонятся за бессмертием. Другие рассчитывают наткнуться на ритуал, который принесет им сказочное богатство или неограниченную власть над людьми. Это ли не веские мотивы? Если люди верят, что запретное знание даст им то, к чему они стремятся, они не останавливаются перед расходами.

Джошуа крутнулся в своем вертящемся кресле и посмотрел в окно. С запада находили низкие свинцовые тучи. Они уже нависли над горным хребтом Маякама и вот-вот начнут спускаться в долину.

– Скажите, а что именно в оккультизме привлекало мистера Фрая? – осторожно спросил Джошуа.

– Он придерживался узкой специализации – его интересовала возможность общения с усопшими. Спиритические сеансы, вертящиеся столики, потусторонние голоса, видения, призраки и все такое. Но больше всего его занимали ожившие мертвецы.

– Вампиры?

– Да. Вампиры, зомби и тому подобные существа. Он прямо-таки набрасывался на литературу такого рода. Конечно, это не значит, что он увлекался романами ужасов и дешевыми сенсациями. Его интересовали факты и толкования, понятные лишь посвященным.

– Например?

– Ну, например... если иметь в виду эзотерические категории... он заплатил шесть тысяч долларов за рукописный дневник Кристиана Марседена.

– Кто это? – любопытствовал Джошуа.

– Четырнадцать лет назад Марседен был арестован за убийство девяти человек в окрестностях Сан-Франциско. Пресса окрестила его Вампиром Золотых Ворот, потому что он

всегда высасывал кровь своих жертв и расчленял трупы.

– Вот как?

– Отрубал руки, ноги и головы.

– Ах да, помню. Ужасный случай.

Грязновато-серые тучи медленно, но верно надвигались на Санта-Елену.

– Весь тот год, когда он занимался убийствами, – продолжал Готорн, – Марсден вел дневник. Это поразительный документ! Он верил в то, что некий покойник по имени Адриан Тренч пытался воспользоваться его телом для возвращения с того света. Марсден вел постоянную изматывающую борьбу за контроль над собственной плотью.

– Должно быть, он считал, что убивает не он, а Адриан Тренч в его облике? – догадался Джошуа.

– Он писал об этом в своем дневнике, – подтвердил Готорн. – По каким-то своим причинам, которые он не хотел объяснить, Марсден верил, что для овладения его телом злой дух Адриана Тренча должен был пить человеческую кровь.

– Лихо закрученная история, призванная убедить присяжных в его невменяемости, – цинично заметил Джошуа.

– Марсдена действительно определили в сумасшедший дом, – сказал Готорн. – Там он и умер шесть лет спустя. Но он не прикидывался душевнобольным, чтобы избежать тюремного заключения. Он искренно считал, что дух Адриана Тренча старается изгнать его из его собственной телесной оболочки.

– То есть был шизофреником.

– Вероятно, – не стал спорить оккультист. – Однако нельзя полностью исключать и такую возможность: Марсден был в своем уме и описывал подлинные аномальные явления.

– Еще раз?

– Я допускаю, что Кристиан Марсден мог в действительности быть одержимым... кем или чем бы то ни было.

– Вы шутите? – спросил Джошуа.

– Если перефразировать Шекспира, – был ответ, – есть многое на земле и на небесах, чего мы не в силах объяснить.

Долина почти полностью утонула в осенних сумерках. Наблюдая в окно за агонизирующим днем, Джошуа задал следующий вопрос:

– Зачем мистеру Фраю понадобился дневник Марсдена?

– Ему казалось, будто с ним происходит нечто похожее.

– То есть Бруно полагал, что некий покойник норовит отнять у него тело?

– Нет, – ответил Готорн. – Он идентифицировал себя не с Марсденом, а с его жертвами. Мистер Фрай считал, что его мать – кажется, ее звали Кэтрин – воскресает из мертвых в чужой телесной оболочке и замышляет погубить его. Он рассчитывал, что дневник Марсдена даст ему ключ к пониманию того, как с ней бороться.

На Джошуа как будто вылили ушат холодной воды.

– Бруно никогда не говорил мне ничего подобного.

– Он держал это в тайне, – сказал оккультист. – Возможно, я единственный, кому он открылся, – по той причине, что я разделял его интерес к оккультизму. Да и то он только раз упомянул об этом. Он был одержим мыслью о том, что его мать регулярно встает из гроба, и смертельно боялся стать ее жертвой.

Джошуа выпрямился в кресле.

– Мистер Готорн, на прошлой неделе мистер Фрай пытался убить женщину в Лос-Анджелесе.

– Да, я знаю.

– Он покушался на нее, пребывая в уверенности, будто она и есть очередное воплощение матери.

– Правда? Как это интересно!

– Боже правый, сэр! Если вы представляли себе, что творится у него в голове, почему

вы ничего не предприняли?

Готорн остался невозмутимым.

– Что бы вы хотели, чтобы я предпринял?

– Ну, например, сообщили бы в полицию. Они провели бы с Фраем собеседование и, возможно, поняли бы, что он нуждается в помощи врача.

– Мистер Фрай не совершил никакого преступления, – возразил Готорн. – Кроме того, вот вы предполагаете, что он сошел с ума, а я так не считаю.

– Вы меня разыгрываете?

– Отнюдь. Возможно, мать мистера Фрая действительно воскресала из мертвых, чтобы разделаться с ним. Возможно, ей это удалось.

– Ради бога! Та женщина из Лос-Анджелеса не была его матерью!

– Возможно, – повторил Готорн. – А возможно, и была.

Сидя в удобном служебном кресле, Джошуа вдруг почувствовал, что теряет почву под ногами. Вначале Готорн показался ему образованным, хорошо воспитанным человеком, который видит в оккультизме источник средств к существованию. Теперь же он заподозрил, что его собеседник тоже со странностями.

– Мистер Готорн, вы умный человек, преуспевающий бизнесмен. Судя по всему, вы много читали, получили хорошее образование. Вы рассуждаете разумнее многих моих знакомых. Мне трудно поверить, что вы всерьез верите в мистику и ожившие трупы.

– Я ничего не отрицаю, – заявил его собеседник. – Мне кажется, моя готовность понять и принять несколько не удивительнее, нежели ваше огульное отрицание. Мне странно, что интеллигентный человек не принимает идею существования других миров, кроме нашего собственного; чтобы воспринять ее, необходимо выйти за рамки устоявшихся догм.

– Я допускаю, что мир полон тайн и мы познали только малую часть всего сущего, – согласился Джошуа. – Это не предмет спора. Я также полагаю, что с течением времени ученые найдут объяснение этим явлениям – путем лабораторных исследований, а не курения фимиама и бессмысленных заклинаний.

– У меня нет веры в ученых, – заявил Готорн. – Я сатанист и только в этом мировоззрении нахожу ответы на свои вопросы.

– Это что же, – удивился Джошуа, – обожествление дьявола?

– Ну, не совсем так. Я верю в Иного Бога, Князя Тьмы. Его время придет, мистер Райнхарт. – Готорн говорил все так же спокойно и благодушно, как будто они лишь слегка поспорили о погоде. – Я с нетерпением жду того дня, когда Он свергнет Христа и всяких прочих божков и один воцарится на Земле. Это будет великое торжество. Исповедующие другие религии будут казнены и обращены в рабство, обезглавленные трупы их жрецов – скормлены собакам. Монахинь будут насиловать прямо на улицах. Церкви, мечети, синагоги, храмы станут местами отправления Его культа. Каждый житель Земли будет славить Его и приносить Ему в жертву младенцев. И пребудет царство Вельзевула на Земле во веки веков. Его пришествие не за горами, мистер Райнхарт. Были знамения. Да, теперь уже скоро!

Джошуа оторопел. Несмотря на абсурдность того, что он говорил, Готорн производил впечатление разумного, здравомыслящего человека. Он не бесновался, не вопил и не изрыгал проклятия. В его голосе не было истерических нот, и это пугало Джошуа гораздо больше, чем если бы он рычал и брызгал слюной.

– Может, нам встретиться? – предложил Готорн. – Мне бы хотелось посмотреть книги. Когда вам удобно?

Джошуа отнюдь не горел желанием встречаться и вести дела с этим человеком. Лучше пусть коллекцию сначала посмотрят другие знатоки. Может, они смогут заплатить за книги такую же сумму.

– Мы еще вернемся к этому, – ответил он. – Сейчас на мне масса других, более срочных дел. Возможно, через несколько недель.

– Буду с нетерпением ждать звонка.

– Если можно, еще два небольших вопроса, – сказал Джошуа.

– Да?

– Мистер Фрай не рассказывал вам, почему он боялся матери?

– Уж не знаю, что она ему сделала, – ответил оккультист, – но он ненавидел ее всеми фибрами души. Я никогда еще не встречал такой лютой, звериной ненависти.

– Я знал их обоих, – Джошуа как бы размышлял вслух, – и ничего не видел. Наоборот, считал, что он боготворит ее.

– Значит, это была тайная ненависть, которую он много лет лелеял в тайниках сердца.

– Что же она могла сделать?

– Понятия не имею. Но за этим стояло что-то ужасное. Он даже не мог говорить об этом. Ваш второй вопрос?

– Бруно не упоминал о двойнике?

– Каком двойнике?

– О ком-то, кто мог выдать себя за него.

– Принимая во внимание его габариты и специфический голос, найти такого двойника было бы нелегким делом.

– Очевидно, ему все-таки удалось. Я пытаюсь выяснить, зачем ему это понадобилось.

– Почему бы вам не спросить самого двойника? Уж он-то знает, для чего его наняли.

– Я еще не разыскал его.

– Понимаю, – протянул Готорн. – Нет, мистер Фрай никогда не говорил о двойнике, но мне только что пришло в голову...

– Что?

– Может быть, это и есть та причина, по которой он хотел завести двойника.

– Какая же?

– Сбить с толку мать, когда она придет за ним с того света.

Джошуа вынужден был признать, что в гипотезе Готорна что-то есть.

– Ну что ж, – сказал он. – Спасибо за то, что уделили мне внимание.

– Не стоит. Так я жду вашего звонка.

Джошуа положил трубку и подошел к окну. Холодный, внезапно налетевший ветер заставлял дребезжать оконные рамы. Похоже, что в этом году осень быстро перейдет в зиму. Уже сейчас больше похоже на ненастный январь, чем на начало октября.

Теперь Лэтэм Готорн казался ему гигантским пауком. «Пришествие Вельзевула не за горами. Были знамения. Да, теперь уже скоро!»

В воздухе витала угроза.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Карен Фарр, его молодая, энергичная секретарша.

– Я думала, вы уже ушли, – удивился Джошуа, взглянув на часы. – Ваш рабочий день кончился час тому назад.

– Я задержалась с обеда – пришлось наверстывать.

– Работа – важнейшая часть жизни, дитя мое. Но не стоит посвящать ей все свое время. Ступайте домой. Завтра наверстаете.

– Да мне всего и осталось-то работы на десять минут, – возразила она. – И потом, к вам двое посетителей.

– Я ни с кем не договаривался.

– Они из Лос-Анджелеса. Лейтенант Клеменца и Хилари Томас. Та самая...

– Знаю, знаю, – перебил Джошуа. – Скорее зовите их!

Он устремился навстречу своим гостям. Последовали неловкие представления, потом Джошуа усадил их рядышком на диван, предложил прохладительные напитки, плеснул в бокалы немного «Джека Дэниэлса» и сам устроился в кресле напротив них.

У Тони Клеменца был располагающий вид. Уверенный и деловитый молодой человек.

Хилари Томас излучала достоинство и независимость. И, конечно, была очаровательна.

С минуту никто не отваживался начать. Наконец Джошуа не выдержал:

– Я никогда не верил в телепатию, но сейчас рискну попробовать. Вы приехали не только затем, чтобы поговорить о том, что случилось на прошлой неделе. Не правда ли?

Случилось что-нибудь еще?

– И очень многое, – подтвердил Тони. – Такое, что не лезет ни в какие ворота.

– Нам посоветовал обратиться к вам шериф Лоренски, – добавила Хилари. – Может быть, вы прольете свет на эту загадку.

– Я сам – в поисках разгадки, – возразил Джошуа.

Хилари вскинула голову и с любопытством посмотрела на него.

– Я тоже немного телепат. У вас здесь тоже возникли проблемы?

Джошуа сделал глоток виски.

– Будь я суеверен, я сказал бы, что... среди живых бродят покойники.

Снаружи умер последний луч света; угольно-черная ночь поглотила долину. Пронизывающий ветер искал в оконных рамах щели, свистел и постанывал. Но в кабинете Джошуа стало по-новому тепло: его и Тони с Хилари согрела взаимная симпатия, а также общий интерес к загадке Бруно Фрая.

* * *

Бруно Фрай проспал на заднем сиденье темно-синего «Доджа» до одиннадцати часов утра и, как обычно, проснулся от кошмара, под аккомпанемент грозных и непонятных шорохов.

Какое-то время он неподвижно сидел в душном, плохо освещенном грузовом отсеке, обхватив руками плечи, ощущая себя бесконечно одиноким, брошенным и во власти страха. В конце концов он не выдержал и расплакался.

«Я умер, – думал он. – Умер. Мерзкая, поганая сука выпустила из меня кишки».

Постепенно он перестал плакать, и эту мысль вытеснили другие.

«Если я умер, то как же я здесь сижу? Можно ли быть живым и мертвым в одно и то же время?»

Он обеими руками схватился за живот. Там не было ни ножевых ран, ни шрамов.

Мысли Бруно внезапно прояснились, как будто со дна сознания поднялся серый туман, и на короткое время действительность предстала перед ним такой, какая есть. Он начал спрашивать себя: да правда ли, что Кэтрин восстала из мертвых? Что, если Хилари Томас – всего только Хилари Томас и никакая не Кэтрин Энн Фрай, а его замысел – чистейшее безумие? А все прочие женщины, убитые им на протяжении пяти лет, – были ли они новыми воплощениями Кэтрин или обыкновенными, ни в чем не повинными женщинами?

Бруно сидел на полу фургона, оглушенный своими мыслями, в полной растерянности перед этим новым взглядом на жизнь.

И эти жуткие шорохи, наполнявшие собой его сны...

Он вдруг понял, что если хорошо сосредоточиться и порыться в воспоминаниях детства, можно будет отыскать ответ. Из глубины памяти всплыла тяжелая двойная дубовая дверь в полу. Он увидел, как Кэтрин отпирает обе двери и сталкивает его в открывшийся люк, а затем захлопывает и запирает двери. Вспомнил ступеньки, ведущие куда-то вниз, под землю...

Нет!

Бруно зажал руками уши, чтобы не слышать знакомый шум, наводивший на него ужас. По всему телу струился пот. Он весь дрожал.

– Нет! – прошептал он. – Нет, нет, нет!

Сколько Бруно помнил себя, он стремился вспомнить, что это за шорохи: надеялся, что, вспомнив, освободится от них, изгонит их из своих снов. Но сейчас, на грани открытия тайны, он вдруг осознал, что действительность может оказаться еще ужаснее. И отверг возможное разоблачение.

Фургон снова наполнили шипящие и свистящие звуки; омерзительные неведомые существа ползали по его телу, взбирались по спине и груди, пытались добраться до лица, проникнуть сквозь стиснутые губы и зубы в рот, заползти в ноздри. Бруно катался по полу,

сильясь стряхнуть их с себя или раздавить.

Все же в фургоне оказалось достаточно света, чтобы галлюцинации понемногу рассеялись. Шорохи смолкли. По нему больше никто не ползал. Бруно вскочил на ноги.

Пора отправляться на поиски. Мерзкая ведьма прячется где-то в городе и подстерегает его.

Краткий миг незамутненного сознания остался позади. Бруно забыл недавние сомнения; к нему вернулась уверенность в том, что Кэтрин вернулась с того света и ее необходимо остановить.

После ленча на скорую руку он двинул в Вествуд. Там он припарковал машину на соседней улице, забрался на заднее сиденье и стал наблюдать сквозь узкую щель.

Возле самого ее дома стоял другой фургон – белый, в голубую и золотисто-желтую полосу, с надписью: «Услуги на дому. Уборка, мытье окон, обслуживание званных вечеров».

В коттедже трудились три женщины. Они постоянно курсировали между домом и фургоном – выносили пластиковые мешки с мусором и обломки мебели, переносили пылесосы.

Хилари Томас нигде не было видно; Бруно понял, что она сбежала и не вернется, пока не почувствует себя в безопасности. То есть пока не удостоверится, что он мертв.

«Нет уж, – думал он, – если кто-то и умрет, так это ты. Слышишь, ведьма? Сначала я сам доберусь до тебя. Наколю тебя, поганая сука. Отрублю твою смердящую голову».

В пять часов уборщицы вынесли оборудование и погрузили в фургон. Они заперли двери и уехали. Бруно последовал за ними. Это была единственная ниточка, которая вела к Хилари Томас, нанявшей этих женщин. Они должны знать, где она скрывается. Если ему удастся очутиться с одной из них наедине и заставить говорить, он узнает местонахождение Кэтрин.

Полосатый фургон остановился перед одноэтажным оштукатуренным строением на одной из боковых улочек в полуквартале от Пико. Фрай проследил за тем, как три женщины, убиравшие квартиру Хилари Томас, вошли в здание, и приготовился ждать.

Минут через десять появилась одна из них – молодая девушка лет двадцати, с длинными, до самого пояса, каштановыми волосами. Она шла, гордо вскинув голову и расправив плечи, упругой, пружинистой походкой; ветер развеивал юбку ее форменного платья, и тогда Фраю становились видны ямочки на коленях. Девушка села в ярко-желтый «Датсун» и тронулась с места.

Фрай немного поколебался, не зная, которой из трех больше известно о Хилари Томас, но все-таки последовал за ней.

Она жила в Калвер-сити, в нескольких кварталах от киностудии «МГМ», в старом, но очень красивом бунгало, окруженном такими же небольшими домиками. Некоторые из них явно нуждались в капитальном ремонте. Другие как будто гордились тем, что их недавно покрасили, и радовали взор разноцветными ставнями, аккуратными маленькими верандами, чисто вымытыми стеклянными дверями и черепичной крышей. Район был небогатый, но весьма живописный.

В доме было темно. Девушка вошла внутрь и включила свет.

Бруно поставил свой «Додж» через улицу наискосок, там тень от деревьев была погуще. Погасил фары, выключил двигатель. На улице было очень тихо, только осенний ветер шелестел листвой да откуда-то доносилась музыка в стиле свинга. Бруно узнал популярную в сороковые годы мелодию Бенни Гудмена. Он сидел за рулем и ждал своего часа.

К шести сорока Фрай пришел к заключению, что у молодой женщины скорее всего нет мужа или любовника. По крайней мере, такого, который бы жил вместе с ней. Иначе он бы уже давно вернулся с работы.

Фрай дал ей еще пять минут.

Без четверти семь он вылез из «Доджа» и, перейдя через улицу, приблизился к ее бунгало. Поднялся на веранду. Скрипнули доски. Он позвонил в колокольчик. Девушка

приоткрыла дверь и, неуверенно улыбнувшись, спросила:

– Что вы хотите?

Она не сняла с двери цепочку – более тяжелую и прочную, чем те, которые Бруно доводилось видеть до сих пор, но далеко не столь надежную, как, должно быть, рассчитывала хозяйка коттеджа. И не такой силач, как Бруно Фрай, мог бы запросто одолеть это смехотворное препятствие. Стоило Бруно надавить плечом, как дверь распахнулась, сбив молодую женщину с ног; порванная цепочка только жалобно звякнула. Бруно одним прыжком очутился внутри и захлопнул дверь, уверенный, что никто на улице ничего не заметил.

На девушке все еще была белая форменная одежда. Юбка задралась, обнажив бедра и красивые, стройные ноги. Бруно опустился на одно колено и наклонился над ней. Она была ошеломлена и плохо соображала. Он приставил ей к горлу нож.

– Цыкнешь – пеняй на себя. Ясно?

Растерянность сменилась ужасом; девушка задрожала, в глазах стояли слезы. Бруно слегка нажал на лезвие; появилась капелька крови. Девушка заморгала.

– Только попробуй закричать, – свирепо предупредил Фрай. – Слышишь?

Она сделала над собой усилие.

– Хорошо.

– Будешь паинькой?

– Прошу вас, не делайте мне больно.

– Я и не собираюсь. Будешь хорошо себя вести и помогать, я тебе ничего не сделаю.

Попытаешься крикнуть или сбежать – разорву на части. Поняла?

– Да, – еле слышно вымолвила она.

– Будешь слушаться?

– Да.

– Ты живешь одна?

– Да.

– Муж есть?

– Нет.

– Приятель?

– Он живет в другом месте.

– Сегодня ждешь его?

– Нет.

– Врешь?

– Клянусь, это правда.

– Только попробуй меня обмануть, – пригрозил Фрай. – Изуродую так, что родная мать не узнает.

Он приставил клинок к ее щеке. Девушка вздрогнула и закрыла глаза.

– Как тебя зовут?

– Салли.

– О'кей, Салли. Я хочу задать тебе несколько вопросов, но не здесь.

Девушка открыла глаза. Из них покатились слезы. Она проглотила комок.

– Что вам нужно?

– Задать тебе несколько вопросов насчет Кэтрин.

Она наморщила лоб.

– Я не знаю никакой Кэтрин.

– Знаешь – под именем Хилари Томас.

Она еще больше наморщила лоб.

– Хозяйка коттеджа в Вествуде?

– Сегодня ты делала у нее уборку.

– Но я ее никогда не видела.

– Это мы еще проверим.

– Это правда. Мне ничего не известно.
– Может быть, ты знаешь больше, чем тебе кажется.
– Нет, правда!
– Послушай. – Он через силу выдавил из себя улыбку и постарался придать голосу добродушную интонацию. – Давай перейдем в спальню: там удобнее.

Салли затряслась, словно в приступе эпилепсии.

– Вы хотите меня изнасиловать?

– Да нет же.

– Да, да, да!

Фраю стоило огромного труда сдержаться. Он злился на эту идиотку за то, что она смеет ему перечить. Не хочет переходить в спальню. Жаль, что нельзя пырнуть ее ножом и вырвать информацию. Ему необходимо знать, где скрывается Хилари Томас. Фрай смекнул, что лучше всего обращаться с девушкой, как с куском толстой проволоки: гнуть то в одну, то в другую сторону, пока не сломается. Чередовать угрозы с лестью. Ему и в голову не пришло, что она может добровольно сообщить то, что ему нужно. По логике Фрая, ее наняла Хилари Томас, то есть Кэтрин, и, стало быть, она – участница направленного против него заговора. Не безучастный свидетель, а прислужница Кэтрин, ее шпионка – может быть, даже сама – оживший труп. Она не выдаст свою хозяйку – только если он принудит ее.

– Я не собираюсь тебя насиловать. Обещаю. Но хочу, чтобы во время допроса ты лежала: так труднее сбежать. А раз тебе все равно суждено лежать на спине, лучше делать это не на жестком полу, а на удобной кровати. Я забочусь только о твоём удобстве, Салли.

– Мне и здесь удобно, – нервно пробормотала она.

– Не будь душой. Кроме того, если кто-нибудь взойдет на крыльцо, он может услышать шум и заподозрить неладное. В спальне куда спокойнее. Ну-ка, вставай, живо!

Девушка подчинилась и встала на ноги. Фрай приставил ей к шее нож, и они пошли в спальню.

* * *

Хилари была не большой любительницей спиртного, но сейчас ее радовала возможность выпить бокал виски в обществе Тони и Джошуа Райнхарта. Адвокат рассказал им о деньгах, снятых со счетов Фрая в Первом Тихоокеанском объединенном банке, о загадочном письме, извлеченном из сейфа, и поделился своими сомнениями относительно того, что они похоронили настоящего Бруно Фрая.

– Вы подумываете об эксгумации трупа? – поинтересовался Тони.

– Пока еще нет. Сначала я хочу проверить еще парочку дел. Если они пойдут успешно, возможно, эксгумация и не понадобится.

Он поведал им о Рите Янси из Холлистера и докторе Николасе Радже из Сан-Франциско и передал свой разговор с Лэтэмом Роторном.

Хилари зябко пожала плечами.

– Можно подумать, что этот Готорн и сам недалеко ушел от Фрая.

Джошуа вздохнул.

– Если сажать в сумасшедший дом всех, у кого есть отклонения, скоро на земле никого не останется.

Тони наклонился поближе к нему.

– Вы поверили Готорну, что он не знает о двойнике?

– Да, – убежденно ответил Джошуа. – Как ни странно, поверил. Он, конечно, помешан на сатанизме и безупречен в моральном отношении, может быть, даже опасен, но, по крайней мере, я верю в его искренность. Возможно, Рита Янси или доктор Радж дадут более ценную информацию. Ну, и довольно об этом. Теперь мне бы хотелось послушать вас. Что стряслось в Лос-Анджелесе? Зачем вам понадобилось мчаться в Санта-Елену?

Хилари и Тони по очереди ввели Джошуа в курс дела. Когда они закончили, он бросил

на девушку пытливым взглядом и сказал:

– Вы чертовски храбрая юная леди.

– Вот уж нет, – запротестовала она. – Я до смерти напугана. В последнее время не чувствую ничего, кроме страха.

– Бояться – еще не значит быть трусом, – возразил Джошуа. – В основе храбрости всегда лежит страх. Единственная разница между смельчаком и трусом та, что трус поднимает лапки кверху, а смельчак борется и в конце концов побеждает. Будь вы трусиха, вы сбежали бы на месячишко куда-нибудь на Гавайи или в Европу и предоставили все времени. А вы рванули сюда, на родину Бруно Фрая, можно сказать, в самое пекло, где подвергаетесь не меньшей, а, может быть, гораздо большей опасности, чем в Лос-Анджелесе. Я человек скептического склада ума и не особенно склонен к пафосу, но вами я восхищаюсь.

Хилари вспыхнула и опустила глаза.

– Если бы я была смелой, я осталась бы в городе и устроила ему ловушку, с собой в качестве приманки. Здесь мне вряд ли что-либо угрожает. Фрай уверен, что я в Лос-Анджелесе. Откуда ему знать, где я?

* * *

Спальня. Салли лежала на кровати и полными слез глазами следила за бандитом. Фрай обследовал комнату, заглянул в ящики шкафов и наконец вернулся к ней.

У нее была стройная и очень хрупкая шея с алым пятнышком крови.

Девушка проследила за его взглядом и дотронулась до ранки.

– Не беспокойся, – сказал Фрай. – Это всего лишь царапина.

В спальне, расположенной в задней части бунгало, преобладали цвета земли. Три стены были выкрашены в бежевый цвет, а четвертая обтянута грубой тканью наподобие мешковины. На покрывалах и портьерах цвета кофе с молоком – абстрактные узоры. Полированная мебель красного дерева слегка мерцала в мягком свете бра.

Салли лежала на спине – ноги вместе, руки по бокам. На ней по-прежнему было белое форменное платье; она натянула юбку на колени. Длинные каштановые волосы разметались по подушке.

Бруно сел на край кровати.

– Где Кэтрин?

Девушка моргнула, чтобы смахнуть слезы, но вслед за ними тут же набежали новые. Он повторил вопрос:

– Где сейчас Кэтрин?

– Я же сказала, что не знаю никого по имени Кэтрин, – плачущим голосом произнесла она. У нее слегка подрагивала пухлая нижняя губка.

– Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, – рассвирепел Фрай. – Нечего играть со мной в кошки-мышки. Сейчас она носит имя Хилари Томас.

– Прошу вас... пожалуйста, отпустите меня!

Он поднес острие ножа к ее правому глазу, направив его прямо на зрачок.

– Где Хилари Томас?

– Господи, – всхлипнула девушка. – Послушайте, мистер, здесь какое-то недоразумение. Вы очень ошибаетесь.

– Хочешь остаться без глаза?

– Я не знаю, где она! – с отчаянием в голосе выкрикнула Салли.

– Не ври!

– Клянусь вам, я не лгу.

Он смерил ее пристальным взглядом. Над верхней губой, так же, как у корней волос, выступил пот. Фрай отвел нож в сторону. Она испытала облегчение.

В следующую секунду Фрай яростно ударил Салли по лицу, так что у нее лязгнули зубы и закатились глаза.

– Сука!
Девушка разрыдалась.
– Ты работаешь на нее. Значит, должна знать, где она прячется.
– Мы часто делаем у нее уборку. В этот раз она позвонила, как обычно, и вызвала бригаду. Не сказала, куда уезжает.
– Когда вы приехали, она была дома?
– Нет.
– Как же вы вошли?
– Что?
– Кто вам дал ключ?
– Кто? Ах да. Ее агент. Литературный агент. Мы заезжали к нему в контору.
– Где это?
– Беверли-Хиллз. Вам нужно поговорить с ее агентом.
– Как его зовут?
Девушка замялась.
– Какое-то смешное имя. Не могу вспомнить.
Он снова приставил ей к глазу нож.
– Топелис, – выдохнула она.
Фрай убрал нож. В его мозгу зашевелилось какое-то воспоминание. Сначала он испытывал сомнения, но они быстро сменились решимостью.
– У тебя темные волосы. И очень темные глаза...
– Ну и что? – Девушка уже немного успокоилась, но теперь снова запаниковала.
– Точно такие же, как у нее.
– Я не понимаю, чего вы хотите. Мне страшно.
– Ты думаешь, что можешь меня провести? Направить по ложному следу? Меня отправить к Топелису, а самой удрать?
– Топелис знает, где ее искать. А я – нет. Мне нечего вам сказать.
– Я сам знаю, где она, – заявил Бруно.
– А если знаете, может быть, вы меня отпустите?
Фрай расхохотался.
– Поменялись телами, да?
Салли уставилась на него.
– Что вы сказали?
– Ты вылезла из тела Хилари Томас и вселилась в эту девушку, не правда ли?
Она перестала плакать. Страх оказался так велик, что слез как не бывало.
Сука. Поганая сука.
– Так ты всерьез рассчитывала обвести меня вокруг пальца? Решила, что я тебя не узнаю – после всего, что ты мне сделала?
Салли начала заикаться.
– Я в-вам н-ничего не сд-делала. Вы г-говорите странные в-вещи. Господи! Господи Иисусе! Что вам от меня нужно?
Бруно нагнулся так, что их лица почти соприкоснулись, впился в девушку взглядом и прошипел:
– Ты здесь, да? Спряталась от меня? Да, мама? Но я все вижу! Наконец-то я нашел тебя!

* * *

По стеклу кабинета Джошуа Райнхарта стекали крупные дождевые капли. Глухо стонал ветер.
– Я все же не понимаю, почему Фрай выбрал меня, – сказала Хилари. – Когда я приезжала сюда собирать материал для сценария, он держался вполне корректно и даже дружелюбно. Ответил на все мои вопросы насчет виноделия. Мы провели вместе два или три

часа, и я не заметила в нем ничего особенного. Обыкновенный бизнесмен. И вдруг через несколько недель он является ко мне домой с ножом и, судя по тому письму, принимает меня за свою мать. Почему именно меня?

Джошуа поерзал в кресле.

– Вот сейчас я смотрел на вас и думал...

– Что?

– Может, он выбрал вас потому, что вы... немного похожи на Кэтрин.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что мы имеем дело еще с одним двойником? – пошутил Тони.

– Нет-нет. Это еле уловимое сходство.

– Слава богу. Еще одного воскресшего мертвеца я бы не вынес.

Джошуа встал, подошел к Хилари и, легонько приподняв за подбородок ее лицо, повернул его сначала влево, а затем вправо.

– Разрез глаз, волосы, цвет лица... Да, сходство есть, хотя временами оно исчезает. Кроме того, Кэтрин была далеко не так красива, как вы.

Джошуа отпустил Хилари, и она подошла к письменному столу. Рассеянно окинула взглядом канцелярские принадлежности: пресс-папье, зажим для бумаги, нож для вскрытия конвертов. Тони зорко следил за ней.

– Что-нибудь случилось?

Хилари повернулась лицом к обоим мужчинам:

– Давайте подведем итоги. Мне хочется кое-что проверить.

– Мы все в этом нуждаемся, – сказал Джошуа, возвращаясь к своему креслу. – Эта история чертовски запутана – никак не удастся выстроить цепочку.

– Кажется, я добавлю еще одну заковыку, – сказала Хилари.

– Давай, – ободрил Тони.

– Насколько я могла понять, – начала Хилари, – вскоре после смерти матери у Бруно появилась идея фикс, будто она приходит к нему из могилы. На протяжении всех пяти лет он скупал у Лэтэма Готорна книги о выходах с того света. Целых пять лет его мучил страх перед Кэтрин. Потом он вдруг увидел меня и решил, что я – Кэтрин в другой телесной оболочке. Почему же он столько ждал?

– Что-то я не улавливаю, – признался Джошуа.

– Почему Фраю понадобилось ждать целых пять лет, чтобы наконец облечь свои страхи в мою плоть и кровь?

Адвокат пожал плечами:

– Он же душевнобольной. Трудно ожидать от него логики в поступках.

В отличие от Джошуа Тони уловил тайный смысл ее вопроса и нахмурился.

– Кажется, я понял, что ты имеешь в виду. Господи, Хилари, у меня просто мороз по коже.

Джошуа перевел растерянный взгляд с одного на другую.

– Должно быть, я к старости стал медленно соображать. Может, вы все-таки объясните старику, в чем дело?

– Что, если я – не первая женщина, которую Фрай принял за свою мать? – ответила Хилари. – Если он убивал и до встречи со мной?

Джошуа вытаращил глаза.

– Не может быть!

– Почему?

– Мы бы знали... Его бы давно разоблачили.

– Не обязательно, – возразил Тони. – Одержимые манией убийства бывают очень осторожны и изобретательны. Некоторые разрабатывают скрупулезнейшие планы, но теряются, когда события начинают развиваться не по сценарию.

Джошуа запустил пятерню в пышную белоснежную гриву.

– Но если он умерщвлял и других женщин – где же трупы?

– Только не в Санта-Елене, – ответила Хилари. – Он маньяк – и в то же время уважаемый гражданин. Когда Фрай находился в кругу знакомых, доктор Джекил брал в нем верх над мистером Хайдом. Я уверена: он уезжал убивать в другие места, подальше от долины.

– Например, в Сан-Франциско, – предположил Тони. – Кажется, он часто туда наведывался.

– Это мог быть любой город на севере штата, – добавила Хилари.

– Погодите, – попросил Джошуа. – Всего одну минуточку! Допустим, Бруно куда-то уезжал и там встречал женщин, чем-то напоминающих его мать; допустим, он убивал их – должны же были остаться трупы? Полиция должна была усмотреть во всех этих случаях один и тот же почерк. Почему же она не искала современного Джека-Потрошителя? Почему мы ничего об этом не слышали?

– Если убийства совершались в течение пяти лет в разных городах и даже в разных графствах, полиция могла и не связать их между собой, – пояснил Тони. – Калифорния – очень большой штат. Сотни тысяч квадратных миль. Многие сотни полицейских участков. А обмен информацией поставлен далеко не так хорошо, как хотелось бы.

Хилари вновь заняла свое место на диване.

– Возможно, на его счету уже множество – две, шесть, десять, пятнадцать – смертей, и я – первая жертва, оказавшая серьезное сопротивление.

– Не «возможно», а в высшей степени вероятно, – поправил Тони. – Думаю, мы можем принять это предположение за основу. – Он взял со стола изъятые из сейфа письмо и перечитал фразу: «Моя мать, Кэтрин Энн Фрай, скончалась пять лет назад, но продолжает приходить ко мне в новых обликах...»

– «Обликах», – эхом повторила Хилари. – Множественное число. По-видимому, можно смело заключить, что он неоднократно убивал ее.

Лицо адвоката приняло пепельно-серый оттенок.

– Выходит, я... все мы, жители Санта-Елены, жили много лет бок о бок со страшным злодеем, просто чудовищем – и не замечали этого!

Тони помрачнел.

– «Исчадие ада ходит среди нас в человеческом облике...»

– Откуда это? – поинтересовался Джошуа.

– У меня не память, а склад ненужных вещей. Все, что туда попадает, остается навсегда. Эти строки остались от школьных уроков Закона Божьего, они из писания какого-то святого – не припомню, кого именно.

– Вы напомнили мне Лэтэма Готорна. – Джошуа зябко повел плечами.

За окном завывал ветер.

* * *

Фрай положил нож на ночную тумбочку, вне досягаемости для Салли, и внезапно рванул ее фирменное платье, так что полетели пуговицы. Парализованная страхом девушка была не в состоянии пошевелиться.

Он ухмыльнулся.

– Ну вот, мама. Я до тебя добрался.

Под платьем оказались бюстгальтер, трусики и колготки. Фрай рванул лифчик; лопнули бретельки, затрещала материя.

У Салли были довольно большие груди с темными сосками. Фрай грубо стиснул их руками.

– Да, да, да, да! – Это слово в его устах приобрело значение жуткого заклинания.

Он сдернул с нее туфли – правую, а затем левую – и отшвырнул в сторону. Одна угодила в трюмо: посыпались осколки. Этот звук вывел Салли из транса. Она попыталась вырваться и убежать, но силы покинули ее, и Фраю не составило труда подавить эту жалкую

попытку бунта. Он снова с размаху ударил ее по лицу, так что у девушки открылся рот и помутились зрачки. Из рта побежала тоненькая струйка крови.

– Грязная шлюха! – заорал Фрай. – Не ты ли заявляла, что у меня не должно быть секса? Никогда, да? Мол, нельзя, чтобы какая-нибудь баба узнала, кто я такой. Ну, так ты и так это знаешь, мамуля! Знаешь все мои тайны. От тебя мне не нужно таиться, ты знаешь, что мой хрен – не такой, как у других мужчин. Знаешь, кем был мой отец. Мне нет нужды прятать от тебя мой клинок – наоборот, я всажу его в тебя! Глубоко-глубоко! Слышишь?

Девушка рыдала; ее голова металась по подушке.

– О нет, нет! Господи!

Потом у нее вдруг прояснилось в голове; она устремила на него напряженный взгляд, и он снова узнал в ней Кэтрин.

– Послушайте, – пролепетала она. – Пожалуйста, выслушайте меня! Вы больны. Вы очень больной человек. У вас все перепуталось в голове. Вам нужно лечиться.

– Заткнись, заткнись, заткнись!

Он начал что есть силы хлестать ее по щекам, и каждый удар, и каждый ее всхлип, и то, как побагровело и распухло ее лицо, – все лишь усиливало его возбуждение, а затравленный взгляд жертвы и вовсе довел Фрая до белого каления. Он весь дрожал от похоти и тяжело дышал, как бык; рот заполнила слюна, и ему приходилось ежесекундно сглатывать ее. Он мял, тискал, гладил прекрасные женские груди. Девушка провалилась в тяжелое полузабытье и лежала неподвижная, но не расслабленная.

С одной стороны, Бруно всем своим существом ненавидел ее; ему не было дела до ее боли: наоборот, он испытывал потребность мучить ее. Она заплатит за все причиненные ему страдания, даже за то, что произвела его на свет. А с другой – ему было стыдно касаться грудей своей матери, стыдно ввести в нее пенис. Поэтому, терзая девушку, он как бы уговаривал – себя, а не ее:

– Ты говорила, что, если я когда-нибудь займусь любовью с женщиной, она сразу поймет, что я – не человек, и вызовет полицию, и они упрячут меня в тюрьму, а потом сожгут на костре, потому что догадаются, кто мой отец. Но ты-то знаешь! Для тебя, мамочка, это никакая не тайна. Так что я могу смело проткнуть тебя. Всадить в тебя мой штык – и никто не сожжет меня заживо.

При жизни Кэтрин Бруно не мог и помыслить о такой мести. Мать полностью поработила его. Но к тому времени, как она впервые явилась с того света в новом теле, он успел изведать вкус свободы и был полон новых, дерзких замыслов. Ему стало ясно, что либо он убьет ее и таким образом не позволит ей вновь распоряжаться его жизнью, либо она утащит его за собой в могилу. Он также сообразил, что может безнаказанно, не опасаясь разоблачения, овладеть ею. Она и без того знала, что он – сын Дьявола, гнусное отродье, потому что когда-то этот враг человечества изнасиловал ее и она забеременела. Все время, пока Кэтрин ждала ребенка, она всячески затягивалась и надевала железные обручи, чтобы скрыть свое состояние. А когда пришло время родить, уехала в Сан-Франциско, чтобы сделать это под присмотром опытной акушерки, которой хорошо заплатят за молчание. Перед отъездом она растрезвонила по всей Санта-Елене, что собирается взять на воспитание внебрачное дитя своей умирающей подруги, чьим последним желанием было, чтобы Кэтрин воспитала ее ребенка.

Потом Кэтрин жила в постоянном страхе, что кто-то узнает, что Бруно – ее собственное дитя, а его отец – Владыка Ада. На его демоническое происхождение в первую очередь указывал пенис огромных размеров – у людей таких не бывает. Она без устали повторяла, что он должен всячески прятать его, иначе его схватят и сожгут на костре. Вбивала это ему в голову, еще когда он был слишком мал, чтобы знать, что такое пенис. Так, благодаря прихотливому стечению обстоятельств, мать стала для Бруно одновременно благословением и проклятием. Проклятием потому, что упорно возвращалась с того света, чтобы проверить, правильно ли он ведет себя. Но также благословением, потому что, если бы не эти возвращения, в кого бы он мог разряжаться, исторгая из себя кипящую лаву семенной

жидкости? Если бы не она, он был бы обречен на воздержание. Он с ужасом ждал каждой новой реинкарнации и в то же время сгорал от нетерпения, предвкушая очередное слияние с женщиной.

Бруно перевел взгляд с роскошных грудей Салли на черный треугольник внизу живота, просвечивающий через трусики желтого цвета; при этом его пенис разбух, угрожая взорваться. То было проявлением нечеловеческого начала, его звериной сущности.

Он вцепился когтями в колготки и стащил их с прекрасных ног Салли-Кэтрин. Грубо раздвинул бедра и неуклюже заерзал, пристраиваясь у нее между ног. Девушка на мгновение пришла в себя и попыталась освободиться, но он как нечего делать уложил ее обратно. Тогда она забарабанила по нему кулаками, но он почти не почувствовал. Салли вонзила острые ногти ему в лицо, норовя выцарапать глаза. Фрай отстранился и с размаху брякнулся на нее, вцепившись одной рукой ей в горло. Он чуть не задушил ее.

* * *

Джошуа Райнхарт вымыл в раковине три бокала из-под виски и сказал своим молодым друзьям:

– Для вас эта история значит гораздо больше, чем для меня. Вот я и подумал: почему бы вам не слетать вместе со мной в Холлистер, к этой Рите Янси?

– Я втайне надеялась, что вы нас пригласите, – призналась Хилари.

– Похоже на то, – подхватил Тони, – что здесь нам сейчас нечего делать.

Джошуа вытер руки посудным полотенцем.

– Значит, решено. Вы уже заказали номер в гостинице?

– Не успели.

– Тогда добро пожаловать в мою холостяцкую берлогу, – предложил Джошуа.

Хилари дружелюбно улыбнулась.

– Вы очень добры, но нам бы не хотелось быть вам в тягость.

– Вы и не будете.

– Вы не рассчитывали на наш приезд и...

– Юная леди, – нетерпеливо произнес адвокат, – знаете, как долго у меня не было гостей? Более трех лет. А почему? Потому что я их не приглашал. Я вообще-то нелюдим и не сыплю приглашениями направо и налево. Если бы я думал, что вы с Тони способны стать для меня обузой, я бы ни за что не пригласил вас. Так что давайте не будем тратить время на бесплодный обмен любезностями. Вам нужен ночлег. Я могу предоставить его вам. Так что, едем?

Молодые люди рассмеялись.

– Спасибо, – сказала Хилари. – Мы правда очень рады.

– Вот и отлично.

– Мне нравится ваш стиль поведения, – добавила девушка.

– Многие считают меня старым занудой.

– Очень симпатичным занудой.

Лицо Джошуа осветилось улыбкой.

– Благодарю вас. Это следовало бы выгравировать на моей могильной плите: «Здесь покойся Джошуа Райнхарт, симпатичный старый зануда».

Они уже выходили из кабинета, как вдруг зазвонил телефон, и Джошуа вернулся к столу, чтобы снять трубку. Звонил доктор Николас Радж из Сан-Франциско.

* * *

Бруно лежал, всем телом навалившись на девушку, пригвоздив ее к матрасу, одной мускулистой рукой сжимая ей горло. Она хватала ртом воздух. Лицо Салли побагровело от агонии. Это безумно возбуждало его.

– Не дергайся, мамуля. Зачем ты так? Ведь ты понимаешь, что сопротивление бесполезно. В конце концов победа будет за мной.

Девушке стало ясно, что ей не вырваться, и она сломалась. Теперь под Бруно лежал безвольный мешок костей и мяса.

Убедившись, что она сдалась душой и телом, Бруно убрал руку с ее поцарапанного горла, слез с кровати и в мгновение ока разоблачился, швырнув одежду на комод.

Полюбовался своей эрекцией. Ее стальной твердостью. Размерами. Угрожающим оттенком.

И снова залез на кровать. Салли бессмысленно глядела в потолок. Он сорвал ее последний оплот – трусики – и пристроился у нее между ногами. Из рта капала слюна – прямо на ее прекрасные груди.

Фрай ворвался в нее. Всадил в женщину свой дьявольский знак. Рыча, точно дикий зверь, вновь и вновь насаживал ее на себя, колотл своим гигантским штыком, пока не хлынула сперма.

Бруно представил себе белесовато-молочную влагу, заполняющую ее недра. Вот так же хлещет кровь из глубокой ножевой раны, разбрызгивая алые капли, похожие на алые лепестки.

Сперма и кровь.

Весь в поту, он вновь и вновь пронзал ее своим клинком. Туда! Туда! Туда!

Позднее он возьмется за нож.

* * *

Джошуа переключил звонок на селектор, чтобы Тони и Хилари слышали разговор.

– Я позвонил сначала к вам домой, – начал Радж. – Никак не ожидал застать вас на работе в такое позднее время.

– Я – работоголик, доктор Радж.

– Нужно лечиться, – с неподдельным огорчением посоветовал врач. – Это нездоровый образ жизни. Мне доводилось лечить немало честолубивых людей, для которых работа стала единственным смыслом жизни. Одержимость любого рода разрушает личность.

– Доктор Радж, кто вы по специальности?

– Психиатр.

– Так я и думал.

– Вы душеприказчик мистера Фрая?

– Да. Вы, конечно, слышали о его кончине?

– Только то, что написано в газетах.

– Улаживая имущественные вопросы, я обнаружил, что мистер Фрай вот уже полтора года оплачивает ваши услуги.

– Он раз в месяц консультировался у меня, – подтвердил Радж.

– Вы знали, что он одержим манией убийства?

– Конечно же, нет.

– Столько времени лечили и не распознали в нем склонности к физическому насилию?

– Я знал, что Фрай существует под огромным напряжением, но не думал, что он представляет опасность для окружающих. Вы должны понять: он тщательно скрывал эту сторону своей личности. Мы встречались только раз в месяц. Я предлагал – раз в неделю, но он отказался, хотя явно нуждался в медицинской помощи. Мне показалось, что он боится узнать что-то страшное о самом себе. Я не настаивал, потому что тогда он вообще мог отказаться от консультаций. Хотя какое-то лечение лучше никакого.

– Что привело его к вам?

– Вы имеете в виду – чем он был болен, на что жаловался?

– Вот именно.

– Как юрист, мистер Райнхарт, вы не можете не знать, что такое врачебная тайна.

– Но ваш пациент умер.
– Это не имеет значения.
– Для него – имеет. Он оказал мне доверие.
– После смерти больного соглашение о соблюдении тайны утрачивает юридическую силу.

– Юридическую – да, – согласился доктор Радж, – но существуют и моральные обязательства. На мне лежит ответственность. Я не имею права нанести урон репутации своего пациента.

– Весьма похвально, – холодно сказал Джошуа. – Но в данном случае ни одно ваше слово не причинит ему больше вреда, чем его собственные поступки.

– Это тоже не имеет значения.

– Доктор, создалась экстраординарная ситуация. На сегодняшний день я располагаю информацией, неопровержимо свидетельствующей, что на протяжении последних пяти лет Бруно Фрай убил значительное число женщин.

– Вы шутите?

– Не понимаю, доктор Радж, что вы нашли забавного в моих словах. Я не привык шутить, когда речь идет о массовых убийствах.

Радж промолчал.

– Далее, – продолжал Джошуа. – У меня есть основания полагать, что у Бруно Фрая был соучастник и он все еще на свободе.

– В это трудно поверить.

– И тем не менее это так.

– Вы поставили в известность полицию?

– Пока нет, – ответил Джошуа. – Во-первых, у меня недостаточно улик. Для меня-то их больше, чем нужно, но полиция может свести невероятные факты и события к совпадению. И потом, я не знаю, под чью юрисдикцию подпадут эти преступления. Похоже на то, что он убивал женщин в других графствах. Вот я и хочу спросить: не сообщил ли вам Фрай нечто такое, что расширило бы круг этих сведений? Возможно, это поможет мне принять решение относительно полиции.

– Но...

– Доктор Радж, если вы проявите упорство в защите данного пациента, это чревато новыми убийствами. Могут погибнуть еще женщины. Их смерть окажется на вашей совести.

– Хорошо, – сказал Радж. – Но это не телефонный разговор.

– Я завтра же вылетаю в Сан-Франциско.

– Утром я свободен.

– Вас устроит, если я и мои помощники приедем к десяти?

– Отлично, – согласился Радж. – Но предупреждаю: прежде чем обсуждать психическое расстройство мистера Фрая, вам придется дать мне исчерпывающую информацию.

– Разумеется.

– И если вы не убедите меня в существовании непосредственной угрозы, я не открою для вас историю болезни.

– Я абсолютно убежден, что смогу развеять ваши сомнения, – заверил адвокат. – У вас волосы встанут дыбом, обещаю. До завтра, доктор.

Он положил трубку на рычаг и повернулся к Тони и Хилари:

– Завтра у нас будет трудный день. Сначала Сан-Франциско и доктор Радж, а затем Холлистер и таинственная Рита Янси.

Хилари встала с дивана, где сидела во время телефонного разговора.

– Я готова облететь весь шар земной. По крайней мере, хоть что-то начинает проясняться. У меня впервые появилось такое чувство, что мы разгадаем эту загадку.

– У меня тоже, – подхватил Тони и улыбнулся Джошуа. – А знаете... Судя по тому, как вы обработали Раджа, у вас настоящий талант следователя. Вы мастерски провели допрос!

– Это тоже будет выгравировано на моей могильной плите, – заявил Джошуа. – «Здесь

покоится Джошуа Райнхарт, симпатичный старый зануда, из которого вышел бы гениальный детектив». – Он поднялся на ноги. – Что-то я проголодался. У меня дома в холодильнике есть несколько бифштексов и пара бутылок «Каберне». Чего мы ждем?

* * *

Фрай отвернулся от залитой кровью кровати и забрызганной стены. Положил окровавленный нож на тумбочку и пошел в ванную. В доме царила почти нереальная тишина, какой не бывает на земле. Его нечеловеческая энергия иссякла. Он чувствовал себя сытым и сонным; веки слипались; конечности налились свинцом.

Он отрегулировал воду, сделав ее такой горячей, какую только мог выносить, и встал под душ. Смыл кровь с волос, лица и всего тела. Ополоснулся, снова намылился и снова ополоснулся. Он ни о чем не думал; память его была девственно чистой, как белый лист бумаги. Вид крови, стекавшей в отверстие ванны, не пробуждал воспоминаний об убитой женщине в соседней комнате: это была обыкновенная грязь.

Все, чего ему хотелось, это привести себя в божеский вид и соснуть несколько часов в своем «Додже». Он был выжат, как лимон. Руки безвольно повисли по бокам; он едва волочил ноги.

Фрай вытерся большим баннным полотенцем, от которого пахло женщиной, но это не вызвало ни приятных, ни тяжелых ассоциаций.

Сбоку от мыльницы он обнаружил щеточку для рук и долго выскребал кровь из-под ногтей и из складочек между фалангами пальцев.

Когда Бруно выходил из ванной, чтобы забрать свою одежду, в поле его зрения попало огромное, в полный рост, зеркало на двери ванной – раньше он его не заметил. Он остановился и посмотрел на свое отражение, выискивая пятнышки крови. Их не было.

Он вгляделся в свой вялый пенис и обвисшие тестикулы, тщетно пытаясь обнаружить знак дьявола. Он знал, что устроен не так, как другие мужчины. Мать всю жизнь тряслась от страха, что кто-нибудь узнает о его нечеловеческом происхождении. Бруно родился от земной женщины и клыкастого, покрытого чешуей, пахнущего серой зверя. Страх матери передался Бруно, еще когда он был несмышленышем, и с тех пор он испытывал смертельный ужас перед перспективой разоблачения и сожжения на костре. Поэтому он никогда не оголялся в присутствии других людей. В школе он избегал занятий спортом, объясняя это религиозными предписаниями, запрещавшими ему показываться голым перед товарищами. В кабинете врача никогда не обнажался ниже пояса. Мать уверяла, что всякий, кто увидит его половой орган, сразу поймет, что в его организме присутствуют дьявольские гены, и Бруно прожил сорок лет, разделяя это убеждение.

Однако теперь, глядя на себя в зеркало, он не замечал никаких отличий.

Вскоре после рокового сердечного приступа у Кэтрин он отправился в Сан-Франциско на порнографический фильм и с изумлением отметил, что у других мужчин почти такие же половые органы. Он посмотрел несколько лент, но не увидел ни одного человека, резко отличающегося в этом отношении от него самого. У одних пенис был немного больше, у других – чуточку меньше, у некоторых слегка искривленный и так далее – но все это были весьма незначительные вариации, а вовсе не та ужасная, ошеломляющая разница, которая сулила ему смерть у позорного столба.

Растерянный, сбитый с толку, он вернулся в Санта-Елену, чтобы хорошенько обдумать свое открытие. Первой его мыслью было: мать лгала. Но в это было трудно поверить. Кэтрин рассказывала историю его зачатия семь раз в неделю, подробно описывая ненавистного дьявола и акт зверского изнасилования; при этом она тряслась, рыдала и выла от ужаса. Для нее это было вполне реальное переживание, а не легенда, придуманная с целью ввести его в заблуждение. И все-таки... Тогда, пять лет назад, ему не приходило в голову иных объяснений, кроме того, что его мать была лгуньей.

На следующий день он опять поехал в Сан-Франциско – страшно возбужденный,

исполненный решимости пойти на риск и впервые за тридцать пять лет жизни испытать секс с женщиной. Он отправился в салон массажа – слегка закамouflированный бордель – и выбрал стройную, привлекательную блондинку. Она назвалась Тамми и, если бы не выступающие верхние зубы и слишком длинная шея, могла бы сойти за красотку. Во всяком случае, так показалось Бруно, и он с трудом удержался от извержения в брюки. В одной из кабинок, где пахло дезодорантом и засохшей спермой, он согласился с ее ценой и тотчас заплатил вперед. Тамми сняла кофточку и джинсы. У нее было такое соблазнительное тело, что на Фрая напал столбняк, и он чуть ли не с благоговением любовался девушкой. Перед его мысленным взором вставали сладострастные картины того, что он с ней сделает. Тамми села на край неширокой кушетки и, улыбаясь, предложила ему снять одежду. Бруно разделся до трусов, но никак не мог отважиться показать ей свой пенис. Глядя на прекрасные ноги девушки, пушистые волосы на лобке и полные груди, он страстно желал ее, но был не в силах освободиться от страха. Почувствовав его нерешительность, Тамми протянула руку и потрогала пенис через материю. Потом слегка потербила его и сказала: «О, как я его хочу. Он такой огромный. Покажи его мне. Я ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА НИЧЕГО ПОДОБНОГО».

Как только она произнесла эти слова, Бруно уверился, что различие, которого он сам так и не смог заметить, все-таки существовало. Тамми попыталась стащить с него трусы, и он изо всех сил ударил ее по лицу. Она повалилась на кушетку, откинула голову назад и завопила. Бруно заколебался: может быть, следует убить ее? Хотя она и не видела его необыкновенный пенис, возможно, она что-то почувствовала благодаря одному только осязанию? Не успел он принять решение, как распахнулась дверь и вошел человек такого же могучего телосложения, как и он сам, с полицейской дубинкой. Бруно понял, что сейчас его оглушат, собьют с ног, начнут пытать, а потом сожгут заживо. Но, к его огромному удивлению, ему только помогли одеться и выпроводили вон. Тамми и не заикнулась о его неимоверно большом пенисе. Видимо, до нее все-таки не дошла та истина, что этот пенис – знак дьявола, его отца, неопровержимое доказательство его нечеловеческого происхождения. Он быстро оделся и пулей вылетел из салона – страшно смущенный и благодарный судьбе за то, что его секрет остался неразгаданным. Вернувшись домой, он еще раз обдумал происшедшее и тот страшный риск, которому подвергал себя, и раз и навсегда решил, что Кэтрин была права и ему придется обходиться без женщины.

А потом Кэтрин начала являться к нему из гроба, и Бруно приспособился удовлетворять свои сексуальные потребности за ее счет, извергая потоки спермы во все прекрасные тела, в которые она вселялась. Он по-прежнему прибегал в этих целях к своей второй сущности, но все же время от времени было приятно и волнующе врываться в теплые, тугие, влажные глубины женского тела.

По-прежнему стоя перед зеркалом, Бруно перевел взгляд с гениталий на поджарый, твердый, мускулистый живот, скользнул по мощному торсу и наконец встретился взглядом со своим отражением. Все остальное вдруг перестало существовать: им – без алкоголя, без наркотиков – овладели галлюцинации. Он, точно во сне, приблизился к зеркалу, прижался носом к носу второго Бруно, заглянул ему в глаза – нет, в самую душу – и на короткое время забыл, что перед ним – всего лишь отражение. Бруно слегка отодвинулся – тот, другой, последовал его примеру. Они облизнули губы и снова поцеловались – страстным, жгучим поцелуем.

Несмотря на три испытанных с Салли-Кэтрин оргазма, вновь свершилось восстание плоти. Бруно прижал отвердевший член к гладкой зеркальной поверхности и стал медленно вращать бедрами. При этом он не переставал целовать и гладить второго Бруно. Через пару минут он почувствовал себя таким счастливым, как ни разу за все последние дни.

Но галлюцинации отступили, и на него снова обрушилась жестокая действительность. Он понял, что ласкает вовсе не свою вторую плоть, а занимается любовью с плоским зеркальным отражением. Его как будто прошло током. Силы вновь покинули его.

Он вспомнил о том, что умер. Половина его сущности умерла. Эта мразь на прошлой

неделе всадила в него нож. Теперь он наполовину жив и наполовину мертв. Отныне его удел – безутешное горе. К глазам подступили слезы. Никогда больше он не сможет держать в объятиях свою вторую половину. Ласкать и принимать ласки. Отныне у него только две, а не четыре руки, всего один рот. Никогда ему не целовать себя; два языка не встретятся в жгучем поцелуе. Бруно заплакал.

Никогда не заниматься с самим собой сексом, как бывало тысячи раз в прошлом. У него не будет иного любовника, кроме собственной руки. Ему не суждено испытать ничего другого, кроме жалких радостей мастурбации. Как же он одинок!

Несколько минут Бруно молча проливал слезы перед зеркалом; его могучая спина сгорбилась под невыносимым бременем горя и отчаяния. Однако постепенно жалость к себе сменилась гневом. Это ее рук дело! Это все Кэтрин – поганая сука! Она убила часть его сущности, ополовинила, оставила его глубоко, непоправимо несчастным. Насквозь эгоистичная, порочная, ненавистная гадина! Им овладел инстинкт разрушения. Все еще голый, он как смерч пронесся по всей квартире, круша мебель, разбивая посуду, проклиная свою мать и отца-дьявола, проклиная весь мир, такой чужой и непостижимый.

* * *

На кухне у Джошуа Райнхарта Хилари очистила три крупные картофелины и поставила тарелку с ними на столик, где они должны были дожидаться своей очереди быть помещенными в микроволновую печь. Огромные бифштексы были уже почти готовы. Легкий ручной труд успокаивающе действовал на нервы. Тревоги отступили, хотя и не покинули ее.

Тони занялся приготовлением салата. Засучив рукава рубашки, он стоял рядом с ней возле раковины и чистил овощи.

Джошуа находился здесь же, на кухне, и звонил шерифу. Он рассказал Лоренски об изъятии крупных сумм со счетов Бруно Фрая в Сан-Франциско и о двойнике, который рыщет по Лос-Анджелесу в поисках Хилари Томас, а также изложил их гипотезу о многих совершенных Фраем убийствах. В настоящее время Лоренски вряд ли мог что-либо предпринять, потому что скорее всего все эти преступления совершались не на его территории. Но, поскольку его репутация пострадала из-за того, что случилось на прошлой неделе, Джошуа предположил (и Хилари согласилась с ним), что он должен быть в курсе дела.

Закончив разговор с шерифом Лоренски, Джошуа попробовал приготовленный Тони салат, поворчал по поводу жестковатой, по его мнению, редиски, сделал замечание Хилари насчет того, когда нужно закладывать в микроволновую печь картофель, а затем открыл две бутылки «Каберне», очень сухого вина от Роберта Мандави. На кухне с ним одна морока, подумала Хилари; впрочем, его суетливость и придирчивость больше забавляли, чем сердили ее.

Она сама поражалась, как быстро сошлась с Джошуа Райнхартом – всего за пару часов знакомства. Его отеческая манера, ворчливая честность, ум, интеллект и несколько небрежная галантность привели к тому, что она в его обществе чувствовала себя необычайно легко и в полной безопасности.

Они поужинали в столовой. Перед тем как сесть за стол, Джошуа сказал:

– Одно условие. Пока мы не доедим последний кусочек бифштекса и не выпьем последний глоток этого прекрасного вина, а также кофе и бренди, ни слова о Бруно Фрае.

– Согласна, – ответила Хилари.

– На все сто, – поддержал ее Тони. – Мой бедный мозг отказывается продолжать работу в этом направлении. Кажется, в мире есть и другие темы для разговоров.

– Бесспорно, – ответил Джошуа. – Но, к сожалению, многие из них так же безрадостны. Войны и терроризм, инфляция и новое пришествие луддитов, некомпетентные политики и...

– ...искусство, музыка, вино, последние достижения в медицине и новые технологии, которые значительно облегчат наш быт – вопреки луддитам, – на одном дыхании

проговорила Хилари.

Джошуа подмигнул ей через стол.

– Вы Хилари или Полианна?

– А вы Джошуа или Кассандра? – парировала она.

– Кассандра была права, когда предсказывала смерть и разрушения, – возразил Джошуа. – Но люди неизменно отказывались слушать ее.

– Что толку быть правым, если никто не верит?

– О, я давно уже оставил попытки убедить людей в том, что наш главный враг – правительство и что Большой Брат всех нас погубит. А также в тысяче других вещей. Мне доставляет удовольствие сознавать свою правоту, доказательства которой я нахожу в газетах.

– Ага, – поддразнила Хилари. – Вам все равно, даже если мир будет рушиться у вас под ногами. Главное – это иметь право гордо заявить: «Ну вот, я же говорил!»

– Ух! – вырвалось у Джошуа.

Тони засмеялся.

– Берегитесь ее, Джошуа. Не забывайте: она зарабатывает на жизнь, умело жонглируя словами.

Они еще три четверти часа беседовали о разных вещах, а потом незаметно для себя съехали на Бруно Фрая – задолго до того, как разделались с вином, не говоря уже о кофе и бренди.

– Что все-таки могла сделать Кэтрин, – начала Хилари, – если он до такой степени боялся и ненавидел ее?

– Это тот самый вопрос, который я задал Лэтэму Готорну, – ответил Джошуа.

– Что он сказал?

– Не имеет понятия. Мне и самому до сих пор трудно поверить, что между ними были такие отношения. Ведь я много лет общался с ними обоими. Казалось, Кэтрин обожала его. А Бруно – так просто боготворил мать. Весь город считал ее святой за то, что она взяла ребенка, а вот теперь в этом поступке мне чудится что-то дьявольское.

– Минуточку, – попросила Хилари. – Что значит «взяла»?

– То, что я сказал. Она не допустила, чтобы мальчик попал в сиротский приют, а открыла ему свой дом и свое сердце.

– А мы-то считали, что он ее сын, – протянула Хилари.

– Приемный, – уточнил адвокат.

– Этого не было в газетах, – сказал Тони.

– Это было слишком давно. Бруно почти всю свою жизнь прожил как Фрай. Иногда у меня возникала иллюзия, будто он похож на Фрая гораздо больше, чем ее собственный ребенок, если бы он у нее был. У него были точно такие же, как у Кэтрин, серо-голубые глаза. И, уж во всяком случае, такой же суровый, замкнутый характер. Говорят, Лео так же сторонился людей.

– Если он был приемным, – оживилась Хилари, – значит, у него все-таки мог быть брат-близнец.

– Нет. У Бруно не было брата.

– Как вы можете быть уверены? Может, она усыновила одного близнеца из пары?

– Это объяснило бы факт появления двойника, – поддержал ее Тони.

Джошуа нахмурился.

– И где же этот близнец пропадал все это время?

– Он мог вырасти в другой семье. – Хилари с жаром отстаивала свою гипотезу. – Возможно, даже в другом городе, другой части штата.

Джошуа покачал головой:

– Мог, но не вырос. Бруно был единственным ребенком.

– Вы уверены?

– Это абсолютно точно. Здесь все знают обстоятельства его появления в семье Фрай.

– Жаль, – вздохнула Хилари. – Если допустить существование близнецов, многое

встанет на свои места.

Джошуа кивнул:

– Я и сам предпочел бы простой ответ. Поверьте, мне ненавистна мысль о том, чтобы пробивать бреши в вашей теории.

– А вы можете?

– К сожалению, да.

– Тогда попробуйте, – вмешался Тони. – Расскажите, откуда взялся Бруно, кто его настоящая мать. Возможно, все будет как раз наоборот – мы сами пробьем бреши в вашей истории. Возможно, она не так бесспорна, как вам кажется.

* * *

Постепенно ярость улеглась, и Бруно взял себя в руки. Немного постоял среди учиненного им разгрома и побрел обратно в спальню.

На кровати валялось зверски растерзанное тело женщины по имени Салли. Теперь, с опозданием, Фрай понял, что она – не Кэтрин, не новое воплощение его матери. Старая ведьма не могла воспользоваться телом Салли, пока жива Хилари Томас, – он совсем забыл об этом.

Но Бруно не чувствовал раскаяния. Пусть даже Салли не была Кэтрин, все равно она – одна из ее прислужниц, посланная ей на помощь Владыкой Ада. Салли – часть направленного против него заговора. Может быть, она и сама – оживший труп, один из монстров, которые никак не желают оставаться там, где положено. Одна из НИХ. Бруно вздрогнул. Он не сомневался в том, что она знала местонахождение Кэтрин, но так и не выдала тайну – и, следовательно, заслужила свою смерть. Впрочем, это даже трудно назвать смертью: ведь она все равно вернется – в новом обличье.

Пора забыть о Салли и возобновить поиски Хилари. Она все еще прячется где-то, подстерегая его. Он должен опередить ее и первым нанести роковой удар.

Хорошо, хоть Салли дала ему зацепку. Имя. Этот Топелис наверняка знает, где она скрывается.

* * *

Они вдвоем убрали посуду, и Джошуа налил всем еще вина, прежде чем приступить к истории восхождения Бруно от сиротского приюта до положения единственного наследника огромного состояния Фраев. За многие годы разрозненные сведения сложились в стройную картину.

В 1940 году, в год рождения Бруно, Кэтрин исполнилось двадцать шесть лет. Она все еще жила вдвоем с отцом, Лео, в изолированном доме на вершине утеса. Только однажды Кэтрин почти год провела в колледже в Сан-Франциско, а потом бросила колледж и вернулась в долину. Она была очень привязана к родным местам и их огромному особняку в викторианском стиле.

Кэтрин была красивой девушкой с великолепной фигурой и могла иметь сколько угодно поклонников. Однако ее это, кажется, вовсе не интересовало. Несмотря на молодость, ее угрюмая замкнутость и ледяное равнодушие к мужчинам породили у соседей убеждение в том, что она так и останется старой девой. Более того, казалось, ее вполне устраивало подобное положение вещей.

В январе 1940 года ей позвонила подруга по колледжу, Мэри Гантер, из Сан-Франциско. Мэри попала в беду – по вине одного человека, который обещал на ней жениться, а вместо этого изобретал предлог за предлогом и наконец скрылся, когда у нее уже было шесть месяцев беременности. Бедняжка Мэри совсем растерялась: у нее не было родных, а из подруг самой близкой оказалась Кэтрин. Мэри попросила ее приехать в Сан-Франциско, когда придет время родов. Она также попросила Кэтрин первое время позаботиться о ребенке

– пока сама Мэри не встанет на ноги и не сошьет гнездо для своего бедного птенчика. Кэтрин согласилась помочь и стала рассказывать всем в Санта-Елене, что ей предстоит на какое-то время заменить мать ребенку своей несчастной подруги. В ту пору она казалась такой счастливой, такой взволнованной, что соседки судачили: какой хорошей матерью она могла бы стать, если бы кто-нибудь наградил ее младенцем.

Через полтора месяца после звонка Мэри Гантер и за полтора месяца до рождения ребенка Лео Фрай скончался от обширного кровоизлияния в мозг. Как ни велико было горе дочери и как ни многочисленны заботы по управлению семейным бизнесом, неожиданно свалившимся на ее плечи, Кэтрин не нарушила данного Мэри обещания и, когда в апреле пришло известие о рождении ребенка, поехала в Сан-Франциско, чтобы через несколько недель вернуться с крошкой Бруно Гантером.

Кэтрин рассчитывала держать его у себя в течение года, пока Мэри не будет готова взять на себя ответственность за его дальнейшую судьбу. Но не прошло и полугода, как от Мэри пришло письмо: она умирает от вирусной формы рака, ей осталось жить не более нескольких недель, от силы месяц. Кэтрин повезла мальчика в Сан-Франциско, чтобы мать провела с ним последние дни жизни. Они оформили опеку, а когда Мэри умерла, Кэтрин похоронила ее и вместе с Бруно вернулась в Санта-Елену.

Она растила мальчика, как собственного сына. Она могла бы нанять няню, но не сделала этого, никого не подпустила к ребенку. Лео не держал слуг; Кэтрин унаследовала от него дух независимости и сама справлялась со всей домашней работой. Когда Бруно исполнилось четыре года, она съездила в Сан-Франциско и оформила усыновление. Так Бруно стал Фраем.

– В Санта-Елене и поныне живут люди, которые считают Кэтрин чуть ли не святой за то, что она приютила бедного сиротку и подарила ему великую любовь и великое богатство, – заключил Джошуа.

– Значит, близнеца не было, – резюмировал Тони.

– На сто процентов, – подтвердил адвокат.

Хилари вздохнула.

– И мы опять там, откуда начали.

– В вашем рассказе, – сказал Тони, – есть пара вещей, которые меня несколько смущают.

Джошуа поднял брови от удивления.

– Например?

– Вы знаете, даже в наши дни, при более либеральном отношении, все-таки одинокой женщине бывает непросто усыновить ребенка. А в 1940-м это было практически невозможно.

– Пожалуй, я могу это объяснить, – возразил Джошуа. – Если мне не изменяет память, Кэтрин как-то рассказывала, что они с Мэри предусмотрели такой случай и представили Кэтрин как кузину и ближайшую родственницу матери младенца.

– И суд не организовал проверку?

– В то время судьи предпочитали не вмешиваться в семейные дела, как любят делать сейчас. С моей точки зрения, это была вполне разумная позиция. Не стоит также сбрасывать со счетов то, что Кэтрин была очень богата.

Хилари повернулась к Тони:

– Ты сказал, что тебя беспокоят две вещи. Какая же вторая?

Он устало провел рукой по лицу.

– Это трудно выразить. Так, интуиция. Просто эта история мне представляется чересчур гладкой.

– Вы хотите сказать, что она сфабрикована? – удивился Джошуа.

– Не знаю. Но у полицейского с таким стажем, как у меня, вырабатывается нюх на такие вещи.

– Что, пахнет подозрительно? – спросила Хилари.

– Что-то в этом роде. – Тони допил вино и обратился к Джошуа: – А Бруно не мог быть настоящим сыном Кэтрин Фрай?

Тот онемел от изумления, а когда снова обрел дар речи, то только и смог вымолвить:

– Вы это серьезно?

– Вполне.

– Вы хотите сказать, что она заранее выдумала всю эту историю, чтобы иметь повод в нужное время уехать в Сан-Франциско и подарить жизнь ребенку?

– Да.

– Но Кэтрин не была беременна.

– Вы уверены?

– Видите ли, – сказал Джошуа, – я, конечно, сам не брал у нее мочу на анализ и не проверял на кроликах, даже не жил в то время в долине. Но эта история передавалась из уст в уста. Если бы Кэтрин ждала ребенка, это обязательно заметили бы. В таком городишке, как Санта-Елена, это сразу стало бы известно.

– Существует небольшой процент женщин, – вмешалась Хилари, – которые не полнеют во время беременности. Смотришь на такую – и ничего не замечаешь.

– Вы забываете, что она не проявляла ни малейшего интереса к мужскому полу. Не бегала на свидания.

– Возможно, она не встречалась с местными парнями, – возразил Тони, – но во время уборки урожая на виноградниках появляются сезонные рабочие, а среди них встречаются молодые, красивые, мужественные ребята.

– Подождите. – Джошуа поморщился. – Вы хотите сказать, что Кэтрин, чье равнодушие к мужскому полу стало притчей во языцех, скоропалительно отдалась незнакомому человеку? Будучи абсолютно несведущей в таких делах, каким-то чудом избежала огласки? И плюс ко всему ей посчастливилось стать исключением – одной из тысяч, на чьей фигуре не отражается беременность? Нет, – Джошуа тряхнул седовласой шевелюрой, – слишком много совпадений.

– Вы правы, – грустно проговорила Хилари. – Еще одна многообещающая гипотеза лопнула.

Тони поскреб подбородок и вздохнул.

– Ага. Я понимаю, что надоел вам со своими сомнениями, и все-таки история Кэтрин по-прежнему кажется мне слишком гладкой. За всем этим что-то кроется. Какая-то тайна.

* * *

На кухне у Салли, стоя на обломках посуды и мебели, Бруно Фрай открыл телефонный справочник и нашел номер конторы Топелиса в Беверли-Хиллз. Как он и ожидал, вместо Топелиса ответила дежурная телефонная служба.

– У вас что-нибудь срочное?

– Да. Понимаете, моя сестра – клиентка мистера Топелиса. У нас умер родственник, и мне необходимо разыскать ее.

– Примите мои соболезнования.

– Дело в том, что сестра уехала отдыхать, и я не знаю куда.

– К сожалению, мистер Топелис не оставил телефона, по которому с ним можно немедленно связаться...

– Мне бы не хотелось его беспокоить, – сказал Бруно. – Я подумал, может, она звонила и оставляла для него сообщение?

– Как зовут вашу сестру?

– Хилари Томас.

– О! Я знаю, где она.

– Чудесно! Где?

– Она сама не звонила, но совсем недавно кто-то оставлял мистеру Топелису сообщение

для нее. Секундочку!.. Вот оно. Звонил какой-то мистер Уайнт Стивенс и просил передать, что картины понравились и он с нетерпением ждет ее возвращения из Санта-Елены, чтобы немедленно заключить сделку.

Бруно остоленел.

– Не знаю, в каком отеле или мотеле она остановилась, – продолжала дежурная, – но в Напа-Валли не так уж много гостиниц, так что, я думаю, вам не составит труда отыскать ее.

– Не составит, – дрожащим голосом произнес Бруно.

– Я вам искренне сочувствую.

– Как?

– По поводу смерти вашего родственника.

– Ах да. – Бруно нервно облизнул губы. – Спасибо за помощь.

– Не стоит благодарности.

Он положил трубку. Кэтрин в Санта-Елене! Наглая сука вернулась домой. Зачем? Господи, что она замышляет?

В любом случае это не сулит ему ничего хорошего.

Обезумев от страха, Фрай начал обзванивать аэропорты, пытаясь заказать билет до Сан-Франциско. Но все места на ночные и утренние рейсы были проданы. Он сможет вылететь только завтра после обеда.

Это слишком поздно.

Ну что ж, придется воспользоваться «Доджем». В его распоряжении вся ночь. Если гнать всю, можно успеть до рассвета.

* * *

После того как они насладились кофе и бренди, Джошуа проводил Тони и Хилари в комнату для гостей. Здесь была ванная, и это было довольно далеко от его собственной спальни. Комната оказалась просторной и в то же время очень уютной, с широкими подоконниками и огромной кроватью на четырех толстых ножках.

Пожелав Джошуа спокойной ночи, они закрыли дверь и задернули шторы, чтобы безглазая ночь не палилась в окна. Вместе приняли душ, чтобы немного снять усталость. Оба переутомились и мечтали только об освежающих, безгрешных струях – как в отеле близ аэропорта в Лос-Анджелесе. Но когда Тони намылил Хилари груди, ласковые, ритмичные круговые движения его рук вызвали в ее теле трепет и вибрацию. Тони взвесил их на ладонях, и соски ожили. Встав на колени, Тони вымыл Хилари живот, длинные, стройные ноги и ягодицы. Весь мир для нее сосредоточился в одной точке, свелся к нескольким потрясающим зрительным, слуховым и осязательным ощущениям: исходящему от мыла запаху сирени; шуму низвергающейся воды; клубам пара, рождающим прихотливые образы; блеску собственной кожи; разросшемуся от ее прикосновений до невероятных размеров мужскому органу. Выйдя из душа, они забыли об усталости и отдались всепоглощающей страсти.

Лежа рядом с Хилари на королевском ложе на четырех ножках, при мягком свете ночника, Тони целовал ее глаза, нос, губы, подбородок, шею, набухшие соски.

– Скорее, – попросила она и вся открылась для него.

– Хилари, – прошептал Тони, входя в нее. – Милая, милая Хилари.

Они быстро синхронизировали ритм. Она гладила его спину, очерчивая контуры мышц. Никогда еще Хилари не чувствовала себя такой живой и полной сил. Через несколько минут у нее начался оргазм; она думала, что никогда не остановится.

Тони также чувствовал неповторимость связавших их уз. Они растворились друг в друге, став чем-то большим, чем сумма двух половинок. Хилари поняла, что это уже навсегда, впервые с момента их встречи поверила, что может положиться на него, как ни на одно другое живое существо. И что она больше никогда не будет одна.

Потом, лежа рядом с ней под одеялом, Тони попросил:

– Расскажи мне про шрам.

– Хорошо. Теперь я могу это сделать.

– Ты была ранена?

– Да. Мне было девятнадцать лет, я жила в Чикаго и вот уже год как окончила колледж. Работала машинисткой и копила деньги на свою квартиру. А пока ее не было, платила за комнату Эрлу и Эмме.

– Кто это?

– Мои родители.

– Ты звала их по имени?

– Я никогда не считала их отцом и матерью.

– Должно быть, они тебя обижали, – сочувственно произнес Тони.

– Всеми доступными способами.

– Если тебе не хочется рассказывать...

– Хочется, – ответила она. – Впервые в жизни. Потому что я встретила тебя, и это искупает все прошлые страдания.

– Я вырос в бедной семье, – сказал Тони, – но мы любили друг друга.

– Тебе повезло.

– Мне очень жаль тебя, Хилари.

– Это уже позади. Они давно умерли, и мне давно следовало бы изгнать из себя воспоминания, как изгоняют дьявола.

– Расскажи мне все.

– Я вносила квартплату – несколько долларов в неделю. На эти деньги они покупали спиртное. Остальной заработок я откладывала. Не так уж много, но в банке набегали проценты. Я обходилась почти без обеда. У меня была одна светлая мысль: заработать на квартиру. Пусть даже такую же – с темными тесными комнатенками, неисправной канализацией и тараканами, – лишь бы подальше от Эрла и Эммы.

Тони поцеловал ее в щеку, а потом в краешек губ.

– Наконец я накопила достаточно и была готова переехать. Еще один день, еще один взнос – и я обрету свободу.

Хилари вся дрожала, и Тони крепко обнял ее.

– В тот день я вернулась с работы и пошла на кухню. А там Эрл целился в Эмму из пистолета. Прямо в рот. Она застыла, прислонившись к холодильнику.

– Господи!

– Ты знаешь, что такое белая горячка?

– Конечно. Это в первую очередь галлюцинации. Приступы безотчетной ярости. Так бывает у хронических алкоголиков. Они становятся жестокими и непредсказуемыми.

– Эрл начал выкрикивать что-то о гигантских червях, которые будто бы вылезают из стен, обвинил в этом Эмму – мол, это она их на него напустила. Требовал, чтобы она прогнала их. Я пыталась его урезонить, но он и не думал слушать. И наконец спустил курок.

– Господи Иисусе!

– Я видела, как ей разmozжило голову.

– Хилари!

– Мне необходимо выговориться.

– Я слушаю.

– Я бросилась бежать. Я знала, что, побеги я по коридору к выходу, он выстрелил бы мне в спину. Поэтому я юркнула за угол и побежала в свою комнату, заперла дверь, но он выстрелом сорвал замок. Теперь он уже был уверен, что это я выпустила червей. Он ткнул мне в живот раскаленной кочергой.

– А почему он больше не стрелял? Что тебя спасло?

– Я всадила в него нож.

– Откуда он взялся?

– Я хранила его у себя в спальне с восьмилетнего возраста. И никогда до тех пор им не

пользовалась. Но я всегда знала, что, если однажды их свара перейдет в смертоубийство, мне придется зарезать их, чтобы спасти свою жизнь. И вот в тот самый момент, когда Эрл приготовился нажать на спуск, я вонзила в него нож. Рана оказалась не опаснее моей, но его испугал вид собственной крови. Он выскочил из спальни и снова устремился на кухню. А там начал палить по Эмме, вопя, чтобы она велела червям убираться восвояси. Он разрядил в нее всю обойму. Тогда я выбралась из своей комнаты и стала красться к выходу. Но у него было еще несколько коробок с патронами. Он перезарядил пистолет, и я кинулась обратно. Приставила к двери комод и стала ждать помощи, надеясь, что она придет раньше, чем я истеку кровью. Эрл продолжал вопить что-то о червях, а потом о гигантских крабах. И все время стрелял в Эмму, пока не израсходовал все патроны. От нее осталось одно кровавое месиво.

Тони прочистил горло.

– Что с ним было дальше?

– Покончил с собой, когда полиция вломила в квартиру.

– А ты?

– Я провела неделю в клинике. Остался один только шрам – на память.

За окнами завывал ветер. Тони вздохнул.

– Просто не знаю, что сказать.

– Скажи, что любишь меня.

– Я люблю тебя, Хилари.

– Я люблю тебя, Тони. Всего за одну неделю ты перевернул мою душу.

– Ты чертовски сильная, – с восхищением произнес он.

– Благодаря тебе.

– Ты и до меня была сильной. Ты нужна мне – так же, как я тебе.

– Я знаю. Вот почему все так прекрасно.

Они немного помолчали. Потом Хилари сказала:

– И еще одно. Это касается Бруно Фрая. Сегодня я вдруг поняла, что у нас с ним есть кое-что общее. Кажется, он вытерпел от Кэтрин то же, что я от Эрла с Эммой. Но он сломался, а я нет. Огромный, сильный мужчина сломался, а я выдержала. Это кое-что да значит. И даже очень многое. Я больше не боюсь людей.

– Я же сказал, что восхищаюсь силой твоего характера. И твердостью.

– Я – твердая? Ну-ка, потрогай.

– Здесь вроде нет.

– А здесь?

– Гм...

Хилари сжала в руке его член.

– Ты сам твердый.

– Это поправимо, – улыбнулся Тони. – Хочешь, продемонстрирую?

И они занялись любовью.

Окунувшись вместе с Тони в волны страсти и нежности, Хилари поняла, что теперь все будет хорошо. У нее появилась уверенность в будущем. Она сражается не с ходячим трупом. Эта история имеет вполне реальную подоплеку. Завтра они переговорах с доктором Раджем и Ритой Янси, и те посвятят их в тайну двойника Фрая. Добудут улики для полиции, и двойник будет схвачен. Он больше не сможет угрожать ей. И они с Тони всегда будут рядом. Никто не сможет причинить ей зло. Даже Бруно Фрай. Она чувствовала себя счастливой и в полной безопасности.

Перед тем как заснуть, Хилари услышала гром. Он заполнил грохотом небо, эхом прокатился в горах, прогремел перед самым домом.

«Это знамение, – подумала Хилари. – Предостережение мне, чтобы не была слишком беспечной и не забывала об опасности».

Вскоре она уснула.

Глава 7

Чтобы его случайно не увидели сторожа на виноградниках, Бруно Фрай оставил «Додж» в миле от своего дома и осторожно, прячась в кустах, светя себе карманным фонариком, прокрался к дому. Выудил из кармана ключ. Отпер дверь и, зажав в руке нож, рванул ее настежь и направил внутрь сноп лучей. Кэтрин не оказалось. Бруно обошел весь дом, но так и не нашел ее.

Но она где-то здесь, в Санта-Елене. Он чувствовал ее запах.

Должно быть, отправилась в особняк, построенный Лео.

Он запер дверь на ключ и пошел через виноградники с фонариком в одной руке и ножом в другой. Быстро, перешагивая через две ступеньки, одолел лестницу.

Кэтрин и здесь не было. Бруно прошелся по всем помещениям и наконец забрался на чердак, долгие годы служивший ему спальней.

Там, на широченной королевской кровати, лежал Бруно Фрай. С закрытыми глазами, будто спящий. Увы – его веки были зашиты специалистом из похоронного бюро. Вместо ночной рубашки на нем был саван, надетый Аврилом Таннертоном. Потому что он умер. Проклятая сука заколола его. Он был тверд и холоден, как камень.

Бруно подошел к кровати и растянулся на ней во весь рост, бок о бок с собой мертвым. От того Бруно несло формалином, но он не обращал на это внимания. Пусть даже второй Бруно никогда больше не улыбнется и не заговорит с ним. Ему и так хорошо. Просто лежать рядом.

И он уснул.

* * *

Офис доктора Николаса Раджа расположился на двадцатом этаже небоскреба в самом сердце Сан-Франциско. Наверное, подумалось Хилари, архитектор не знал неприятного слова «землетрясение». Либо заключил сделку с дьяволом.

Одна стена в кабинете доктора Раджа от пола до потолка была сделана из стекла и делилась на три части двумя узкими вертикальными стальными блоками. Отсюда был прекрасный вид на город, бухту и грандиозный мост «Золотые ворота». Крепнувший ветер с Тихого океана рвал в клочья серые тучи. Незабываемое зрелище!

Радж оказался располагающим к себе человеком с головой, похожей на бильярдный шар, усами и аккуратно подстриженной бородкой. Он был одет в костюм-тройку с галстуком; из нагрудного кармашка выглядывал уголок платка. Однако в нем не было ничего от денди или банкира. Он внушал доверие.

Джошуа изложил факты и прочитал короткую лекцию (которая немало позабавила Раджа) о долге врача-психиатра по защите от пациента со склонностью к убийствам. Через четверть часа Радж знал достаточно, чтобы убедиться: врачебная этика в данном случае ни при чем. Он охотно открыл перед ними историю болезни Бруно Фрая.

– Хотя, должен признаться, – с улыбкой сказал он, – если бы вы пришли один с этой невероятной историей, я решил бы, что вы нуждаетесь в моих профессиональных услугах.

– Мы допускали возможность массового психоза, – сказал Джошуа.

– И отвергли ее, – добавил Тони.

– Ну, если вы слегка и тронулись, – снова улыбнулся Радж, – я с удовольствием присоединюсь к такой симпатичной компании. Пусть нас будет четверо.

Как выяснилось, в течение последних полутора лет Фрай ежемесячно получал консультации, по пятьдесят минут каждая.

– Как я сказал вам по телефону, – продолжал Радж, – мистер Фрай разрывался между двумя желаниями. С одной стороны, он отчаянно нуждался в моей помощи, хотел добраться до истоков своей проблемы. А с другой – боялся, что я узнаю его тайну, и точно так же боялся сам узнать ее. Но вас, наверное, интересует, что впервые привело его ко мне?

– Да, – подтвердила Хилари. – Что его беспокоило? Каковы были симптомы его болезни?

– Главным образом Фрай жаловался на постоянно повторяющийся кошмар, из-за которого не мог нормально спать.

На круглом кофейном столике стоял магнитофон; рядом высились две стопки кассет: одна из четырнадцати, а другая из четырех штук. Радж взял одну кассету из четырех.

– Все мои консультации записываются и хранятся в несгораемом шкафу. Вот это – беседы с мистером Фраем. Вчера, после звонка мистера Райнхарта, я прослушал эти записи и выбрал наиболее важные, на мой взгляд, места. Давайте послушаем самого мистера Фрая.

Он вставил кассету в магнитофон.

– Этот отрывок – из самого первого разговора. За первые сорок пять минут Фрай фактически ничего не сказал. Он казался внешне спокойным и уравновешенным, однако я заметил, что он чем-то напуган, но боится признаться в этом. Я долго искал к нему подход, и наконец он решился. Но все равно каждое слово приходилось вытягивать словно клещами. Вот слушайте.

Радж нажал на клавишу. При звуках знакомого дребезжащего голоса у Хилари побежали мурашки по спине. Первая реплика принадлежала Фраю.

«– Я не могу нормально спать.

– Как часто?

– Каждую ночь.

– У вас бессонница?

– Отчасти.

– Вы не могли бы поконкретнее?

– Мне снится сон.

– Что за сон?

– Очень страшный. Кошмар.

– Один и тот же каждую ночь?

– Да.

– Давно это у вас?

– Очень давно.

– Год? Два года?

– Нет, нет. Гораздо дольше.

– Пять лет? Десять?

– Самое меньшее тридцать.

– Неужели каждую ночь?

– Да.

– Один и тот же сон тридцать лет подряд?

– Да.

– О чем он?

– Не знаю.

– Не бойтесь сказать мне.

– Я не боюсь. Просто я не знаю.

– Как же это может быть?

– Я просыпаюсь весь в поту и сразу все забываю.

– Тогда почему вы считаете, что это один и тот же сон?

– Если я скажу, то вы сочтете меня сумасшедшим.

– Я никогда не употребляю этого слова.

– Ну... всякий раз, когда я просыпаюсь от кошмара, у меня такое чувство, словно по мне кто-то ползает.

– Кто?

– Не знаю. Не могу вспомнить. Но они ползают по всему телу. Такие омерзительные. Пытаются залезть в нос и рот. Даже в глаза. Они под одеждой. В волосах. Всюду. И ползают,

ползают...»

Перед мысленным взором Хилари встало искаженное страхом лицо бандита: мертвенная бледность, расширенные зрачки, капли холодного пота у корней волос...

Лента продолжала крутиться.

«— Это что-то одно или их несколько?

— Не знаю.

— Что вы при этом чувствуете?

— Ужас. Тошноту...

— Зачем оно хочет влезть внутрь вашего тела?

— Не знаю.

— Вы испытываете еще какие-нибудь ощущения, кроме тактильных?

— Я слышу... звуки...

— Какого рода?

— Шорохи... Шепот... Не знаю.

— Как будто кто-то шепчется?

— Может быть.

— О чем?

— Не знаю. Они угрожают мне. Ненавидят меня...

— Это угрожающий шепот?

— Да.

— Как долго он длится?

— Пока ползают...

— Минуту-другую?

— Да. Доктор, я вам кажусь сумасшедшим?

— Поверьте, мистер Фрай, мне приходится слышать и более странные вещи.

— Вы можете мне помочь?

— Это во многом будет зависеть от вашей готовности помочь себе.

— Я боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Того, что окажется...»

Доктор Радж вынул кассету и сказал:

— Устойчивые галлюцинации. В этом нет ничего из ряда вон выходящего. А вот кошмар, сопровождаемый осязательными и звуковыми эффектами, — не совсем обычная жалоба.

— И несмотря на это, — обратился к нему Джошуа, — вы не сочли Фрая опасным для окружающих?

— Господи, ну конечно же, нет! Он всего-навсего боялся страшного сна. И проводил четкую грань между кошмаром и явью.

Тони наклонился поближе к врачу.

— Может быть, не столь четкую, как вам показалось?

— Вы хотите сказать, он морочил мне голову?

— А это возможно?

Радж утвердительно кивнул.

— Психология не точная наука, а психиатрия и подавно. Да, он мог втереть мне очки. Особенно если принять во внимание, что мы встречались всего раз в месяц.

Он поставил вторую кассету.

«— Вы никогда не упоминали о своей матери.

— А что такое?

— Это я вас спрашиваю.

— Вы задаете слишком много вопросов.

— Других пациентов не приходится расспрашивать: они сами открывают рот и начинают говорить.

— О чем?

– Чаще всего о матерях.
– Вам, должно быть, осточертело.
– Нисколько. Расскажите мне о вашей матери.
– Ее звали Кэтрин.
– И?
– Мне больше нечего сказать.
– Каждому есть что сказать о своей матери. И об отце».
С минуту ничего не было слышно.
– Погодите, – предупредил Радж. – Сейчас он снова заговорит.
«– Доктор Радж?
– Да?
– Как вы думаете...
– О чем?
– Мертвые должны оставаться мертвыми?
– Вы имеете в виду – верю ли я в загробную жизнь?
– Нет. Я хочу сказать... если человек умер... и вдруг встанет из гроба...
– Как привидение?
– Д-да. Вы верите в привидения?
– А вы?
– Я первый спросил.
– Нет, Бруно, я в них не верю. А вы?
– Еще не решил.
– Вы когда-либо видели привидение?
– Я не уверен.
– Какое это имеет отношение к вашей матери?
– Она грозилась явиться ко мне с того света. Сказала, что знает, как это делается. И если я сделаю что-нибудь не то, я пожалею об этом.
– И вы поверили?
– ...
– Бруно?
– Поговорим о чем-нибудь другом».
– Господи! – воскликнул Тони. – Так вот откуда взялось убеждение, будто Кэтрин возвращается с того света! Она вбила это ему в голову перед своей смертью.
Джошуа повернулся к Раджу:
– Но зачем ей это понадобилось? Что же у них были за отношения?
– В том-то и загвоздка, – ответил врач. – Это и есть корень проблемы. Но мы не успели добраться до него.
Он поставил третью запись.
«– Доктор, вы христианин?
– Да?
– Вы верите в рай?
– Да. А вы, Бруно?
– Я тоже. Как насчет ада?
– Некоторые считают, что земля и есть ад.
– Нет. Это совсем другое место. Геенна огненная и все такое. И если существуют ангелы, значит, должны существовать и черти. Демоны. Дьявол. Так гласит Библия.
– Можно быть добрым христианином и не воспринимать Библию буквально.
– А вам известны знаки дьявола?
– Какие знаки?
– Ну, знаки. Когда кто-то заключает сделку с дьяволом, тот ставит на нем свое клеймо. Как мы клеймим свой скот.
– Неужели вы верите, что можно заключить сделку с дьяволом?

– А? Нет. Я – нет. Это бред. Дерьмо собачье. Но некоторые верят. И даже многие. Я много читал об этом.

– Расскажите мне о дьявольских знаках.

– Ну, видите ли, они бывают разные. Родинка на лице в виде земляничины. Третья грудь. Число 666, спрятанное под волосами. Близнецы...

– Близнецы – знак дьявола?

– Я не хочу сказать, что во все это не верю. Но другие верят».

Радж нажал на клавишу «стоп».

– Маленькое замечание, прежде чем я дам вам послушать дальше. Я поощрял разговоры об оккультных вещах, потому что считал это чем-то вроде интеллектуальной разминки. К сожалению, я ошибался. Я поверил, что он не принимает это всерьез.

– Да, – тихо произнесла Хилари. – Для него это было чертовски серьезно.

Радж снова пустил магнитофон.

«– Вы сказали, что близнецы – знак дьявола?

– Ага. Но, конечно, не все, а, например, сиамские. Или если однойцевые близнецы рождаются с оболочкой на голове. Оба. Это очень редкое явление».

Радж вынул кассету.

– Я не уверен, что это может пригодиться. Но коль скоро у Бруно появился двойник, я подумал, что тема близнецов может представлять для вас интерес.

Джошуа перевел взгляд с Тони на Хилари.

– Но если Мэри Гантер родила близнецов, почему Кэтрин привезла домой только одного из них? Почему лгала, что родился только один ребенок? Какой в этом смысл?

Радж поставил последнюю из четырех кассет, лежавших отдельно.

– Это наш последний разговор с Фраем, имевший место три недели назад. Он наконец-то согласился подвергнуться гипнозу, но предварительно взял с меня слово касаться только одной темы – ночных кошмаров. Я внушил ему, что он спит и видит тот самый сон.

«– Что вы видите, Бруно?

– Мою мать. И себя.

– Чем вы заняты?

– Она меня тащит.

– Куда?

– Не знаю. Я совсем маленький.

– И мать заставляет вас куда-то идти?

– Да. Тащит за руку.

– Куда она вас тащит?

– К какой-то двери. Да, двери. Не давайте ей ее открывать!

– Тише. Успокойтесь. Расскажите, что это за дверь. Куда она ведет?

– В ад.

– Откуда вам это известно?

– Она в земле. Не позволяйте ей ее открывать! Нет! Я не хочу!

– Успокойтесь, Бруно. Вы успокоились?

– Д-да.

– Хорошо. Теперь спокойно, без эмоций, расскажите, что происходит дальше. Вы с матерью стоите перед дверью в земле. Что дальше?

– Она... открывает дверь!

– Дальше.

– Толкает меня туда.

– Продолжайте, Бруно.

– Захлопывает дверь. Запирает ее.

– Что там, за дверью?

– Темнота.

– Вы что-нибудь видите?

– Нет, ничего.
– Что дальше?
– Я пытаюсь выбраться.
– И что?
– Дверь слишком тяжелая. И на запоре.
– Бруно, это только сон?
– ...
– Это только сон, Бруно? Или воспоминание? Ваша мать действительно запирала вас в темной комнате?
– Д-да.
– В подвал?
– Эта комната была под землей.
– Часто она это делала?
– Да.
– Раз в неделю?
– Чаще.
– Это было наказание?
– Да.
– За что?
– За то, что я... поступал... и думал... не как один.
– Один – кто?
– Один. Просто один. Один – и все.
– Хорошо, Бруно. Вы убедились, что не можете выбраться. Что делаете потом?
– Стою на верхней ступеньке и смотрю вниз, в темноту.
– Там есть ступеньки?
– Да.
– Куда они ведут?
– В ад.
– Итак, вы стоите и смотрите в темноту.
– И слушаю.
– Что вы слышите?
– Шорохи.
– Шепот?
– Может быть.
– О чем?
– Не знаю. Это не слова. Просто шорохи. Они шуршат.
– Кто «они»? Это люди?
– Не люди. Нет. Нет! Уберите их! Стряхните их с меня!
– Успокойтесь, Бруно. На вас ничего нет.
– Они лезут мне в нос! Господи! В рот!..
– Бруно!»
Странный, полузадушенный звук. И – тишина.
Радж выключил магнитофон.
– Мне еле удалось его разбудить.
– Но что же там было, в этом погребке? – спросил Джошуа.
– Не знаю. Я надеялся выяснить это в следующий раз. Но это оказалась последняя встреча.

* * *

Когда они летели в Холлистер на «Сессне» Джошуа, Тони произнес:
– Моя точка зрения на происшедшее претерпела изменения.

- Какие? – спросил адвокат.
- Раньше эта история казалась мне очень простой и выдержанной в черных и белых тонах: Хилари – жертва, Фрай – гнусный злодей. Но теперь я думаю: возможно, в каком-то смысле и Фрай – жертва.
- Я тебя понимаю, – сказала Хилари. – Когда я слушала эти пленки, мне было жаль его.
- Все это очень хорошо, – проворчал Джошуа, – если не считать того, что он чертовски опасен.
- Но ведь он мертв.
- Так ли?

* * *

Рита Янси жила в маленьком угловом домике на тихой улочке. Вдоль дорожки цвели осенние белые и желтые цветы.

Джошуа позвонил в колокольчик. За его спиной стояли Хилари и Тони.

Дверь открыла пожилая женщина с седыми волосами, скрученными жгутом на затылке. У нее было лицо в морщинах, живые ярко-голубые глаза и приветливая улыбка. На Рите Янси было голубое домашнее платье с белым передником и удобные старушечьи туфли. Она вытерла руки посудным полотенцем и спросила:

- Что вам угодно?
 - Миссис Янси? – осведомился Джошуа.
 - Да, это я.
 - Меня зовут Джошуа Райнхарт.
- Женщина кивнула.
- Я так и знала, что вы заявитесь.
 - Я твердо решил поговорить с вами.
 - Вы произвели на меня по телефону впечатление человека, который почти никогда не отступает от задуманного.
 - Если вы мне откажете, – довольно подтвердил Джошуа, – я разобью палатку прямо у вас на крыльце.

Рита Янси вздохнула.

– Это не понадобится. После вашего вчерашнего звонка я все как следует обдумала и поняла, что вы ничего не можете мне сделать. Ничего. Мне семьдесят пять лет. В этом возрасте не сажают в тюрьму. Так что я смело могу рассказать вам то, что я знаю. Иначе вы не оставите меня в покое.

Горница Риты Янси – вот именно горница, как она ее назвала, вместо того чтобы воспользоваться более современным и менее пышным термином, – производила впечатление пародии на одну из тех скромных комнатушек, в которых приятным пожилым леди положено коротать сумерки жизни. Ситцевые занавесочки. На стенах развешаны полотенца с вышитыми вручную душеспасительными изречениями, цветами и птичками – свидетельство добропорядочности и дурного вкуса. Цветастый коврик. Коврики и накидки ручной работы на спинке дивана и сиденьях кресел. Каминные часы.

Хилари с Тони сели на самый краешек дивана, словно боясь соприкоснуться с накидкой. Джошуа удобно устроился в кресле. Сама хозяйка опустила в, очевидно, свое любимое кресло, казавшееся продолжением ее самой. Хорошо бы, подумала Хилари, написать портрет миссис Янси, сросшейся с креслом, ставшей с ним одним целым – с шестью ногами и потертой бархатной кожей.

После непродолжительного молчания Рита Янси заговорила, и ее слова напрочь развеяли впечатление домашности:

– Какого черта ходить вокруг да около? Я не собираюсь убивать на эту мерзопакостную историю целый день. Внесем ясность. Вы хотите знать, за что Бруно Фрай платил мне по пятьсот баксов в месяц? Он платил за то, чтобы я держала язык за зубами. До него это делала

его мать – целых тридцать пять лет, так что после ее смерти Бруно продолжил традицию. Должна признаться, я была изрядно удивлена. В наше время редкий сын станет раскошеливаться ради репутации своей матери, а если она откинула копыта – и подавно. Но он стал высылать мне чеки.

– Вы хотите сказать, что шантажировали мистера Фрая и его мать?

– Называйте как хотите. Платой за молчание или как вам будет угодно.

– Полагаю, закон квалифицирует это как шантаж, – сказал Тони.

Рита Янси усмехнулась:

– Уж не думаете ли вы, что яшибко напугана? Прямо вся дрожу? Сынок, позволь сказать тебе вот что: в свое время меня обвиняли кое в чем и похуже. Шантаж? Пусть будет шантаж. Не будем делать хорошую мину при плохой игре. Но, разумеется, если вы будете настолько глупы, что потащите старую женщину в суд, я скажу, что когда-то давно оказала Кэтрин Фрай большую услугу и она в знак благодарности установила мне ежемесячное пособие. Кстати, как раз по этой причине и я настояла на ежемесячных выплатах. Обычный шантажист хапнет солидный куш и даст деру. Потом его нетрудно выследить. А кто поверит, что шантажист согласился на скромное ежемесячное вознаграждение?

– У нас нет ни малейшего желания возбуждать против вас уголовное дело, – заверил Джошуа. – Деньги все равно не вернешь.

– Это уж точно, – ухмыльнулась Рита Янси и расправила на коленях коврик ручной работы.

Надо бы запомнить эту мизансцену, подумала Хилари. Пригодится для характерного персонажа в каком-нибудь фильме. Благостная старушка с примесью кислоты и перца, в первой стадии разложения.

– Все, что нам нужно, это информация, – объяснил Джошуа. – Мне хочется поскорее разделаться с хлопотами по наследству Бруно Фрая.

Миссис Янси посмотрела на него в упор. Затем перевела взгляд на Хилари и Тони. У нее были острые, пронизательные глаза. Наконец она удовлетворенно кивнула.

– Кажется, вам можно верить. Задавайте вопросы.

– Первое, что нам хотелось бы выяснить, – сказал Джошуа, – это за какие заслуги Кэтрин Фрай и ее сын выплатили вам за сорок лет примерно четверть миллиона.

– Чтобы понять это, – начала миссис Янси, – нужно знать мою биографию. Видите ли, в молодости, пришедшейся на самый пик Великой депрессии, я перепробовала немало профессий, чтобы как-то свести концы с концами, и убедилась, что все они обеспечивают прожиточный минимум – не более того. Все, кроме одной – древнейшей. Только эта профессия сулила настоящие деньги. В то время это называлось «женщина легкого поведения». Сейчас говорят открытым текстом. В области секса произошли огромные перемены.

– Вы хотите сказать, что были проституткой? – удивленно спросил Тони.

– Я была очень хороша собой, – с гордостью ответила миссис Янси. – И никогда не работала на улице, или в барах, или в отелях. Я состояла в штате одного из элегантнейших заведений Сан-Франциско. Мы обслуживали только джентльменов из высшего общества. Нас было от десяти до пятнадцати девушек, и каждая отличалась красотой и утонченностью. Я неплохо зарабатывала и к двадцати четырем годам решила, что гораздо выгоднее открыть собственное дело. Я нашла подходящее помещение и вложила все свои деньги. Подобрала красивых девушек с хорошими манерами. Следующие тридцать шесть лет своей жизни я провела как «мадам». У меня было шикарное заведение. А пятнадцать лет назад, в шестидесятилетнем возрасте, я удалась на пенсию и переехала сюда, в Холлистер, поближе к дочери и ее семье, а главное – внукам. Никогда не думала, что внуки настолько скрашивают старость.

– Все это очень хорошо, – заметил Джошуа, – но какое это имеет отношение к Кэтрин Фрай?

– Ее отец регулярно навещался в мой бордель, – ответила Рита Янси.

– Лео Фрай?

– Он самый. Очень странный джентльмен. Сама я никогда с ним не была. Я вообще мало работала в постели, став «мадам»: все мое время забирали организационные дела, – но девушки много о нем рассказывали. Он требовал рабского повиновения, получал удовольствие, смешивая их с грязью, обзывал нехорошими словами. Это была грубая, необузданная и властная натура. Он любил извращения и не жалел денег за право делать с моими девушками все, что заблагорассудится. Так или иначе, в апреле 1940 года мой порог переступила Кэтрин Фрай, дочь Лео. Я никогда ее не видела, даже не подозревала, что у Лео есть дочь. Но он рассказал ей обо мне. И велел отправляться в Сан-Франциско, чтобы она в глубокой тайне произвела на свет младенца.

Джошуа моргнул.

– Младенца?

– Она была беременна.

– Бруно – ее родной сын?

– А как же Мэри Гантер? – поинтересовалась Хилари.

– Такой особы никогда не существовало на свете, – заявила старуха. – Ее выдумали Лео и Кэтрин.

– Так я и знал! – воскликнул Тони. – Это была слишком гладкая история!

– Никто в Санта-Елене не знал, что Кэтрин ждет ребенка, – продолжала Рита Янси. – Она носила железные обручи. Вы не поверите, что только не вытворяла бедная девушка! С тех самых пор, когда у нее случилась задержка, и задолго до того, как начать пухнуть, она стала затягиваться все туже и туже, надевая один обруч на другой. Голодала – только бы не набрать лишний вес. Это просто чудо, что она вообще выжила.

– И вы ее приняли? – произнес Тони.

– Не стану прикидываться, будто сделала это из любви к ближнему. Кэтрин ничуть не тронула моего сердца. Я взяла ее не потому, что симпатизировала или признавала за собой какие-нибудь обязательства по отношению к ее отцу. Я его терпеть не могла – за то, что он проделывал с моими девушками. Кроме того, к моменту появления Кэтрин он полтора месяца как умер. Нет, я предоставила ей убежище по той единственной причине, что она заплатила за все про все – кров, пищу, медицинское обслуживание – три тысячи долларов. Немалая сумма по тем временам!

Джошуа покачал головой:

– Не понимаю. О Кэтрин говорили, что она холодна, как рыба. Она никогда не интересовалась мужчинами, не имела любовников. Откуда же взялась беременность, кто отец ребенка?

– Лео, – ответила Рита Янси.

– Господи! – ахнула Хилари.

– Вы уверены? – спросил Джошуа.

– Абсолютно. Он начал развлекаться с ней, когда ей еще было четыре года. Сначала принуждал заниматься с ним оральным сексом, а затем, когда она расцвела, стал делать с ней все, что заблагорассудится. Абсолютно все.

* * *

Фрай надеялся, что сон освежит его и вернет ему ясность мысли. Но он, как всегда, проснулся от кошмара. Бруно вскочил с постели и подбежал к окну, за которым занималось пасмурное октябрьское утро. В голове царил хаос. Приятные и безобразные воспоминания слились в один клубок – точно извивающиеся черви.

Все дело в том, что он остался один. Совсем один. От него осталась одна половина. Вторую убила проклятая сука. С тех пор он стал невероятно нервным. Дошел до ручки. Исчерпал все свои ресурсы.

Он отошел от окна и тяжело заковылял к кровати, где лежал мертвец, опустил на

колени и положил голову на грудь второму Бруно.

– Скажи хоть что-нибудь! Посоветуй, что делать дальше. Пожалуйста, помоги мне!
Но мертвый Бруно не ответил живому.

* * *

Гостиная миссис Янси.

Из столовой пришлепала большая белая кошка и прыгнула на колени к своей хозяйке.

– Откуда вы знаете, что Лео обесчестил Кэтрин? – спросил Джошуа. – Наверняка он вам об этом не рассказывал.

– Он – нет. Я узнала об этом от Кэтрин. Она была в ужасном состоянии и наполовину сошла с ума. Отец должен был доставить ее ко мне ближе к сроку – и вдруг умер. Она осталась одна и ударилась в панику. Из-за того, что она затягивалась и голодала, роды были исключительно тяжелыми. Я пригласила врача, который каждую неделю осматривал моих девушек, потому что знала, что он будет держать язык за зубами. Он был уверен, что ребенок родится мертвым. Относительно самой Кэтрин он тоже не питал надежд. Она промучилась четырнадцать часов. Я никогда еще не видела, чтобы кто-нибудь так мучился. Она почти все время бредила. А как только пришла в сознание, поспешила рассказать мне, что с ней случилось. Должно быть, хотела облегчить душу. Вот и пришлось мне стать священником и выслушать ее исповедь. Фактически Лео воспитал ее как сексуальную рабыню. Когда она подросла, он вступил с ней в половую связь. Лео предохранялся, но, должно быть, однажды допустил оплошность, и она понесла от него.

Хилари захотелось стащить со спинки дивана накидку и укутать плечи. Несмотря на частые побои, страх, физические и душевные муки, которые она вытерпела, живя с Эрлом и Эммой, ей все же посчастливилось избежать сексуального насилия. Хилари была уверена, что Эрл рано стал импотентом и только это спасло ее от последнего унижения. А Кэтрин Фрай прошла через это.

Должно быть, Тони угадал ее мысли. Он взял Хилари за руку и нежно пожал.

Миссис Янси погладила белую кошку, и та довольно замурлыкала.

– Все-таки я кое-чего не понимаю, – признался Джошуа. – Почему Лео не отправил ее к вам раньше – сразу, как только узнал о беременности, – чтобы вы помогли ей сделать аборт? Ведь вы наверняка могли это устроить?

– Естественно, – ответила миссис Янси. – В моей профессии приходится знаться с врачами, которые способны на такие вещи. Не могу сказать точно, почему Лео не сделал этого. Но у меня есть своя догадка на этот счет.

– Какая же?

– Возможно, он надеялся, что Кэтрин произведет на свет прелестную маленькую девочку.

– Не понял?

– Неужели так трудно догадаться? – Миссис Янси поскребла у кошки под жирным подбородком. – Если бы он стал дедушкой, через несколько лет он смог бы обесчестить малютку, как обесчестил Кэтрин. И у него было бы две женщины вместо одной. Маленький личный гарем.

* * *

Не добившись ответа от своей второй половины, Бруно встал и начал бесцельно бродить по огромному помещению чердака, взметая пыль. В тусклых лучах света плясали пылинки.

Наконец он наткнулся на пару гантелей, каждая весом в пятьдесят фунтов, тех самых, которые он поднимал по шесть дней в неделю на протяжении многих лет – от двенадцати до тридцати пяти. Главное оборудование – штанга, более тяжелые гири и брус для отжимания –

хранились в цоколе, а эти он оставил здесь, чтобы поупражняться дополнительно в перерывах между другими занятиями.

Бруно поднял гантели и начал гимнастику. Могучие плечи и руки быстро вошли в привычный ритм; из пор заструился пот.

Двадцать восемь лет назад, когда он впервые почувствовал вкус к поднятию тяжестей и решил стать атлетом, мать одобрила это решение. Долгие, выматывающие тренировки сжигали только-только начавшую заявлять о себе сексуальную энергию. Позднее, когда он нарастил мышечную ткань и стал выглядеть как заправский тяжелоатлет, Кэтрин пересмотрела свое отношение. Испугавшись, что в один прекрасный день он обратит свою физическую мощь против нее самой, она спрятала гантели. Но когда Бруно разразился слезами и стал умолять ее вернуть их, Кэтрин успокоилась.

И как только она могла такое подумать, размышлял Бруно, поднимая гантели к плечам и вновь опуская их. Ведь у нее был ключ от двери в земле. Она всегда могла отпереть ее и загнать его туда. Перед могуществом этого ключа все его бицепсы и трицепсы ничего не значили.

Тогда-то Кэтрин и сказала в первый раз, что владеет тайной возвращения с того света. Пусть знает, что она и оттуда станет зорко следить за ним. И если он будет неправильно вести себя – пренебрежет осторожностью и позволит другим догадаться о его нечеловеческом происхождении, – она вернется, чтобы подвергнуть его суровому наказанию. Кэтрин тысячу и один раз предупреждала его об этом. Пусть только посмеет нарушить уговор – она встанет из гроба и загонит его в жуткую земляную яму. Запрет дверь и оставит его там навсегда.

Однако теперь, на пыльном чердаке, машинально поднимая и опуская гантели, Бруно вдруг усомнился. Правда ли, что она обладает сверхъестественной силой? Знает, как возвращаться с того света? Или то был просто блеф и она обманывала его, потому что боялась? Боялась, что он станет большим и сильным и однажды свернет ей шею. Не была ли байка о чудесном воскрешении страховкой против его возможного намерения убить ее и навсегда обрести свободу?

Голова Бруно пухла от вопросов, но он был не в состоянии не то что найти ответы, но даже как следует подумать. В мозгу вспыхивали и гасли обрывки мыслей. Сомнения возникали – и тотчас забывались.

Зато к нему вернулись прежние страхи. Они оказались более устойчивыми. Бруно вспомнил Хилари-Кэтрин, ее последнюю реинкарнацию и то, что необходимо разыскать ее прежде, чем она сама настигнет его.

Он задрожал.

Гантели с грохотом повалились на пол. Затрещали доски.

– Сука! – со страхом и злостью вырвалось у него.

* * *

Белая кошка лизнула руку своей хозяйки.

– Лео и Кэтрин придумали целую легенду, как объяснить появление ребенка, – продолжала Рита Янси. – Они решили не признаваться, что это ее родное дитя. Иначе пришлось бы указать пальцем на предполагаемого отца и послать в тюрьму ни в чем не повинного человека из числа ее воздыхателей, которых и в помине не было. Старик не желал ни с кем делиться. У меня просто мурашки по коже. Какая сволочь станет насиловать четырехлетнюю дочь? Она даже не понимала, что происходит. И как может взрослый мужчина испытывать влечение к такой крошке? Если бы я издавала законы, я бы таких кастрировала. Или еще похуже. Да. Говорю вам, это вызывает у меня отвращение.

Джошуа воспользовался небольшой паузой, чтобы задать вопрос:

– Почему же они не сказали, что Кэтрин изнасиловал какой-нибудь иммигрант из сезонных рабочих? Дали бы полиции какое-нибудь придуманное описание. А если бы даже и попался похожий бродяга, не располагающий алиби, она всегда могла сказать, что это не он.

– Верно, – поддержал Тони. – Большинство дел об изнасилованиях остаются нераскрытыми.

– Кажется, я понимаю, почему Кэтрин не приняла такую версию, – вмешалась Хилари. – Ей пришлось бы терпеть бесконечные унижения. Многие считают, что всякая изнасилованная женщина сама на это напрашивалась.

– Это правда, – согласился Джошуа. – Я всегда говорил, что большинство мужчин – олухи. Но жители Санта-Елены отличаются относительной широтой взглядов. Никто не стал бы упрекать Кэтрин. Или почти никто. Конечно, изредка ей пришлось бы сталкиваться с каким-нибудь хамом, но с течением лет она завоевала бы всеобщее уважение. Мне кажется, это было бы куда проще, чем городить ложь насчет Мэри Гантер и потом всю жизнь ее поддерживать.

Миссис Янси почесала кошке брюшко.

– Лео не хотел сваливать ее беременность на мифического насильника, потому что в этом случае не обошлось бы без вмешательства полиции. Он сам принадлежал к авторитарному типу и верил в могущество полицейских гораздо больше, чем они того заслуживали. Боялся, что они сразу почуют неладное. Не хотел привлекать внимания к своей особе: вдруг копы пронюхают, как обстоят дела на самом деле. И не собирался садиться в тюрьму за растление малолетней.

– Это вам Кэтрин сказала? – удивилась Хилари.

– Совершенно верно. Как я уже говорила, она всю жизнь страдала от позора, который на нее навлек отец. Ей было необходимо выговориться и как бы очиститься. Так или иначе, Лео был убежден, что, если Кэтрин удастся скрыть беременность и обвести вокруг пальца жителей Санта-Елены, он будет в безопасности. И у него родился план: выдать ребенка за незаконнорожденное дитя несчастной подружки Кэтрин по колледжу.

– Выходит, это отец заставлял ее таскать обручи, – с огромной жалостью проговорила Хилари. – Ради своего благополучия подверг ее страшной пытке. Значит, это его рук дело.

– Да, – подтвердила миссис Янси. – Она не умела противоречить ему. Привыкла делать все, что он ни скажет. Так случилось и на этот раз. Она стала надевать обручи и села на диету – как это ни было больно и мучительно. Ей и в голову не приходило ослушаться. Что вовсе не удивительно, если знать, что на протяжении двадцати с чем-то лет он только и делал, что ломал ее личность.

– Но она училась в колледже, вдали от дома, – вспомнил Тони. – Это ли не попытка обрести свободу?

– Отнюдь, – возразила миссис Янси. – Это была идея Лео. В 1937 году ему нужно было уехать на семь-восемь месяцев в Европу – распродать остатки своего прежнего имения. Он предвидел начало Второй мировой и не хотел нести убытки. Ему также не улыбалось брать с собой Кэтрин. Я полагаю, он хотел совместить приятное с полезным. Лео был гиперсексуален. А по слухам, в некоторых европейских борделях чего только не выделывают, каких только извращений. Вонючий старый козел! Кэтрин стояла бы у него на дороге. Вот он и решил пока отправить ее в Сан-Франциско и поселить у знакомого торговца вином, пивом и всем прочим, что производилось в «Раскидистой кроне».

– Рискованная затея, – задумчиво произнес Джошуа, – отпустить ее от себя на столь долгий срок.

– Очевидно, Лео так не считал, – парировала миссис Янси. – И оказался прав. В течение всех тех месяцев, что его не было, Кэтрин ни разу не вышла из повиновения, не задумалась о том, что он с ней сделал и продолжает делать. Ей даже не пришло в голову с кем-нибудь поделиться. Это была сломленная душа, говорю вам. Настоящая рабыня. Да, это подходящее слово. Он поработил ее, хотя и не так, как негра на плантации. Умственно и эмоционально. И когда он вернулся из Европы, она безропотно оставила колледж. У нее не было сил сопротивляться. Даже помыслить об этом.

Каминные часы пробили два раза. Потолок отозвался негромким эхом. Джошуа откинулся в кресле – бледный, с темными кругами вокруг глаз. Даже пышная белоснежная

грива обвисла; во всяком случае, так показалось Хилари. Он старел на глазах.

Девушка понимала его чувства. Семейная история Фраев явилась вопиющим свидетельством жестокости одного человека по отношению к другому. Чем больше они узнавали, тем острее становилось ощущение, словно они вывалились в грязи. Гнусные открытия следовали одно за другим.

Джошуа пробормотал – как будто обращаясь к самому себе:

– Значит, они вернулись в Санта-Елену и возобновили преступные отношения, а затем допустили оплошность и Кэтрин забеременела – и ни одна живая душа ничего не заподозрила.

– Просто не верится, – поддержала Хилари. – Обычно, если уж приходится лгать, люди придумывают что-нибудь попроще, чтобы не запутаться. Легенда о Мэри Гантер слишком сложна и изощрена. Им приходилось жонглировать дюжиной шаров одновременно. И тем не менее – ни единого прокола!

– Ну, не так уж и «ни единого», – возразила миссис Янси. – Они допустили по меньшей мере два.

– Какие же?

– Например, уезжая в Сан-Франциско, чтобы при моем пособничестве произвести на свет младенца, Кэтрин рассказала соседям, что у Мэри Гантер родился ребенок. Это было ужасно глупо. Со слов Кэтрин выходило, будто Мэри подарила жизнь прелестному дитяти, но неясно было, мальчику или девочке. Ведь Кэтрин не могла знать пол своего будущего ребенка. Вот дуреха! Ей следовало сказать, что ребенок Мэри Гантер вот-вот появится на свет. Я, конечно, понимаю, что она ужасно нервничала и вообще у нее мозги были набекрень. Попробуйте сохранить душевное равновесие – после всего, что с ней годами делал Лео. И потом – необходимость скрывать беременность. Ясно, что она не могла предусмотреть все на свете.

– Не понимаю, – проговорил Джошуа. – Почему вы считаете, что сказать, будто Мэри Гантер уже родила, было серьезной ошибкой?

Миссис Янси спокойно гладила кошку.

– Как я уже сказала, ей следовало объявить соседям, что Мэри Гантер вот-вот разрешится от бремени и что она едет в Сан-Франциско, чтобы побыть рядом с подругой в тяжелое для той время. Тогда ей не пришлось бы всю жизнь придерживаться той версии, будто Мэри родила ребенка. Ничто другое не пришло ей в голову. И вот она явилась ко мне и произвела на свет близнецов.

Хилари ахнула.

Тони чертыхнулся.

Джошуа от изумления вскочил на ноги.

Белая кошка почувствовала всеобщее возбуждение и, подняв голову с колен хозяйки, с любопытством воззрилась на гостей. В желтых глазах полыхнули загадочные огни.

* * *

Чердак был велик, но все равно Бруно начало казаться, будто на него надвигаются стены. Праздность усугубила клаустрофобию. И он начал искать хоть какое-нибудь занятие.

Гантели надоели, прежде чем литые мускулы начало ломить от приятной усталости. Он взял с полки книгу и попытался читать, но никак не мог сосредоточиться.

В голове по-прежнему царил хаос. Фрай перескакивал с одной мысли на другую, подобно тому как рассеянный ювелир мечется по комнате в поисках пропавших драгоценностей.

Пытался разговаривать с собой мертвым.

Выискивал по углам пауков и безжалостно давил их.

Хохотал, сам не зная, над чем.

И плакал.

Проклинал Кэтрин.

Строил планы мщения.

Мерил чердак-спальню шагами: туда-сюда, туда-сюда.

Страстно желал покинуть дом и отправиться на поиски Кэтрин, но понимал, что выходить днем равносильно самоубийству. Бруно был уверен, что лазутчики Кэтрин рыщут по всей Санта-Елене. Ее друзья. Мужчины и женщины из запредельного мира. Все они сейчас ищут его. Да-да. Их много. Многие десятки. Он должен быть очень осторожен. Лучше дождаться сумерек. Хотя ночь – любимое время оборотней, он все же воспользуется преимуществом, которое дает темнота. Ночная мгла укроет его от всякой нечисти – так же, как спрячет их от него. Шансы уравниются. Исход борьбы будет зависеть только от того, кто окажется хитрее: он или Кэтрин. И уж если хитрость станет решающим фактором, у него есть все шансы на победу.

По какой-то иронии судьбы Бруно убедил себя в том, что днем в доме ему ничего не грозит, – а ведь именно здесь он тридцать пять лет подряд не знал ни минуты покоя. Сейчас резиденция Лео казалась ему надежным убежищем, последним местом на земле, где Кэтрин и ее приспешники станут искать его. Ведь как раз к этому-то она и стремилась: поймать его и доставить сюда. Он знал это. Знал! Она встала из гроба с одной-единственной целью – притащить его на вершину утеса, туда, где позади дома есть дверь прямо в земле, и замуровать его там навсегда. Вот что она обещала сделать, если когда-нибудь вернется с того света, чтобы наказать его. Он не забыл. Так что сейчас она меньше всего ожидает найти его здесь, в этом доме, на чердаке, оборудованном под спальню.

Он был так горд своей хитроумной стратегией, что громко, от души расхохотался.

Однако уже в следующий миг его словно током ударило. Ведь если она все-таки станет искать его в старом доме, если приведет с собой банду оборотней – достаточно, чтобы одолеть его, – тогда им не придется издалека тащить его. Стоит Кэтрин и его приспешникам схватить его здесь, как они тотчас швырнут его за роковую дверь, туда, где шорохи. Не пройдет и минуты.

Перепуганный насмерть, он снова вернулся к кровати и долго сидел там, рядом с самим собой, пытаясь убедить себя в том, что все будет хорошо.

* * *

Джошуа не сиделось на месте, и он стал нервно вышагивать взад и вперед по одной из цветастых ковровых дорожек.

Рита Янси продолжила свой рассказ:

– Когда у Кэтрин родились близнецы, она поняла, что хитроумная ложь о Мэри Гантер оказалась несостоятельной. Жители Санта-Елены готовились к встрече с одним ребенком. Как ни объясняй появление второго, неизбежно возникнут подозрения. Не дай бог, знакомые узнают о том, чем она занималась вместе с отцом. Это было бы слишком – после всего, что выпало на ее долю! Кэтрин рвала и метала. Целых три дня ее трясло, как в лихорадке, она бредила. Врач давал ей снотворное, но оно не всегда помогало. Она вела себя как буйнопомешанная. Я уже начала подумывать: не вызвать ли полицейских, чтобы увезти ее в психушку. Но, конечно, мне это совсем не улыбалось.

– Бедная женщина нуждалась в помощи врача-психиатра, – сказала Хилари. – Три дня лихорадки могли оставить след на всю жизнь.

– Возможно, – ответила миссис Янси. – И все-таки у меня были связаны руки. Понимаете, если вы содержите шикарный бордель, вы будете всеми силами избегать встреч с блюстителями порядка – кроме тех случаев, когда они приходят за своим жалованьем. Обычно копы не трогают таких, как я. В конце концов, среди моих клиентов было немало влиятельных политиков и состоятельных бизнесменов, так что копы не позволяли себе никаких налетов, никаких рейдов. Но отправь я Кэтрин в клинику – провалиться мне на этом месте, если бы газеты тотчас не раздули это до небес, и тут уж копам хочешь не хочешь, а

пришлось бы вмешаться. После такой огласки им бы уже никак не удалось оставить меня в покое. Безвыходное положение. Я бы лишилась всего. И врач боялся, что его карьера рухнет, если пациенты узнают, что он обслуживает проституток. Это сейчас на такие вещи смотрят сквозь пальцы: врач не пострадает, даже если будет стерилизовать крокодилов теми же инструментами, какими пользуется у себя в кабинете. Но тогда, в 1940 году, люди были... щепетильнее. Так что, как видите, мне приходилось думать о себе, а также о благополучии врача и моих девушек...

Джошуа подошел к Рите Янси и уставился на нее сверху вниз, как бы пытаясь разглядеть за простым платьем, темно-коричневыми чулками, удобными черными домашними туфлями и белой кошкой с шелковистой шерсткой – за всем обликом доброй бабушки-старушки ее подлинную сущность.

– Когда вы приютили Кэтрин за три тысячи долларов, разве это не означало, что вы берете на себя ответственность?

– Я не просила ее являться ко мне рожать! – отрезала миссис Янси. – Мой бизнес стоил побольше трех тысяч! С чего бы я вышвырнула коту под хвост все, чего добились в жизни, – из одного только принципа? Или вы считаете, что мне так и следовало поступить? – Она недоверчиво покачала головой. – Если так, значит, вы не от мира сего. Вот что я вам скажу, дорогой сэр.

Джошуа боялся одного: не выдержать и сказать ей все, что он о ней думает. Но тогда его вышвырнут за дверь и он не узнает всей правды о Кэтрин Фрай и ее близнецах.

– Послушайте, миссис Янси, – вмешался Тони. – Вскоре после того, как Кэтрин перешагнула через ваш порог, и особенно когда вы увидели, как она убивает себя железными обручами, вы, должно быть, подумали, что скорее всего ребенок родится мертвым. Судя по вашим словам, врач тоже не исключал такую возможность.

– Да, верно.

– Он сказал, что и Кэтрин может умереть?

– Да. Ну и что?

– Смерть новорожденного или роженицы означала бы для вас крах заведения, точно так же, как и вызов полиции к женщине, страдающей буйной формой помешательства. И все-таки вы не выставили Кэтрин, когда еще не было поздно это сделать. Даже узнав от врача о громадном риске, вы оставили у себя три тысячи долларов и саму Кэтрин. Безусловно, вы отдавали себе отчет, что, если кто-нибудь умрет, вам придется сообщить об этом в полицию, а это сулило вам полное банкротство.

– Нет проблем, – возразила миссис Янси. – Если бы младенцы умерли, их унесли бы в чемодане и тихонько похоронили в горах, в графстве Марин. Или привязали бы к чемодану груз и сбросили с моста «Золотые ворота».

Джошуа изнемогал от желания схватить гнусную старуху за скрученные жгутом волосы, вытащить из кресла, вывести из благодушного состояния. Вместо этого он отвернулся, сделал глубокий вдох и возобновил хождение взад-вперед по ковровой дорожке.

– А Кэтрин? – допытывалась Хилари. – Что бы вы сделали, если бы она умерла?

– То же самое, что и с близнецами, – как ни в чем не бывало ответила Рита Янси. – С той разницей, что, конечно, она не поместилась бы в чемодане.

Джошуа остановился в дальнем конце комнаты и с отвращением взглянул на нее. Нет, миссис Янси и не думала шутить либо иронизировать. Она не отдавала себе отчета в чудовищности своих слов и просто констатировала факт.

– Короче говоря, если бы что-нибудь случилось, мы бы сумели спрятать труп, – продолжала она, – и все выглядело бы так, словно Кэтрин Фрай никогда не переступала порог моего заведения. И не надо смотреть на меня с таким осуждением, юная леди. Я не убийца. Речь идет о том, что бы я сделала – и что сделал бы всякий здравомыслящий человек на моем месте, – если бы мать или дитя умерли естественной смертью. Заметьте, естественной! Ради бога – да если бы я была способна убить, я бы просто разделалась с Кэтрин, когда она была без сознания и никто не знал, выживет ли она. Вот когда она

представляла для меня серьезную угрозу! Все мое благополучие было поставлено на карту: дом, бизнес – все. Но, как вы знаете, я не задушила ее. Боже правый, мне такое даже не приходило в голову! Я выходила бедную девушку, вырвала из лап болезни или даже смерти!

– Вы говорите, Кэтрин несколько дней буйствовала? – сказал Тони. – Значит, она...

– Только три дня, – ответила миссис Янси. – Нам даже приходилось привязывать ее к кровати, чтобы она чего-нибудь с собой не сделала. А потом все прошло. Должно быть, это был нервный срыв. Временное умопомрачение. Потому что уже через три дня она была как огурчик.

– Вернемся к близнецам, – предложил Джошуа. – В сущности, они-то нас и интересуют в первую очередь.

– Кажется, я уже все рассказала.

– Это были однойцевые, то есть полностью идентичные близнецы?

– Трудно сказать. Все новорожденные на одно лицо: морщинистые и красные.

– Разве врач не мог определить?

– Это все-таки был первоклассный бордель, а не клиника. – Рита Янси почесала кошке грудку, и та, играя, выставила лапку. – У доктора не было ни времени, ни технических возможностей. И потом, какое это имело значение: идентичные они или нет?

Хилари вздохнула.

– Одного из них Кэтрин назвала Бруно.

– Я так и поняла, – сказала миссис Янси, – когда он начал присылать чеки.

– А как называли другого?

– Не имею ни малейшего понятия. Когда Кэтрин уезжала от меня, они еще не получили никаких имен.

– А как же метрики?

– Не было никаких метрик.

– Как же это может быть?

– Детей не стали регистрировать.

– Но по закону... – начал Тони.

– Кэтрин упорно отказывалась их регистрировать. А уж если ей чего-то сильно хотелось, она не скупилась.

– И врач не вмешался?

– Он получил тысячу баксов за помощь при родах и чтобы держал язык за зубами. Тогда тысяча долларов весила побольше, чем сейчас.

– Оба мальчика родились здоровыми? – любопытно спросил Джошуа.

– Нет, довольно хиленькими. Кожа да кости. Возможно, из-за того, что Кэтрин много месяцев просидела на диете. Да еще эти обручи. Но орали они ничуть не хуже других младенцев. А уж аппетит у них был – вы не можете себе представить! Так что, я думаю, они были вполне здоровыми, только уж больно крохотными.

– Как долго Кэтрин оставалась у вас? – поинтересовалась Хилари.

– Примерно две недели. Ей нужно было отдохнуть, окрепнуть. И дать детям нарастить мяса на косточках.

– Покидая ваше... заведение... она унесла с собой обоих младенцев?

– Само собой. У меня был дом терпимости, а не ясли. Я была счастлива от них отделаться.

– Вы знали, что она привезла в Санта-Елену только одного малыша? – выпытывала Хилари.

– Догадывалась, что таковы ее намерения.

Джошуа перехватил инициативу:

– Она не сказала вам, как собирается поступить со вторым мальчиком?

– Кажется, хотела отдать его на усыновление.

– «Кажется»? – взорвался адвокат. – Неужели вам было совершенно все равно, что станет с двумя беспомощными крошками в руках невменяемой матери?

- Она оклемалась.
- Дерьмо собачье!
- Встреть вы ее на улице, ни за что бы не подумали, что с ней что-нибудь не так.
- Но за благополучным фасадом...
- Она была их мать, – веско заявила миссис Янси, – и не собиралась причинять им зло.
- Откуда такая уверенность? – усомнился Джошуа.
- Да, я была уверена. Я всегда с огромным уважением относилась к чувствам матери.

Материнская любовь творит чудеса.

Джошуа снова едва удержался, чтобы не залепить ей оплеуху.

В разговор вступил Тони:

- Кэтрин могла отдать его в какую-нибудь семью.
- И это предоставляет широкое поле для самых мрачных предположений, – буркнул Джошуа.

– Ей-богу, вы меня удивляете! – Рита Янси покачала головой и снова почесала кошке грудку. – Все-то вам мерещатся разные ужасы. Сроду не видела таких безнадежных пессимистов. Неужели вам не приходило в голову, что она могла просто подбросить ребенка – положить на какое-нибудь крыльцо, скажем, церкви или сиротского приюта? Его бы сразу заметили и позаботились о нем. Я бы не удивилась, если бы оказалось, что его подобрала какая-нибудь молодая пара и он вырос в прекрасном доме, усыновленный замечательными людьми, которые дали ему родительскую любовь и хорошее воспитание. И вообще – все на свете!

* * *

Если Рита Янси и знала что-либо сверх того, что уже сообщила о судьбе близнецов, то она оставила это при себе. Тони понял: больше из нее ничего не вытянешь, даже если его спутники придерживались противоположного мнения. Оба они – Хилари и Джошуа – кипели негодованием. Попытайся они открыть рот, на Риту Янси обрушился бы такой поток гневных и резких слов, что она, несомненно, оскорбилась бы и выставила их за дверь.

Тони понимал: Хилари глубоко потрясена сходством собственного жуткого детства и пожизненной агонии Кэтрин. В Рите Янси ее раздражало все: жалкие потуги на мораль, слащавая и в то же время напыщенная сентиментальность и особенно – искреннее, всеобъемлющее равнодушие.

Джошуа страдал от удара, нанесенного его самолюбию: ведь он проработал у Кэтрин двадцать пять лет и ни разу не заподозрил тихого помешательства, которое она столь успешно скрывала за фасадом уравновешенности.

Тони поднялся с дивана и, подойдя поближе к Рите Янси, сел на подставку для ног, делая вид, будто ему хочется погладить кошку. На самом деле он нарочно поместился между ней и Хилари, а также Джошуа, который в любой миг мог сорваться – схватить миссис Янси в охапку и начать яростно трясти ее. Отсюда, с подставки для ног, Тони удобно было продолжать расспросы. Поглаживая кошку, он, с присущим ему обаянием, постарался расположить к себе ее хозяйку.

Наконец он спросил, не было ли при рождении близнецов чего-либо необычного.

– Необычного? – переспросила миссис Янси. – Разве вам не кажется, что вообще вся эта история – из ряда вон?

– Вы правы, – согласился Тони. – Я неточно сформулировал вопрос. Вот что я имел в виду: не было ли чего-либо особенного в том, как протекали роды? В состоянии новорожденных?..

В удивленных глазах Риты Янси мелькнуло воспоминание.

– Да, – произнесла она. – Кое-что было.

– Я попробую угадать. Близнецы родились с оболочкой на голове, не правда ли?

– Точно. Откуда вам это известно?

– Просто угадал.

– Черта с два! – Старуха погрозила ему пальцем. – А вы хитрее, чем я думала.

Тони выдавил из себя улыбку. Пришлось приложить усилие, потому что в Рите Янси не было ничего такого, что побудило бы его искренне улыбнуться ей.

– Да, они оба родились в оболочке, закрывавшей почти всю голову. Доктор сказал, что ему и раньше приходилось наблюдать подобное, но только у одного близнеца из двух. Это был один случай из миллиона.

– Кэтрин об этом знала?

– Про оболочку? Не могу вам сказать. У нее была лихорадка. А потом она три дня буйствовала.

– А когда пришла в норму?

– Скорее всего ей об этом сказали. Обычно матери сообщают такие вещи. Да-да, помню: я же ей и сказала. Это произвело на нее сильное впечатление. Некоторые называют это «родиться в рубашке», утверждают, что такие дети становятся ясновидящими.

– Кэтрин придерживалась такого же мнения?

Рита Янси наморщила лоб.

– Нет. Наоборот, она сочла это дурным предзнаменованием. Лео увлекался, как сейчас говорят, паранормальными явлениями. И сама Кэтрин прочла кое-какие книги. В одной из них было сказано, будто бы, если оба близнеца родятся в сорочке, это означает... Точно не помню, но что-то связанное с дьяволом.

– Знак дьявола? – подсказал Тони.

– Да! Вот это самое.

– Значит, она верила, что ее дети отмечены дьяволом и их души прокляты?

– Я уж и забыла об этом.

Миссис Янси устремила невидящий взгляд куда-то в пространство, мимо Тони, словно вглядываясь в прошлое.

Хилари с Джошуа сидели молча, и Тони был рад, что они признали его превосходство.

Наконец миссис Янси заговорила:

– После того как Кэтрин сказала о знаке дьявола, она вдруг замкнулась в себе и пару дней пролежала тихонько, точно мышь, глядя в потолок и почти не шевелясь. Как будто о чем-то напряженно думала. Потом вдруг она повела себя весьма странно, я даже начала подумывать, не отправить ли ее в сумасшедший дом.

– Что, снова начала буянить?

– Нет-нет. Только говорила. С большим чувством – и совершенно безумные вещи. Сказала мне, что ее сыновья – дети дьявола. Мол, ее изнасиловал посланец ада: такой зеленый, в склизкой чешуе, с раздвоенным языком и длинными когтями. Специально явился на землю, чтобы она понесла от него. Как вам это нравится? Кэтрин клялась и божилась, что это сущая правда. Даже описала это мерзкое существо – чертовски красочно и во всех подробностях. А когда начала рассказывать об изнасиловании, у меня мурашки побежали по коже, хотя я и знала, что это бред сумасшедшей. Одно время я заподозрила, что она меня разыгрывает, вот только я не находила в этом ничего смешного. Пришлось напомнить ей обо всем, что она рассказала мне про Лео. Тут Кэтрин впала в бешенство. Ну и орала же она! Я думала, стекла лопнут. Она все отрицала. Притворилась оскорбленной. Как я могла предположить инцест! Она строила из себя такую недотрогу, такую праведницу – ах ты боже мой! Настаивала на том, чтобы я извинилась. Я рассмеялась ей в лицо, и это подлило масла в огонь. Она как заведенная твердила, что это все не Лео, – хотя мы обе прекрасно знали, что это был он. Чего только она не делала, чтобы разубедить меня! И, скажу я вам, это была великолепная игра! Конечно, я ей не поверила. Дьявол пришел на землю, чтобы обречь ее, – как бы не так!

Единственное, в чем я сомневалась, верит ли она сама в эти бредни или придуривается. Она так фанатично это твердила! Мол, если верующие узнают, что она согрешила с дьяволом, ее вместе с детьми заживо сожгут на костре. Умоляла меня хранить это в тайне.

Просила никому не говорить о том, что оба мальчика родились в сорочке. Потом заявила, будто у них есть еще один знак дьявола – между ног. И это тоже – страшная тайна.

– Между ног? – удивился Тони.

– Совсем свихнулась! Утверждала, будто у обоих близнецов половые органы в точности как у их отца – дьявола. Она, мол, знает, что я это заметила, и умоляла никому не говорить. Ну, это вообще курам на смех. У обоих парнишек были абсолютно нормальные пиписки. Но Кэтрин еще два дня подряд сходила с ума. Иногда она доводила себя до истерики. Спрашивала, сколько я хочу за то, чтобы держать язык за зубами. Я сказала, что не возьму за это ни пенни, но согласна на ежемесячное пособие в пятьсот долларов за молчание о Лео и всем остальном – из того, что составляло истинную историю. Она немного успокоилась, но не совсем выбросила из головы весь этот бред. Я почти поверила, что она сама в этом убеждена, и собиралась пригласить врача-психиатра, но тут она моментально заткнулась и пришла в чувство. А может, самой надоело валять дурака. В общем, она больше не заикалась насчет дьявола.

Тони обдумал рассказ миссис Янси. Та продолжала гладить кошку.

– А что, если... – задумчиво произнес Тони. – Что, если... если...

– Если что? – оживилась Хилари.

– Сам толком не знаю, – признался он. – Картина начинает складываться, но уж больно дикая. Может, я ошибаюсь. Нужно все как следует обдумать.

– У вас больше нет вопросов? – осведомилась миссис Янси.

Тони поднялся на ноги.

– Нет. Ничего не приходит в голову.

– Кажется, мы выяснили все, что хотели, – согласился Джошуа.

– И даже больше, чем рассчитывали, – поддержала Хилари.

Миссис Янси сняла кошку с колен и посадила на пол, а затем и сама поднялась на ноги.

– Целое утро потратила на эту дурацкую историю, – проворчала она. – Мне уже давно пора на кухню, начинить пироги и поставить в печь. К ужину придут внуки. И все четверо любят разную начинку. Иногда эти сорванцы – просто напасть. Но, с другой стороны, я не представляю, как бы жила без них.

Внезапно кошка перепрыгнула через подставку для ног, сиганула по ковровой дорожке мимо Джошуа и спряталась под столом в углу. В тот самый момент, когда она затихла, дом трянуло. С полки слетели две стеклянные фигурки в форме лебедей и, не разбившись, упали на толстый ковер. Задребезжали оконные стекла.

– Землетрясение, – сказала миссис Янси.

Пол закачался, как палуба при слабом волнении моря.

– Пустяки, – ободрила миссис Янси своих гостей.

Качка постепенно сошла на нет. Земля успокоилась.

– Вот видите, все уже кончено.

Но Тони по-прежнему чувствовал: в воздухе носится нечто зловещее, пусть даже это не имеет ничего общего с землетрясением.

* * *

Наконец-то Бруно удалось открыть глаза своей второй сущности, но открывшееся зору его очень огорчило. Он не увидел чистых, электризующих светло-голубых глаз, которые знал и любил и которые знали и любили его самого. То были буркалы чудовища: распухшие, начавшие разлагаться, вылезшие из орбит. Белки были сплошь в красно-коричневых точках от лопнувших сосудов. Радужная оболочка замутилась и приобрела безобразный темный оттенок.

Но чем больше Бруно вглядывался в них, тем менее заметными казались произведенные смертью разрушения. Это все-таки были глаза его второй половины. Он старался смотреть не «на», а «в» них, в самую душу второго Бруно. Прежние чары не

вернулись, потому что глаза не могли ответить тем же, и все-таки в нем зашевелились воспоминания об их прошлом единении – против всего света.

Воспоминания – вот и все, что у него осталось.

Он долго сидел на кровати, вглядываясь в глаза трупа.

* * *

Взревев, «Сессна» Джошуа Райнхарта взмыла в небо и взяла курс на север, в направлении Напы.

Хилари посмотрела вниз, на разбросанные по небу клочья облаков и безжизненно-серые осенние холмы под ними. Над головой было яркое голубое небо.

Первые десять минут полета Хилари, Тони и Джошуа молчали, погруженные каждый в свои невеселые думы – и страхи.

Джошуа первый нарушил молчание:

– Должно быть, второй близнец и есть таинственный двойник, которого мы ищем.

– Скорее всего, – ответил Тони.

– Выходит, Кэтрин удалось решить проблему, не умерщвляя второго ребенка.

– Очевидно.

– А я кого убила? – задала вопрос Хилари. – Бруно или его брата?

– Придется произвести эксгумацию трупа, – ответил Джошуа. – Может, тогда все станет ясно.

Самолет угодил в воздушную яму и начал резко падать вниз, но затем вновь набрал высоту.

Когда желудок Хилари встал на место, она предложила:

– Давайте все хорошенько обсудим и попытаемся сдвинуться с мертвой точки, а то жуем одну и ту же жвачку. Если Кэтрин не умертвила брата Бруно – ради поддержания версии о Мэри Гантер, – то что все-таки она с ним сделала? Где он пропадал все это время?

– На худой случай у нас есть гипотеза миссис Риты Янси, – Джошуа произнес это имя с такой интонацией, что стало ясно: его угнетает сама необходимость ссылаться на вышеупомянутую особу. – Возможно, Кэтрин и впрямь оставила запеленутого младенца на крыльце какой-нибудь церкви или сиротского приюта.

– Не знаю, – с сомнением пробормотала Хилари. – Чем-то она мне не по душе, эта версия, хотя я и не могу объяснить, чем именно. Она слишком... слишком тривиальна... или романтична. Черт. Все не те слова. Не могу выразить. Просто интуиция мне подсказывает, что Кэтрин должна была поступить иначе. Эта гипотеза слишком...

– Гладкая, – подсказал Тони. – Точно так же меня смущала история с Мэри Гантер. Подкинуть близнеца – самый простой и безобидный вариант, хотя и уязвимый с точки зрения морали. Но люди не всегда выбирают самый легкий и безопасный путь, особенно если находятся в стрессовом состоянии, как Кэтрин, когда она покинула публичный дом Риты Янси.

– Все же нельзя полностью отменить эту догадку, – предположил Джошуа.

– А я думаю, можно, – возразил Тони. – Потому что, если допустить, что брат Бруно был покинут и усыновлен другими людьми, придется ломать голову над тем, как они с Бруно встретились. Ребенок не был зарегистрирован – как мог Бруно напасть на его след? Только благодаря случайному совпадению. Но как тогда объяснить тот факт, что брат, выросший в другой семье, совершенно в иной среде, ничего не знавший о Кэтрин, питает к ней такую же неистребимую ненависть и так же трясется от страха?

– Да, это нелегко, – согласился Джошуа.

– Дальше. Каким образом у него развилась точно такая же параноидальная шизофрения, в мельчайших подробностях совпадающая с болезнью самого Бруно?

С минуту все трое молчали. Затем Джошуа произнес:

– Ваша взяла. У меня нет этому объяснений. Не могу понять, как у брата, выросшего

вдали от Бруно, развился точно такой же психоз. Во всяком случае, гены тут ни при чем.

– К чему ты клонишь, Тони? – спросила Хилари. – Что близнецы не разлучались?

– Она привезла их с собой в Санта-Елену, – уверенно заявил он.

– Ну и где же скрывался второй близнец все эти годы? – недоверчиво спросил Джошуа. – Она заперла его в кладовке?

– Нет, – ответил Тони. – Возможно, вы много раз с ним встречались.

– Что? Я? Нет, никогда. Только с Бруно.

– А что, если... если они оба носили это имя? И по очереди появлялись на людях?

Джошуа оторвал взгляд от открытого участка неба перед собой и уставился на Тони.

– Вы хотите сказать, что они сорок лет играли в разновидность детской игры?

– Нет, не игры, – ответил Тони. – Во всяком случае, для них это была жестокая необходимость.

– Вы совсем сбили меня с толку, – признался Джошуа.

Хилари повернулась к Тони:

– Я сразу поняла, что у тебя возникла какая-то идея, когда ты начал выпрашивать миссис Янси насчет того, что близнецы родились в сорочке и как на это реагировала Кэтрин.

– Да, – подтвердил Тони. – То, как она ухватилась за эту идею насчет дьявола, в значительной мере подсказало мне разгадку.

– Ради бога, – нетерпеливо проговорил Джошуа, – перестаньте темнить. Расскажите все по порядку, чтобы мы с Хилари поняли, в чем дело.

– Прошу прощения. Я просто думал вслух. – Тони устроился поудобнее на своем сиденье. – Хорошо, слушайте. Только это займет много времени, потому что мне придется вернуться к самому началу. Чтобы понять то, что я скажу о Бруно, нужно хорошо представлять себе жизнь и внутренний мир Кэтрин. Согласно моей теории это семья, где господствовало сумасшествие, захватившее целых три поколения. Господствовало и постоянно набирало силу, подобно тому, как вклад в банке обрастает процентами. Начнем с Лео. Это в высшей степени авторитарный тип. Для нормального самочувствия ему требовалась власть над другими людьми. Это одна из причин, почему он преуспел в делах. Он умел всякий раз одерживать верх и никогда не уступал ни пяди. Многие агрессивные люди в интимной обстановке меняются. Они рады избавиться от ответственности и предпочитают, чтобы ими помыкали – хотя бы только в сексуальной сфере, разнообразия ради. Многие, но только не Лео. Он привык доминировать – всегда и во всем. Ему доставляло ни с чем не сравнимое наслаждение унижать и оскорблять женщин, принуждая их делать самые безобразные вещи. Это был настоящий садист – как мы знаем из рассказа миссис Янси.

– Между жестоким обращением с продажными женщинами и растлением собственной дочери – дистанция огромного размера, – буркнул Джошуа.

– Тем не менее он это сделал и продолжал делать на протяжении многих лет, – возразил Тони. – Он считал себя вправе издеваться над проститутками, которым платил, и над дочерью, которую и подавно считал своей собственностью. Кэтрин была в его глазах вещью, которая, если ею не пользоваться, теряла всякий смысл.

– Счастье, что я не знал этого типа, – сказал Джошуа. – Доведись мне хоть раз в жизни обменяться с ним рукопожатием, сейчас я чувствовал бы себя так, словно вывалился в грязи...

– Ну вот, – продолжал Тони. – Я представляю себе Кэтрин – несчастное, запуганное дитя, вынужденное существовать в полной изоляции от внешнего мира, рядом с человеком, который способен решительно на все. Следует помнить, что Лео не просто издевался над ее телом. Его звериная потребность утверждать свою власть простиралась гораздо дальше секса: он требовал безоговорочного подчинения. Учинив над ней физическое насилие, не мог успокоиться до тех пор, пока не сломает ее духовно, эмоционально и, наконец, умственно. Явившись к миссис Янси, Кэтрин уже была ненормальной – в той же степени, что и Лео. Но она переняла от него способность скрывать свое помешательство. После родов она на три

дня утратила контроль над собой, но затем снова взяла себя в руки.

– Ненадолго, – напомнила Хилари.

– Да, – поддержал ее Джошуа. – Потом она наплела миссис Янси с три короба насчет того, что ее изнасиловал дьявол.

– Если я рассуждаю правильно, – сказал Тони, – рождение близнецов произвело в Кэтрин необратимые изменения в худшую сторону, причем одну стадию помешательства сменила другая, более серьезная. С одной стороны, грозила рухнуть ее легенда относительно Мэри Гантер. А с другой – близнецы родились «в сорочке». Лео увлекался сверхъестественным; Кэтрин и сама прочла несколько оккультных книг, поэтому у нее заработало воображение. Мысль о том, что она явилась невинной жертвой адского чудовища, показалась ей весьма привлекательной, потому что обеляла ее в собственных глазах, спасала от позора и чувства вины за то, что родила от собственного отца, то есть совершила тяжкий грех кровосмешения. Это тоже следовало прятать от людей, но хотя бы не от самой себя. Какая земная женщина устоит против дьявола, со всей его нечеловеческой мощью? Отныне она могла думать о себе не как о соучастнице, а как о несчастной невинной жертве.

– Но ведь, в сущности, так и было, – возразила Хилари. – Она явилась жертвой своего отца. Он учинил над ней насилие, и у нее не было шансов на спасение.

– Так-то оно так, но Лео потратил немало времени и усилий, промывая ей мозги так, чтобы она чувствовала себя виноватой в их двухсмысленных отношениях. Это обычный образ действий не совсем нормального человека – с целью избавиться от чувства вины он склонен валить с больной головы на здоровую. Это прекрасно укладывается в прокрустово ложе нашего понимания Лео.

– Ну хорошо, – сказал Джошуа. – До сих пор я могу с вами согласиться. Возможно, это и не совсем верно, но, во всяком случае, не противоречит здравому смыслу. Итак, Кэтрин произвела на свет близнецов и на три дня утратила контроль над собой, а потом ухватилась за новую фантазию. Убедив себя в том, что ее изнасиловал дьявол, она получила возможность забыть о том, что это сделал ее отец. Так ей удалось вернуть себе какую-то долю самоуважения – впервые за многие годы своей сознательной жизни.

– Вот именно, – произнес Тони.

Хилари попыталась развить его теорию:

– Миссис Янси была единственным человеком, которому Кэтрин невольно открыла свою тайну. Поэтому, когда ее осенило насчет дьявола, она приложила максимум усилий, чтобы та узнала «правду».

– А когда миссис Янси все-таки не поверила, – продолжил Тони, – Кэтрин решила держать эту тайну при себе. Ей стало ясно, что и никто не поверит. Впрочем, для нее это не имело особого значения. Главное – она сама знала истину, которая, по ее мнению, заключалась в том, что ее изнасиловал дьявол. С этой истиной жить было гораздо легче, чем с той, прежней, – о Лео.

– Который к тому времени несколько недель как умер, – добавила Хилари, – так что некому было напоминать Кэтрин о том, что она предпочла забыть.

Джошуа на мгновение отнял руки от штурвала и вытер о рубашку.

– Я считал себя стреляным воробьем: мол, меня уже ничем не проймешь. Но от этой истории у меня аж вспотели ладони. Мне подумалось: есть ужасное дополнение к словам Хилари о том, что, раз Лео ушел из жизни, некому было напоминать Кэтрин об инцесте. Но чтобы продолжать верить в свой новый вымысел, ей необходимо было иметь перед глазами его живое свидетельство. Вот почему она не отдала ни одного из близнецов на воспитание.

– Правильно, – поддержал Тони. – Глядя на двух здоровеньких, абсолютно нормальных ребятшек, она искренне верила, что у них какие-то не такие половые органы. Они существовали в ее больном воображении, служа доказательством того, что их отец – дьявол. Близнецы стали существенной частью удобного для нее мировоззрения – удобного, разумеется, лишь по сравнению с прежним кошмаром.

В голове у Хилари мелькали разные догадки – со скоростью, превышавшей ту, с

которой они неслись в «Сессне» на север, в Напу. Она быстро поняла, к чему клонит Тони, и попробовала продолжить сама:

– Итак, Кэтрин привезла близнецов в дом на утесе. Но ей было необходимо поддерживать в глазах окружающих легенду о Мэри Гантер. Так? А поскольку она могла предъявить жителям Санта-Елены только одного ребенка, она дала детям одно и то же имя и позаботилась о том, чтобы они не появлялись на людях вместе. Им предстояло вдвоем прожить жизнь одного человека.

– И постепенно, – сказал Тони, – двое мальчиков привыкли думать о себе как об одной и той же личности.

– Подождите! – взмолился Джошуа. – Допустим, на людях они могли выдавать себя за одно и то же лицо, носить одно имя. Это тоже нелегко переварить, но я попытаюсь. Но оставаясь наедине, между собой – должны же они были ощущать себя разными людьми.

– Не обязательно, – возразил Тони. – У нас немало доказательств тому, что они думали о себе... как об одном индивидууме в двух ипостасях.

– Какие же это доказательства? – потребовал Джошуа.

– Письмо, обнаруженное в сейфе банка в Сан-Франциско. В нем Бруно написал, что его убили в Лос-Анджелесе. Он не сказал, что убили его брата, – нет, он воспринял эту смерть как свою собственную.

– Это письмо ничего не значит, – проворчал Джошуа. – Так, «мамбо-джамбо», без малейшего смысла.

– Смысл есть, – настаивал Тони, – с точки зрения Бруно, если допустить, что он не отделял себя от брата.

Джошуа покачал головой:

– Я все же не понимаю, как можно было убедить двух человек, что они – одно и то же.

– Вам наверняка приходилось слышать о раздвоении личности. Например, «Доктор Джекил и мистер Хайд». Или вспомните подлинную историю «Три лица Евы». Была еще книга об одной такой женщине – нашумевший бестселлер «Сибилла». У этой Сибиллы было целых шестнадцать отдельных существований. Так что, если я на правильном пути, с близнецами Фрай произошло нечто прямо противоположное. Вместо того чтобы вообразить себя четырьмя, десятью и более личностями, под давлением матери их два сознания слились в одно. Два человека составили одну индивидуальность. Такого еще не случалось и, может быть, никогда не случится, но это еще не значит, что оно невозможно в принципе.

– У близнецов не было другого выхода, – поддержала Хилари, – коль скоро им приходилось показываться поочередно на людях. Малейшее отклонение грозило им полным крахом.

– Но как? – воскликнул Джошуа. – Как она этого добилась?

– Возможно, мы никогда не будем знать наверняка, – ответила Хилари, – но у меня есть кое-какие предположения.

– У меня тоже, – сказал Тони. – Но давай сначала твои.

* * *

Начало смеркаться. По полу поползли тени, и Бруно испугался, что его застигнут в темноте. Он не мог включить свет, потому что генератор вот уже пять лет не работал. А в его карманном фонарике сели батарейки.

Он боролся с паникой. Ему было не так страшно остаться одному на улице: там все-таки был хоть какой-то свет – от жилых домов, фонарей, огней проносящихся автомобилей. Но в крошечной тьме закрытого пространства к нему неизбежно возвращались таинственные шорохи и ползающие по всему телу твари. Необходимо было любой ценой предотвратить это.

Свечи!

Мать всегда держала в кладовке за кухней пару коробок со свечами – на случай, если

генератор выйдет из строя. При переезде Фрай не тронул их – как почти все остальное.

Он низко наклонился над мертвым Бруно и заглянул ему в глаза.

– Я на минутку отлучусь на кухню.

Забрызганные кровью, затуманенные глаза мертвеца смотрели на него в упор.

– Я мигом, – пообещал Бруно. – Только принесу свечи, чтобы меня не застигли впотьмах. Я подожду минуточку, пока я слетаю на кухню.

Его второе «я» продолжало хранить молчание.

Бруно подошел к лестнице, которая вела в спальню на второй этаж. На нее падал тусклый свет из чердачного окна. Но когда Бруно заглянул вниз, его взору предстала крошечная тьма.

Ставни.

Он открыл ставни только на чердаке; прочие помещения так и остались погруженными во тьму, чтобы ищейки Кэтрин ничего не заподозрили.

Бруно пригнулся.

Ни звука.

Ни единого шороха.

Пересиливая себя, он спустился в спальню второго этажа. Там было тихо.

Ни единого шороха.

На ощупь, вытянув руки, Бруно двинулся к выходу на лестничную площадку. Нащупал перила и застыл на месте.

Шорохи. Позади него.

Вот-вот настигнут.

Он вскрикнул и побежал вниз, на первый этаж. Шорохи преследовали его. Спотыкаясь, хватаясь за перила, добежал до кухни, а там начал красться вдоль стен, отмечая: вот плита, вот холодильник, шкафы, раковина, дверь в кладовку... И все это время он слышал шорохи у себя за спиной и орал как оглашенный.

В кладовке стояла страшная вонь. Бруно начал ощупью перебирать коробки и банки – пока наконец не понял, что без света ничего не найдет. Что-то ползло у него по лицу, норовило забраться в рот и в нос. Бруно вернулся на кухню, отыскал дверь черного хода на улицу и выломал ее.

Свет.

Тусклый вечерний свет заполнил кухню.

Бруно отдышался и побрел в кладовку. Там ему снова ударила в нос невыносимая вонь от взорвавшихся банок с консервами. Наконец он нашел свечи и не успевшие отсыреть спички; чиркнул спичкой, и взвилось маленькое пламя. У него полегчало на душе.

* * *

С Тихого океана находили свинцовые облака.

– Но каким образом, – повторил Джошуа, – Кэтрин удалось заставить близнецов думать и поступать как один человек?

– Вряд ли мы узнаем это наверняка, – ответила Хилари. – Думаю, дело в том, что она внушала им это с пеленок. Вбивала в детские головы весь этот бред о знаке дьявола и не таких, как у других мальчиков, половых органах. Убеждала: как только люди узнают, кто они такие, их сразу убьют. К тому времени как они научились задавать вопросы, она успела их так обработать, что им даже не пришло в голову усомниться. Дети разделили психоз матери; ее галлюцинации стали для них реальностью. Близнецы, так же как Кэтрин, росли в атмосфере страха, под постоянным напряжением. В такой обстановке им нетрудно было усвоить главный урок Кэтрин, а именно: они одна и та же человеческая сущность. Это была длительная, упорная мозговая, эмоциональная и психическая осада.

К разговору вновь подключился Тони:

– Судя по записям доктора Раджа, Бруно знал о том, что они оба родились «в сорочке»,

и связывал это суеверие с вымышленной историей о дьяволе. Письмо из сейфа это подтверждает. Бруно писал, что не смеет обратиться в полицию, потому что полицейские могут узнать, кто он такой и что он всю жизнь прятался. Да, он считал себя сыном дьявола. Он впитал эти бредни с молоком матери – в буквальном смысле.

– Ну ладно, – сдался Джошуа. – Предположим, оба близнеца верили в то, что они – дети дьявола. Не могли не верить. Но как Кэтрин удалось внушить им, что они – один человек? И зачем?

– Мне легче объяснить зачем, – ответила Хилари. – Коль скоро детям было суждено поочередно появляться на людях под одним и тем же именем, Кэтрин не могла допустить ни малейших различий между ними. Иначе рано или поздно маскарад мог раскрыться.

– А что касается «как», – дополнил Тони, – то не следует забывать, что у Кэтрин был богатейший опыт по части того, как ломать молодые неокрепшие души. Не ее ли отец лепил как заблагорассудится? Думаю, она переняла у него кое-какие приемы. Набор телесных и психологических пыток. Она могла бы издать учебник.

– И всякий раз, когда она замечала малейшие проблески индивидуальности, – продолжил Тони, – ей приходилось выкорчевывать их с корнем, душить в зародыше. Опять же местоимения...

– Что – местоимения? – удивился адвокат.

– А вот что. Мы можем этого не замечать, но речь играет первостепенную роль в формировании личности. Мы облачаем в слова всякую мысль, всякую идею. Нечеткость мысли ведет к нечеткости ее словесного выражения. Но верно и обратное. Поэтому логично было бы предположить, что специфическое употребление местоимений внесло свою лепту в формирование самосознания близнецов в удобном для Кэтрин направлении. К примеру, когда они обращались друг к другу, им воспрещалось пользоваться местоимением «ты» – только «я». Один Бруно мог предложить другому: «Почему бы мне и мне не сыграть в монополю?» Точно так же исключалось употребление местоимения «мы», «нас» – потому что оно предполагает наличие по крайней мере двух субъектов. Говоря о брате с Кэтрин, нельзя было сказать «он», а только «я». Это кажется вам слишком сложным?

– Безумным, – ответил Джошуа.

– В том-то и дело.

– Но... это просто бред сумасшедшего!

– Естественно, – согласился Тони. – Таков был замысел Кэтрин, а она была не в своем уме.

– Но как ей это удалось? Какие стимулы были пущены в ход?

– Да точно такие же, какими пользуются нормальные родители нормальных детей, – предположила Хилари. – Когда они вели себя правильно – с точки зрения Кэтрин, – она их вознаграждала, а за проступки – наказывала.

– Но чтобы до такой степени подавить естественные человеческие порывы, – продолжал сомневаться Джошуа, – Кэтрин должна была прибегнуть к экстраординарным, может быть, даже чудовищным мерам.

– Так оно и было. Мы же слышали запись последнего разговора доктора Раджа с Бруно. Помните сеанс гипноза? Бруно сказал, что мать сажала его в какую-то темную яму. Цитирую: «За то, что поступал и думал не как один». По-видимому, наказание следовало всякий раз, когда они выказывали малейшие признаки индивидуальности. Кэтрин запирала их в темном подземном помещении, где обитало некое живое существо – или существа. Что бы там ни происходило, это было настолько ужасно, что впоследствии близнецы каждую ночь видели это во сне. Это было сильнейшее средство, при помощи которого Кэтрин добилась своей цели.

Джошуа вперил взор в небо и после непродолжительного молчания произнес:

– Значит, когда Кэтрин покинула бордель миссис Янси, перед ней встала задача: выдать близнецов за одного человека, чтобы таким образом поддержать свой обман насчет Мэри Гантер. Но она могла просто-напросто держать одного из мальчиков взаперти, пока другой

вел бы нормальный образ жизни. Это было бы куда проще и безопаснее.

– Но мы знаем «закон Тони Клеменца», – улынулась Хилари.

– Верно, – откликнулся Джошуа. – «Люди редко выбирают самый простой и безопасный путь».

– И кроме того, – сказала Хилари, – пожалуй, можно допустить, что, несмотря ни на что, у Кэтрин все же было сердце. Ей было жалко поступать так жестоко по отношению к одному из своих детей. После всего, что выпало на ее долю, в ней еще осталось что-то человеческое. Она могла мучить их – но до известного предела.

– Похоже, что таким образом она обрекла их на еще большие муки, – вздохнул Джошуа. – Довела до безумия.

– Сама того не желая, – уточнила Хилари. – Она считала, что действует в их интересах. Как могла она понять своим больным умишком, что для них хорошо, а что плохо на самом деле?

– Дикая теория! – буркнул Джошуа.

– Не такая уж дикая, – возразил Тони. – Она согласуется со всеми известными нам фактами.

– Пожалуй... – Джошуа вздохнул. – Да, скорее всего так оно и было. Просто мне очень неприятно слышать, что у этих негодяев были оправдания. Мне противно испытывать к ним жалость.

* * *

Приземлившись в Напе под быстро темнеющим небом, они отправились напрямик к шерифу Лоренски и обо всем ему рассказали. Вначале он на них таращился, как на выживших из ума, но постепенно полное неприятие уступило место неохотной, удивленной вере. Хилари знала: им не раз еще придется столкнуться с подобным отношением.

Питер Лоренски связался по телефону со штаб-квартирой в Лос-Анджелесе и выяснил, что туда уже звонили из ФБР – по поводу мошенничества в Первом Тихоокеанском объединенном банке в Сан-Франциско. Лоренски изложил свою точку зрения на двойника как на подлинного Бруно Фрая, несмотря на то что подлинный Бруно Фрай убит и похоронен в графстве Напа, а также высказал предположение, что за последние пять лет оба Бруно по очереди совершили серию убийств в северной части штата. Конечно, в распоряжении полиции пока имелись только косвенные улики: изъятие денег и содержимого персонального сейфа Бруно Фрая в банке Сан-Франциско; догадка о существовании брата-близнеца; тот факт, что они оба покушались на жизнь Хилари Томас; то, что один из них находился дома в момент гибели другого; и, наконец, убеждение Хилари, Тони и Джошуа в маниакальной ненависти Бруно к покойной матери – столь сильной, что он не останавливался перед убийствами женщин, в чьи тела она, по его мнению, вселялась.

Потом трубку взял Тони и переговорил со своим начальством в Лос-Анджелесе. Очевидно, его подтверждение всех перечисленных фактов оказалось эффективным, потому что разговор закончился обещанием лос-анджелесских властей принять решительные меры по задержанию Бруно Фрая. В Вествуде будет установлено наблюдение за коттеджем Хилари Томас.

Поддержанный полицией Лос-Анджелеса, шериф моментально разослал всем полицейским участкам Северной Калифорнии бюллетень с просьбой сообщить о всех происшедших за последние пять лет случаях насильственной смерти молодых привлекательных брюнеток, особенно если убийства сопровождались отсечением головы, увечьями и другими свидетельствами кровавой вакханалии.

Наблюдая за тем, как шериф отдает распоряжения служащим и инспекторам, и вспоминая все, что произошло за последние сутки, Хилари не могла не чувствовать, что события развиваются слишком быстро. Как будто неумолимый вихрь, сопровождаемый всякими неожиданностями и омерзительными тайнами, как торнадо, увлекает за собой

вырванные с корнем кусты и ее самое, мчит к незримой, но неизбежной пропасти. Она испытывала потребность уцепиться обеими руками хоть за что-нибудь, замедлить бег времени, опомниться и спокойно осмыслить факты, чтобы с ясной головой встретить финал этой истории. Но колесо правосудия уже завертелось и набирало обороты. И время нельзя было остановить, как понесшего жеребца. Оставалось надеяться, что пропасть существует только в ее воображении.

В пять тридцать, запустив маховик следствия, Лоренски и Джошуа связались с судьей, Джулианом Харви. История Бруно Фрая произвела на него неизгладимое впечатление. Харви дал согласие на эксгумацию трупа и последующую экспертизу по установлению личности. Если второй Бруно Фрай будет задержан и каким-то чудом признан вменяемым (что маловероятно), прокурору понадобятся доказательства того, что эти двое – однойцевые близнецы. Харви выдал ордер на эксгумацию.

– В темноте рабочие не смогут произвести вскрытие могилы, – объяснил Лоренски. – Но они приступят к работе завтра, сразу же, как рассветет.

Он сделал еще несколько звонков: директору кладбища, коронеру графства и владельцу похоронного бюро Аврилу Таннертону.

Джошуа спросил:

– Разве вы не собираетесь произвести обыск в резиденции Фрая?

– Разумеется. Постараемся найти доказательства, что там проживали два человека. Возможно, обнаружатся какие-нибудь улики, свидетельствующие о других убийствах. Хорошо бы подвергнуть обыску и особняк на утесе.

– К сожалению, там нет электричества, – предупредил Джошуа, – так что придется отложить до завтра.

– О'кей, – согласился шериф. – А пока я хотел бы посетить резиденцию среди виноградников.

– Прямо сейчас? – Джошуа с готовностью вскочил на ноги.

– Никто из нас не ужинал. – Лоренски улыбнулся. – Идемте, перекусим в кафетерии за углом. А затем отправимся к Фраю.

Перед уходом Лоренски сказал дежурной, куда идет, и попросил немедленно связаться с ним, если поступят новости из Лос-Анджелеса. Вдруг они схватят Бруно Фрая.

– Это не так просто, – мрачно произнесла Хилари.

– Хилари права, – поддержал ее Тони. – За сорок лет своей жизни Бруно развил в себе колоссальные способности по части конспирации. Он, конечно, псих, но чертовски хитер. Лос-анджелесской полиции придется долго играть с ним в кошки-мышки.

* * *

С наступлением ночи Бруно закрыл ставни на чердаке.

Теперь на каждом столе и каждой тумбочке горели свечи. На потолке и стенах плясали тени от колеблющихся язычков пламени.

Бруно знал: пора идти искать Хилари-Кэтрин, но у него не было сил, и он постоянно откладывал.

Очень хотелось есть. У него во рту со вчерашнего дня не было ни крошки. В желудке урчало.

Он еще некоторое время сидел на кровати возле мертвого, пытаясь сообразить, где раздобыть немного пищи. В кладовке осталось несколько не взорвавшихся и даже не вздувшихся банок с консервами, но у него не было уверенности, что они не испортились. Битый час Бруно решал эту проблему. Как бы поесть так, чтобы его не засекли шпионы Кэтрин? Они повсюду. Чертова сука и ее приспешники. Ему трудно было сосредоточиться – даже на еде. В конце концов он вспомнил, что в новом доме осталось немного продуктов. Молоко, конечно, скисло, а хлеб зачерствел, зато в кладовке полно консервов, а в холодильнике достаточно фруктов и сыра и даже есть торт из шоколадного мороженого – в

морозильной камере. При мысли о мороженом Бруно радостно захихикал, как маленький. Мороженое и надежда на то, что сытный ужин придаст ему недостающие силы, заставили Бруно покинуть чердак и со свечой в руке пробраться к выходу. Снаружи он погасил свечу и сунул ее в карман. Спустился по скрипучим ступенькам с утеса и стал пробираться через виноградники.

Десятью минутами позже, в своем новом доме, он чиркнул спичкой и снова зажег свечу: включать электричество казалось слишком рискованным. Он взял ложку, достал из холодильника торт из мороженого и начал жадно поедать его прямо из коробки.

Когда Бруно был уже не в силах проглотить еще кусочек, он бросил ложку в коробку и убрал остатки торта обратно в морозильную камеру. Теперь нужно набрать побольше консервов, потому что поиски и расправа с Кэтрин могут затянуться, а всякий раз возвращаться сюда за едой очень опасно. Рано или поздно проклятая сука установит наблюдение за домом. Но вряд ли она станет искать его в бывшей резиденции Лео – ни за что на свете! Вот там-то он и спрячет запасы провизии.

Бруно прошел в свою спальню и вытащил из шкафа вместительную дорожную сумку. Отнес ее на кухню и стал наполнять стеклянными банками с консервированными персиками, грушами, апельсинами, мандаринами, маслинами, ореховым маслом и желе; при этом он заворачивал каждую банку в бумажное полотенце, чтобы не разбилась. Туда же полетели жестянки с венскими сосисками. Полная сумка оказалась довольно увесистой, но у него хватит сил донести ее.

Бруно вспомнил, что в последний раз принимал душ вчера вечером, в коттедже Салли в Калвер-сити. Он ненавидел грязь: она каким-то образом ассоциировалась с шорохами и мерзкими тварями, ползающими по всему телу. Пожалуй, стоит рискнуть и освежиться перед уходом – пусть даже на несколько минут он станет голым и беспомощным. Но проходя через гостиную, он услышал шум взрезавших тишину моторов. По дороге через виноградники шли машины.

Бруно подбежал к окну и чуточку, не более чем на один дюйм, отодвинул занавеску.

Два автомобиля. Приближаются по склону невысокого холма к стоянке.

Кэтрин. Поганая сука и ее друзья – ожившие трупы!

Охваченный паникой, он бросился обратно на кухню, схватил сумку с продуктами, погасил и сунул в карман свечу. Вышел через заднюю дверь и опрометью ринулся в кусты. Там он пригнулся к земле и стал ждать.

Из автомобиля вышли люди, и он узнал их, одного за другим. У него бешено заколотилось сердце.

Шериф Лоренски и инспектор Тим Ларсон. Ничего себе! Выходит, и среди полицейских есть оборотни. Ни за что бы не подумал!

Джошуа Райнхарт. Так, значит, старый адвокат только прикидывался живым? Один из адских дружков Кэтрин.

И она – сука! В новом прекрасном теле.

И тот человек из Лос-Анджелеса.

Все четверо вошли в дом. В окнах вспыхнул свет.

Бруно разогнулся, схватил сумку и во всю прыть пустился бежать через виноградники.

* * *

Шериф Питер Лоренски, инспектор Ларсон, Джошуа, Тони и Хилари разбрелись по всему дому, открывая шкафы, роясь в ящиках, осматривая полки в кладовках.

Сначала им не везло: они не нашли ни одного доказательства того, что здесь жили двое. Одежды было ненамного больше, чем требовалось одному человеку. Запасы продовольствия были внушительными, но это еще не могло служить уликой.

Наконец, просматривая ящики письменного стола в кабинете Бруно, Хилари наткнулась на пачку недавних неоплаченных счетов, среди которых было два счета от зубного врача:

один из Напы, другой из Сан-Франциско.

– Ну конечно! – воскликнул Тони, когда все собрались взглянуть на находку. – Близнецы были вынуждены обращаться к разным врачам, особенно дантистам. Бруно номер два не мог просить запломбировать ему зуб, когда врач неделю назад лечил тот же самый зуб другого Бруно.

– Да, это может пригодиться, – сказал Лоренски. – Даже у однояйцевых близнецов зубы не портятся синхронно. Сличив истории болезни, можно будет доказать, что это два разных человека.

Немного позже, во время обыска в гардеробной позади спальни, инспектор Ларсон сделал пренеприятнейшее открытие. В одной из коробок для обуви он обнаружил дюжину фотографий молодых женщин, водительские права шести из них, а также права еще одиннадцати женщин. Девушки на фотокарточках имели между собой нечто общее: все они были красивы, с темными волосами и похожим строением лица.

– Двадцать три женщины, отдаленно напоминающих Кэтрин, – констатировал Джошуа. – Боже правый! Целых двадцать три!

– Галерея смерти, – дрожащим голосом произнесла Хилари.

– Теперь мы хотя бы знаем имена и адреса многих из них, – сказал Тони.

– Нужно сейчас же отправить телефонограмму, – распорядился Лоренски, и Ларсон заторопился к машине, где осталась рация. – Думаю, мы знаем, что там окажется.

– Двадцать три нераскрытых убийства за пять лет, – сказал Тони.

– Или двадцать три пропавших без вести, – добавил шериф.

Они провели в резиденции Фрая еще пару часов, но не нашли больше ничего существенного.

* * *

Бруно Фрай провел полночи, тщательно обдумывая и обставляя деталями смерть Хилари-Кэтрин.

Вторую половину ночи он спал при свете свечей. От фитилей поднимались слабые струйки дыма. Плывущие язычки пламени отбрасывали тени и отражались в открытых глазах трупа.

* * *

Джошуа Райнхарт провел беспокойную ночь. Он метался и ворочался, путаясь в простынях. В три часа ночи он встал, прошел к бару и, сделав себе двойной «бурбон», залпом опорожнил бокал. Но и это не слишком помогло.

Никогда еще он так остро не ощущал отсутствия Кору.

Несмотря на то что Хилари часто просыпалась, ночь пролетела очень быстро, пронеслась как ракета. Хилари не покидало ощущение, что ее стремительно несет к пропасти и нельзя остановиться.

Перед самым рассветом проснулся Тони. Хилари повернулась к нему и шепнула:

– Люби меня.

Они на полчаса забылись в объятиях друг друга.

* * *

Темное, низкое, зловещее небо. Туман окутал вершины Маякамы.

Питер Лоренски стоял неподалеку от могилы, держа руки в карманах, ежась от утренней прохлады. Рабочие разрывали могилу Бруно Фрая и время от времени жаловались шерифу, что им должны приплатить за работу в столь раннее время. Тот не реагировал, а лишь подгонял их.

Без четверти восемь прибыли на катафалке Аврил Таннертон и Гэри Олмстед. Олмстед был угрюм, зато Таннертон улыбался и жадно вдыхал свежий воздух, словно вышел из дома для обычного утреннего моциона.

– Доброе утро, Питер.

– Доброе утро, Аврил. Доброе утро, Гэри.

– Скоро его откопают? – спросил владелец похоронного бюро.

– Минут через пятнадцать.

В восемь пятнадцать один из рабочих вылез из ямы и сказал:

– Приготовьтесь вытаскивать.

К гробу прикрепили ремни и вытащили его на поверхность – грязный, со сверкающими бронзовыми пластинками.

Без двадцати девять гроб водрузили на катафалк.

– Я поеду с вами, – сказал шериф.

Таннертон ухмыльнулся.

– Уверю вас, Питер, мы не собираемся дать деру с останками мистера Фрая!

* * *

В двадцать минут девятого на кухне у Джошуа Райнхарта Тони с Хилари составили в раковину грязную посуду.

– Оставьте, я потом вымою, – сказал Джошуа. – Нужно как можно скорее открыть дом на утесе. Там, должно быть, жуткая вонища. Надеюсь, коллекция Кэтрин не слишком пострадала. Я тысячу раз предупреждал Бруно, но, казалось, ему было все равно, даже если бы... – Он резко оборвал фразу. – Что за чепуху я мелю – а вы слушаете! Ну конечно, ему было плевать на ее коллекцию, пусть бы хоть все сгнило!

Они сели в автомашину Джошуа и поехали в «Раскидистую крону».

С ключом в руке, Джошуа провел Тони и Хилари на второй этаж главной винодельни – минуя ряд кабинетов и лабораторий. Там возвышались огромные бродильные чаны. Пахло дрожжами. Обогнув чаны, все трое вышли через тяжелую дверь на галерею, в конце которой стояла четырехместная гондола.

* * *

В лаборатории патологоанатома пахло чем-то едва уловимым, но весьма противным.

Здесь собралось пять человек: Лоренски, Ларсон, сам патологоанатом по фамилии Гарнет, Таннертон и Олмстед. Все, кроме жизнерадостного Таннертона, испытывали неловкость и отвращение.

– Открывайте, – распорядился шериф. – Мне нужно успеть на встречу с Джошуа Райнхартом.

Таннертон с Олмстедом открыли гроб и заглянули туда.

Труп исчез.

Вместо него в гробу лежали три пятидесятифунтовых мешка цемента, украденные из мастерской Аврила Таннертона на прошлой неделе.

* * *

Хилари и Тони сели по одну сторону тесной гондолы, а Джошуа – по другую, касаясь Тони коленями.

Когда ярко-красная гондола двинулась с места и плавно заскользила вдоль каната, Хилари взяла Тони за руку. Она не боялась высоты, но подвесная дорога почему-то казалась ей ненадежной.

Наконец они достигли вершины утеса. Джошуа открыл дверцу, и они ступили на землю.

В это самое мгновение сверкнула молния и в горах прогремели раскаты грома. Начался несильный, но холодный, противный дождь.

Джошуа, Хилари и Тони бросились к дому.

– Вы говорите, дом не отапливается? – спросила девушка.

– Камин завалили пять лет назад. Вот почему я просил вас одеться потеплее.

Джошуа отпер дверь, и они очутились внутри. Зажгли фонарики.

– Боже, какая вонь, – поморщилась Хилари.

– Плесень, – промолвил Джошуа. – Этого-то я и боялся.

Они вышли из прихожей в просторный вестибюль, а оттуда – в гостиную. Лучи от фонариков плясали по собранной здесь антикварной мебели.

– Ну и теснотища, – удивился Тони. – Некуда ногу поставить.

– Кэтрин была помешана на красивых вещах, – объяснил Джошуа. – Для нее это не было помещением капитала. И не могу сказать, чтобы она как-то особенно ими любовалась. Просто набивала ими дом снизу доверху.

– Если в других комнатах творится то же самое, – сказала Хилари, – это целое состояние.

– Да, – подтвердил Джошуа. – Если оно еще не попорчено древесными червями, муравьями и прочей гадостью. – Он провел лучом фонарика из одного конца гостиной в другой. – Я никогда раньше не понимал эту ее манию. А сейчас вот смотрю и думаю... Вспоминаю то, что рассказала миссис Янси...

Хилари пришла ему на помощь:

– Вы считаете, коллекционирование красивых вещей было реакцией Кэтрин на безобразие ее жизни?

– Вот именно, – подтвердил Джошуа. – Лео растоптал ее душу. Уничтожил волю к жизни. Лишил ее самоуважения. Она прожила много лет, ненавидя и презирая самое себя. Должно быть, красота окружающих вещей должна была сделать красивой и ее душу.

– Как это грустно, – сказал Тони.

Джошуа стряхнул с себя воспоминания.

– Давайте откроем ставни и впустим сюда немного света.

– Меня тошнит от запаха. – Хилари зажала нос рукой. – Но если открыть окна, на эти красивые вещи могут попасть дождевые брызги.

– А мы только чуточку приоткроем, – предложил Джошуа. – И потом, что значат несколько капель воды в этом царстве плесени?

– Странно, что на ковре не выросли грибы, – усмехнулся Тони.

Они отодвинули тяжелые засовы на ставнях и чуть-чуть приоткрыли окна. Джошуа сказал:

– Хилари, здесь, на первом этаже, осталось открыть окна только в столовой и на кухне. Возьмите их на себя, а мы с Тони поднимемся на второй этаж.

– Хорошо, – согласилась она. – Я мигом.

* * *

– Фу! – с отвращением воскликнул Тони, поднявшись на второй этаж. – Здесь воняет еще сильнее.

Дом потряс новый удар грома. Задребезжали окна и двери.

– Вы обойдите комнаты справа, – предложил адвокат, – а я – те, что в левом крыле.

Тони пошел направо и заглянул в швейную. Здесь его фонарик осветил допотопную швейную машинку, а неподалеку – более современную, электрическую; рабочий стол и два манекена у окна. Тони подошел к окну, положил фонарик на пол и взялся за ржавые засовы.

Джошуа осветил фонариком в первую же комнату на левой стороне и увидел кровать, тумбочку, шифоньер и два заколоченных окна напротив двери. Он переступил через порог, сделал два шага вперед и вдруг почувствовал, как что-то толкнуло и обожгло ему спину. Он

понял, что это нож, и резко обернулся. Луч фонарика высветил искаженное злобой лицо Бруно Фрая. Тот успел вытащить клинок и теперь всадил его в правое плечо адвоката. На этот раз клинок застрял глубоко, и Бруно с трудом вытащил его. Защищаясь, Джошуа выставил вперед левую руку, и лезвие ножа распороло ему предплечье. У него подкосились ноги, и он рухнул на пол, в лужу собственной крови. Тогда Бруно выбежал из комнаты. Джошуа попытался крикнуть, чтобы предупредить Тони, но из горла вырвалось лишь негромкое шипение.

* * *

Чертыхаясь, Тони кое-как справился с ржавым железом. Окно было приоткрыто. Дождевые капли попали Тони на лицо, но сейчас он был даже рад этому.

Снова сверкнула молния и грянул гром. Тони шагнул из швейной комнаты – прямо на лезвие ножа Бруно Фрая.

* * *

Хилари открыла ставни на кухне и на несколько секунд застыла у окна, глядя на омытую дождем траву на лужайке. И вдруг в конце лужайки, в двадцати ярдах от заднего крыльца, она увидела земляную насыпь или склон невысокого холма, а у подножия насыпи, под небольшим углом к земле, – массивную дверь.

Хилари так удивилась, что на мгновение заподозрила, будто ей померещилось. Она напрягла зрение, но дверь не исчезла.

Хилари выбежала из кухни и бросилась искать Тони с Джошуа, чтобы рассказать им о своем открытии.

* * *

Тони прекрасно знал, как защищаться от бандита с ножом. Он много занимался самообороной, и ему пару раз приходилось попадать в подобные переделки. Но сейчас он никак не ожидал нападения.

Фрай нацелил клинок прямо ему в лицо. Тони удалось чуть-чуть отвернуться, и лезвие задело ему голову; оттуда хлынула кровь.

От боли Тони выронил фонарик.

Фрай действовал стремительно. Следующий удар ножа пришелся на левое плечо. Рука онемела.

Тони каким-то чудом нашел в себе силы нанести Фраю удар кулаком снизу – прямо в тестикулы. Громила взвыл и отшатнулся, вырвав из Тони нож.

Из вестибюля послышался голос Хилари:

– Тони! Джошуа! Идите посмотрите, что я нашла!

Фрай крутанулся на голос и устремился на лестницу, забыв об истекающем кровью, но все еще живом Тони.

Тот с трудом поднялся на ноги, но пошатнулся и прислонился к стене. Все, что он мог сделать, это крикнуть:

– Хилари, беги! Беги! Фрай!

* * *

Не дождавшись ответа, Хилари решила подняться наверх и вдруг услышала отчаянный вопль Тони. Сначала она не поверила своим ушам, но уже в следующую секунду послышался топот по лестнице и знакомый голос:

– Сука! Сука! Сука!

Ошеломленная Хилари кинулась к выходу, но поняла, что не успеет добежать. Она метнулась на кухню в надежде выхватить из ящика столовый нож. Но было уже поздно. Тогда она рванула заднюю дверь и выскочила на крыльцо черного хода. Дождь и ветер хлестали по лицу.

Хилари сбежала с крыльца. Сзади нее, в нескольких ярдах, тяжело пыхтел Фрай, без умолку повторяя: «Сука! Сука! Сука!»

Нет, ей не добежать до гондолы, не успеть привести механизм в действие.

Единственное место, где можно укрыться, – погреб.

Хилари добежала до наклонной двери и, каждую секунду ожидая удара ножом в спину, сорвала задвижку. Но удара не последовало. Она рванула дверь и заглянула внутрь, в чернильную тьму. Потом обернулась.

Бруно застыл, словно вкопанный, в шести футах от нее.

– Сука, – пробормотал он, но на сей раз в его голосе слышался страх, а не ярость.

– Брось нож, – приказала Хилари, не уверенная в том, что он подчинится. – Слушайся маму, Бруно. Брось нож.

Он сделал шаг вперед. Хилари не двинулась с места. Сердце грозило вырваться из груди. Фрай приблизился еще на один шаг. Хилари задрожала и отступила назад, на верхнюю ступеньку лестницы за дверь.

* * *

С трудом добравшись до лестницы, ведущей на первый этаж, Тони услышал за собой шум и оглянулся. Из спальни выполз Джошуа, весь в крови. Его лицо стало таким же белым, как седины. Глаза вот-вот выкатятся из орбит.

– Вы тяжело ранены? – спросил Тони.

Джошуа облизнул бескровные губы и просипел:

– Жить буду. Хилари. Ради бога, что с Хилари?

Тони оттолкнулся от стены и заскользил вниз по ступенькам. С лужайки до него донеслись вопли Фрая.

В кухне Тони обшарил несколько ящиков и обнаружил набор заржавевших, но очень острых ножей. Боль в левой руке сделалась невыносимой. Но заниматься ею было некогда. Стиснув зубы и преодолевая боль, шатаясь, точно пьяный, Тони вышел на заднее крыльцо и сразу увидел Фрая перед открытой дверью в земляной насыпи.

Хилари нигде не было видно.

* * *

Хилари отступила на шестую, последнюю ступеньку. Бруно Фрай стоял в дверях и жадно смотрел вниз, боясь двинуться дальше. Он попеременно обзывал ее сукой и хныкал, как маленький ребенок, разрываясь между двумя острыми желаниями: растерзать Хилари и убежать подальше от этого страшного места.

Шорохи!

Она вдруг услышала шорохи и похолодела. Это было что-то непередаваемое: то ли свист, то ли шипение, тихое, но становящееся с каждой секундой громче.

Что-то поползло у Хилари по ноге. Она вскрикнула и поднялась на одну ступеньку навстречу Фраю. Быстро нагнулась и стряхнула с себя что-то отвратительное. Потом включила фонарик и посветила в подземную тьму.

Тараканы. Сотни и тысячи тараканов заполнили погреб. Они были на полу, на стенах, на низком потолке. Не простые, а гигантские тараканы с длиннющими усами.

Их непрекращающаяся возня и порождала шорох.

Хилари закричала. Ей безумно хотелось подняться по ступенькам и выбраться из страшной ямы, но наверху поджидал Фрай.

Луч от ее фонарика заставил тараканов броситься врассыпную. Очевидно, это была подземная разновидность, могущая существовать только в кромешной тьме. Хилари горячо молилась про себя, чтобы не сели батарейки.

Шорохи становились все громче.

Откуда-то из-под земли прибывали все новые полчища тараканов. Места всем не хватало, и они наползали друг на друга.

Возможно, энтомолог нашел бы для этих тварей другое название. То были подземные жуки, обитающие в трещинах в земной коре. Ученый подобрал бы звучный латинский термин. Но для Хилари они были тараканами.

В свое время Лео Фрай вырыл яму в земле и соорудил холодный погреб. Но он по ошибке устроил его на разломе земной коры. Хилари обратила внимание, что полы настилались много раз, но после каждого подземного толчка снова образовывалась трещина. И полчища тараканов устремлялись вверх из ада.

Кэтрин сажала сюда Бруно за непослушание. Запирала на целых несколько часов.

Тараканы устремились наверх, точно жуткая волна, которая все прибывала. Теперь они уже не боялись фонарика, а безжалостно надвигались на Хилари, издавая невыносимый шорох. Девушка вскрикнула и поднялась на несколько ступенек: нож Фрая показался ей не таким страшным, как перспектива захлебнуться этой нечистью.

Фрай ухмыльнулся и прошипел:

– Посмотрим, как тебе это понравится.

И захлопнул дверь.

* * *

До погреба было не более двадцати ярдов, но это расстояние показалось Тони по меньшей мере с милю. Он спотыкался и падал на мокрую траву, ударяясь больным плечом; в глазах темнело. Ему хотелось только одного: лечь и не двигаться. Но он поднимался и шел дальше.

Он видел, как Фрай захлопнул и запер тяжелую дверь. Хилари там, за дверью.

Тони шел, охваченный страхом, что Фрай обернется и заметит его. Но тот продолжал тупо пялиться на дверь, прислушиваясь к доносившимся оттуда воплям Хилари. Тони приблизился и что было сил всадил ему нож между лопатками. Фрай взвыл от боли и обернулся.

Тони отступил на шаг, моля бога, чтобы рана оказалась смертельной. Ему не выдержать рукопашного боя.

Безумно озираясь, Фрай попытался вытащить из своей спины клинок, но не смог.

* * *

Хилари стояла на верхней ступеньке, колотила кулаком по запертой двери и не умолкая звала на помощь.

Позади нее погреб кишел тараканами. Они казались ей одним огромным существом с бесчисленными ногами, антеннами усов и голодными ртами. Некоторые насекомые уже ползали возле ее ног. Она раздавила их, но за ними последовали другие. Неожиданно погас фонарик.

Несколько насекомых залезли Хилари на щиколотку; она нагнулась и стряхнула их; один таракан побежал по ее левой руке; она раздавила его правой. Заткнула ладонями уши. С потолка свалился еще один таракан – прямо ей на голову. Отчаянно визжа, Хилари вырвала его из волос и отшвырнула прочь.

Внезапно за ее спиной распахнулась дверь, и в погреб ворвался дневной свет. Прибой тараканов немного схлынул. Тони схватил Хилари и вытащил наружу, туда, где стоял изумительный, ненастный осенний день.

Несколько тараканов пристали к ее одежде. Тони щелчком посбивал их на землю.

– Господи! – выдохнул он. – Боже правый!

Хилари прислонилась к нему. На ней не осталось ни одной твари, но ей казалось, будто она все еще ощущает их прикосновения, слышит грозный шорох. Ее всю трясло. Тони обнял ее здоровой рукой и начал нашептывать ласковые слова.

Наконец Хилари пришла в себя.

– Ты ранен?

– Буду жить. И рисовать.

Ее взгляд упал на Фрая, ничком распростертого на земле и, очевидно, мертвого. Из спины торчал нож. Рубашка пропиталась кровью.

– У меня не было выбора, – объяснил Тони. – Я не хотел убивать его – зная, через что Кэтрин заставила его пройти. Но у меня не было выбора.

Они пошли прочь от трупа. Хилари шатало.

– Эта женщина наказывала близнецов, запирая их в погребе, – слабым голосом проговорила она. – Бог знает, сколько раз.

– Не думай об этом, – попросил Тони. – Лучше подумай о том, что мы живы и вместе. Подумай, как тебе понравится выйти замуж за слегка потрепанного бывшего полицейского, которому приспичило стать художником.

– Понравится! Даже очень!

Им навстречу из кухни выбежал шериф Питер Лоренски.

– Что случилось? С вами все в порядке?

Тони не стал отвечать ему.

– Нас ждет много-много совместно прожитых лет, – продолжал он, обращаясь к Хилари. – С этого момента все будет просто прекрасно. Мы наконец-то знаем, кто мы и чего хотим. Мы преодолеем прошлое. Дальше будет легче.

Они шли навстречу Лоренски; холодный осенний дождь слегка барабанил по их лицам и тихо шелестел в траве.